AARON DEMBSKI-BOWDEN

VOID STALKER

A NIGHT LORDS NOVEL

WARHAMMER

Annotation

Они не боятся смерти.

Но на охотников открыта охота. Повелители Ночи вынуждены бежать к темным границам Империума, стремясь скрыться от своих неутомимых преследователей — эльдар мира-корабля Ультве. Их путь лежит к мертвой планете Тсагуальса — миру, где принял смерть их примарх, и где был сломан хребет Восьмого легиона. Там история совершит виток и повторится, и новый смертоносный ассасин выступит из теней, и Повелители Ночи будут втянуты в битву, которую им суждено проиграть...

- Аарон Дембски-Боуден
  -
  - От автора
  - Пролог
  - Часть первая
    - I
    - II

- III
- IV
- V
- VI
- VII
- VIII
- IX
- X
- XI

- Часть вторая
  - XII
  - XIII
  - XIV

- Часть третья
  - XV
  - XVI
  - XVII
  - XVIII
  - XIX

- Часть четвертая
  - XX
  - XXI
  - XXII
  - XXIII
  - XXIV
  - XXV

- XXVI
- XXVII
- XXVIII
- XXIX
- XXX

- Эпилог I
- Эпилог II
- Эпилог III
  - 1
  - 2
  - 3
- Благодарности
- Об авторе

Аарон Дембски-Боуден
РАЗВЕДЧИК ПУСТОТЫ

Я видел те дни, когда Империум больше
Не сможет дышать.
Когда Империя Человека задохнется
В грязи собственных преступлений,
Отравленная грехами пятисот
Заблуждавшихся поколений.
В ту ночь, когда безумие станет истиной,
Кадианские Врата разверзнутся,
Как воспаленная рана,
И легионы проклятых хлынут
В созданное ими царство.

В эту эпоху, последнюю из эпох,
Рожденный из запретной крови
И дурной шутки фортуны,
Восстанет Пророк Восьмого легиона.

«Пророчество об Испытании»,
записано
неизвестным магом
Восьмого легиона,
М32

Посвящается новой миссис Дембски-Боуден. Ладно, им обеим.

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириадов планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в

котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империума никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишащий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиконом, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более

опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд — лишь вечная бойня и кровопролитие, да смех жаждущих богов.

От автора

Небольшое замечание касательно связности сюжета. По мере того как благодаря новым публикациям серии «Ересь Хоруса» (неоднократно попадавшей в списки бестселлеров «Нью-Йорк Таймс») все больше деталей Ереси становятся известными широкой публике, законы вселенной «Warhammer 40000» претерпевают некоторые изменения. Так, в «Ловце Душ» упоминалось, что из-за причуд варпа для отделения Осквернённой Аквилы прошло сто лет с момента Ереси.

Для того чтобы не возникло противоречия с новыми откровениями касательно легионов предателей в эпоху Очищения, я слегка изменил эту цифру. В «Разведчике Пустоты» точно говорится, сколько времени прошло для Талоса и Первого Когтя. Новые цифры куда лучше соотносятся с последними сведениями о тех давних и кровавых годах.

Я сильно подозреваю, что большинство читателей даже не заметят

этого небольшого изменения, но связность событий очень важна для меня — отсюда и эта ремарка.

Заранее благодарю вас за терпение и понимание.

Пролог
ДОЖДЬ

Пророк и убийца стояли на стене мертвой цитадели, сжимая оружие в руках. Дождь хлестал сплошным потоком, затрудняя видимость, барабаня по камню, стекая из пастей осклабившихся горгулий и водопадом рушась с замковых стен. Единственными звуками, доносящимися сквозь шум дождя, были голоса этих двоих: человека в разбитом, потрескивающем от статики доспехе и ксеносовской девы в изящной и древней боевой броне, покрывшейся за тысячелетия бессчетными шрамами.

— Здесь погиб твой легион, так ведь?

Ее голос, измененный шлемом, вырывался из-под смертной маски наличника странным шипением, почти сливающимся с шумом дождя.

— Мы зовем этот мир Шихр Вейрух. Как это будет на вашем змеином языке? Тсагуальса, да? Скажи мне вот что,

пророк. Зачем ты вернулся сюда?

Пророк не ответил. Сплюнув едкую кровь на темные камни, он снова с хрипом втянул воздух. Меч в его руке был бесполезным обломком — вражеский удар отсек половину клинка. Вдобавок воин понятия не имел, где сейчас его болтер. Он ощутил невольный укол вины, и по разбитым губам скользнула ухмылка. Несомненно, потерять столь значимую реликвию легиона — тяжкий грех.

— Талос.

По голосу эльдарки пророк понял, что та улыбается. Удивительно, но в веселье ксеносовской девы не было и тени злобы или насмешки.

— Тебе нечего стыдиться, человек. Все умирают.

Пророк упал на одно колено. Из трещин его доспеха сочилась кровь, а вместо слов изо рта вырвался болезненный стон. Единственное, что он ощущал сейчас, — это железистую вонь собственных ран.

Женщина приблизилась. Ее дерзость дошла до того, что она положила

серповидный наконечник своего копья на наплечник раненого воина.

— Я говорю только правду, пророк. Тебе незачем стыдиться этой секунды. Ты можешь гордиться уже тем, что продвинулся так далеко.

Талос снова сплюнул кровь и прошипел два слова:

— Валас Моровай.

Убийца склонила голову, глядя на него сверху вниз. Гребень ее шлема из черных и красных волос намок под дождем, и пряди прилипли к смертной маске. Она выглядела словно утопающая женщина, беззвучно кричащая из-под воды.

— То, что вы бормочете в свой смертный час, порой остается мне непонятным, — произнесла она. — Ты сказал... «Первый Коготь», да?

Слова прозвучали невнятно из-за ее чужеродного акцента.

— Они были твоими братьями? Ты взываешь к мертвым в надежде, что они все еще могут спасти тебя?

Отяжелевший клинок выпал из его пальцев. Пророк смотрел на меч,

лежавший на черном камне и омываемый потоками дождя: золотой и серебряный, сияющий так же ярко, как в тот день, когда достался ему.

Талос медленно поднял голову и взглянул в лицо своему палачу. Дождь смывал кровь с его лица. На губах остался привкус соли, и в глазах защипало. Интересно, она все еще улыбалась там, под маской?

Стоя на коленях на верхушке стены заброшенной крепости своего легиона, Повелитель Ночи расхохотался.

Но ни его смех, ни грохот бури не смогли заглушить низкий рев двигателей. Катер — черно-синий и зловещий — с воем вырвался из-за стены. Дождь серебряными струями лился с его корпуса, очертаниями напоминавшего хищную птицу. Боевая машина поднялась над зубцами. Турели штурмовых болтеров повернулись и навелись на цель с механическим лязгом — сладчайшей музыкой, когда-либо ласкавшей слух пророка. Талос все еще смеялся, когда «Громовой ястреб» завис над стеной на собственном тепловом выхлопе. Тусклый

свет из рубки очертил две фигуры внутри.

Эльдарка уже двигалась. Она превратилась в черное пятно, зигзагами несущееся сквозь потоки дождя. Под ногами ее расцвели венчики разрывов. Ураган снарядов обрушился на каменную кладку. Осколки посыпались градом.

Только что убийца мчалась по парапету, а уже в следующую секунду она просто-напросто исчезла, растворившись в тенях.

Талос не стал подниматься на ноги. Пророк даже не был уверен, удастся ли ему это. Он закрыл единственный уцелевший глаз. Второй превратился в слепой и кровоточащий комок боли, и с каждым биением двух сердец от него в глубь черепа шла глухая пульсация. Бионическая рука, дрожащая от повреждений суставов и нервных соединений, активировала вокс на вороте доспеха.

— В следующий раз я послушаюсь тебя.

Сквозь оглушительный рев двигателей вертикального взлета прорвался голос, доносящийся из внешних

динамиков катера. Помехи лишили слова всякого выражения.

— Если ты не выйдет из боя сейчас, следующего раза не будет.

— Я велел тебе уходить. Я отдал приказ.

— Господин, — затрещали динамики в ответ, — я...

— Убирайся, будь ты проклят!

Когда Талос взглянул на корабль в следующий раз, две фигуры стали видны более четко. Они сидели рука об руку в пилотских креслах.

— Я официально извещаю, что ты больше не состоишь у меня на службе, — скороговоркой передал он по воксу и снова расхохотался. — Уже во второй раз.

Но катер остался на месте. Двигатели жутко ревели, омывая бастионы волнами раскаленного воздуха.

На сей раз сквозь хрип вокса прорезался женский голос:

— Талос.

— Бегите. Бегите как можно дальше отсюда и от этого мира, несущего одну смерть. Бегите в последний город и

садитесь на первое же судно, покидающее планету. Империум приближается. Они станут залогом вашего спасения. Но помните о том, что я сказал. Все мы — невольники судьбы. Если Вариилу удастся вырваться живым из этого безумия, однажды он придет за ребенком. Неважно, как далеко вы убежите.

— Возможно, он никогда нас не найдет.

Смех Талоса наконец-то утих, хотя пророк продолжал улыбаться.

— Молитесь о том, чтобы не нашел.

Вдох ножом вошел в его разорванные легкие. Он привалился спиной к зубцам стены, закряхтев от боли в переломанных ребрах. Серая мгла медленно затягивала мир вокруг. Пальцы потеряли чувствительность. Пророк положил одну руку на потрескавшийся нагрудник с ритуальным изображением оскверненной аквилы, дочиста отполированным дождем. Вторая легла на болтер — оружие Малкариона, которое Талос выронил раньше, во время боя. Окостеневшими пальцами пророк закрепил двуствольный

болтер на бедре и снова медленно втянул ледяной воздух в легкие, не желавшие больше дышать. Кровоточащие десны окрасили зубы в розоватый цвет.

— Я иду за ней.

— Не будь идиотом.

Талос поднял голову, позволяя струям дождя смочить лицо. Странно, что минолетное милосердие заставило их поверить, будто они могут говорить с ним в таком тоне. Он заставил себя подняться на ноги и зашагал по бастионам из черного камня, сжимая в руке сломанный клинок.

— Она убила моих братьев, — сказал пророк. — И я иду за ней.

Часть первая
МЕРТВЫЙ МИР

I
САМЫЙ ДЛИННЫЙ СОН

Потому что мы братья. Мы видели, как меч и пламя несли гибель примархам, и от наших деяний Галактика заполыхала в огне. Мы предавали других, и нас предавали в ответ. Мы проливаем кровь во имя неясного будущего и сражается за ложь, которой потчуют нас наши вожди. Что нам осталось, кроме кровных уз? Я здесь, потому что вы здесь. Потому что мы братья.

Ягго Севатарион, Севатар, Вороний Принц.
Процитировано по книге «Темный путь», глава VI: «Единство».

Пророк распахнул глаза, и видение поблекло, сменившись красным полем тактического дисплея. После безумия сна это привычное зрелище утешало. Так он видел мир большую часть времени, и пляшущие перекрестья целеуказателя, следующие за его взглядом и расширявшие границы естественного зрения, тоже успокаивали и радовали глаз.

Кошмар уже истончился и ускользал прочь. Смутные картины проносились чередой, пока пророк пытался вспомнить свой сон. Дождь на бастионах. Ксеносовская дева с мечом. Катер, расстреливающий черные камни.

Нет. Все померкло. Остались лишь тени — бессвязные ощущения и образы, и ничего больше.

В последнее время так случалось все чаще. Видения рассеивались и ускользали, хотя прежде клеймом горели в его памяти. Похоже, это было побочным эффектом увеличения их частоты — однако, не понимая происхождения и принципа действия своего дара, пророк не мог сказать наверняка.

Талос поднялся с пола, куда рухнул в начале приступа. Молча, стоя посреди своей небогатой оружейной комнаты, он поигрывал мускулами, то напрягая, то расслабляя их, и поворачивал шею, восстанавливая кровообращение и проверяя соединения интерфейса. Броня из многослойного керамита — отчасти древняя и неповторимая, отчасти добытая в недавних боях — гудела и взревывала в такт его движениям.

Он шевелился медленно и осторожно, ощущая дрожь в мышцах, слишком долго сведенных судорогой. Спазмы пробегали по рукам и ногам, не считая аугметической конечности. Та отзывалась на команды мозга с запозданием — ее внутренние процессоры все еще синхронизировались с импульсами от пробудившегося разума. Однако бионическая рука пришла в норму первой, несмотря на задержки нейроинтерфейса. Талос встал именно с ее помощью, вцепившись стальной кистью в стену. Сочленения доспеха недовольно рявкали даже при этих скупых движениях.

В реальном мире пророка ждала боль.

Она обрушилась на него сейчас — все та же пытка, ядом бегущая по венам. Он яростно выдохнул почти беззвучное проклятие, не заботясь о том, что вокс превратил слова в рычание, эхом раскатившееся по пустой комнате.

Сон. Суждено ли им быть преданными или, наоборот, стать предателями? Судьба чаще подбрасывала им второй расклад. Вознесенный многажды повторял: «Предай, прежде чем предадут тебя».

Как бы отчаянно Талос ни пытался удержать ускользающие видения, они лишь рассеивались еще больше. И боль не улучшала положения. Она хлынула внутрь, словно пытаясь заполнить дыру в его памяти. Прежде уже бывало, что боль ослепляла его на целую ночь. Этим вечером пытка была почти такой же жестокой.

Потянувшись к мечу и болтеру, Талос остановился в нерешительности. Оружие находилось там, где ему полагалось, — на полке у стены, пристегнутое кожаными ремнями. Это было странно. У Талоса имелось множество достоинств, но

аккуратность среди них не числилась. Он не мог припомнить, когда в последний раз возвращался в свою комнату, раскладывал оружие в идеальном порядке и отключался в подобающем уединении. Вообще-то, он не мог припомнить ни единого раза, когда такое происходило.

Кто-то побывал здесь. Возможно, Септимус или кто-то из братьев, когда они притащили его оттуда, где он впал в беспамятство с началом припадка.

И все же они никогда не стали бы утруждать себя такими мелочами, как раскладка оружия по полкам. Значит, Септимус. Это имело смысл. Необычно, но логика в этом была. Такое поведение даже заслуживало похвалы.

Талос снял оружие с полок и прикрепил к доспеху. Двуствольный болтер он притагнитил к бедру, а золотой клинок вложил в ножны за спиной — оттуда его можно было выхватить в любой момент через плечо.

: ИДИ НА МОСТИК

Слова пробежали по дисплею визора — отчетливая вязь нострамантских рун,

белые знаки на красном фоне, как любые другие тактические данные или телеметрия. Пророк уставился на курсор, выжидательно помаргивающий в конце последнего слова.

Квинтус, пятый из его рабов, онемел после полученной в бою раны. В последующие годы раб и хозяин общались посредством знаков или текстовых сообщений, которые Квинтус посылал с ручного ауспика на визор шлема Талоса, а чаще использовали оба способа одновременно. Квинтус, как и Септимус, был настолько умелым оружейником, что это небольшое затруднение казалось вполне умеренной платой за его службу.

: ПРОРОК

: СТУПАЙ НА МОСТИК

Квинтус, однако, никогда не вел себя столь панибратски. И он был мертв уже многие десятилетия — убит Вознесенным во время одной из попыток Вандреда прорваться наружу.

Дисплей Талоса среагировал на желание хозяина, открыв вокс-канал с Первым Когтем.

— Братья.

Они отозвались, но ясности это не прибавило. Смех Ксарла пулеметной очередью прогрохотал по вокс-каналу. Следом донеслись голоса других. Проклятия перемежались священными обетами. Талос услышал, как Меркуций в своей обычной вежливой манере ругается сквозь стиснутые зубы, а на заднем фоне раздается глухой рев болтерной стрельбы.

Затем канал отключился. Талос попробовал несколько других: стратегиум, Делтриана и Зал Раздумий, мастерскую Септимуса, покои Октавии и даже Люкорифа из Кровоточащих Глаз. Все каналы мертво молчали. В корабле раздавалась гулкая дрожь, — очевидно, двигатели работали и судно неслось с большой скоростью.

Эти первые уколы беспокойства доставили ему извращенное удовольствие. Смутить воина Восьмого легиона было нелегко, а внезапно опустевший корабль представлял собой заманчивую загадку. У Талоса появилось непривычное чувство, будто кто-то охотится на него, и по

бледным губам легионера скользнула улыбка. Так вот что, должно быть, чувствовала его добыча — хотя, конечно, он не собирался падать на колени и бормотать бессмысленные молитвы ложным богам, как это было свойственно смертным.

: Я ЖДУ

Талос обнажил меч и вышел из комнаты.

Он ничуть не удивился, обнаружив, что мостик пуст. От его комнаты до нижней палубы было не больше минуты ходу, но центральные коридоры верхней части «Эха проклятия» тоже оказались пусты.

Стратегиум представлял собой обширный овальный зал готической архитектуры, заселенный скалящимися горгульями и скульптурными гротесками, усеивающими стены и потолок. Там, у центрального трона, изувеченный ангел с глазами, обвязанными колючей проволокой, распахивал рот в беззвучном крике; тут, над резервными артиллерийскими

консолями, распахнул нетопыри крылья демон. Искусство, с которым строители украсили «Эхо», неизменно пленяло воображение Талоса, — хотя Восьмой легион и не славился дисциплиной своих воинов, Повелители Ночи взрастили в своих рядах немало ученых и мастеров, не уступавших рыцарям-искусникам из легиона Детей Императора и Кровавых Ангелов. Неважно, какими умениями могли похвастаться мастера на каждом отдельном корабле, — большинство судов Восьмого легиона были украшены с богохульной роскошью, и по их залам и переходам рассыпаны изображения пытаемых божеств и плененных демонов.

Среди этого великолепия возвышался центральный трон. Его невероятная глыба была развернута к обзорному экрану — оккулюсу. Над оккулюсом в цепях висел разрубленный и распятый скелет легионера.

От него концентрическими кругами расходились навигационные, артиллерийские и коммуникационные консоли. Однако между контрольными

панелями не мелькали жрецы в робах, бормочущие еретические молитвы. Не было видно ни отдающих приказы и настраивающих приборы офицеров в униформе, ни заклейменных сервиторов, подключенных к своим рабочим постам и монотонно бормочущих команды на машинном коде.

Это наверняка сон, хотя происходящее и не походило ни на одно из прежних видений Талоса. Однако других объяснений он придумать не мог.

— Я здесь, — вслух произнес Талос.

: ТЫ ВИДЕЛ МНОГО СНОВ

: ТЕПЕРЬ ТЫ СНОВА БЛИЗОК К ПРОБУЖДЕНИЮ

: САДИСЬ, БРАТ

Он не улыбнулся. Талос улыбался редко, даже когда его что-то веселило, — хотя услышать предложение сесть на собственный командный трон было, несомненно, забавно. Талос подчинился, пусть и для того только, чтобы узнать, что будет дальше.

: ТАК БЛИЗКО, ЧТО ПОЧТИ МОГУ ДОТРОНУТЬСЯ

От этого по коже пророка побежали мурашки. Он поднял голову и взглянул на распятые останки Рувена.

: ТЫ НЕ ТОТ ВОИН, КАКИМ ДОЛЖЕН БЫЛ БЫТЬ

: НО НАМ С ТОБОЙ НАДО ПОГОВОРИТЬ

: ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

: ДРУГОГО ШАНСА НЕ БУДЕТ

Талос остался сидеть, всем видом выражая стоическое терпение. Он не дал гневу и сомнениям прорваться наружу. Сетка целеуказателя скользнула по изрубленному скелету Рувена, не желая брать цель.

: ТЫ ПРЕВРАТИЛ МОЙ ТРУП В ОТЛИЧНОЕ УКРАШЕНИЕ

: ЭТО ПОЧТИ ЗАБАВНО

Талос откинулся на спинку трона, как делал на настоящем мостике.

— Даже смерть не заставит тебя замолчать?

: ТЕБЕ САМОМУ ОСТАЛОСЬ ЖИТЬ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ, ПРОРОК

Череп, подвешенный на цепи, пялился пустыми глазницами.

— Неужели? — спросил Талос. — И как же тебе достались эти бесценные сведения?

: НЕ ПРИТВОРЯЙСЯ, ЧТО ЭТА МИНУТА НЕ ИМЕЕТ ДЛЯ ТЕБЯ НИКАКОГО ЗНАЧЕНИЯ

: ТЫ ДУМАЕШЬ, Я НЕ СЛЫШУ, КАК ТВОЕ СЕРДЦЕ ЗАБИЛОСЬ ЧАЩЕ

Талос погладил рукоять древнего меча, лежавшего рядом с ним. Следовало собраться с мыслями. В лучшем случае это была ловушка. В худшем — колдовство. А наиболее вероятно — и то и другое. Ничего хорошего.

: ТЫ НИЧЕГО НЕ ПОМНИШЬ, ТАК ВЕДЬ

: ТЫ ПРИШЕЛ СЮДА В ПОИСКАХ ЧЕСТНОГО БОЯ

: ВОЙНЫ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

: НО ТЫ НИКОГДА НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ВОЗВРАЩАТЬСЯ НА ВОСТОЧНУЮ ГРАНИЦУ

: МНОГИЕ ЖДАЛИ ТВОЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ, ЗАТАИВ В СЕРДЦАХ ПЛАНЫ МЕСТИ

Пророк все еще поглаживал крылатую

рукоять меча. Восточная граница. В голову не приходило ни одной причины возвращаться туда.

— Думаю, ты лжешь, падаль.

: ЗАЧЕМ МНЕ ЛГАТЬ

: ТЫ БЕЖИШЬ ОТ ВЕЛИКОГО ОКА

: БЕЖИШЬ ОТ ЭЛЬДАРОВ

: БЕЖИШЬ ОТ СУДЬБЫ, КОТОРУЮ УГОТОВИЛИ ТЕБЕ КСЕНОСОВСКИЕ ВЕДЬМЫ

: КУДА ЖЕ ЕЩЕ БЕЖАТЬ, КРОМЕ КАК НА ДРУГОЙ КРАЙ ГАЛАКТИКИ

Возможно, в словах мага заключалась правда, но у пророка не было ни малейшего желания признавать это. Он промолчал.

: КАК ДАВНО ТЫ ВЕДЕШЬ ЭТУ ВОЙНУ, ТАЛОС

Он покачал головой и сглотнул, почувствовав внезапную сухость в горле.

— Очень долго. Самым кровавым десятилетием была Ересь. Затем — Годы Набегов, когда мы называли Тсагуальсу домом. Два века горькой славы, прежде чем Империум добрался до нас.

: И СКОЛЬКО ЛЕТ ПРОШЛО С ТЕХ ПОР, КАК МЫ ПОКИНУЛИ МЕРТВЫЙ

мир

— Для Империума? — Талос сузил глаза, услышав этот вопрос. — Почти десять тыся...

: НЕТ

: СКОЛЬКО ЛЕТ ПРОШЛО ДЛЯ ЛЕГИОНОВ ПРЕДАТЕЛЕЙ

: И СКОЛЬКО ДЛЯ ТЕБЯ, ТАЛОС

Он снова сглотнул, почувствовав, куда все это ведет. Варп уничтожил всю значимость реального мира, вплоть до физических законов и протяженности времени. Для некоторых предателей в Оке с Великой Ереси прошли считаные дни, а для других — пятьдесят тысячелетий. Все они — каждый, кто предал Императора в ту золотую эпоху, — отсчитывал утекшие с тех пор года по разной шкале.

— Сто лет, как мы покинули Тсагуальсу.

Меньше, чем для многих, но больше, чем для некоторых.

: СТО ЛЕТ ДЛЯ ТЕБЯ

: СТО ЛЕТ ДЛЯ ПЕРВОГО КОГТЯ

: ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ТЕБЕ БОЛЬШЕ ТРЕХСОТ ЛЕТ, ПРОРОК

Талос кивнул, встретившись взглядом с пустыми глазницами черепа.

— Примерно так.

: ВСЕ ЕЩЕ ТАК МОЛОД ДЛЯ ОТСТУПНИКА

: ВСЕ ЕЩЕ НАИВЕН

: НО ДОСТАТОЧНО МНОГО, ЧТОБЫ УЖЕ УСВОИТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ УРОКИ

: И ВСЕ ЖЕ ТЫ ЭТОГО НЕ СДЕЛАЛ

Пророк пристально смотрел на месиво распятых костей и на буквы, бегущие поверх них. Они помаргивали на дисплее почти нетерпеливо, словно ожидали ответа.

— Если ты находишь мои знания недостаточными, преподобный, прошу, просвети меня.

: ЗАЧЕМ ТЫ ВЕДЕШЬ ЭТУ ВОЙНУ

Пророк фыркнул.

— Ради мести.

: МЕСТИ ЗА ЧТО

— Чтобы отомстить за ту несправедливость, что нам причинили.

: О КАКОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ ТЫ ГОВОРИШЬ

Легионер встал, чувствуя, как по затылку бежит холодок.

— Ты знаешь о какой. Ты знаешь, ради чего сражается Восьмой легион.

: ВОСЬМОЙ ЛЕГИОН НЕ ЗНАЕТ, РАДИ ЧЕГО СРАЖАЕТСЯ

: ТЫ ЛИШЬ ПРИДУМЫВАЕШЬ ПРЕДЛОГИ, ЧТОБЫ ОПРАВДАТЬ ЦЕЛУЮ ЖИЗНЬ, РАСТРАЧЕННУЮ НА БЕСПЛОДНУЮ НЕНАВИСТЬ

: ЛЕГИОН СРАЖАЕТСЯ ЛИШЬ ПОТОМУ, ЧТО ЭТО ЕГО ЗАБАВЛЯЕТ, И ПОТОМУ, ЧТО ЕМУ ПРИЯТНО ГОСПОДСТВОВАТЬ НАД СЛАБЫМИ

— Чистая выдумка.

Талос рассмеялся, хотя никогда еще не был так далек от веселья. Он даже начал подумывать о том, а не расстрелять ли нелепо распятый на цепях скелет, но вряд ли это проявление злобы к чему-нибудь бы привело.

— Мы восстали, потому что должны были восстать. Пацифизм Империума обречен на неудачу. Порядок можно сохранить только тогда, когда подданные боятся возмездия. Контроль посредством

страха. Мир посредством страха. Мы были тем оружием, в котором нуждалось человечество. И все еще остается им.

: ЛЕГИОН НИКОГДА НЕ СРАЖАЛСЯ ЗА ЭТИ ИДЕАЛЫ

: ТВОИ ЗАБЛУЖДЕНИЯ НИКОГДА ДАЖЕ НЕ БЫЛИ ОСОБЕННО ПОПУЛЯРНЫ В НАШИХ РЯДАХ

: И СТАЛИ ОКОНЧАТЕЛЬНО БЕСПОЛЕЗНЫ, КОГДА ПРАВДА ВЫШЛА НАРУЖУ

: ТЫ ЦЕПЛЯЕШЬСЯ СЕЙЧАС ЗА СВОИ ИЛЛЮЗИИ ЛИШЬ ПОТОМУ, ЧТО ТЕБЕ НЕ ОСТАЕТСЯ НИЧЕГО, КРОМЕ НЕНАВИСТИ

— Ненависть — все, что мне нужно.

Он поднял болтер и навел два ствола на сломанные ребра скелета.

— Моя ненависть чиста. Мы заслуженно мстим отступившемуся от нас Империуму. Мы были правы, наказав те миры за их грехи и угрожая гибелью тем, кто нарушал наши законы. Контроль. Посредством. Страха. Те системы, что ты умиротворили...

: ЖИТЕЛЕЙ ТЕХ СИСТЕМ, ЧТО

МЫ УМИРОТВОРИЛИ, УЖЕ ПРАКТИЧЕСКИ НЕЛЬЗЯ НАЗВАТЬ ЛЮДЬМИ

: МЫ ПРЕВРАТИЛИ ИХ В ТРУСЛИВЫХ ЖИВОТНЫХ, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ ВОЛИ

: ЖИВУЩИХ В СТРАХЕ НАРУШИТЬ ЗАКОН

: КАК И ТЕ СКУЛЯЩИЕ ОТ УЖАСА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СТАДА, ЧТО НАСЕЛЯЮТ СЕЙЧАС НЕДРА НАШИХ КОРАБЛЕЙ

— Я считаю правильным то, что я сделал.

Пророк понимал, сколь нелепа его поза, — он не мог дольше целиться, не претворяя угрозу в жизнь, но и выплескивать бессмысленный гнев не желал.

— Я считаю правильным то, что мы все сделали.

: МНОГИЕ ИЗ НАШИХ БРАТЬЕВ НИКОГДА НЕ РАЗДЕЛЯЛИ ТВОИХ ИДЕАЛОВ

: ЭТО НЕ СЕКРЕТ

: ВОТ ПОЧЕМУ КУРЦ

УНИЧТОЖИЛ НОСТРАМО

: ЧТОБЫ ЗАПРУДИТЬ ПОТОК ЯДА, ТЕКУЩЕГО В ВОСЬМОЙ ЛЕГИОН

: И ВОТ ПОЧЕМУ ИМПЕРИУМ НАС НАКАЗАЛ

— «Урок легиона», — Талос опустил оружие. — Примарх много раз повторял эти слова.

: МЫ ПРЕВРАТИЛИСЬ В ТО САМОЕ, ПРОТИВ ЧЕГО ПРЕДОСТЕРЕГАЛИ ЦЕЛЫЕ МИРЫ

: МЫ СТАЛИ УБИЙЦАМИ И НАСИЛЬНИКАМИ, КОТОРЫМИ ЗАПРЕЩАЛИ БЫТЬ ИМ

: ВОЛЬНЫМИ УБИВАТЬ ПО СОБСТВЕННОЙ ПРИХОТИ И СВОБОДНЫМИ ОТ ВОЗМЕЗДИЯ

Последовало долгое молчание. Талос ощутил, как корабль содрогнулся в ответ на что-то жуткое, происходящее снаружи.

: МЫ ХЛАДНОКРОВНО ПРОЛИВАЛИ КРОВЬ В ТУ ЭПОХУ, ДО ТОГО, КАК ГАЛАКТИКА ЗАПЫЛАЛА В ОГНЕ

: И КРОВЬ РАВНО ЛИЛАСЬ ИЗ ВЕН ВИНОВНЫХ И НЕВИННЫХ

: ПОТОМУ ЧТО МЫ БЫЛИ СИЛЬНЫ, А ОНИ СЛАБЫ

— Он ненавидел нас, я знаю это наверняка. Курц любил и ненавидел нас в равной мере.

Талос обернулся к трону, и голос его стягчился от раздумий. Мысли вспыхивали и угасали за черными агатами его глаз, прячущихся за красными линзами шлема.

Многое из этого было правдой и не являлось секретом для пророка. Курц уничтожил их родной мир под влиянием меланхолии, пытаясь остановить поток убийц и насильников, стремящихся в легион, — но оказалось уже слишком поздно. Большую часть легиона уже составляла та самая преступная мразь, от которой он хотел избавить человечество. Это было не тайной и не откровением — просто постыдной истиной.

И все же их война была оправданна. Умиротворение, достигнутое сокрушительным ударом, и затем власть, основанная на вечном страхе. Какое-то время это работало. Мир, воцарившийся в

десятках покоренных систем, был прекрасен. Население решалось восстать лишь тогда, когда ботинок переставал давить им на горло. И в этих случаях винить следовало покорителей, проявивших слабость, а не взбунтовавшихся покоренных. Сопротивление у человека в крови. Нельзя ненавидеть за это весь человеческий род.

— Путь Империума — не наш путь, — процитировал старинное изречение Талос. — Но мы были правы. Если бы легион остался чист...

: НО ЭТОГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

: ЛЕГИОН БЫЛ ЗАПЯТНАН ГРЕХОМ С ТЕХ САМЫХ ПОР, КОГДА ПЕРВЫЙ НОСТРАМАНЕЦ ПРИНЕС ВОИНСКИЙ ОБЕТ

: И МЫ ЗАСЛУЖИЛИ НЕНАВИСТЬ ПРИМАРХА

: ПОТОМУ ЧТО НЕ БЫЛИ ТЕМИ ВОИНАМИ, КАКИМИ ОН ЖЕЛАЛ НАС ВИДЕТЬ

И снова молчание. По костям корабля опять пробежала дрожь.

— Что происходит?

: РЕАЛЬНОСТЬ НАЧИНАЕТ ПРОСАЧИВАТЬСЯ СЮДА

: «ЭХО ПРОКЛЯТИЯ» ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ПУНКТУ НАЗНАЧЕНИЯ

: НО ТЫ НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ВОЗВРАЩАТЬСЯ НА ВОСТОЧНУЮ ГРАНИЦУ

Талос снова взглянул вверх. Труп по-прежнему недвижно висел в цепях.

— Ты это уже говорил. Но я не помню, чтобы отдавал такой приказ.

: ТЫ ПРИКАЗАЛ ЭТО В ПОИСКАХ ЧИСТОЙ ВОЙНЫ, КОТОРАЯ СМОЖЕТ ПОДНЯТЬ ДУХ ТВОЕЙ БАНДЫ

: И В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ НА ТРЕВОЖАЩИЕ ТЕБЯ ВОПРОСЫ

: ТЫ ХОЧЕШЬ ВНОВЬ СТУПИТЬ НА ПОВЕРХНОСТЬ ТСАГУАЛЬСЫ

: ТО, ЧТО Я ГОВОРЮ СЕЙЧАС, — НЕ ОТКРОВЕНИЕ

: Я ЛИШЬ ПОВТОРЯЮ ТЕ ИСТИНЫ, КОТОРЫЕ ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПРОИЗНЕСТИ ВСЛУХ ИЗ-ЗА СВОЕЙ ГОРДЫНИ

: ТВОЯ ДУША ПУСТА УЖЕ

ДОЛГИЕ ГОДЫ, БРАТ

— Почему я вижу это?

Талос обвел рукой пустой зал, висящий в цепях скелет и, наконец, указал на себя.

— Что... что все это такое? Видение? Сон? Заклятие? Игра моего собственного разума или что-то проникающее в мои мысли извне?

: ВСЕ ЭТО И ОДНОВРЕМЕННО НИЧЕГО

: ВОЗМОЖНО, ЛИШЬ ПРОЯВЛЕНИЕ ТВОИХ СОМНЕНИЙ И СТРАХОВ

: В РЕАЛЬНОМ МИРЕ ТЫ ПРОБЫЛ БЕЗ СОЗНАНИЯ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ НОЧЕЙ

: СЕЙЧАС ТЫ БЛИЗОК К ПРОБУЖДЕНИЮ

Пророк снова вскочил на ноги. Корабль затрясся уже по-настоящему. Талос услышал, как застонал корпус судна, словно раненный в живот солдат. По оккулюсу поползли трещины, осколки стекла посыпались на палубу.

— Пятьдесят пять ночей? Это

невозможно. Как это произошло?

: ТЫ ЗНАЕШЬ, В ЧЕМ ПРИЧИНА

: ТЫ ВСЕГДА ЗНАЛ

: НЕКОТОРЫЕ ИЗ СМЕРТНЫХ ДЕТЕЙ НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНЫ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПРИНЯТЬ ГЕНОСЕМЯ

: ОНО РАЗРУШАЕТ ИХ ОРГАНИЗМ НА ГЕНЕТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

: КОЕ-КТО УМИРАЕТ БЫСТРО

: КОЕ-КТО МЕДЛЕННО

: НО ПОСЛЕ ТРЕХ ВЕКОВ БИОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ГЕННАЯ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ НАКОНЕЦ-ТО НАЧАЛА ПРОЯВЛЯТЬСЯ

— Ложь.

Корабль вокруг Талоса разрушался с пугающей скоростью.

— Ложь и безумие — вот и все, что ты был способен сказать при жизни, Рувен. Так остается и после смерти.

: ВАРИИЛ ЗНАЕТ ПРАВДУ

: ВЕКА РАН

: ВЕКА БОРЬБЫ С БОЛЬЮ

: ВЕКА ВИДЕНИЙ, ПОРОЖДЕННЫХ ОТРАВЛЕННОЙ

кровью примарха

: твое тело больше не способно вынести эту пытку

: так наслаждайся теми немногими днями, что остались тебе, брат

: в реальном мире тебя ждет долг, и ты не вспомнишь почти ничего из нашего разговора

: проснись, талос

: проснись и посмотри сам

II
ПРОБУЖДЕНИЕ

По его глазам ударил свет, приглушенный красным фоном дисплея визора.

В первую очередь он увидел то, что ожидал увидеть меньше всего. Своих братьев. Свою команду. Стратегиум с двумя сотнями душ, погруженных в свои обязанности.

— Я...

Он попробовал заговорить, но горло пересохло, и из вокса донесся лишь хрип. Талос распростерся на собственном троне, а сделанный из цепи ошейник мешал ему соскользнуть с сиденья. Всюду вокруг него слышались голоса и гул сочленений боевой брони. Гул приблизился.

— Я не в своей комнате для медитаций, — пробормотал он.

Никогда прежде Талос не пробуждался от видений в другом месте, не говоря уже о том, чтобы прийти в себя на мостике корабля. Увиденное его поразило. Неужели

он просидел здесь все это время в полном боевом доспехе, без сознания, выкрикивая в вокс-сеть «Эха» бессмысленные обрывки пророчеств?

Когда Талос попытался встать, цепи, опутавшие горло, запястья и щиколотки, сердито зазвенели. Братья привязали его к трону.

Им придется за это ответить.

Среди смертной команды послышались шепотки: «Он возвращается», «Он просыпается». Со своего почетного места на возвышении в центре зала Талос мог видеть, как они прерывают работу и оборачиваются к нему. В их глазах светилась смесь удивления и благоговения. Слова: «Пророк пробуждается» — то и дело срывались с их бледных губ.

«Значит, — подумал Талос, ощущая, как по позвоночнику ползет холодок, — вот что чувствуешь, когда перед тобой преклоняются».

Братья собрались тесной группой вокруг трона. Лицо каждого из них скрывал шлем: Узаса, с изображением кровавой пятерни на наличнике; Ксарла, с

гребнем в виде распростертых крыльев нетопыря; Кириона, по щекам которого слезными дорожками бежали зигзаги молний; и шлем Меркуция, увенчанный двумя устрашающими, окованными бронзой кривыми рогами.

Вариил опустился на колени рядом с Талосом. Бионическая нога аптекария судорожно дернулась и заскрипела, и движение вышло неловким. Он единственный был без шлема, и взгляд его холодных глаз встретился со взглядом пророка.

— Своевременное возвращение, — сказал Живодер.

В его до странного тихом голосе не слышалось и тени улыбки.

— Мы прибыли, Талос, — сообщил Кирион.

По крайней мере в его голосе улыбка была.

— Пятьдесят пять ночей, — проговорил Меркуций. — Мы никогда не видели ничего подобного. Что тебе снилось?

— Я почти ничего не помню.

Талос смотрел поверх их голов на мир, медленно поворачивающийся в эллиптической раме окулюса.

— Я помню очень мало. Где мы?

Вариил обратил бледные глаза на остальных братьев. Этого хватило, чтобы заставить их немного расступиться. Кольцо вокруг пробудившегося пророка разомкнулось. Апотекарий заговорил, то и дело поглядывая на свой громоздкий нартециум. Талос слышал, как аускультационный сканер потрескивает и пищит, выдавая результаты замеров.

— В течение этих двух месяцев я вводил тебе стимулирующие наркотики и питательный раствор, чтобы поддерживать твой организм в нормальном состоянии без активации анабиозной мембраны. Однако в течение ближайших дней ты будешь чувствовать сильную слабость. Атрофия мышц была минимальной, но все же достаточной, чтобы ты ее ощутил.

Талос снова натянул цепи, ясно давая понять, чего хочет.

— Ах да, — протянул Вариил. —

Конечно.

Он набрал код на клавиатуре нартецциума, и из перчатки выдвинулась циркулярная пила. Когда зубья коснулись цепей, раздался пронзительный, зубодробительный скрежет. Одна за другой металлические оковы упали к подножию трона.

— Зачем вы меня приковали?

— Чтобы ты не причинил вред себе и другим, — объяснил Вариил.

— Нет.

Талос переключился на дисплей сетчатки, активируя закрытый вокс-канал с самыми доверенными из братьев.

— Почему вы приковали меня здесь, на постике?

Воины Первого Когтя переглянулись. Под глазными линзами их шлемов таилась какая-то непонятная эмоция.

— Когда ты потерял сознание, мы поначалу отнесли тебя в твои покои, — сказал Кирион. — Но...

— Но?

— Но ты вырвался из кельи. Убил обоих братьев, стороживших у двери, и

почти неделю мы не могли отыскать тебя на нижних палубах.

Талос попытался встать. Вариил пронзил его тем же взглядом, что и остальных братьев, только пророк не обратил на это внимания. Однако апотекарий был прав. Талос чувствовал себя слабым, как простой смертный. Кровь поступила в онемевшие мышцы, и их скрутили судороги.

— Я не понимаю, — наконец выдавил Талос.

— Как и мы, — отозвался Кирион. — Ты никогда раньше не делал ничего подобного во время припадка.

Ксарл взялся объяснить дальше:

— Угадай, кто тебя нашел?

Пророк покачал головой, даже не зная, с какой версии начать.

— Просто скажи мне.

Узас наклонил голову.

— Это был я.

«Что заслуживает отдельного рассказа», — мысленно заметил Талос.

Он снова оглянулся на Кириона.

— А потом?

— По прошествии нескольких дней команда и остальные Когти начали беспокоиться. Мораль — даже та, что имеется у нас, веселых и исключительно преданных клятве ублюдков, — страдала. Поползли слухи, что ты заболел или умер. Мы принесли тебя сюда, чтобы показать экипажу, что ты — так или иначе — все еще с нами.

Талос фыркнул:

— И как, сработало?

— Сам погляди.

Кирион махнул рукой в сторону смертных, восторженно уставившихся на Талоса со всех концов командной палубы. Все взгляды были обращены к нему.

Талос сглотнул, ощутив во рту кислый привкус.

— Вы превратили меня в икону. Это балансирует на грани язычества.

Все воины Первого Когтя ответили хриплым смешком. Не веселился один Талос.

— Пятьдесят пять дней молчания, — сказал Кирион. — И у тебя нашлись для нас только укоры?

— Молчания? — пророк обернулся к каждому из них по очереди. — Я ни разу не вскрикнул? Не произнес вслух ни одного пророчества?

— Не в этот раз, — покачал головой Меркуций. — Тишина с той самой секунды, когда ты потерял сознание.

— Я даже не помню, как отключился.

Талос прошел мимо братьев и облокотился о поручень, огораживающий центральное возвышение. Он пристально всмотрелся в серую планету, зависшую в пустоте и окруженную плотным астероидным поясом.

— Где мы?

Первый Коготь присоединился к нему — ряд бесстрастных масок-черепов и скрежещущих сочленений доспеха.

— Ты не помнишь, какие отдал нам приказы? — спросил Ксарл.

Талос постарался не выказать раздражения.

— Просто ответь мне — где мы? Этот вид мне знаком, но я с трудом верю, что мы и вправду там.

— Да, знаком, и мы действительно

там. Мы на Восточной границе, — отозвался Ксарл. — Вдали от света Астрономикона, на орбите того мира, куда ты так упорно желал отправиться.

Талос уставился на планету, вращающуюся с невозможной медлительностью. Он знал этот мир, хотя не мог припомнить ничего из того, о чем говорили братья. И все же пророк с трудом удерживал восклицание: «Быть этого не может!» Самыми невероятными казались серые пятна городов, струпьями усеявшие пыльную поверхность континентов.

— Она изменилась, — проговорил Талос. — Не понимаю, как это могло случиться. Империум никогда бы не стал отстраиваться здесь, и все же я вижу города. Вижу пятна человеческой цивилизации там, где должна быть бесплодная пустыня.

Кирион кивнул:

— Мы были удивлены не меньше тебя, брат.

Талос обвел взглядом мостик.

— К своим постам, все вы.

Люди повиновались, салютуя и бормоча: «Да, господин».

Последовавшую за этим тишину нарушил Меркуций:

— Мы здесь, Талос. Что нам делать теперь?

Пророк смотрел на мир, который должен был быть мертв — очищен от любых признаков жизни и покинут всеми, кто когда-то называл его домом. Империум Человека ни за что не заселил бы во второй раз мир, обреченный проклятию, — а тем более тот, что располагался за пределами священного круга, очерченного светом императорского маяка. На то, чтобы добраться до этой планеты на обычной тяге даже от ближайшего пограничного мира, ушло бы несколько месяцев.

— Всем Когтям приготовиться к высадке.

Кирион прочистил горло. Талос обернулся, удивленный этим слишком человеческим жестом.

— Ты многое пропустил, брат. Кое-что требует твоего внимания до того,

как мы спустимся на поверхность. Кое-что, касающееся Септимуса и Октавии. Мы не знали, как поступить с ними в твое отсутствие.

— Я слушаю, — ответил пророк.

Он ни за что бы не признался, что при звуке этих имен у него по спине пробежал холодок.

— Ступай к ней. Посмотри сам.

«Посмотри сам». Слова эхом отозвались у него в мозгу. Они повторялись с пугающим упорством и казались чем-то средним между воспоминанием и пророчеством.

— Вы идете? — спросил он братьев.

Меркуций отвел глаза. Ксарл басовито хмыкнул.

— Нет, — сказал Кирион. — Ты должен сделать это один.

Талос добрался до покоев навигатора, ненавидя себя за разливающуюся по телу слабость. Пятьдесят пять ночей, почти два месяца без тренировок оставили на нем тяжкий след. Слуги Октавии столпились в тенях у ее дверей —

согбенные короли темных закоулков.

— Господин, — шипели они сквозь прорезанные в лицах щели, некогда бывшие губами.

Окровавленные повязки шелестели при каждом движении, когда служители опускали оружие.

— В сторону! — приказал им Талос.

Они разбежались, как тараканы разбегаются на свету.

Лишь один остался на месте. На секунду Талосу почудилось, что это Пес, любимый служитель Октавии, однако существо было слишком субтильным. К тому же Пес был мертв уже несколько месяцев — погиб при захвате корабля меньше чем в двадцати метрах отсюда.

— Госпожа устала, — произнесло существо.

Его голос звучал сдавленно, словно с трудом пробивался сквозь сжатые зубы. И он был слишком мягок, чтобы принадлежать мужчине. Служительница подняла обмотанную повязками руку так, будто ее слова или физическое присутствие могли остановить воина.

Обмотанное полосками ткани лицо женщины не позволяло судить о ее внешности, однако фигура служительницы говорила о том, что она — или, по крайней мере, ее тело — деградировала меньше остальных. Ее глаза скрывались под массивными пилотскими очками. Их черные линзы странно напоминали сетчатые глаза насекомых и заставляли предположить мутацию там, где на первый взгляд не было никаких отклонений. Из левого края оправы тянулся тонкий красный луч, следующий за взглядом служительницы. Женщина припаяла к очкам лазерный целеуказатель — из каких соображений, Талос понятия не имел.

— Тогда у нас с ней много общего, — холодно проговорил пророк. — Отойди.

— Она не желает, чтобы ее потревожили, — настойчиво повторил сдавленный голос, звучавший сейчас еще менее дружелюбно.

Другие служители начали возвращаться.

— Твое верноподданное упрямство

делает честь твоей госпоже, однако довольно этой болтовни.

Талос склонил голову, не сводя взгляда с женщины. Он не хотел бессмысленного убийства.

— Ты знаешь, кто я?

— Кто-то, кто хочет войти вопреки желаниям моей госпожи.

— Это верно. Но также верно и то, что я хозяин этого корабля и твоя госпожа — моя рабыня.

Остальные служители вновь отшатнулись под защиту теней, шепотом повторяя имя пророка. «Талос, Талос, Талос...» — словно шипение скальных гадюк.

— Она нездорова, — сказала обмотанная повязками женщина.

Теперь в ее голос прокрался страх.

— Как тебя зовут? — спросил ее Талос.

— Вуларай, — ответила она.

Талос чуть улыбнулся под наличником шлема. «Вуларай» по-нострамански означало «лжец».

— Забавно. Ты мне нравишься. А теперь отойди в сторону, прежде чем ты

перестала мне нравиться.

Служительница попятилась, и воин заметил блеск металла под рваным тряпьем, заменявшей ей одежду.

— Это гладиус?

Существо замерло.

— Повелитель?

— Ты носишь гладиус легиона?

Она обнажила висевший на бедре клинок. Для Повелителя Ночи гладиус был коротким колющим оружием длиной с предплечье воина. В руках человека он превратился в полноразмерный меч. Узор нестраманских рун, вытравленный в темном металле, не оставлял места для сомнений.

— Это, — сказал Талос, — оружие легиона.

— Это был подарок, повелитель.

— От кого?

— От лорда Кириона из Первого Когтя. Он сказал, что мне необходимо оружие.

— Ты знаешь, как им пользоваться?

Забинтованная женщина пожала плечами и ничего не ответила.

— А если бы я просто отшвырнул тебя в сторону и вошел, Вуларай? Что бы ты тогда сделала?

В ее сдавленном голосе послышалась улыбка.

— Я бы вырезала вам сердце, господин той.

Навигаторские покои были освещены немногим лучше, чем остальные комнаты и коридоры корабля, — их озарял тусклый, нездоровый свет тридцати без малого мониторов, подключенных к внешним пикт-камерам. Они отбрасывали сероватый отблеск на остальную часть обширной комнаты, превращая круглый бассейн в ее центре в лужу расплавленного свинца. В воздухе висела густая мясная вонь амниотической жидкости.

Она держалась подальше от воды. С захвата «Эха проклятия» прошли долгие месяцы, и половина корабля была очищена с помощью огнеметов — однако Октавия поклялась использовать амниотический бассейн только для полета в варпе, когда ей требовалась самая тесная связь с

машинным духом корабля. Талос, видевший Эсмеральду, предыдущую обитательницу этих покоев, отлично понимал, почему Октавия отказывается проводить слишком много времени в питательном растворе.

С химической вонью амниотической жидкости мешались другие запахи, связанные с личным пространством Октавии: острый душок человеческого пота, запах плесени, исходящий от ее книг и свитков пергамента, и слабый — но не неприятный — аромат ее волос. Даже недавно вымытые, они выделяли жир.

И было что-то еще. Что-то похожее на запах менструальной женской крови, с тем же богатством оттенков. Близкое, но не совсем.

Талос прошел по краю бассейна к трону, обращенному к мониторам. Каждый из экранов показывал разные участки обшивки корабля и ледяной вакуум снаружи. На нескольких виднелось серое лицо планеты, на орбите которой они вращались, и контрастно-белый шар ее каменистой луны.

— Октавия.

Ее глаза распахнулись и взглянули на него с той секундной затуманенностью, что следует за сном и предшествует полному пробуждению. Ее темные волосы были, как обычно, собраны в конский хвост, свисавший из-под шелковой банданы.

— Вы проснулись, — сказала навигатор.

— Так же как и ты.

— Да, — согласилась она, — хотя лучше бы не просыпалась. — Губы девушки изогнулись в полуулыбке. — Что вам снилось?

— Я мало что могу вспомнить.

Воин указал на планету на экранах.

— Ты знаешь, как называется этот мир?

Она кивнула.

— Септимус мне сказал. Я не понимаю, почему вы решили вернуться сюда.

Талос покачал головой:

— Я тоже. Я помню только обрывками даже то, что было до последнего видения. — Он медленно

выдохнул. — Дом. Или, по меньшей мере, наш второй дом. После Нострамо была Тсагуальса, мертвый мир.

— Ее колонизовали. Население небольшое, так что это произошло недавно.

— Я знаю, — ответил он.

— И что же вы собираетесь делать?

— Не знаю.

Октавия заерзала на троне. Она все еще была завернута в тонкое одеяло из потершейся ткани.

— В этой комнате всегда холодно.

Девушка взглянула вверх, ожидая, что ее собеседник заговорит. Когда стало понятно, что отвечать тот не собирается, она сама нарушила тишину:

— Было трудно привести корабль сюда. Свет Астрономикона не достигает таких далеких от Терры областей, и волны варпа тут чернее черного.

— Могу я спросить, каково это было?

Отвечая на вопрос, навигатор рассеянно теребила выбившуюся из хвоста прядь волос.

— Варп здесь темен. Совершенно

темен. Все цвета — лишь оттенки черного. Вы можете представить тысячу оттенков черного — и каждый темней предыдущего?

Он покачал головой.

— Ты требуешь, чтобы я представил нечто, абсолютно чуждое материальному миру.

— Он холоден, — сказала навигатор, отводя взгляд. — Как цвет может быть холодным? В черноте я ощущала присутствие обычных мерзких сущностей: вопли душ, бьющихся о корпус судна, и раковые опухоли, разрастающиеся вдалеке и одиноко дрейфующие в пустоте.

— Раковые опухоли?

— Только так я могу описать их. Огромные, безымянные средоточия боли и яда. Злокачественные и разумные.

Талос кивнул:

— Души ложных богов, вероятно.

— Ложных, несмотря на то что они существуют?

— Не знаю, — сознался он.

Девушка вздрогнула.

— Там, где мы бывали раньше, даже

вне света Астрономикона... те места всё еще хоть немного освещал маяк Императора, не важно, как далеко от него ты забирались. Можно было различить тени и образы, скользящие в волнах варпа. Бесформенных демонов, плывущих сквозь жидкий огонь. Здесь я не вижу ничего. Дело тут не в том, чтобы найти дорогу в штормовом эфире, как меня учили. Здесь мне пришлось брести в темноту, нащупывая более спокойные пути, те, где ревущие ветра умолкали хотя бы на краткий миг.

На какой-то миг Талоса поразило сходство ее ощущений и его собственных, пережитых в те секунды, когда он погружался в видения.

— Мы у цели, — сказал он. — Ты хорошо справилась.

— Я почувствовала кое-что еще. Почти незаметное. Некие сущности, теплее, чем варп вокруг них. Как будто глаза, следящие за мной, когда я подводила корабль ближе.

— Нам стоит беспокоиться о них?

Октавия пожала плечами:

— Понятия не имею. Это лишь одно из тысячи проявлений безумия.

— Мы добрались. Вот что имеет значение.

Между ними снова повисла тишина. На сей раз ее нарушил Талос:

— Когда-то, очень давно, у нас была здесь крепость. Замок из черного камня со шпилями, корчащимися, словно в пытке. Крепость привиделась примарху однажды ночью, и он согнал сотни тысяч рабов, чтобы построить ее. Это заняло почти двадцать лет.

Он замолчал. Октавия смотрела на бесстрастную череполикую маску его наличника, ожидая продолжения. Талос вздохнул, и вокс превратил его вздох в рычание.

— Внутреннее святилище называлось Галереей Криков. Кто-нибудь уже говорил тебе об этом?

Октавия покачала головой:

— Нет, никогда.

— Галерея Криков была метафорой в своем роде. Мучения бога, отображенные в крови и боли. Примарх хотел переделать

мир вокруг себя так, чтобы картина греха в его разуме соответствовала окружению. Стены были из плоти — люди, сплавленные воедино и превращенные в архитектурные сооружения. Магия поработала там не меньше технологии. Полы были покрыты ковром из живых лиц, о сохранности которых заботились сервиторы-кормилки.

Он покачал головой. Воспоминание было слишком сильным, чтобы когда-нибудь поблекнуть.

— Вопли, Октавия. Ты никогда не слышала таких звуков. Они кричали, не переставая. Люди в стенах плакали и протягивали руки. Лица на полу всхлипывали и заходились визгом.

Девушка выдавила улыбку, хотя губы повиновались с трудом.

— Похоже на варп.

Талос покосился на нее и утвердительно буркнул:

— Извини. Ты в точности знаешь, как это звучит.

Она кивнула, но ничего больше не сказала.

— А хуже всего то, как ты

привыкаешь к этому вопящему хору. Те из нас, кто бывал у примарха в последние десятилетия его помешательства, проводили много времени в Галерее Криков. Звучание всей этой боли становилось переносимым. А вскоре ты уже начинал наслаждаться ею. Когда окружен муками, думается легче. Пытка сначала утратила смысл, а затем превратилась в музыку.

На секунду пророк замолчал.

— Конечно, именно этого он и хотел. Он хотел, чтобы мы осознали урок легиона — в том виде, в каком он представлял этот урок.

Когда Талос встал на колени рядом с троном, Октавия снова подвинулась.

— Не вижу никакого урока в бессмысленной жестокости, — сказала она.

Зашипел декомпрессирующийся воздух — воин распечатал герметические запоры воротника и снял шлем. Октавию снова, уже в который раз, поразила мысль, что он был бы красив, если бы не холод во взгляде и трупно-белая кожа. Он был статуей, изрубленным полубогом из чистого

тратора, с мертвыми глазами, — прекрасным в своей недоступности, но не радующим взгляд.

— Это не было бессмысленной жестокостью, — сказал он. — Это был урок. Примарх знал, что закон и порядок — две основы цивилизации — можно поддерживать только страхом и наказанием. Человек — животное не миролюбивое. Он создан для войны и борьбы. Чтобы загнать зверей под ярмо цивилизации, следует напомнить им, что тех, кто покушается на стадо, ждет боль. Какое-то время мы верили, что Император предназначил нас для этого. Он хотел, чтобы мы стали Ангелами Смерти. И какое-то время мы были ими.

Октавия моргнула в первый раз за минуту. Во время их долгих разговоров и воспоминаний он ни разу не углублялся в эту тему.

— Продолжайте, — попросила навигатор.

— Некоторые говорят, что он нас предал. Когда мы выполнили свою роль, он обратился против нас. Другие

утверждают, что мы слишком увлеклись взятой на себя ролью и ему пришлось умертвить нас, как собак, сорвавшихся с поводка.

Заметив в ее глазах вопрос, Талос отмахнулся:

— Все это неважно. Важно то, как это началось и чем закончилось.

— И как это началось?

— Легион понес огромные потери в Великом Крестовом походе на службе Императору. Большинство погибших были терранцами. Они пришли с Терры, с полей сражений Императора на родной планете человечества. Но все пополнения поступали с нашей родной планеты, Нострамо. Прошли десятилетия с тех пор, как примарх ступал на почву нашего мира, и его уроки были давно забыты. Население вновь скатилось к беззаконию и анархии, не боясь кары далекого Империума. Ты понимаешь, как мы сами отравили себя? Мы пополняли легион насильниками и убийцами, детьми, которые совершили чернейшие прегрешения, еще не ступив на порог зрелости. Уроки примарха ничего

для них не значили. И под конец они ничего не значили для большей части Восьмого легиона. Они были убийцами, превращенными в полубогов и получившими на разграбление всю Галактику. В гневном отчаянии примарх испепелил наш родной мир. Он уничтожил Нострамо, разнес в куски с орбиты, использовав всю огневую мощь флота легиона.

Талос медленно выдохнул.

— На это ушли часы, Октавия. И все это время мы оставались на борту своих судов и слушали вокс-передачи с поверхности: мольбы и крики, направленные в небеса, к нам. Мы не ответили. Ни разу. Мы оставались в космосе и смотрели, как горят наши города. В самом конце мы увидели, как планета содрогается и рушится на части под яростью нашего огня. И лишь тогда мы отвели взгляды. Нострамо разлетелась на куски, и вакуум поглотил их. Больше я никогда не видел ничего подобного. И в глубине души я знаю, что никогда не увижу.

Дурацкий порыв почти заставил Октавию протянуть руку и прикоснуться к его щеке. Но, конечно, она не была настолько глупа, чтобы подчиниться инстинкту. И все же то, как он говорил, взгляд его черных глаз — глаз ребенка, выросшего в теле бога, но так и не получившего человеческого представления о гуманности... Неудивительно, что эти существа были столь опасны. Их психика, остановившаяся в развитии, работала на уровне, не понятном до конца ни одному из смертных: простые и порывистые, уже в следующий миг они становились нечеловечески сложными...

— Это не сработало, — продолжил он. — Легион был уже отравлен. Ты знаешь, что мы с Ксарлом выросли вместе и уже детьми познали вкус крови. Мы вступили в легион слишком поздно, когда яд Нострамо уже растекся по его венам. И поверь мне — то место, где оба мы выросли среди уличных войн и человеческих жизней, растраченных за медяк, было одним из самых цивилизованных во всех городах Нострамо. Большая часть планеты

лежала в руинах, покрытая развалинами городов и наводненная армиями мародеров. Именно их, как самых сильных кандидатов, обычно выбирали для имплантации и пополнения рядов Восьмого легиона. Именно они становились легионерами.

Талос проговорил последние слова с улыбкой, не тронувшей глаз.

— К тому времени было уже слишком поздно. Муки физического и умственного распада охватили уже и самого примарха. Он ненавидел себя, ненавидел свою жизнь и свой легион. Все, чего он желал, — это доказать свою правоту, показать, что его жизнь не была растрачена впустую. Мятеж против Императора — та легендарная война, что ты зовешь Ересью Хоруса, — закончилась. Мы обратились против Империума, который хотел покарать нас, и мы проиграли. И тогда мы сбежали. Мы бежали на Тсагуальсу, мир за пределами Империума, прочь от Священного Светоча Терры — хотя примарх утверждал, что свет маяка все еще ранил его глаза.

Талос повел рукой в сторону серой

планеты.

— Мы бежали сюда, и здесь все закончилось.

Дыхание Октавии сорвалось с губ облачком пара.

— Вы бежали с войны, которую проиграли, и построили замок, состоящий из пыточных камер. Как благородно с вашей стороны, Талос. Но я все еще не вижу в этом никакого урока.

Пророк кивнул, соглашаясь с ее замечанием.

— Ты должна понять, что под конец примарх совершенно обезумел. Его уже не интересовала Долгая Война. Он хотел лишь пустить кровь Империуму и оправдать свой жизненный путь. Он знал, что вскоре умрет, Октавия. Он хотел быть правым в момент своей смерти.

— Септимус рассказывал мне об этом, — отозвалась она. — Но разорение пограничных миров Империума в течение двух веков по приказу безумца и уничтожение целых миров вряд ли можно назвать уроком, несущим достойные идеалы.

Бездушный взгляд Талоса, направленный на нее, не дрогнул.

— С этой точки зрения, возможно, нет. Но человечество должно знать, что такое страх, навигатор. Ничем другим не добиться покорности. В последние дни, когда Галерея Криков стала командным пунктом и залом совета легиона, безумие примарха поглотило его изнутри. Опустошило его. Я все еще помню, каким царственным он нам казался, каким величественным представлялся наш отец затуманенным благоговением взглядам. Но смотреть на него было все равно что привыкнуть к отвратительной вони. Можно забыть об отвращении и вызывающем его запахе, но, когда что-то напомнит о нем, вонь воспринимается стократ сильнее. Его душа под конец прогнила до основания, и иногда это можно было заметить по промельку безумия в его угасающих глазах или по влажному блеску зубов. Кое-кто из братьев задавался вопросом, не осквернила ли его какая-то внешняя сила, но большинству из нас было уже все равно. Какая разница? Конечный

результат от этого не изменялся.

Лампы выбрали именно эту секунду, чтобы моргнуть и погаснуть. Воин и мутант оставались в темноте в течение нескольких мгновений. Единственным источником света были лишь красные глазные линзы его шлема и серое мерцание экранов.

— В последнее время это происходит все чаще и чаще, — сказала Октавия. — «Завет» ненавидел меня. «Эхо», похоже, ненавидит всех нас.

— Забавное суеверие, — ответил Талос.

Свет, тусклый, как и прежде, включился снова. Однако пророк по-прежнему молчал.

— А убийство? — навела его на мысль Октавия.

— Убийство произошло вскоре после того, как его болезненная ясность достигла пика. Я никогда не встречал существа, столь спокойно и радостно воспринимавшего мысль о собственной смерти. Он видел оправдание в смерти. Тех, кто нарушает закон, ждет страшная

и неотвратимая кара, и это должно было послужить примером всем, кто замышлял предательство. Так что он принялся сеять ужас и разрушение в Галактике, нарушая все мыслимые и немыслимые законы и твердо зная, что Император вскоре докажет его правоту. Убийца явилась, чтобы покончить с Курцем, Великим Нарушителем Имперских Законов, — и именно это и сделала. Я видел, как он умирал. Он был оправдан и доволен, кажется, впервые за несколько веков.

— Это нелепо, — ответила она.

Сердце девушки забилось чаще при мысли, что Талос воспримет ее слова как оскорбление, — но ее испуг оказался безосновательным.

— Может, и так, — снова кивнул воин. — Во всей вселенной не было никого, ненавидевшего собственное существование больше, чем мой отец. Он растратил жизнь впустую на то, чтобы показать, как следует держать человечество в узде, а его смерть стала жертвоприношением, доказавшим полную обреченность нашего вида.

Талос вытащил из поясного кармана гололитический шар и нажал руну активации. Перед ними встал в полный рост образ, сотканный из мерцающего синего света. С невидимого трона поднялась фигура, чья сгорбленная, звериная поза не могла целиком скрыть красоты мускулистого тела или первобытной царственности движений. Помехи исказили изображение, однако лицо человека — призрачная маска с черными провалами глаз, проступившими скулами и острыми клыками — кривилось в усмешке свирепого торжества.

Образ померк, когда Талос отключил шар. Еще долго оба они хранили молчание.

— Неужели не нашлось никого, кто возглавил бы вас после его смерти?

— Легион распался на роты и банды, следующие за разными вожаками. Только присутствие примарха заставляло нас хранить единство. Без него отряды грабителей уходили все дальше от Тсагуальсы, и походы их становились все дольше. По прошествии лет многие вообще перестали возвращаться. Многие вожди и

капитаны заявляли, что они наследники Ночного Призрака, но их притязания всегда отвергали другие. Больше никто не мог спаять легионы Предателей воедино. Так уж устроен мир. Как бы я ни презирал Абаддона, именно его успех выделяет его среди нас и возвышает над нами. Это его имя шепотом передается из уст в уста по всему Империуму. Абаддон. Разоритель. Избранный. Абаддон. Не Хорус.

Октавия вздрогнула. Ей знакомо было это имя. Она не раз слышала, как его шептали в залах терранских правителей. Абаддон. Великий Враг. Гибель Империума. Среди псайкеров, покорных Императорскому Трону, ходило множество пророчеств о его триумфальной победе в последнее столетие человеческой истории.

— Был среди нас лишь один, — продолжил Талос, — кто мог бы стать преемником примарха и не опасаться предательства братьев. Или, по крайней мере, был один, способный пережить это предательство, — но даже ему пришлось бы приложить массу усилий, чтобы удержать легион от распада. Слишком много разных

идеологий. Слишком много желаний и стремлений, противоречащих друг другу.

— Как его звали?

— Севатар, — тихо ответил пророк. — Мы звали его Вороньим Принцем. Он был убит во время Ереси, задолго до нашего отца.

Поколебавшись, она произнесла:

— Меркуций говорил о нем.

— Меркуций приходит поговорить с тобой?

Навигатор ухмыльнулась. Ее зубы были белей, чем у любого из команды, — она провела в рабстве еще немного лет.

— Не только у тебя есть истории, которыми хочется поделиться.

— О чем же он говорит?

— Он твой брат. Причем не из тех, кого ты пытаешься убить. Ты мог бы догадаться, о чем он говорит.

В черных глазах пророка блеснуло какое-то подавленное чувство. Октавия не способна была сказать, веселье это или раздражение.

— Я все еще не изучил Меркуция так хорошо.

— В основном он говорит о Ереси. Он рассказывает мне истории о братьях, погибших при осаде Императорского Дворца, или в Трамасском Крестовом походе против Ангелов, или в следующие столетия. Ему нравится писать о них, описывать их подвиги и их смерть. Ты знал об этом?

Талос мотнул головой. Он понятия об этом не имел.

— Что же он говорил о Вороньем Принце? — спросил воин.

— Что Севатар не был убит.

При этих словах по губам пророка скользнула тень улыбки.

— Забавная фантазия. У каждого легиона есть свои легенды и вымышленные теории. Пожиратели Миров утверждают, что один из их капитанов — избранник кровавого бога.

Октавия не улыбнулась в ответ.

— Когда вы высаживаетесь на планету?

— Братья хотели, чтобы сначала я повидался с тобой.

Она заломила бровь и улыбнулась,

сильнее сжав покрывало.

— Чтобы преподать мне урок истории?

— Нет. Не знаю, чего они хотели. Они упомянули о каком-то затруднении. Каком-то недостатке.

— Не понимаю, что они имели в виду. Я устала, но полет сюда был сущим адом. Полагаю, я заслужила немного сна.

— Они сказали, что это касается еще и Септимуса.

Девушка снова пожала плечами.

— Все еще не понимаю. Он не отлынивал от своих обязанностей, так же как и я.

Талос поразмыслил с минуту.

— Вы часто видитесь с ним в последнее время?

Навигатор отвела глаза. Октавия обладала многими талантами, но способность искусно лгать среди них не числилась.

— В последние ночи я нечасто его видела. Когда вы высаживаетесь?

— Скоро.

— Я думала о том, что будет дальше.

Талос поглядел на нее со странным выражением, которого она прежде не замечала. Девушка не смогла определить, что это: удивление, интерес или подозрение. Похоже было, что и то, и другое, и третье.

— О чем ты? — спросил воин.

— Я думала, что мы собирались бежать в Око Ужаса.

Пророк хмыкнул.

— Не стоит так его называть. Только смертные, путешествующие между звезд и боящиеся собственных теней, используют это имя. Мы зовем его просто Оком, или Раной, или... домом. А ты уже достаточно навострилась, чтобы вести корабль по тем осквернённым волнам? Многие навигаторы теряют там разум, да будет тебе известно. Многие суда используют магов как проводников в Море Душ в том числе и по этой причине.

— Это последнее место, куда бы мне хотелось отправиться. — Октавия улыбнулась, прищурив глаза. — Вы уклоняетесь от моего вопроса. Как и всегда, когда я спрашиваю.

— Мы не можем вернуться в Око, — ответил Талос. — И я не уклоняюсь от вопроса. Ты знаешь, почему мне не хочется лететь туда.

Она знала. Или, по крайней мере, у нее была убедительная версия.

— Сны об эльдарах, — произнесла Октавия.

Это не прозвучало как вопрос.

— Да. Сны об эльдарах. Теперь еще хуже, чем раньше. Я не собираюсь возвращаться за собственной смертью.

Октавия какое-то время молчала.

— Я рада, что вы пробудились.

Талос ей не ответил. Он не понимал, зачем его отправили сюда. В течение нескольких секунд он просто осматривал комнату, прислушиваясь к плеску воды, ритмическому гудению корпуса корабля и...

...и двум пульсам.

Первый принадлежал Октавии: мерное тук-тук-тук отдаленных громовых ударов. Второй, приглушенный и спотыкающийся, был настолько быстрым, что почти походил на жужжание. Оба издавало ее тело.

— Я глупец, — сказал он, вставая на ноги под рык доспеха.

— Талос?

Он сделал глубокий вдох, пытаясь перебороть гнев. Его пальцы задрожали, а миниатюрные сервомоторы в костяшках надсадно взвизгнули, когда руки сжались в кулаки. Если бы он не был так изнотан, а его чувства не притупились бы, он бы сразу услышал два сердцебиения.

— Талос? — снова позвала она. — Талос?

Он вышел из комнаты, не сказав ни слова.

III
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Как только дверь распахнулась, Септимус понял, что сейчас он, возможно, умрет.

У него было ровно полсекунды, чтобы набрать воздуха в легкие, прежде чем рука сжалась у него на горле, и еще полсекунды, чтобы прохрипеть возражение. Перчатка сомкнулась вокруг его шеи с такой силой, что пресекла всякую возможность дышать, не говоря уже о речи. Рука вздернула его в воздух, где он отчаянно забарахтался.

— Я предупреждал тебя, — сказал непрошеный гость.

Септимус попытался сглотнуть, но только поперхнулся.

В ответ Повелитель Ночи швырнул его через комнату. Раб тяжело врезался в стену и соскользнул на пол грудой содрогающихся мышц и костей. Там, где он ударился головой, черный металл запятнала кровь.

— Я тебя предупреждал, — снова

сказал воин.

Комнату наполнил рев сочленений доспеха и звук шагов.

— Разве я неясно выразился? Или твоим предостережением можно пренебречь лишь потому, что я пробыл пятьдесят пять ночей без сознания?

Он поднял Септимуса за волосы и швырнул в противоположную стену. Раб снова мешком повалился на пол, на сей раз не издав ни звука. А воин все приближался, все продолжал говорить. Решетка вокалайзера превращала его голос в монотонную речь машины.

— Может, я не сумел высказаться достаточно категорично? В этом причина? Вот почему произошел этот дикий срыв коммуникации?

Септимус попытался встать. В первый раз в жизни он поднял оружие против своего господина. Точнее, попробовал. С рыком, который мог быть или не быть смешком, огромный воин вогнал ботинок в бок рабу — не боевой удар, а пинок, каким отбрасывают мусор с дороги. Тем не менее небольшая

неприбранная комната огласилась треском ломающихся ребер. Септимус выругался сквозь сжатые зубы и потянулся к оброненному пистолету.

— Ах ты, сукин... — начал он, но хозяин перебил его:

— Не будем усугублять неповиновение неуважением.

Повелитель Ночи сделал два шага вперед. Первый превратил лазпистолет в груду обломков и протащил их по палубе под скрежет рвущегося металла. Вторым он наступил Септимусу на спину, прижав раба лицом к полу и вышибив из него дух.

— Назови мне одну причину не убивать тебя, — рявкнул Талос. — И пусть это будет очень хорошая причина.

Тело человека содрогалось при каждом вдохе и выдохе, затрудненном обломками ребер. Он ощущал вкус крови в горле. За все годы своего плена, все годы, когда его заставляли прислуживать и помогать легионерам в их еретической войне, Септимус ни разу не просил пощады.

И он не собирался делать это сейчас.

— Тшива келн, — прохрипел он сквозь

боль.

При выдохе на губах выступила розоватая слюна.

Этой ночью все происходило в первый раз. Септимус никогда прежде не обращал пистолет против своего господина, а Талосу ни один из его рабов не предлагал «жрать дерьмо».

Пророк замер в нерешительности. Он почувствовал, как ярость убийства уступает место удивленному хохоту. Смех глухо раскатился по маленькой комнате.

— Спроси себя вот о чем, Септимус: очень ли умно раздражать меня еще больше?

Он поднял истекающего кровью смертного за шиворот и в третий раз швырнул его о покатую металлическую стену. Когда Септимус упал снова, он не ругался и не пытался сопротивляться — он вообще почти не подавал признаков жизни.

— Так-то лучше.

Талос подошел ближе и встал на колени рядом со своим почти бездыханным рабом. Лицевые аугметические протезы

Септимуса были повреждены, глазную линзу рассекла уродливая трещина. Тело раба сотрясали спазмы, и, судя по неестественному углу, под которым торчала его левая рука, она была вывернута из сустава. На распухших губах смертного пузырилась кровь, но он не издавал ни звука — последнее, возможно, к лучшему.

— Я предупреждал тебя.

Септимус медленно повернул голову в сторону голоса. Он то ли не мог ничего сказать, то ли благоразумно решил промолчать. Нога хозяина давила ему на спину — весьма ощутимое свидетельство абсолютной угрозы. Повелителю Ночи ничего не стоило наступить сильнее и превратить торс человека в кашу из мяса и костей.

— Она — самое ценное, что есть на этом корабле. Мы не сможем идти по Морю Безумия, если она нездорова. Я тебя предупреждал. Тебе повезло, что я не содрал с тебя кожу и не подвесил твои кости к потолку Нового Черного рынка.

Талос убрал ботинок со спины раба.

Септимус, захрипев, медленно выдохнул и перекатился на бок.

— Хозяин...

— Избавь меня от показных извинений.

Талос покачал головой. Череп, изображенный на наличнике, все так же бесстрастно смотрел кровавыми линзами глаз.

— Я сломал тебе от четырнадцати до семнадцати костей, и твои черепные бионические протезы нуждаются в ремонте. На линзе, заменяющей сетчатку, тоже продольная трещина. Считай, что ты наказан достаточно.

Он помедлил, глядя на распростертого на палубе человека.

— А еще тебе повезло потому, что я не приказал хирургам оскопить тебя. Душой клянусь, я говорю правду, Септимус: если ты снова притронешься к ней, если ты хоть пальцем ее коснешься, я позволю Вариилу содрать с тебя шкуру. А затем, пока в твоем освежеванном, рыдающем теле еще будет теплиться жизнь, я разорву тебя голыми руками и заставлю смотреть, как Кровоточащие Глаза

пожирают твои руки и ноги.

Талос даже не потрудился обнажить оружие, чтобы подкрепить свою угрозу. Он просто смотрел на смертного сверху вниз.

— Ты — моя собственность, Септимус. Я позволял тебе много вольностей в прошлом, потому что ты был полезен. Но я всегда могу обучить новых рабов. Ты — всего лишь человек. Если еще раз осмелишься прекословить мне, проживешь ровно столько, сколько уйдет на мольбу о скорой смерти.

С этими словами он вышел из комнаты. Сочленения доспеха взревели в последний раз. В наступившей тишине Септимус прерывисто втянул воздух и пополз по палубе. Лишь одно могло вызвать в его господине такой гнев. Произошло именно то, чего так боялись они с Октавией, и Повелители Ночи почувствовали изменения в ее организме. Даже море боли, обрушившееся на него после избиения, не смогло целиком поглотить важности этого открытия.

Сплюнув два выбитых задних зуба на палубу, будущий отец потерял сознание.

Талос собрал Когтей в зале военного совета вокруг длинного гололитического стола. Всего восемьдесят один воин, каждый облачен во тьму. Многие были ранены, а на их доспехах еще виднелись шрамы, полученные при очищении глубин «Эха проклятия». Захват корабля у Красных Корсаров оказался лишь первым шагом. Зачистка судна таких размеров могла занять годы. Отряды воинов с огнеметами уничтожали самые явные свидетельства скверны Хаоса — те участки корпуса, что были извращены варпом, или, что еще хуже, те, где металл превратился в живую ткань.

«Эхо проклятия», как и «Завет крови» до него, представлял собой целый космический город, населенный экипажем численностью больше пятидесяти тысяч душ. «Эхо» по всем параметрам был более мощным — и более прекрасным — созданием, чем крейсера и баржи Адептус Астартес, построенные в соответствии с СШК. Пустота космоса впервые коснулась его корпуса десять тысячелетий назад, во

времена Великого Крестового похода, когда воители из легионов Астартес присваивали себе лучшие корабли и шли в авангарде флота завоевателей. Ударные крейсера недавнего прошлого часто не дотягивали до своих имперских собратьев, и по «Эху» было видно, насколько суда древности превосходили своих младших кузенов в размерах и огневой мощи.

Пятьдесят тысяч душ. Талос так и не привык к их количеству, несмотря на то что они десятилетиями прилежно трудились где-то у него под ногами. Его жизнь проходила среди элиты, чье число постоянно сокращалось, и среди избранных рабов.

Он спускался в промозглое нутро корабля лишь в редких случаях. Порой его вел долг, требующий изгнать упрямую скверну, угрожавшую функционированию судна, а порой банальная жажда убийства. Большая часть рабочей силы обитала в глубочайших закоулках и на самых нижних палубах, влача жизнь в абсолютной тьме. Они трудились в составе бригад, обеспечивающих исправность двигателя

или выполняющих другие простые задания, подходящие для смертной скотины. Погоня за черепами и воплями смертного стада была всего лишь одним из традиционных способов тренировки. Несомненно, самым приятным.

Талос окинул взглядом своих братьев — восемьдесят одного воина, — сведенных судьбой в ненадежный союз, собранных из остатков десятой и одиннадцатой рот Повелителей Ночи. Как бы он ни собирался начать военный совет, все планы изменились в ту секунду, когда пророк увидел их вместе. При взгляде на их потрепанные ряды в глаза сразу бросалось одно обстоятельство — некоторые отделения насчитывали не больше двух-трех выживших воинов.

— Мы должны переформировать Когтей, — сказал им командир.

Бойцы переглянулись. Шейные сочленения загудели, когда легионеры обернулись друг к другу.

— Внутренним сварам пришел конец, братья. В Первом Когте останутся шестеро. Остальные когти будут

переформированы так, чтобы максимально приблизиться к полному составу.

Ксеверин, воин, никогда не расстававшийся со своей богато украшенной цепной глефой, громко ответил:

— И кто же возглавит эти новые Когти, Ловец Душ?

— Поединки чести, — ответил фаровен, носивший такой же церемониальный шлем, как у Ксарла.

Крылатый гребень дернулся вниз, когда легионер кивнул.

— Мы должны устроить поединки чести. Победители возглавят семь новых Когтей.

— Поединки чести — для слабаков и трусов, — ответил один из покрытых шрамами ветеранов, стоявший неподалеку. — Бой до смерти решит вопрос лидерства.

— У нас недостаточно людей, чтобы проливать кровь в боях до смерти, — парировал Карахад, командир Когтя фаровена.

Среди собравшихся отделений разразились шумные споры. Каждый старался перекричать остальных.

— Пока что никто из них не взялся за оружие, — тихо проговорил Ксарл, — но еще немного — и мы окажемся по колено в крови.

Талос кивнул. Пора было это прекращать.

— Братья, — сказал он.

Его голос прозвучал спокойно и терпеливо, что принесло результат, — воины один за другим умолкли. Восемьдесят шлемов, разрисованных черепами, нестраманскими рунами, украшенные крылатыми гребнями или потемневшие от боевых повреждений, обернулись к нему. По левую руку от Первого Когтя шипели и переговаривались по воксу пять оставшихся Кровоточащих Глаз, но Люкориф все внимание обратил на пророка. Владыка Рапторов даже встал прямо, несмотря на то что его когтистые клешни мало подходили для такой позы. Кривящаяся маска демона уставилась на Талоса.

— Братья, — снова произнес Талос. — У нас одиннадцать командиров Когтей и достаточно воинов, чтобы сформировать семь полных Когтей. Все, кто хочет отстоять лидерство в поединке чести, могут это сделать.

— А поединки до смерти? — спросил Ульрис.

— Смертельные поединки будут проводиться с Ксарлом. Всякий, кто желает убить брата ради чести возглавить Коготь, имеет полное право вызвать его. Тому, кто сможет его убить, я дам под начальство полный Коготь.

В нескольких отделениях раздалось недовольное ворчание.

— Да, — произнес Талос, — я предполагал, что это вы и скажете. А теперь довольно. Мы собрались здесь не просто так.

— Зачем ты привел нас к Тсагуальсе? — выкрикнул один из легионеров.

— Потому что я до ужаса сентиментален.

В ответ по залу раскатился горький,

безрадостный смех.

— Для тех из вас, кто еще не слышал: данные планетарной разведки выявили города, способные вместить больше двадцати пяти миллионов населения. Оно рассредоточено по шести крупнейшим городам.

Талос кивнул техножрецу, и тот шагнул к столу. Делтриан, скелетообразный и, как всегда, завернутый в мантию, выдвинул из кончиков пальцев множество микроинструментов. Один из них, трехконечная вилка нейронного интерфейса, со щелчком вошел в разъем на консоли стола. В воздухе над столом появилось большое изображение серой планеты, искаженное режущими глаз помехами.

— Я действую исходя из первичной гипотезы, согласно которой легионеры не нуждаются в пояснениях касательно прошлого этого мира.

— Давай уже, — проворчал один из Повелителей Ночи.

Какое неуважение. Делтриана шокировала сама мысль, что древний союз

между Механикум Марса и Легионес Астартес деградировал до такой степени. Все произнесенные клятвы, все традиции вежливости — все обратилось в пепел.

— Почтенный жрец, — вмешался Талос, — прошу, продолжай.

Делтриан заколебался, впившись в пророка взглядом сузившихся глазных линз. Не осознавая, что до сих пор подвержен такой огорчительно человеческой привычке, техножрец поднял руки и сильнее натянул капюшон. Его металлическое лицо скрылось еще глубже в тени.

— Я озвучу принципиальные моменты планетарной обороны. Во-первых...

Повелители Ночи уже начали шумно переговариваться, перебивая друг друга. Несколько воинов громко возражали.

— Мы не можем атаковать Тсагуальсу, — начал Карахад. — Мы не можем ступить на поверхность этого мира. Он проклят.

В ответ раздалось согласное бормотание.

Талос издал короткий, лающий

смешок, в котором явственно слышалась издевка.

— Полагаете, сейчас подходящее время для глупых суеверий?

— Он проклят, Ловец Душ, — возразил Карахад. — Все это знают.

Однако гомон в его поддержку на сей раз был тише.

Талос оперся на стол костяшками пальцев и оглядел собравшихся воинов.

— Я готов позволить этому миру сгнить на задворках Вселенной. Но я не готов просто развернуться и уйти, когда планета, которую мы столько десятилетий называли домом, заражена имперской плесенью. Ты можешь бежать, Карахад. Ты волен скулить о проклятии давностью в десять тысячелетий, утратившем всякую силу. Я поведу Первый Коготь вниз, на поверхность. Я покажу этим захватчикам, как Восьмой легион умеет прощать обиды. Двадцать пять миллионов душ, Карахад. Двадцать пять миллионов ртов, распахнутых в крике, и двадцать пять миллионов сердец, раздавленных нашей рукой. Ты

действительно хочешь остаться на орбите, когда мы поставим на колени эту планету?

Карахад на это улыбнулся.

— Двадцать пять миллионов душ.

Пророк уже видел жадный блеск в глазах воина.

— По-вашему, это мир проклят лишь потому, что мы покинули его в момент бесчестия? Или проклятие — это всего лишь удобная маска, призванная скрыть тот факт, что мы бежали из своего второго дома?

Карахад промолчал, однако ответ ясно читался в его бесцветных глазах.

— Я рад тому, что мы поняли друг друга, — подытожил Талос. — А теперь, Делтриан, прошу — продолжай.

Делтриан снова включил гололитическое изображение. Оно отбросило призрачный свет на темную броню собравшихся воинов.

— Тсагуальса защищена так же слабо, как и большинство пограничных миров Империума. У нас нет данных по частоте или численности флотских патрулей в

этом субсекторе, но, учитывая местонахождение планеты, будет уместным допустить слабое и нерегулярное присутствие военных сил Империума. Известно, что ближайшие районы защищают три ордена Адептус Астартес. Все они произошли от генетической линии Тринадцатого легиона. И каждый из них в этом году был...

Талос прочистил горло.

— Только ключевые детали, прошу тебя, почтенный техножрец.

Делтриан ответил сердитым треском машинного кода.

— Планета не защищена с орбиты, как и в случае большинства пограничных миров, — за исключением тех имперских патрулей, которые готовы пойти на риск и так сильно отдалиться от Астрономикона. Без императорского варп-маяка, позволяющего ориентироваться их навигаторам, угроза погибнуть в Море Душ может быть очень значительной. Я с трудом могу представить причины, заставившие Империум основать колонию

так далеко от Восточной границы. Те города, что мы видим на поверхности, — по всей вероятности, самодостаточные города-государства, приспособившиеся к существованию за счет планетарных ресурсов, а не за счет нерегулярных поставок из остальной части Империума.

— На поверхности были замечены какие-нибудь армейские маневры? — поинтересовался один из воинов.

— Анализирую, — ответил Делтриан.

Он сделал движение рукой, словно поворачивал ключ в замке. Игла нейронного интерфейса щелкнула в разъеме, и гололитическое изображение замигало. Несколько участков планетарной поверхности вспыхнули красным.

— Мы следили за спутниковыми вокс-передачами последние шестнадцать часов начиная с момента прибытия. Поначалу примечательным оказалось то, что количество сообщений минимально. Планета почти беззвучна. Это указывает на деградацию или примитивное развитие технологий.

— Легкая добыча, — ухмыльнулся другой легионер на противоположном конце зала.

«Хватит перебивать меня», — подумал Делтриан.

— Три целых одна десятая процента планетарных вокс-передач относятся к военной тематике — или могут быть истолкованы таким образом, в терминах безопасности городов-государств и сил поддержания порядка. Из этого следуют две вещи. Первое: гарнизон Сил планетарной обороны этого мира очень незначителен — возможно, минимален. Второе: несмотря на значительное, по меркам Статута о приграничных мирах, население, здесь не набирают полков для службы в Имперской Гвардии.

— Это так необычно? — спросил Ксарл.

Кирион хмыкнул.

— Он что, по-твоему, похож на имперского вербовщика?

Делтриан проигнорировал эту неуместную шутку.

— Двадцать пять миллионов вполне

могут обеспечить основание Имперской Гвардии, но приграничные миры, судя по всему, облагаются другими налогами. Из-за своего отдаленного местоположения Тсагуальса крайне неподходящая планета для набора призывников в Гвардию. Следует отметить, что суровые условия на поверхности делают Тсагуальсу весьма негостеприимной — практически враждебной — для людей. Данные аустика регистрируют поселения, способные поддержать указанную численность, но реальное население, скорее всего, меньше.

— Насколько меньше? — спросил еще один воин.

— Гадать бесполезно. Мы сами скоро это увидим. Планета беззащитна.

— Короче, — вмешался Талос, — этот мир уже наш, братья. Нам надо лишь протянуть когти и взять его. Мы разделимся перед высадкой, — продолжил он. — Каждый Коготь возьмет на себя один городской сектор и сможет сделать с ним все, что пожелает.

— Зачем?

Все воины обернулись к Делтриану.

— Ты хочешь что-то сказать? — спросил его Талос.

Техножрец потратил долю секунды на то, чтобы облечь свои мысли в словесную форму и придать голосовой коммуникации как можно менее оскорбительный тон.

— Я хотел бы спросить, господин, зачем вам вообще понадобилась высадка на планету? Что может дать нам этот беззащитный мир?

Талос не смутился. Взгляд его черных глаз впился в капюшон техножреца и поблескивающие линзы под ним.

— Это не отличается от любого другого набега, почтенный жрец. Мы грабители. Мы грабим. Именно этим мы и занимаемся, не так ли?

— Тогда я задам еще один вопрос. Зачем мы преодолели четверть Галактики, чтобы добраться до этого места? Полагаю, я могу воздержаться от анализа количества имперских планет и подсчета потенциальных целей для грабежа. Так что я сформулирую свой вопрос следующим образом: зачем мы

прибыли к Тсагуальсе?

Повелители Ночи снова притихли. В кои-то веки они смотрели на пророка в безмолвном ожидании.

— Я хочу получить ответы, — произнес Талос. — И считаю, что найду их здесь.

— Ответы на что, Ловец Душ? — спросил один из воинов.

Талос видел отражение того же вопроса во многих глазах.

— На то, почему мы все еще ведем эту войну?

Как и ожидалось, его слова встретили хохотом, фразами: «Чтобы выиграть ее» и «Чтобы выжить», мешавшимися с насмешливым гамом. Это вполне устраивало Талоса. Пусть думают, что это шутка ветерана, которой он поделился с братьями.

Прошло три часа, прежде чем Ксарл сказал то, чего ждал Талос:

— Ты не должен был этого говорить.

В оружейной кипела работа. Септимус и несколько сервиторов

облачали Первый Коготь в боевые доспехи.

Кирион покосился на смертного раба, помогавшего завинтить крепления наголенника.

— Ты смотришься не краше мертвеца, — заметил легионер.

Септимус выдавил улыбку, но ничего не ответил. Его опухшее лицо смахивало на палитру художника, где преобладал синий.

— Талос, — повторил Ксарл, — ты не должен был говорить этого на военном совете.

Талос сжал и разжал кулак, проверяя работу механизмов перчатки. Перчатка откликнулась приглушенным, мягким гулом отлаженных сервомоторов.

— Чего именно я не должен был говорить? — спросил он, хотя прекрасно знал ответ.

Ксарл дернул левым плечом, на которое сервитор прикреплял наплечник.

— Никто не станет уважать командира-нытика. Ты слишком много думаешь, слишком часто оглядываешься на прошлое. Они посчитали твои слова

шуткой, и только это тебя спасло. Но поверь мне, брат: ни один из Когтей не захочет спускаться на поверхность проклятого мира лишь затем, чтобы удовлетворить твое стремление к духовным поискам.

Талос кивнул, соглашаясь с подозрительной легкостью. Попутно он проверял болтер.

— Верно. Единственная причина, ради которой они согласятся на высадку, — это возможность посеять ужас в мирном населении, так ведь? При таком примитивном и непродуктивном мышлении нет места для сомнений или более глубоких эмоций.

Первый Коготь несколько секунд молча смотрел на своего командира.

— Что с тобой не так? — нарушил тишину Ксарл. — Что за горечь отравила твои мысли в последние ночи? Ты говорил так же, прежде чем впасть в долгий сон, и уже дважды после пробуждения. Почему ты не прекращаешь выступать против легиона? Мы — то, что мы есть.

Пророк прикрепил болтер к бедру с

помощью магнитного зажима.

— Мне надоело просто выживать на этой войне. Я хочу ее выиграть. Я хочу, чтобы в нашей борьбе появился смысл.

— Мы — то, что мы есть, Талос.

— Тогда мы должны стать лучше. Мы должны изменяться и развиваться, потому что застой не приведет ни к чему.

— Ты говоришь так же, как говорил Рувен, прежде чем нас покинуть.

Губы пророка скривились в презрительной улыбке.

— Я долго держал эту горечь внутри, Ксарл. Разница лишь в том, что теперь мне хочется о ней говорить. И я об этом не сожалею. Говорить об этих пороках — словно вскрыть назревший гнойник. Я уже чувствую, как яд вытекает. Нет греха в том, чтобы стремиться прожить жизнь со смыслом. Предполагается, что мы ведем войну и сеем страх во имя нашего отца. Мы поклялись отомстить за него.

На бледном лице Ксарла появилась озадаченная гримаса, которую он даже не попытался скрыть.

— Ты спятил? Сколько воинов легиона

искренне прислушивались к бреду обезумевшего примарха, да еще прозвучавшему так давно?

— Я не говорю, что легион прислушивался к его словам. — Талос сузил глаза. — Я говорю, что мы должны были к ним прислушаться. Если бы мы поступили так, наши жизни значили бы куда больше.

— Легион уже преподал свой урок. Преподал в ту ночь, когда умер примарх. Все, что остается, — это постараться выжить любой ценой и дождаться падения Империума.

— И что случится, когда Империум падет? Что тогда?

Ксарл бросил на Талоса быстрый взгляд.

— Какая разница?

— Нет. Этого недостаточно. Не для меня.

Мышцы воина напряглись, зубы твердо сжались.

— Успокойся, брат.

Талос шагнул вперед, но Меркуций и Кирион немедленно вцепились в него, стараясь удержать на месте.

— Этого недостаточно, Ксарл.

— Талос... — прохрипел Кирион, обеими руками пытаясь оттащить пророка.

Ксарл смотрел на него, широко распахнув глаза и не зная, пора ли браться за оружие. Талос все еще пытался вырваться из рук братьев. В его черных глазах плясал огонь.

— Этого недостаточно. Мы стоим в пыли, оставшейся от веков бессмысленных злодеяний и бесконечных поражений. Легион был отравлен, и мы пожертвовали целым миром, чтобы очистить его. Но мы проиграли. Мы — сыны единственного примарха, возненавидевшего свой легион. И тут мы опять проиграли. Мы поклялись отомстить Империуму и все же бежим с каждого поля боя, если не можем обрушиться сокрушительной силой на слабого противника. Мы терпим поражение снова, и снова, и снова. Разве ты когда-нибудь сражался в бою, где для победы тебе пришлось приложить хоть какие-то усилия и без шанса на бегство? Разве такое было хоть с кем-то из нас?

Разве ты хоть однажды со времен Осады Терры обнажил оружие с мыслью, что можешь погибнуть в схватке?

— Брат...

Ксарл попятился от Талоса, который сделал еще шаг вперед, невзирая на все усилия Кириона и Меркуция.

— Я не желаю бессмысленно бросить свою жизнь на ветер. Ты слышишь меня? Ты понимаешь меня, принц трусов? Я хочу отомстить Галактике, ненавидящей нас. Я хочу, чтобы имперские миры трепетали в ужасе при вести о нашем приближении. Я хочу, чтобы вой имперских душ достиг самой Священной Терры и чтобы от звуков их агонии бог-мертвец задохнулся на своем Золотом Троне.

Вариил присоединился к братьям, не дававшим Талосу добраться до Ксарла. Только Узас стоял в стороне, глядя на них с мертвенным равнодушием. Пророк, извиваясь в их руках, ухитрился пинком отшвырнуть Кириона.

— Я брошу тень на всю эту планету. Я испепелю каждого мужчину, женщину и ребенка, так что дым от погребальных

костров затмит солнце. Собрав их прах, я приведу «Эхо проклятия» в священные небеса над Террой и обрушу пепел двадцати миллионов загубленных смертных на императорский дворец. И тогда они нас запомнят. Тогда они запомнят легион, перед которым некогда трепетали в страхе.

Талос вогнал локоть в наличник Меркуция, отправив брата на пол под треск керамита. Удар кулаком по горлу швырнул апотекария следом, и больше никого не осталось между Ксарлом и пророком. Талос направил золотой клинок Аурума в левый глаз товарища.

— Больше никакого бегства. Никакого грабежа ради скудной поживы. Отныне, когда мы увидим имперский мир, мы больше не будем спрашивать, стоит ли атаковать его ради добычи? Нет, мы спросим, какой вред его гибель принесет Империуму? И когда магистр войны призовет нас в Тринадцатый Крестовый поход, мы ответим на зов. Ночь за ночью мы будем сражаться, чтобы поставить Империум на колени. Я отброшу то, во

что превратился этот легион, и перекую его в то, чем он должен быть. Я ясно выразился?

Ксарл кивнул, не сводя глаз с лица пророка:

— Я слышу тебя, брат.

Талос не опустил клинок. Он полной грудью вдохнул застоявшийся рециркулированный воздух корабля, наполненный острыми запахами машинного масла и пота Септимуса. Раб был напуган.

— Что? — спросил его хозяин.

Септимус стоял в своей поношенной куртке. Его нечесаные волосы рассыпались вокруг лица, не скрывая поврежденной оптической линзы. В руках раб сжимал шлем своего господина.

— У вас из уха течет кровь, повелитель.

Талос поднял руку, чтобы проверить. На пальцах его перчатки остался кровавый след.

— Моя голова в огне, — признал он. — Я никогда не мыслил яснее, чем сейчас, но приходится платить за это очень

мучительной болью.

— Талос? — произнес один из братьев.

Пророк не был уверен, что узнал голос. Зрение помутилось, и все они выглядели одинаково.

— Ничего страшного, — сказал он безликой толпе.

— Талос? — позвал другой голос.

Пророка внезапно поразила мысль, что братья не понимают его. Язык едва ворочался во рту. Разве он говорил невнятно?

Талос выпрямился и сделал глубокий вдох.

— Я в порядке, — сказал он.

Остальные смотрели на него с сомнением. Холодный взгляд Вариила был острее прочих.

— Талос, нам надо как можно скорее поговорить в апотекарионе. Есть несколько тестов, которые я должен провести, и есть подозрения — надеюсь, неоправданные.

— Как хочешь, — согласился пророк. — Но после того, как мы вернемся с Тсагуальсы.

IV
УГРОЗА ЗИМЫ

Город Санктуарий едва ли был достоин называться городом, а свое громкое имя он заслужил еще меньше. Самый большое из поселений на отдаленной пограничной планете Даркхарна, он представлял собой уродливое нагромождение приземлившихся исследовательских судов, крейсеров колонистов, наполовину погребенных в песке, и примитивных блочных конструкций, едва выдерживающих пыльные бури. Эти шторма бичевали лицо планеты, заменяя собой настоящую погоду.

Стены из дешевого рокрита и проржавевшего железа окружали город. Дыры в них были с грехом пополам залатаны досками и пластинами брони, содранными с приземлившихся кораблей.

Повелитель этого сляпанного на скорую руку поселения осматривал свои владения из относительной тишины офиса. Когда-то это помещение было

наблюдательной башней грузового транспорта экклезиархии «Цена милосердия». Теперь комнату очистили от скамей и наблюдательных платформ, и ее заполняли только личные вещи архрегента. Он называл помещение своим офисом, но, по сути, оно было его домом, как и домом каждого из архрегентов за те пять поколений, что сменились со Дня Падения.

Прозрачный купол был достаточно толст, чтобы заглушить рев пыльных ветров снаружи, — не важно, как сильно они стегали раскинувшееся внизу поселение. Сейчас архрегент наблюдал за наступлением бури. Он не мог слышать сам завывающий ветер, но ощущал его присутствие по хлопанью изодранных флагов и стуку запирающихся бронированных окон.

«Опять тьма? — размышлял он. — Мы опять погрузимся во тьму? Может ли это быть первым штормом еще одной Серой Зимы?»

Архрегент прижал ладонь к прочному стеклу, словно мог почувствовать ветер,

прочесывающий кости его города-свалки. Затем его взгляд скользнул вверх, к тонкой облачной пелене и звездам за ней.

Даркхарна — настоящая Даркхарна — все еще была где-то там. Возможно, Империум уже отправил новый флот колонистов, чтобы заменить тот, что сгинул всем составом в глубинах варпа. Сгинул лишь затем, чтобы иматериум изрыгнул его в реальное пространство на Восточной границе. Та ненадежная связь, что существовала между этой Даркхарной — Даркхарной, которую они называли домом, и остальным Империумом, была ограничена, чтобы не сказать хуже. И проблема заключалась не только в небольшом населении. Некоторые вещи следовало держать в секрете.

Последний сеанс связи состоялся несколько лет назад — искаженное помехами вокс-сообщение с далекой планеты, передающей сигнал из еще большего далека. Лишь Трон знает, как передача прошла. Автоматический ответ на столетия просьб о припасах и эвакуации был груб до жесткости:

«Вы под защитой даже во тьме. Всегда помните: Император знает все и видит все. Боритесь. Процветайте».

Архрегент медленно вздохнул, когда воспоминание отрачило его мысли. Его значение было вполне очевидно: «Оставайтесь на своей мертвой планете. Живите там, как жили ваши отцы. Умирайте там, как умирали ваши отцы. Вы забыты».

Во время своего правления он сам говорил лишь с двумя людьми из внешнего мира. Первым был капитан-маг разведывательного судна, совершавшего рейд в глубоком космосе. Капитан не был расположен к беседе — его интересовал лишь перечень полезных ресурсов планеты, после чего он собирался двинуться дальше. Не обнаружив почти ничего ценного, он через пару часов покинул орбиту. Вторым был владыка благословенных Адептус Астартес, который сообщил архрегенту, что этот регион перешел под защиту его воинов, ордена Генезиса. Они охотились за отступающим флотом ксеносов вдали от императорского света. Хотя командир

имперских космодесантников и выразил сочувствие невольным колонистам Даркхарны, на его корабле, по словам Астартес, «не было места, куда могли бы ступить десять миллионов смертных сапог».

Архрегент, конечно, ответил, что понимает его. Никто не спорит с воинами из героических мифов. Действительно, никто — особенно когда запасы их терпения столь невелики.

— Разве у вас нет астропатов? — расспрашивал вождь космодесантников. — Нет людей с псайкерскими способностями, готовых послать зов в пустоту?

О, такие люди у них были. Люди с псайкерскими способностями рождались на Даркхарне даже слишком часто — факт, который архрегент посчитал разумным скрыть от командира Адептус Астартес. Половина из псайкерски одаренных мужчин и женщин, рождавшихся в городах колонии, страдали от мутаций и аберраций, несовместимых с жизнью. Что касается второй половины, многих умерщвляли после того, как они оказывались

неспособными пройти обучение. То, что в Санктуарии называлось гильдией Астропатов, было разношерстным сборищем шаманов и толкователей снов. Они вечно шептали молитвы духам предков, невидимым никому, кроме них, и настаивали на том, что следует поклоняться солнцу как далекому воплощению Императора.

Те вожди, что прошли посвящение и облачились в мантии экклезиархов — среди них архрегент и абеттор, — могли понять притягательность поклонения солнцу в этом чернейшем из миров. И хотя большая часть населения города имела доступ к старым архивам, подавляющее их число считало себя правоверными.

Однако всему есть предел. В лучшем случае «кул астропатом» был зародышем скверны, выжидающей своего часа, а его представители практически не могли контактировать с внешним космосом. В худшем — они уже превратились в законченных еретиков, и следовало искоренить их, так же как их предшественников искореняли прежние

архрегенты. Сколько раз они взывали к космосу, не получая ответа и даже не зная, достаточно ли громок их зов, чтобы достичь иных сознаний?

Архрегент какое-то время простоял у окна, наблюдая за загорающимися в небе звездами. В своей задумчивости он даже не услышал поначалу глухого скрипа двери, открывающейся в энергосберегающем режиме.

— Архрегент? — робко раздалось из-за спины.

Обернувшись, архрегент столкнулся со взглядом задумчивых глаз на неизменно хмуром лице абеттора Муво. Молодой человек был болезненно тощ, а его подернутые кровавыми прожилками глаза и желтая кожа говорили о плохой работе внутренних органов. В этом он ничем не отличался от других жителей Санктуария и остальных городов Даркхарны. Примитивные гидропонные плантации в темных трюмах вставших на вечный якорь крейсеров поддерживали существование потомков первых колонистов, но вряд ли придавали им

здоровья. Про себя архрегент уже давно решил, что есть разница между жизнью и простым выживанием.

— Привет, Муво, — улыбнулся пожилой человек.

Улыбка углубила морщины на его истощенном лице.

— Чему я обязан удовольствием видеть тебя?

— Предсказатели бурь с восточных холмов прислали предупреждение. Я подумал, что вам захочется это услышать.

— Благодарю тебя за бдительность. Полагаю, вновь наступает Серая Зима? По ощущениям, в этом году она пришла рановато.

Но ему каждый год казалось, что зима наступает все раньше и раньше. «Один из пороков старости», — подумал он.

В кои-то веки угрюмая гримаса абеттора смягчилась.

— Поверите, если я скажу, что мы получили сигнал из внешнего мира?

Архрегент даже не попытался скрыть удивление. Вокс и пикт-контакты за

пределами Санктуария, а часто и внутри его стен, были столь ненадежны, что технология почти вымерла. Он мог пересчитать по пальцам одной руки вокс-переговоры за последние два года, да и то все три раза он говорил с людьми в пределах Санктуария.

— Я был бы искренне рад, — отозвался архрегент. — Видеосигнал?

Абеттор только неопределенно буркнул в ответ, ничего не сказав.

— А, — кивнул архрегент. — Я так и думал, что нет.

Двое мужчин подошли к облупленному столу архрегента, где их встретил вмонтированный в дерево темный экран. Следовало подкрутить несколько ручек, прежде чем можно будет различить голос.

Ривалл Мейд, сын Даннихена Мейда, был техником, как и его отец. Он состоял в должности предсказателя бурь, что служило причиной немалой гордости, однако подъем на холмы и метеорологические прогнозы составляли лишь малую часть его обязанностей.

Большинство людей, запертых в стенах Санктуария и других поселений, имели весьма смутное представление о его работе.

И его вполне устраивала их неосведомленность. Законопослушные граждане, конечно, были уверены, что использовать унаследованные от отца метеорологические аупик-сканнеры куда более почетно, чем то, чем он занимался на самом деле. А именно: бродить, обмотавшись тряпками и прикрыв глаза от жесткого, как наждак, песка пустыни очками, и выстатривать вещи, которые не существовали, — или пытаться отремонтировать то, что ремонту уже не подлежало.

Ит требовался металл. Жители Санктуария нуждались в металле почти так же, как нуждались в пище, но найти его было практически невозможно. Все рудные жилы, которые он обнаружил во время своих вылазок, оказались опустошены дочиста и бесполезны. А все обломки корабельной обшивки, оставшиеся со Дня Падения, давным-давно растащили

его предшественники.

Башни вокс-связи и бункеры-хранилища — дело другое, но и они пребывали в столь же плачевном состоянии. Первое поколение оптимистов, пережившее День Падения, явно отличалось оптимизмом и предприимчивостью. Они построили в пустыне линии ретрансляторов, связывающих каждый город сетью ненадежных вокс-коммуникаций. Хранилища были вырыты под землей, чтобы снабжать топливом и припасами путешественников, отправляющихся в другие города и окружающие их поселки. Сразу после посадки не возникало проблем с тем, чтобы перегнать прометиумное топливо и заправить им колесные транспортные средства, хотя флаеры и космические корабли были прикованы к земле, — им горючего бы не хватило, да они и не могли летать при здешних ветрах.

Ривалл стоял на краю утеса, протирая линзы макробинокля от пыли и разглядывая оставшийся позади

Санктуарий — смутное пятно на горизонте. Сейчас большая часть города опустела. Флот, совершивший посадку на Даркхарне, насчитывал почти тридцать миллионов душ, скучившихся в трюмах транспортников и военных судов, переоборудованных для перевозки колонистов. Судя по последней всепланетной переписи, сейчас ее население сократилось больше чем на две трети. Шел четыреста семнадцатый год со Дня Падения.

— Мейд, иди сюда.

— Кто еще там?

Он опустил макробинокль и шагнул под прикрытие скал, где оставался его напарник. Эрухо был так же замотан в тряпки, как и Ривалл, не оставив ни одного участка кожи на милость безжалостного ветра. Он сидел на корточках рядом с переносным вокс-передатчиком и подкручивал ручки.

— Всего-то-навсего долбаный архрегент, — ответил Эрухо. — Если, конечно, ты можешь оторваться от созерцания горизонта.

Мейд присел рядом с ним и прислушался, стараясь уловить голос.

— ...отличная работа, предсказатели бурь, — донеслось из вокса сквозь треск помех. — ...Зима?

Ответил ему Мейд:

— Сканеры зафиксировали падение температуры и увеличение силы ветра в последние недели. Первые бури уже на пороге, но до Серой Зимы осталось еще несколько недель, сэр.

— Повторите, пожалуйста, — отозвался голос.

Мейд глубоко вздохнул и отвел полоски ткани с лица, подставляя губы обжигающему ветру. Он повторил свой отчет слово в слово.

— Хорошие новости, джентльмены, — ответил архрегент.

— Так мы теперь джентльмены? — тихо и ядовито спросил Эрухо.

Мейд ему улыбнулся.

— Сэр? — проговорил он в микрофон устройства. — Что-нибудь слышно от Такиса и Корудэ?

— От кого? Боюсь, эти имена мне

незнакомы.

— Это...

Мейду пришлось прокашляться, чтобы прочистить горло от забившей его кристаллической пыли.

— Это команда, отвечающая за следующий восточный рубеж. Они отправились осмотреть упавший прошлой ночью астероид, надеясь найти железо.

— А! Конечно. Нет, пока никаких известий, — откликнулся архрегент. — Извините, джентльмены.

Ривалли Мейду понравился голос старика. Он звучал тепло, почти терпеливо, словно тот и вправду беспокоился о них.

— Полагаю, этот разговор стал возможен лишь потому, что вы сумели починить проржавевшие механизмы на Восточном столбе — Одиннадцать?

Мейд снова улыбнулся, несмотря на секущую губы пыль.

— Так и есть, сэр.

Он не стал добавлять, что им пришлось разобрать на запчасти старый грузовичок, чтобы справиться с работой.

— Редкая победа. Я благодарю и восхищаюсь вами обоими. Загляните в мой офис, когда кончится ваша смена. Я предложу вам стаканчик того, что в моем небогатом баре проходит за высококлассное спиртное.

Ни Мейд, ни Эрухо не ответили.

— Джентльмены? — тревожно зазвенел голос архрегента. — Неужели мы потеряли связь?

Эрухо первым упал на землю. От удара о камень его скула треснула. Он ничего не сказал. И ничего не сделал — лишь молча истек кровью. Меч, пронзивший сердце, мгновенно оборвал его жизнь.

Мейд рухнул на скалы еще живым. Он протянул окровавленную руку к кнопке тревожного сигнала вокс-передатчика, но у него не хватило сил нажать. Заляпанные красным пальцы чертили бессмысленные узоры по пластэку кнопки.

— Джентльмены? — переспросил архрегент.

Мейд втянул воздух в легкие последний раз в своей жизни и использовал

его для крика.

Архрегент оглянулся на абеттора. Его младший товарищ теребил рукав своей бурой хламиды.

— Надеюсь, ты скажешь, что это помехи, — произнес архрегент.

Абеттор фыркнул:

— А что еще это может быть?

— Звучало очень похоже на крик, Муво.

Абеттор попытался изобразить улыбку, однако вышло не слишком удачно. Что касается пожилого архрегента, слух с недавнего времени начал его подводить. Оба они знали, что Муво приходится неоднократно повторять свои слова, чтобы регент расслышал их правильно.

— Думаю, это были помехи, — снова сказал абеттор.

— Возможно.

Старик провел рукой по редеющим седым волосам и вздохнул.

— И все же, если эти джентльмены не восстановят связь в течение часа, мне хотелось бы отправить поисковую

команду. Ты слышал, как силен ветер, Муво. Если они упали с тех утесов...

— Тогда они уже мертвы, сэр.

— Или нуждаются в помощи. Но мертвыми или живыми, мы их вернем.

В эту секунду он почувствовал странный прилив энергии. Пылевые равнины забрали слишком многих из них за прошедшие годы, а Эрухо и Мейда можно было найти в течение нескольких дней, если бури действительно обождут хоть немного.

Вокс снова затрещал, словно при настройке каналов. Абеттор ухмыльнулся — торжествующе, но безрадостно. Архрегент улыбнулся в ответ.

— В самом деле, помехи. В этом раунде ты выиграл, — сказал пожилой человек.

Однако его пальцы застыли в нескольких миллиметрах от ручки настройки. Голос, прохрипевший из динамиков, не принадлежал человеку. Он был слишком низким, слишком гортанным, слишком холодным:

— — Вы никогда не должны были

заселять этот мир. Наш позор принадлежит только нам. Наши Когти вновь очистят Тсагуальсу от жизни. Прячьтесь в своих городах, смертные. Заприте двери, приготовьте оружие и ждите, пока не услышите наш вой. Этой ночью мы придем за вами.

V
ЧИСТАЯ ВОЙНА

Даннихен Мейд отметил свой пятьдесят восьмой день рождения месяц назад, что по меркам Даркхарны делало его практически долгожителем. В его костях накопилось столько песка после всех этих лет на пылевых равнинах, что больно было и двигаться, и лежать неподвижно. В последние дни он занимался в основном вторым.

Равнины изрядно потрепали старика за долгие годы. На коже оставались трещины, вскоре превращавшиеся в язвы. Потом силикоз легких от пыли, попадавшей через рот и нос, и, как результат, потеря легочной ткани от некроза или инфекции, после чего ты начинал при кашле отхаркивать кровавую мокроту.

Больные глаза — тоже вечное несчастье. Из них постоянно текло, но каким-то образом они еще и постоянно сохли. Зрение ослабло из-за частичек

песка, вечно лезущих под веки. Да и слышал он тоже неважно. Лишь Императору известно, во что жесткая, как наждак, пыль за десятилетия превратила его ушные канальцы, но, когда сердце старика билось чаще, а кровь бурлила, все казалось приглушенным и расплывчатым, словно он глядел на мир из-под воды.

Но сильнее всего болело сердце. Через несколько минут ходьбы оно начинало судорожно биться и колотьем напоминать о себе хозяину.

В общем, он имел все основания для жалоб, но жаловался очень редко. Даннихен Мейд был не из тех, кто тешит свои болячки. И все же он попытался отговорить Ривалла от жизни на равнинах. Увы, уговоры не сработали. Все было почти так же, как тогда, когда собственный отец Даннихена отговаривал его теми же самыми словами. Давным-давно, до всех этих болей и недомоганий.

Старик как раз снова вернулся мыслями к тому дню, когда городские сирены взвыли разноголосым хором.

— Вы, должно быть, шутите, — вслух произнес он.

Бури начались в этом году чертовски рано. Ривалл говорил в последний раз, что у них в запасе еще пара недель или даже месяц.

Даннихен с усилием стащил себя с кушетки, служившей ему кроватью. Оба колена треснули, так что пришлось втянуть воздух сквозь сжатые зубы. Коленные чашечки отозвались болью, словно в них впилась сотня иголок. «Скверно, скверно. Старость — не радость».

Мимо окна скользнула тень. Старик поднял голову как раз в ту секунду, когда кулаки забарабанили по панели из DCN, заменявшей дверь.

— Трон треклятого Императора!.. — прокряхтел он.

Коленные суставы снова запротестовали, но Даннихен уже стоял на ногах и шагал к двери, игнорируя их протесты.

По другую сторону двери оказался Ромул Чайзек. Что интересно, Ромул Чайзек был при оружии. Видавшая виды

гвардейская лаз-винтовка явно появилась на свет еще в прошлом тысячелетии, однако, будучи патрульным улицы Юг-43, ниже перекрестка Север/Юг-55, Рому мог брать оружие на дежурство.

— Собрался поохотиться на пыльных кроликов? — почти захихикал Даннихен, махнув на винтовку. — Вроде рановато для отстрела мародеров, парень.

— Сирены.

Рому едва дышал. Очевидно, он примчался сюда бегом по грязному переулку, который в этом районе приземистых блочных построек мог считаться улицей.

— Сезон штормов начался рано.

Даннихен высунулся из двери, но взглянуть на небо мешала зубчатая линия крыш Санктуария. Из домов выбегали целые семьи и суматошно носились по улице во всех направлениях.

Рому тряхнул головой.

— Приди в себя, ты, старый глухой идиот! Двигай за мной в подземное убежище.

— И не подумаю.

Дом Мейда выдержал все прошлые Серые Зимы, как и большая часть построек в этом районе города. Южному сектору, от 20-й до 50-й, достались лучшие армейские посадочные модули в День Падения. Броня пришлась очень кстати, когда речь заходила о самых сильных пыльных бурях.

— Послушай меня. Это не шторм. На архрегента напали.

В первую секунду Даннихен не знал, что делать, — то ли рассмеяться, то ли вернуться обратно в кровать.

— На него... что?

— Это не шутка. Он может быть уже мертв или... Или еще хуже. Ну же! Посмотри на небо, сукин ты сын!

Даннихен уже видел прежде такой же страх, что плескался сейчас в глазах Рому. Видел на лицах тех, кто работал вместе с ним за пределами городских стен. Животный ужас заблудиться на равнинах, потерять направление, когда обрушится пыльная буря. Беспомощность — подлинная и абсолютная беспомощность — была написана на лице человека,

превращая его черты в уродливую болезненную гримасу.

Он посмотрел на запад, туда, где за рядами рукотворных сталагмитов — городской линией крыш — тусклый оранжевый отблеск освещал вечернее небо и далекую башню архрегента.

— Кто? — спросил он. — Кому понадобилось нападать на нас? Кто хотя бы знает, что мы здесь? Кому есть до этого дело?

Рому уже сорвался с места и смешался с толпой. Даннихен увидел, как замотанная тряпками рука патрульного протянулась и подняла упавшего мальчишку, а затем швырнула его в плотную гущу тел.

Даннихен Мейд подождал еще секунду, прежде чем развернуться и поволочить свои больные колени и артритные руки обратно в дом. Когда он вышел снова, то нес собственную лазвинтовку — и эта работала без сучка без задоринки, благодаря уходу. Он использовал ее в те дни, когда завязал с предсказанием бурь и поступил добровольцем в

патрульную службу, отстреливая тародеров во время Серых Зим.

Он держался сбоку от людского потока. Все спешили на север, а он упрямо шагал на восток. Если на архрегента напали, убегать и прятаться он не станет. Никто не скажет, что Даннихен Мейд уклонился от своего кровавого долга.

Бывший патрульный бросил вниз быстрый взгляд, лишь для того чтобы проверить лаз-винтовку. В эту секунду он и услышал дракона.

Люди, все как один, закричали и пригнулись, прикрывая руками головы, когда зверь с ревом промчался над ними. Они с ужасом смотрели вверх, а грохот разрывал их барабанные перепонки. Только Даннихен остался стоять, как стоял. Его слезящиеся глаза расширились от страха.

Дракон, черный на фоне серого неба, с ревом несся на воющих... турбинах. Нет, не дракон. Летучий корабль. Боевой катер. Но на Даркхарне ничего не летало уже целые столетия! Толпа захлебывалась криком. Тощие родители несли на руках еще более тощих детей, пряча глаза.

Корабль дернулся и завис над ними. Из его дюз вырвалось пламя, ветер хлестнул песком по бронированной обшивке. Собственная инерция катера не дала ему остановиться и поволокла дальше по воздуху, пока вихрь яростно стегал его темный корпус. Горбатый нос судна, казалось, нацелился на перепуганных людей внизу — но вот корабль неспешно развернулся. Дома зашатались и растрескались, когда двигатели загрохотали, швырнув катер через полнеба. Он скрылся вдали в мгновение ока — Даннихен едва успел моргнуть.

Старый патрульный сорвался с места, забыв о боли в суставах.

— Пропустите меня, — говорил он, когда надо было освободить дорогу, хотя толпа расступалась и мчалась в противоположном направлении и без всяких просьб с его стороны. Катера им было более чем достаточно.

Он миновал три улицы, прежде чем колени сдались. Даннихен прислонился к шаткой стене, проклиная иглы в суставах. Сердце вело себя не лучше — оно отчаянно

стучало, и грудь словно стянули скобами. Даннихен треснул кулаком о грудину, как будто гнев мог охладить разгорающееся пламя.

Оранжевые отблески в тучах стали ярче. Пожары в городе распространялись.

Он перевел дыхание и принудил колени к повиновению. Колени дрожали, но подчинялись, и Даннихен заковылял вперед на трясущихся ногах. Он прошел еще две улицы, прежде чем вынужден был остановиться и снова отдышаться.

— Слишком стар для этих глупостей, — прокашлял он, привалившись к стенке суборбитального транспортника класса «Арвус», теперь служившего домом для какой-то семьи.

Броня Легионес Астартес издает очень характерный шум — громкий и яростный гул невероятной энергии, запертой и ждущей своего часа. Сочленения доспеха, не покрытые керамитом, все же армированы для защиты от повреждений и наполнены сервомоторами и пучками искусственных волокон, имитирующих живую мышечную

ткань. Они воют и взрыкивают даже при мельчайших движениях, от наклона головы до сжатия кулака.

Ничего этого Даннихен Мейд не слышал, несмотря на то что все происходило лишь в паре метров от него. Старый патрульный еще пытался отдышаться. Кровяное давление поднялось, и Даннихен был глух ко всему, кроме лихорадочного стука собственного сердца.

Он видел, как улица пустеет по мере того, как люди разбегаются. Многие оглядывались на него, широко распахнув глаза и раззявив рты в криках, которых он не слышал. Зубы у него отчего-то заныли, и заболели десны. Где-то под веками нарастала дрожь, словно неподалеку пульсировал сильный инфразвук. Даннихен не мог его слышать, но чувствовал, словно непрошеную ласку.

Старик моргнул, чуть облегчив раздражение в слезящихся глазах, и только тут поднял голову. Когда он увидел то, что сидело, скорчившись, на крыше транспортника, истончившиеся стенки сердца наконец-то не выдержали.

Существо было облачено в древнюю боевую броню из керамитовых пластин цвета полуночи. На пластинах когтями были выцарапаны зигзаги молний. Скошенные рубиновые глаза уставились на него из глазниц череполикого шлема. Из громоздкого доспеха торчали шипы и гребни, влажно поблескивающие в лунном свете. Тварь была покрыта кровью от наличника и до подошв тяжелых ботинок.

К его наплечнику за волосы были привязаны три оторванные головы. Кровь все еще стекала из разодранных шей.

Даннихен уже рухнул на колени. Его разорвавшееся сердце потеряло ритм и вместо крови перекачивало одну боль. Странным образом к умирающему вернулся слух.

— У тебя инфаркт, — сообщила ему горбатая фигура низким и бесстрастным голосом, напоминавшим рокот чудовищного механизма. — Грудь и горло сдавило. Вздохнуть не получается. Это было бы забавно, если бы ты боялся меня, но ведь ты не боишься? Как необычно!

Даннихен, несмотря на боль, поднял

лаз-винтовку. Существо нагнулось и вытащило оружие из рук умирающего, как будто отнимая игрушку у ребенка. Не глядя, воин раздавил ствол винтовки в кулаке, смял его и отшвырнул в сторону.

— Считай, что тебе повезло.

Существо снова протянуло руку и подняло старика за седые космы.

— Твоя жизнь оборвется через пару секунд. Тебе никогда не узнать, каково очутиться в яме и быть освежеванным.

Даннихен выдохнул один нечленораздельный звук. Он обмочился, не чувствуя этого и не понимая, что на пороге смерти теряет контроль над собственным телом.

— Это наш мир, — сказал Меркуций умирающему человеку. — Вы никогда не должны были приходить сюда.

Торе Сич было семь лет. Ее мать работала на подземной гидропонной плантации, отец учил детишек сектора читать, писать и молиться. Ни мамы, ни папы не было рядом уже несколько минут — с того момента, когда они велели ей

дожидаться в единственной комнате, служившей домом их семье, и выскочили на улицу.

Девочка слышала, как все бегают и кричат снаружи. Городские сирены громко завывали, но перед этим не звучало штормового предупреждения. Обычно родители давали ей несколько дней на то, чтобы собраться и подготовиться к переселению в убежище, и это было до воя сирен.

Они не могли бросить ее здесь. Не могли убежать с остальными и оставить ее одну.

Рычание возникло где-то далеко, но приближалось с каждым ударом сердца. Это было рычание пса — злой собаки, которой надоели пинки прохожих. За рычанием последовали шаги. Что-то заслонило бледный свет в ее окошке, и девочка натянула тонкое одеяло повыше. Она ненавидела это покрывало. В нем жили блохи, оставлявшие на коже жгучую сыпь, но без него было слишком холодно. А теперь ей требовалось спрятаться.

— Я вижу тебя там, — произнес

раскатившийся по комнате голос.

Низкий рычащий голос с трескучими нотками, словно у ожившего машинного духа.

— Я вижу тепло твоих маленьких рук и ног. Я слышу биение твоего маленького сердца. Я чувствую твой страх, и вкус его воистину сладок.

Шаги приблизились, и кровать задрожала. Тора крепко зажмурилась. Покрывало прошелестело по коже — кто-то сорвал его с девочки, и теперь ей было холодно.

Когда холодная железная рука схватила ее за лодыжку, Тора отчаянно позвала родителей. Тень сдернула ее с кровати, держа в воздухе вверх ногами. Девочка увидела, как быстро сверкнул длинный серебряный нож.

— Это будет больно, — сказал ей Кирион. Его красные глаза смотрели на нее без выражения, без проблеска жизни. — Но долго не продлится.

Геррик Колуэн столкнулся с одним из них, когда вернулся за пистолетом.

Поначалу Геррик решил, что улица пуста. Однако он ошибся.

Поначалу он увидел огромную фигуру — почти на метр выше обычного человека, в шипастых доспехах, вынырнувших из самых глубин мифологии. Через плечо гиганта было перекинуто освежеванное и окровавленное человеческое тело. Кровь темным потоком струилась на пластины брони. Еще три трупа воин тащил за собой по пыльной улице, прикрепив к цепям, продетым сквозь позвоночники. Все тела были освежеваны с той же грубой поспешностью — кожа содрана рваными лоскутами. Сейчас грязь покрывала останки второй кожей. Пепел серой пленкой облепил обнаженные мышцы.

Геррик поднял пистолет. Это был самый храбрый поступок в его жизни.

Вариил обернулся к нему — в одной руке окровавленная хирургическая пила, в другой богато изукрашенный болтерный пистолет. Между человеком и Астартес прокатился раскат грома.

Что-то ударило Геррика в живот с силой мчащегося грузовика. Он даже не

смог вскрикнуть, потому что воздух мгновенно выдавило из легких. И не успел упасть, прежде чем болт у него в кишках сдетонировал, разорвав его на части в яростной вспышке света.

Боли не было. Он увидел, как кружатся звезды, как рушатся дома, и погрузился в черноту в ту же секунду, когда его безногий труп шлепнулся посреди пыльной улицы. Жизнь в глазах смертного угасла еще до того, как его череп треснул, выплеснув содержимое в грязь. Он был уже давно мертв, когда Вариил принялся сдирать с него кожу.

Атар Медриен замолотил кулаками по запертой двери:

— Впустите нас!

Вход в убежище, приписанное к трем улицам их субсектора, находился в подвале «Точильного станка» — дешевой забегаловки, располагавшейся как раз на перекрестке трех улиц. Атар никогда не пил там и, вообще, провел в баре больше пяти минут единственный раз в жизни. Это было во время Серой Зимы четыре

года назад, когда большинству жителей его района пришлось три недели просидеть под землей, пока пыльные бури терзали их дома.

Амар стоял перед запертым люком в толпе других беженцев, отрезанных от своего убежища.

— Они поспешили закрыть дверь, — звучало то здесь, то там.

— Это не буря.

— Ты видел пожары?

— Почему они заперлись?

— Вышибите дверь.

— Архрегент мертв.

Амар провел пальцами по кромке двери. Он знал, что не найдет ни щелки, но под давлением напирающих сзади тел все равно ничего не мог сделать. Если они продолжат ломиться в подвал — а людской поток и не думал прерываться, — его очень скоро расплющит о древнее железо.

— Они не собираются открывать...

— Там уже все забито.

Услышав последнюю фразу, он покачал головой. Разве убежище могло так быстро заполниться? Там достаточно места для

четырехсот человек. А здесь, рядом с ним, было около шестидесяти. Чей-то локоть вонзился ему в бок.

— Перестаньте толкаться! — выкрикнул кто-то. — Мы не можем открыть дверь!

Амар охнул, когда кто-то пихнул его сзади. Он ударился лицом о холодный металл и не смог даже оттолкнуть обидчика локтем, чтобы расчистить немного места.

Металлический визг открывающегося засова прозвучал для Амара как самая сладкозвучная песня. Люди у него за спиной восторженно захлопали, всхлипывая от облегчения и наконец-то делая пару шагов назад. Потные ладони вцепились в кромки и выступы и потянули что было сил. Дверь распахнулась, скрипнув давно не смазанными петлями.

— Бог-Император милосердный... — шепнул Амар, увидев то, что скрывалось за дверью.

На полу бункера валялись человеческие останки, изуродованные

настолько, что невозможно было узнать их. Кровь — ленивая река густой, остро пахнущей жидкости — выплеснулась на ботинки Амара и ноги стоящих за ним. Люди из задних рядов, не видевшие того, что видел он, давили на передних, чтобы прорваться в фальшивую безопасность убежища.

Глазам Амара предстали отрубленные конечности, разбросанные во все стороны. Скрюченные, заляпанные кровью пальцы валялись в кровавых лужах. Тела, слой за слоем, — кое-кто остался лежать там, где упал, других стащили в кучи. Темный камень стен красными уродливыми росчерками окропили брызги.

— Погодите, — выдохнул он так тихо, что сам себя не услышал.

Давление сзади не уменьшалось.

— Погодите...

Пошатнувшись под напором десятков тел, он ввалился в комнату. Как только Амар перешагнул через порог, до него донесся рев заводящегося цепного меча.

Забрызганный кровью — ярче всего выделялся свежий отпечаток пятерни на

его наличнике — Ужас поднялся из своего укрытия за курганом тел.

— Кровь для Кровавого Бога! — пробулькал он сквозь губы, залепленные нитями слюны. — Черепа для Восьмого легиона.

Архрегент смотрел сверху на пожары и задавался вопросом, как могут гореть железные корабли. Он знал, что загорался не сам корпус судна, а его горючая начинка. И все же странно было глядеть на дым и пламя, вырывающиеся сквозь пробоины в обшивке корабля, служившего ему домом. Ветер не мог целиком рассеять дым. Огромные серые клубы заполнили воздух вокруг наблюдательной башни, скрывая из виду все, кроме ближайших зданий.

— Известно ли, какая часть города в огне? — спросил он у гвардейца, стоявшего рядом с письменным столом.

— Согласно тем немногочисленным отчетам, что мы получили, большая часть населения направляется к предназначенным для них убежищам.

— Хорошо, — кивнул архрегент. —

Очень хорошо.

«Только пользы от этого мало», — подумал он. Если нападающие явились сюда, чтобы убивать, прятаться в убежищах бессмысленно — все равно что сгонять людей в одно стадо, словно животных, предназначенных на убой. Однако это уменьшило беспорядок на улицах, так что ситуация, условно говоря, несколько улучшилась.

— Список запечатанных убежищ, сэр, — сказал второй гвардеец.

На нем было такая же неказистая форма, как на первом, а в обтянутой перчаткой руке он держал инфопланшет. Архрегент взглянул на экран, где большая часть убежищ была подсвечена зеленым, — это означало блокировку дверей.

— Очень хорошо, — повторил он. — Если у нападающих будут какие-то требования, я желаю знать об этом заранее. Где абеттор Муво?

Ответила ему сама судьба, потому что Муво вошел в комнату прежде, чем кто-нибудь из двенадцати гвардейцев успел что-то сказать.

— Сэр, западные зернохранилища горят.

Архрегент закрыл глаза и ничего не ответил.

— Транспортные суда совершают посадку в западных районах. У них на борту сервиторы, мутанты, техника и... Трон знает, что еще. Они роют ямы и швыряют в них тела наших людей.

— Нам удалось передать сообщения в другие поселения?

Абеттор кивнул.

— Респайт и Санктум ответили, что получили предупреждения.

На секунду он замолчал, бросив быстрый взгляд на происходившее за стенами стеклянного купола.

— Противостоять захватчикам они смогут не лучше, чем мы.

Архрегент перевел дыхание.

— А что с нашим ополчением?

— Кое-кто из них собирается, другие направляются в убежища со своими семьями. Патрульные организуют отступление в укрытия. Отдать им приказ отклониться от штормового

протокола?

— Пока нет. Дайте гражданам знать, что все патрульные и ополчение должны собраться в назначенных им укрепленных точках, когда все убежища будут закрыты. Мы должны сопротивляться, Муво.

Он оглянулся на двух своих гвардейцев и прочистил горло.

— В связи с чем, молодые люди, не могли бы вы дать мне оружие?

Один из гвардейцев моргнул.

— Я... сэр?

— Этот пистолет мне вполне подойдет, благодарю.

— А вы знаете, как из него стрелять, сэр?

Архрегент натужно улыбнулся.

— Знаю. А теперь, Муво, мне нужно, чтобы ты... Муво?

Аббеттор поднял трясущуюся руку, указывая на что-то за спиной архрегента. Все люди в комнате обернулись, уставившись на огромный силуэт хищной птицы, вынырнувший из дыма. Стена купола была достаточно толстой, чтобы заглушить все звуки, но янтарное пламя,

вырывающееся из дюз машины, расцветило армированное стекло миллиардами отблесков. Люди следили за тем, как машина поднялась выше — призрак гигантского ястреба в мутной дымке, — пока не зависла над потолком. Пламя из дюз ударило по куполу и скатилось по его поверхности огненной волной. Снизу это выглядело очень красиво.

На глазах у архрегента катер разинул пасть. В воздух выдвинулся трап, и с неба упали две фигуры. В руках одной из них сверкнула золотая вспышка. Там, где ударил клинок, по куполу протянулись толстые трещины.

Ботинки двух воинов ударили в трещины, и купол раскололся, окатив комнату внизу водопадом стекла. Острые как бритва бриллианты дождем посыпались в центральную часть комнаты под аккомпанемент гулкого рева двигателей катера. Прозрачный барьер больше не заглушал их воя.

Двое пролетели двадцать метров, прежде чем обрушиться на палубу с такой силой, что весь зал содрогнулся. На какую-

то секунду они, не поднимая голов, затерли на коленях в проделанной ими вмятине. Звон стеклянного града по их доспехам звучал почти музыкально.

Затем они встали. В руках одного был колоссальный цепной меч, у второго — золотой клинок. Они двигались согласованно, как два хищника в стае, с неосознанной животной грацией. Воины направились к столу. При каждом их шаге раздавался лязг керамита о железо.

Оба телохранителя архрегента открыли огонь. В ту же секунду оба воина метнули свои мечи. Первый гвардеец умер, когда золотой клинок пронзил его грудь. Солдат упал и забился в конвульсиях. Цепной меч врезался в голову и торс второго, и зубья оружия принялись перемалывать его плоть. Абеттора и регента заляпало теплыми клочками мяса и горячей кровью. Ни тот ни другой не шелохнулись.

Архрегент сглотнул, глядя на приближающиеся бронированные фигуры.

— Зачем? — спросил он. — Зачем вы пришли сюда?

— Вопрос неверный, — ухмыльнулся Ксарл.

— И мы не обязаны отвечать тебе, — сказал Талос.

Архрегент поднял позаимствованный пистолет и, прищурившись, начал целиться. Воины продолжали наступать. Аветтор Муво рядом с ним сплел пальцы, стараясь сдержать их дрожь.

— Император защищает, — сказал архрегент.

— Если бы он защищал, — отозвался Талос, — то никогда не отправил бы вас на эту планету.

Ксарл заколебался.

— Брат, — передал он по воксу, не обращая внимания на старика с пистолетом. — У меня тут сигнал с орбиты. Что-то не так.

Талос обернулся ко второму Повелителю Ночи.

— Я тоже это слышу. Септимус, направь «Опаленного» к восточному краю башни. Мы должны немедленно вернуться на орбиту.

— Слушаюсь, господин, — треснуло в

ответ.

Не прошло и нескольких секунд, как боевой катер завис у стены купола. Трап опустился, как распахнутый клюв горбоносого орла.

— Император защищает, — вновь прошептал архрегент.

Дрожь сотрясала его слабое тело.

Талос повернулся к смертному спиной.

— Похоже, в редких случаях он действительно защищает.

Оба Повелителя Ночи на бегу вырвали свои мечи из мертвых тел и, выхватив болтеры, открыли пальбу по армированному стеклу. Их бронированные фигуры ударили в поврежденную стену купола и скрылись в дыму. Архрегент смотрел, как силуэты воинов растворяются в темноте внутреннего отсека катера. Он все еще был не в силах моргнуть.

— Император защищает, — произнес он в третий раз — и, к его удивлению и восторгу, эта была абсолютная, осязаемая правда.

Талос сжимал руками голову. Боль превратилась в тупую пульсацию и давила изнутри, за глазницами. Первый Коготь вокруг него готовил оружие к бою. Воины стояли, держась за поручни, пока катер упрямо карабкался в небо.

— Это корабль флота? — спрашивал Кирион.

— Они думают, что это крейсер Адептус Астартес.

Ксарл прижал руку к боковине шлема, словно это могло помочь ему лучше слышать.

— У нас огневое превосходство над любым из их крейсеров.

Меркуций, стоя на коленях, перезаряжал свой штурмовой болтер и на остальных не смотрел.

— У нас огневое превосходство над ними, пока они не влетывают в систему и не вонзают нам в спину нож из безупречно выполненной засады, — заметил Кирион.

Талос набрал в легкие воздуха, чтобы заговорить, но с губ его не сорвалось ни слова. Он закрыл глаза, чувствуя

набежавшие слезы и надеясь, что это не кровь, как в прошлый раз. Это и была кровь, без сомнений, — но он цеплялся за пустую надежду, чтобы не поддаться приступу ярости.

— Сыны Тринадцатого легиона, — сказал он. — Багрянец и бронза на их броне.

— Что он говорит?

— Я... — начал Талос, но оставшиеся слова куда-то ускользнули.

Меч первым упал на палубу. Пророк рухнул на четвереньки секундой позже. За веками ревущей приливной волной набухала тьма, готовая поглотить его сознание.

— Опять? — Судя по голосу, Ксарл злился. — Что, во имя бездны, с ним не так?

— У меня есть подозрения, — ответил Вариил, опускаясь на колени рядом с упавшим воином. — Надо доставить его в апотекарион.

— В первую очередь нам надо защитить проклятый корабль, когда мы до него доберемся, — возразил Кирион.

— Я слышу сирены, — сказал Талос и

вновь провалился в распахнутую пасть
небытия.

VI
НАПАДЕНИЕ

Он проснулся со стехом, и причина заключалась в Малкарионе. Глубокий, гулкий голос военного теоретика, произнесшего эти слова больше года назад, барабанной дробью раскатился в его больной голове. Тогда дредноут, проснувшись, сказал: «Я услышал болтерный огонь».

Он тоже слышал болтерный огонь. Да, невозможно было не узнать этот ритм, громкую, отрывистую перекличку болтеров, ведущих огонь друг против друга. Отчетливые звуки выстрелов и громовой грохот снарядов, взрывающихся при ударе о стены и доспехи, заполнили мир знакомой какофонией.

Пророк, с трудом поднявшись на ноги, ударил кулаком по боковине шлема, чтобы настроить дисплей. Затем огляделся. Он находился в тесном пассажирском отсеке его собственного «Громового ястреба».

— Пятьдесят три минуты, господин, —

— сказал Септимус, извещая, сколько хозяин пробыл без сознания.

Талос обернулся к слуге, облаченному, как обычно, в потрепанную пилотскую куртку и с двумя пистолетами на поясе.

— Расскажи мне все, — приказал воин.

Септимус уже протягивал ему оружие — сначала болтер, затем меч. Человеку потребовались обе руки, чтобы поднять их.

— Я знаю немногое. Всех Когтей призвали назад до начала короткого космического сражения. Враг взял нас на абордаж. Отключены или нет наши пустотные щиты до сих пор, я не в курсе, но вражеский крейсер не стреляет, пока их собственные люди у нас на борту. По приказу лорда Кириона мы пришлюзовались в верхнем ангаре. Лорд Кирион хотел быть поближе к мостику на случай, если понадобится оборонять его.

— Кто взял нас на абордаж?

— Имперские космодесантники. Я знаю лишь это. Разве вы не видели их во сне?

— Я не помню, что видел во сне.

Только боль. Оставайся здесь, — велел Талос. — Благодарю за то, что приглядывал за мной.

— Всегда готов, господин.

Пророк спустился по трапу в ангар. Немые сервиторы и дроны-черепа бесстрастно наблюдали за ним, словно ждали приказов.

— Талос? — окликнул по воксу один из братьев.

— Это Талос смеялся? — отозвался второй.

— Отходите!

— Это был Люкориф. Определенно, Люкориф — в голосе слышался металлический скрежет.

— Отступайте во второй зал!

— Удерживайте позицию!

— Кирион? Да... Кирион. Вокс сильно искажал голоса.

- - - Удерживайте позицию, вы, ублюдочные падальщики! Вы оставите нас без прикрытия.

После этого перепалка в воксе вновь превратилась в мешанину беспорядочных фраз.

— Это Талос смеялся?

— Ксан Карус из Второго Когтя на связи...

— Где этот проклятый апотекарий?

— Четвертый Коготь Первому: нам немедленно нужен Вариил.

— Отступаем из четвертого спинного. Повторяю, мы потеряли четвертый спинной.

— Кто там смеялся?

— Талос? Это ты?

Пророк вытолкнул воздух из горла, словно заржавевшего от долгого неиспользования.

— Я проснулся. Первый Коготь, доложить обстановку. Всем Когтям — отчитаться.

Ему не ответили. Вокс-связь оборвал очередной залп болтерного огня.

Талос выбрался из маленького ангара. Пальцы, слабо сжимавшие оружие, все еще вздрагивали от остаточной боли. Пророк двинулся на звук болтерного огня и, не пройдя и пятисот метров по вьющимся коридорам, обнаружил его ближайший источник. А точнее, вывалился на

подрагивающих ногах в самое сердце очередной перестрелки и немедленно заработал болтерный снаряд в боковину шлема.

Это ослепило его на мгновение. Снаряд задел его под углом, однако сила удара была достаточной, чтобы на несколько томительных секунд превратить электронную начинку шлема в кучу бесполезного хлама. Затем зрение вновь нахлынуло красной волной, перемешанной с помехами и мигающими строчками рун.

— Не поднимай головы! — предупредили его.

Над пророком стоял Меркуций. Руки брата все еще ходили ходуном после отдачи болтерной пушки. Болтерное оружие не предполагало яркой вспышки от выстрела, однако огненный след, расцветавший за каждым реактивным снарядом, отбрасывал янтарные отсветы на темно-синий доспех Меркуция.

— Это Меркуций из Первого Когтя, — передал тот по воксу. — Кровоточащие Глаза сбежали. Мы отрезаны в первом зале

командной палубы. Немедленно пришлите подкрепление.

В ответ раздался треск вокса:

— Первый Коготь, вы сами за себя. Доброй охоты.

Талос обернулся, когда показался Кирион. В одной руке брата был окровавленный гладиус, в другой — болтер со штыком. Кирион, почти не целясь, выстрелил трижды с одной руки.

— Проснуться было очень любезно с твоей стороны, — прокомментировал он с похвальным спокойствием, даже не оглянувшись на Талоса.

Подбросив гладиус в воздух, Кирион с отработанной четкостью перезарядил болтер и подхватил падающий клинок. В нескольких десятках метров дальше по коридору смутные фигуры их противников так и не высунулись из укрытия. Причиной их тактической робости был Меркуций, точнее, ревущий штурмовой болтер Меркуция.

— Мы здесь сдохнем, — проворчал Меркуций сквозь грохот своего орудия.

Он ни на секунду не прекращал

стрельбы. Пушка, дергаясь от отдачи, выплевывала по три снаряда одновременно, отмывая его резкими янтарными вспышками.

— О, — жизнерадостно согласился Кирион, — кто б сомневался!

— Эти кальшиэль Кровоточащие Глаза! — выругался Меркуций, упав на одно колено и как можно быстрее перезаряжая пушку.

Кирион взял на себя роль огневого прикрытия. Болтерные снаряды взрывались дальше по коридору.

— Они атакуют в любой момент, Талос, — предупредил он. — Ты мог бы воспользоваться своим очаровательным болтером. Лучше времени не придумаешь.

Талос полуползком достиг укрытия за аркой. Его меч и болтер валялись на палубе у его ног. Закряхтев, он поднял их, борясь с ползущей по позвоночнику болью и помутившимся зрением. Лишь со второй попытки он смог навести свой тяжелый болтер и присоединить его голос к общему хору. Поток разрывных снарядов рванулся в разъявленную пасть коридора. Следующие

тридцать секунд ничего не было слышно, кроме прерывающейся мелодии болтерного огня.

— Что произошло? — спросил он. — Кто взял нас на абордаж? Какой орден?

Кирион рассмеялся.

— Ты не знаешь? Но ведь ты увидел это во сне. Ты сказал: «Багрянец и бронза на их броне», прежде чем потерял сознание.

— Я ничего не помню, — признался Талос.

— Перезаряжаю! — крикнул Меркуций.

Он снова упал на одно колено, не отрывая взгляда от коридора. Руки зателькали темными пятнами. Треск, щелчок — и штурмовой болтер опять завел свою басовую партию.

— Что произошло? — повторил Талос. — Кровь Ложного Императора, пусть кто-нибудь скажет мне: что случилось?

Объяснение Кириона было прервано в самом начале, когда в середину коридора с грохотом свалился Ужас. Он упал с потолка — точнее, рухнул со служебной лестницы, сцепив руки на горле

имперского космодесантника в полном боевом доспехе. Оба воина угодили прямо на линию огня, так что перестрелка прервалась, пусть и ненадолго.

— Идиот! — выдохнул Меркуций.

Его палец застыл на спусковой кнопке.

Имперский воин всадил кулак в наличник Ужаса. Голова Повелителя Ночи откинулась назад. По коридору разнеслось оглушительное эхо удара. Пока их брат пошатывался, пытаясь восстановить равновесие, остальные бойцы Первого Когтя снесли лоялиста с ног ливнем болтерного огня.

Имперец с криком упал. Теперь противников на том конце коридора ничего не останавливало, и они двинулись в наступление. Их болтеры равномерно рявкали — «БЭНГ-БЭНГ-БЭНГ!» — точно так же, как оружие Первого Когтя. Снаряды взрывались вокруг укрытия Талоса, осыпая его осколками.

Ужас сорвался с места, и в кои-то веки ему хватило ума кинуться в верном направлении — обратно к братьям. Талос видел, как воин споткнулся, когда один

снаряд попал ему между лопаток, а второй ударил в голень. Узас врезался в стену рядом с Меркуцием и отлетел под скрежет изуродованного керамита. Когда он рухнул на палубу, голова в шлеме ударилась о сталь с прощальным звоном, сделавшим бы честь похоронному колоколу.

— Идиот! — повторил Меркуций под рев своего штурмового болтера.

Вражеское отделение прошло уже половину коридора, оставляя за собой мертвых и умирающих. Но они все еще находились под прикрытием арчатых готических стен.

Дисплей Талоса показывал, что жизненные показатели Первого Когтя пока сильны. С большими усилиями, чем ему бы хотелось признать, он подполз к Узасу и перетащил дергающегося глупца в укрытие. Броня брата обуглилась дочерна, а сгоревший плащ заменяли ошметки ободранной плоти. В последние часы Узаса не раз окатили прометиумом из огнемета, и от почерневшего доспеха поднималась острая химическая вонь.

— Сукин сы... — просипел Узас и

забился в припадке кашля.

Дыхание влажно хлюпало у него в груди.

— Где Вариил? — спросил Талос. — Где Ксарл? Я сам вас прикончу, если вы не начнете отвечать.

— Ксарл и Вариил держат хвостовые туннели.

Кирион вновь перезаряжал болтер.

— Эти уроды уже перестреливались с «Эхом» на орбите, когда мы подоспели. Так или иначе, Империум нас ожидал.

Меркуций попятился на пару шагов, когда меткий снаряд врезался в его наплечник и взорвался, засыпав всех троих осколками керамита.

— Орден Генезиса, — прорычал он. — Прорвались на борт час назад. Ублюдочные двоюродные братишки Ультрамаринов.

— Может, мы вышли из варпа слишком близко к Новообретенной, прежде чем долетели до Тсагуальсы, — предположил Кирион. — Хотя я лично в этом сомневаюсь. Скорее, они выследили нас через варп-маяки, расставленные их библиариями. Хитрые сволочи эти

жидкокровки.

— Слишком хитрые, — проворчал Меркуций.

— Конечно, ты можешь обвинить своего навигатора, — заметил Кирион.

Стена над его головой взорвалась дождем острых осколков.

— Она должна была почувствовать маяки, оставленные в варпе этими настырными тварями.

Талос, перезаряжая болтер, снова нырнул в укрытие.

— Она сказала, что ощутила что-то, но понятия не имела, что это, — ответил он. — Нам надо отступить. Этот коридор мы потеряли.

— Мы не можем отсюда отступить — мы единственные, кто защищает этот проход. Если они проберутся на мостик, мы потерям корабль. Пустотные щиты тоже все еще отключены. Делтриан потеет маслом и кровью, пытаясь починить основной генератор.

— И бежать нам тоже некуда, — пробормотал Меркуций. — Кровоточащие Глаза защищали южные коридоры. Теперь

имперцы подходят к нам и с тыла.

Меркуций выругался и отступил еще на пару шагов.

— Вот дерьмо! Он кажется опасным.

Пророк оставил Узаса истекать кровью у стены и присоединился к братьям, щедро поливавшим туннель разрывными снарядами. Зрение наконец-то полностью настроилось, и на сетке целеуказателя заплясали очертания врагов. Талос различил декоративные цепи и гербовые накидки на доспехах врагов и эмблемы, которые те носили с законной гордостью. Один из воинов возвышался над другими и приближался с неотвратимой целеустремленностью.

— Ох! — сказал Талос, сопроводив это несколькими многосложными нострамантскими проклятиями, не переводившимися дословно на готик. Такие не подобало употреблять в приличном обществе, и даже в неприличном или пользовались лишь избранные.

Кирион, подняв болтер к щеке, выстрелил и расхохотался в ответ:

— По крайней мере, мы будем убиты

героем.

Пустотные щиты не были отключены. Проблема заключалась не в этом.

— Анализирую, — вслух произнес техножрец. — Анализирую. Анализирую.

Столбец за столбцом он просматривал рунический код, текущий сквозь его разум. Связь с когитатором генератора была сильной и быстрой, но фильтрация огромного количества данных занимала непозволительно много времени.

Проблема заключалась не в том, что пустотные щиты были отключены. Проблема в том, что они отключились на три минуты и девять секунд и ровно сорок восемь минут и двенадцать секунд назад на корабль проникло неизвестное количество чужеродных элементов. В бою с вражеским судном этих считаных секунд уязвимости хватило для того, чтобы значительные силы противника высадились на борт.

При мысли обо всех этих имперских космодесантниках, раздирающих «Эхо»

изнутри, по коже Делтриана побежали бы
турашки — если бы на нем оставался хоть
клочок кожи.

Щиты реактивировались, однако
генератор работал на предельной
тощности, граничащей с поломкой. Это, в
свою очередь, порождало другую проблему:
если Делтриану не удастся восстановить
стабильность генератора, то под сильным
огнем вражеского флота он может вновь
отключиться в любую секунду.
Вероятность обстрела была невелика,
учитывая количество их собственных
солдат на борту, но Делтриан достиг
своего нынешнего почти бессмертия не с
помощью предположений и догадок. Он не
полагался на слепой шанс. Он склонял чашу
весов в свою пользу.

Если следовать логической цепочке
дальше, то следующий перебой генератора
будет стоить им корабля, если щиты не
восстановятся достаточно быстро. Или,
что еще хуже, он может привести к
полному выходу генератора из строя, что
будет стоить им не только корабля, но и
их жизней и душ.

Делтриан умирать не собирался, особенно после того, как вложил столько времени и скрупулезного труда в перестройку собственного тела в совершенный механизм. Техножреца не радовала и мысль о том, что его бессмертная душа навеки канет в бездну кривящегося эфира, где станет игрушкой демонов и их безумных божеств.

Это, согласно его любимому высказыванию, будет не оптимальным решением.

— Анализирую, — повторил он.

И вот наконец оно! Кровоподтек ошибочного кода, от которого расползаются неверные вычисления когитатора, мелькнул, вновь скрылся и показался опять в тысячах тысяч машинных мыслей в секунду. Повреждение было минимальным и касалось нескольких излучателей правого борта. Их можно было починить, но не дистанционно. Надо было послать сервиторов или идти самому.

Вздыхать Делтриан не стал. Он выразил свое недовольство взрывным

треском машинного кода, напоминавшим цифровую отрыжку. С преувеличенным терпением, которого у него не было и в помине, техножрец активировал горловой вокс, сделав глотательное движение.

— Это Делтриан.

Вокс-сеть в ответ разразилась оглушительной разноголосицей криков и оружейного огня. Ах да, защита судна. Делтриан совершенно о ней забыл. Он отключился от терминала и вновь настроился на то, что происходило вокруг него.

Несколько секунд он разглядывал окружающее. Зал пустотного генератора был одним из самых больших на корабле. Его стены слоями покрывали гремящие энергоустановки, сделанные из бронзы и священной стали. Все эти вторичные узлы подпитывали центральную колонну — черную железную башню, заполненную пульсирующей плазмой. Кипящую энергетическую субстанцию было видно снаружи сквозь глаза и распахнутые рты горгулий, торчавших по сторонам столба.

Лишь сейчас, когда внимание его

вновь обратилось на внешний мир, он заметил, что безумие прекратилось. В зале вокруг него, еще недавно содрогавшемся от болтерного огня и искаженных воксом предсмертных криков, воцарилась благословенная тишина.

Вражеские захватчики — точнее, те груды мяса и костей, которые недавно были вражескими захватчиками, — валялись по всему залу на ковре из пропитанного кровью керамита. Обонятельные сенсоры Делтриана зафиксировали такой уровень запаха крови и испражнений в воздухе, что желудок смертных вывернулся бы наизнанку. Трупная вонь не смущала Делтриана, но он все же занес этот запах скотобойни в память для того, чтобы отметить в записках, которые собирался составить позже вечером.

Нападающие даже не сумели приблизиться к нему. Причина заключалась в том, что Делтриан, подобно многим адептам Машинного Культа, в первую очередь верил в меры предосторожности и во вторую —

придерживался кредо превосходящей силы. Как только пустотные щиты отключились на несколько мгновений, он понял, что Повелители Ночи рассеются по кораблю в попытках защитить все палубы от нежданных гостей. Так что обеспечение своей безопасности он взял в собственные руки.

Следует признать, что три четверти его сервиторов полегли в бою. Он прошелся по залу, разглядывая все разновидности смертоубийства. Те, что выстояли, были безликими автоматами — лоботомия лишила их всякой индивидуальности, а ампутированные левые руки заменяли массивные орудия. Бионические протезы покрывали как минимум пятьдесят процентов их тела и заменили большую часть внутренних органов. Каждый из них был плодом веры, если не любви, и требовал неукоснительного внимания к мельчайшим деталям.

Техножрец не стал благодарить их или поздравлять с победой. Они бы не осознали ни того ни другого. Тем не менее

уничтожить десять имперских космодесантников было нелегкой задачей, даже ценой... (он быстро пересчитал) тридцати девяти усиленных боевых сервиторов и двенадцати орудийных дронов. Столь внушительные потери еще некоторое время будут причинять ему неудобство.

Делтриан остановился на секунду, чтобы изучить эмблему на отлетевшем наплечнике. Белый треугольник, пересеченный перевернутым вверх ногами символом. Доспехи убитых были горделиво-красными.

— Зарегистрировано: «Орден Генезиса, генетическая линия Тринадцатого легиона».

Как очаровательно! В своем роде, встреча старых друзей.

В последний раз он столкнулся с этими воинами — или, по крайней мере, их генетическими праотцами — во время Резни на Тсагуальсе.

— Первая фаза завершена, — произнес он вслух, попутно передав код подтверждения выжившим сервиторам. —

Приступить ко второй фазе.

Киборги приступили к своим обязанностям, продолжая выполнять заданную ранее программу. Полдюжины оставшихся должны были группой перемещаться по кораблю, выслеживая и уничтожая врагов. Остальные полдюжины двинулись следом за Делтрианом обратно в зал раздумий.

Корабль содрогнулся — так сильно, что один из сервиторов потерял равновесие и выдал сообщение об ошибке. Делтриан не обратил на него внимания. Техножрец вновь активировал вокс.

— Делтриан вызывает Талоса из Первого Когтя.

Ему ответил отдаленный грохот болтерной перестрелки, приглушенный расстоянием и помехами.

— Он мертв.

Делтриан заколебался.

— Требую подтверждения.

— Он не мертв, — раздался другой голос. — Я слышал его смех. Чего ты хочешь, техножрец?

— С кем я говорю? — поинтересовался

Делтриан, не потрудившись придать своим словам хотя бы подобие вежливости.

— С Карахадом из Шестого Когтя.

На мгновение связь прервалась, сменившись грохотом болтерного огня.

— Мы удерживаем посадочную платформу левого борта.

Встроенным процессорам Делтриана потребовалось не больше секунды, чтобы восстановить внешний облик Карахада, его послужной список и все модификации, которые претерпел его доспех за последнее три столетия.

— Да, — произнес он, — твой доклад о текущей обстановке не может не радовать. Где Талос из Первого Когтя?

— Первый Коготь сражается в главном зале. В чем дело?

— Я обнаружил и проанализировал изъян в работе пустотных щитов. Мне нужен приказ командующего и сопровождение, чтобы...

Вокс-линк Карахада растворился в бешеных воплях.

— Карахад? Карахад из Шестого Когтя?

Ему ответил другой голос:

— Говорит Фаровен из Шестого Когтя. Мы отходим от ангаров. Все выжившие в кормовых отсеках, двигайтесь на соединение с нами на Новом Черном Рынке.

— Это Делтриан, я требую легионеров для сопровождения...

— Ради всего святого, заткнись, техножрец. Шестой Коготь отступает. Карахад и Цатус убиты.

В ответ в воксе треснул другой голос:

— Фаровен, это Ксан Карус. Подтверди, что Карахад убит.

— У меня визуальное подтверждение. Один из этих аквилоносцев снес ему башку.

Делтриан слушал переговоры легионеров, защищавших судно. Возможно, проявленное ими неуважение было простительно, учитывая обстоятельства.

Обогнув груду органического мусора, некогда бывшего верными бойцами Золотого Трона, и свалку модифицированных тел, некогда бывших его собственными вооруженными слугами,

Делтриан снова решил взять дело в свои руки.

Люкориф из Кровоточащих Глаз не был прикован к палубе в отличие от его менее продвинутых братьев. Однако бегать так, как раньше, он уже не мог. Так что, отступая, он с поразительной скоростью несся на четвереньках, словно сорвавшийся с поводка зверь. Его руки и ножные когти клацали по решетке палуб в бешеном ритме. Он мчался как обезьяна, или волк, или — как оно и было на самом деле — воин, который давно уже не мог считаться вполне человеком. Сначала над Ним поработали имперские геномастера, а затем приливные волны варпа.

Люкориф хотел выжить, возможно, сильнее, чем большинство его братьев. Он отказался принять смерть за их дело и отказался держать позиции в безнадежном бою — не говоря уже о том, что он вообще плохо подходил для этого боя. Пусть его братья отчаянно и бессмысленно дерутся до последнего. Его жизнь — какой бы извращенной она ни была — подчинялась

кодексу сугубой рациональности. Так что, убегая, он не ощущал ни малейшего стыда.

Вняв его неистовой жажде жизни (которую нельзя было назвать страхом хотя бы потому, что она была куда ближе к гневу), двигатели на его спине испускали скупые сероватые дымные кольца. Им хотелось выдохнуть пламя и громко взреветь, вознося его высоко в небо. И он готов был уступить их желанию. Все, что ему требовалось, — это пространство для полета. Но поскольку он оказался заперт, как в ловушке, на борту погибающего «Эха», эта перспектива представлялась весьма сомнительной.

В воксе все еще слышались проклятия Первого Когтя, упрекавшего рапторов за отступление.

— Пускай скулят, — хихикнул Бораша.

Его смешок больше напоминал шипение. Оба они мчались по потолку. Остальные Кровоточащие Глаза — те несколько свирепых упрямцев, что пережили последние месяцы, — неслись по стенам и полу.

Корабль вновь тряхнуло. На какой-то

миг Люкорифу пришлось вцепиться в металл руками и ногами, чтобы не свалиться.

— Нет, — прошипел он в ответ, — подождите.

Кровоточащие Глаза замерли на месте с нечеловеческой слаженностью. Рапторы застыли, облепив стены вокруг своего вожака, — сбор стаи в трех измерениях. Вораша склонил к плечу свой клювастый шлем, вглядываясь наподобие птицы. На командира уставились демонические наличники, разрисованные кровавыми дорожками слез.

— Что? В чем дело?

— Идите! — Люкориф сопроводил приказ раздраженным орлиным вскриком. — Возвращайтесь во второй зал! Окажите поддержку Четвертому Когтю.

Их мышцы напряглись. Инстинкт повиновения пробежал по телам электрическим импульсом.

— А ты? — просипел Вораша.

Люкориф ответил бессловесным воплем — охотничьим криком падальщика. Затем развернулся и помчался туда,

откуда они пришли.

Кровоточащие Глаза переглянулись. Их лидер мчался назад по потолку коридора. Инстинкт нашептывал им, что стая должна охотиться вместе или не охотиться вовсе.

– – – Идите! — приказал по воксу Люкориф.

Не обменявшись ни словом, они неохотно подчинились приказу.

Родившись на почтенной, законопослушной планете на окраинах Сегментума Ультима, воин возвысился в рядах своего ордена благодаря неталой дисциплине, мастерству, целеустремленности и непревзойденному тактическому дарованию. Никто из братьев не одолел его в поединке чести за последние сорок лет. Трижды ему предлагали капитанский чин — принять командование над сотней избранных бойцов Императора, — однако каждый раз он со смирением и благодарностью отвечал отказом.

Один наплечник воина занимало

каменное великолепие белого Крукс Терминатус, второй нес символ ордена, вырезанный в траморе с синими прожилками и черном железе.

Для братьев он был просто Солемнионом. Для орденских архивов — Солемнионом Сараленом, чемпионом Третьей роты. Для врагов Трона Терры он был воплощенным возмездием в броне цвета кровавого халцедона.

Его доспех — огнеупорную броню из композитного металла — слой за слоем создавали и укрепляли, потратив сотни часов кропотливого труда. Его шлем с декоративным наличником, бронзовой решеткой и гребнем был величественной реликвией минувшей эпохи. Его отковали во времена межзвездного триумфа человечества. В одной красной перчатке был зажат вибрирующий силовой молот. Силовое поле оружия гудело, наливишись энергией. В другой находился огромный ростовой щит в форме аквилы. Одно простертое золотое крыло прикрывало владельца щита.

Приказ, который он прорычал своим

братьям, состоял всего из двух слов:

— Абордажные клинки!

Трое выживших братьев шагали рядом с ним. Они зачехлили болтеры и вытащили пистолеты и короткие мечи.

Первый Коготь наблюдал за неумолимым приближением противников. Повелители Ночи поливали коридор огнем, но вся их мощь разбивалась о щит чемпиона.

Меркуций угрюмо швырнул штурмовой болтер на пол.

— Снаряды кончились.

Повторяя движение лоялистов, он вытащил болтерный пистолет и обнажил гладиус, до поры прятавшийся в наголенных ножнах.

— Никогда не думал, что мне захочется увидеть Ксарла, — добавил он.

Талос и Кирион обнажили клинки секундой позже. Пророк помог Узасу встать. Никакой благодарности он не ожидал и, услышав дружеское ворчание, был удивлен сверх меры.

За миг до того, как отряды сошлись, имперский щитоносец прорычал сквозь

решетку вокса:

— Я — Гибель Еретиков! Я — Злой Рок Предателей! Я Толемнион из ордена Генезиса, Страж Западного Предела, Истребитель...

Первый Коготь не стал дожидаться атаки. Они уже мчались вперед.

— Смерть прислужникам Ложного Императора! — выкрикнул Узас. — Кровь для Восьмого легиона!

VII
Тупик

У Первого Когтя был единственный шанс пережить следующие несколько минут, и они вцепились в этот шанс всеми силами. Четверо Повелителей Ночи рванулись вперед, как один, выставив вперед закованные в броню плечи. Талос и Меркуций неслись в авангарде. Их шипастые наплечники врезались в крыло аквилы, и из обеих глоток вырвался бессловесный гневный вопль.

Толетнион уперся в палубу, приняв на себя удар. Из-под подошв его ботинок посыпались искры, когда воина медленно оттеснили назад. У него была лишь доля секунды, чтобы взмахнуть молотом и нанести удар по батарее, расположенной на спине Меркуция, высвободив таившуюся в ней штормовую силу в облаке света и энергии.

Спинной ранец Меркуция взорвался, разбросав во все стороны осколки. Удар молота швырнул Повелителя Ночи на

палубу под грохот обесточенной брони — прямо под ноги обоим отделениям. Талос увидел, как жизненные показатели Меркуция исчезли с экрана — датчики отключились еще до того, как зарегистрировали потерю сердечного ритма.

Но не успел Меркуций упасть, как Ужас занял его место. Навалившись на щит, он оттолкнул чемпиона назад. Тот пошатнулся и отступил. Кирион врезался в спины братьев, прибавив свой вес и силу к временной фаланге.

Это склонило чашу весов в их пользу. Первый Коготь и их величественная жертва покатились на пол, молотя кулаками, шипя и ругаясь.

Кирион вскочил на ноги первым и первым же оказался перед клинками ордена Генезиса. Он вонзил гладиус в живот ближайшего имперского космодесантника, вызвав стон гнева и боли. Лоялисты осыпали ударами его доспех. Их клинки оставляли серебряные царапины там, где сдирали краску с керамита и керамит с нижних слоев.

Ужас даже не потрудился встать. Он взмахнул цепным мечом, отрубив ноги одному из противников по колено. За это второй имперец отблагодарил его, всадив ему короткий меч между лопаток.

Талос, прижатый к щиту Толемниона, никак не мог добраться до чемпиона сквозь преграду из аквилы. Он перехватил падающий сверху клинок аугметической рукой и дернул. Воин Генезиса потерял равновесие и рухнул вперед, напоровшись горделивым нагрудником из помятой бронзы прямо за золотую молнию клинка Талоса. Хруст. Скрежет металла по металлу. Шипение крови на силовом лезвии.

Пророк откатился в сторону, сбив умирающего имперца с ног.

Минус два. Тело как будто вибрировало, реагируя на обострившиеся чувства и рефлексы. Талос поднялся и бросился на последнего космодесантника одновременно с Кирионом. Двое Повелителей Ночи швырнули врага на палубу и утолили жажду своих мечей, нанося удар за ударом.

Мы не солдаты. В первую и последнюю очередь — мы убийцы и останемся ими навсегда.

Кто написал эти слова? Или произнес их? Был ли это Малкарион? Севатар? Оба они любили такие высокопарные фразы.

Голова у пророка кружилась. Глаза слезились. Он вытащил клинок из трупа. Силовой меч со скрипом покинул «ножны» — ключицу космодесантника. Талосу еще ни разу не приходилось вступать в бой почти сразу после пророческого сна. Толемнион поднялся под скрип суставных сочленений доспеха и отшвырнул Узаса в сторону, ударив его краем щита. Легионер отлетел обратно к братьям. Его шлем искорежило до неузнаваемости.

Меркуций неподвижно лежал у ног чемпиона. Трое воинов Генезиса валялись на палубе и тоже не подавали признаков жизни. Талос, Узас и Кирион встали лицом к лицу против Толемниона. Весь их боевой задор — которого и в начале боя было негусто — сейчас улетучился. Узас и Талос едва держались на ногах. В трачной

и вполне бесславной истории Первого Когтя еще не было таких безнадежных поединков.

— Вперед, — пробормотал космодесантник.

Все они ясно услышали в его голосе холодную насмешку, пробившуюся даже сквозь осиное гудение вокс-динамика.

Несмотря на брошенный вызов, Толемнион не стал дожидаться, пока они нападут. Он также не желал допустить, чтобы противники спаслись бегством. Наклонив украшенный гребнем шлем, он двинулся вперед. Силовой молот, готовый разить, наполнил воздух болезненным звоном.

Первый удар встретил Аурум, Клинок Ангелов. Золото заскрипело по серому металлу, и пророк сцепился с чемпионом. Толемнион без малейших усилий разорвал их «замок», замахнувшись молотом по гарде меча. И хотя пророк и смог отклонить удар, молот обрушился на его запястье. Талос выронил клинок, и Толемнион, отшвырнув противника к стене, добил его возвратным ударом в

грудь. Осквернённый орел на нагруднике Талоса вспыхнул и обуглился, а трещины, расколовшие его, случайно сложились в звезду.

— Умри, еретик!

Когда пророк упал, присоединившись к Меркуцию на полу, Кирион и Узас одновременно атаковали. Первый прыгнул на тяжелый щит, вцепившись в края латными рукавицами. Если бы удалось вырвать его из рук Толемниона или хотя бы достаточно опустить, Узас смог бы нанести смертельный удар.

Он осознал свою ошибку, как только его пальцы сомкнулись на богато украшенном щите. Узас в лучшем случае отчаянно тормозил, когда дело касалось совместных действий. Отчаяние не помогло ему собраться, как в случае его братьев. А Толемнион не был глупцом; он немедленно осознал опасность и прижал Повелителя Ночи к стене в ту же секунду, когда тот коснулся щита.

Воина придавило так, словно он угодил под гусеницы «Лендрейдера». Кирион смог только хрипло выдохнуть в

вокс, распластываясь по стене. Сунув руку с пистолетом за край щита, он ухитрился выстрелить чемпиону в колено, но пуля лишь оцарапала керамит.

Возвратным ударом Толемнион добил Узаса. Когда воин с топором приблизился для второго удара, чемпион приветствовал его ударом молота в лицо. Пробив его слабую защиту, полсекунды спустя силовое оружие обрушилось на его нагрудник. По доспеху Узаса пробежали злорадные змейки молний. Воин грохнулся на спину рядом с братьями и больше не шевелился.

Покончив с остальными, Толемнион отпустил Кириона. Легионер качнулся вперед. Оружие выпало из его ослабевших рук. Третий и последний удар щита отбросил его назад, и Кирион мешком рухнул на палубу.

— От твоей скверны меня тошнит.

Сердитый рев доспехов Толемниона грохотом литавр сопровождал его слова. Космодесантник шагнул к Кириону и наступил ботинком ему на грудь.

— Ты получил достойную награду за

то, что изменил Императору! Оправдывают ли все твои гнусные достижения это тошнотворное существование сейчас, когда жизнь твоя подошла к концу?

Смех Кириона перешел в кашель, и все же это был смех.

— Тринадцатый легион... всегда славился... лучшими проповедниками.

Толемнион занес молот. Выражение его лица скрывала металлическая маска наличника.

— За тобой... — Кирион продолжал смеяться.

Толемнион не был глупцом. Даже зеленый новичок не поддался бы на такую грубую уловку. Этот факт вкупе с шумом, поднятым в вокс-сети абордажными отделениями, и стал причиной того, что нападение Ксарла со спины застало чемпиона совершенно врасплох.

Кирион, единственный из Первого Когтя, был свидетелем последовавшей дуэли. То, что он увидел, осталось в его памяти до самой последней ночи.

Они не сразу вступили в бой. Ксарл и

Толемнион несколько секунд смотрели друг на друга, внимательно изучая трофеи и знаки почета, покрывавшие броню противника. Толемнион был воплощением имперского духа, с восковыми печатями чистоты, почетными свитками и аквилами, украшавшими его узорчатый боевой доспех. Ксарл являлся его черным отражением — доспех увешан черепами и шлемами имперских космодесантников на ржавых цепях, а на месте пергаментных свитков были клочки содранной человеческой кожи.

— Я Толемнион из ордена Генезиса, Страж Западного Предела. Я Гибель Еретиков, Злой Рок Предателей, верный сын лорда Жиллимана.

— О, — хмыкнул Ксарл сквозь решетку вокса, — ты, наверное, очень горд этим.

Он швырнул что-то круглое и тяжелое на пол между ними. Это что-то покатилось и замерло, мягко ударившись о ботинок Толемниона. Шлем. Шлем космодесантника из ордена Генезиса, с выбитыми глазными линзами и наличником, измазанным кровью.

— Ты будешь вопить так же, как вопил он, — с улыбкой сказал Ксарл.

Чемпион не поддался на его провокацию. Он даже не шелохнулся.

— Я знал этого воина, — сказал он с торжественной печалью. — Его звали Калеус. Он был рожден на Новообретенной, и я знаю, что он умер, как жил: с честью, отвагой и без страха.

Ксарл повел своим цепным мечом, указывая на распростертых на палубе братьев из Первого Когтя.

— Я знаю всех этих воинов. Это Первый Коготь, и я знаю, что они умрут так же, как жили: пытаясь сбежать.

Последней каплей стал хохот. Насмешки Ксарла над высокопарными манерами ордена Генезис не смогли окончательно разъярить имперского ублюдка, но смех Повелителя Ночи довершил дело.

Толемнион шагнул вперед, подняв щит и молот.

— Помолись своим черным богам, еретик. Нынешней ночью ты узнаешь...

Ксарл фыркнул, и в смешке его явно

слышалось раздражение.

— Я и забыл, как вам, героям, нравится звук собственного голоса.

Когда Толемнион приблизился, Повелитель Ночи взял свой двуручный цепной меч в одну руку. Другой он подхватил поврежденный цепной топор Узаса, который ловко подкинул с пола.

Оба меча взревели, их зубья начали перемалывать воздух. Ксарл пробился через несколько имперских космодесантников по дороге сюда, и их кровь легким дождиком брызнула с визжащих зубцов его цепного меча. Его тело под доспехами жирной пленкой покрыл пот, а в глазах плясала насмешка пополам с напряжением и болью. Боль от уже полученных ран ножами пронзала тело под прорехами боевой брони.

— Давай покончим с этим, — сказал он, все еще улыбаясь. — С нетерпением жду того момента, когда отдам твой шлем нашим рабам вместо ночного горшка.

Делтриану не нужно было дышать — то есть вдыхать воздух в традиционном

смысле этого слова, — однако оставшиеся в его теле внутренние органы требовали притока кислорода, и эта функция могла быть заморожена лишь на ограниченный промежуток времени. Аугметическим эквивалентом задержки дыхания была перенастройка внутреннего хронометра — техножрец переключил его ритм с оптимального на куда более медленный. Это сделало Делтриана заторможенным и почти неуклюжим, однако означало, что он сможет действовать в вакууме до трех часов, по самой точной оценке.

Мантия парила вокруг шагающего техноадепта. Под его когтистыми нижними конечностями подрагивал ребристый корпус «Эха проклятия», простиравшийся на километры вперед и назад. При взгляде в любом другом направлении открывались черные бездны космоса и звезды, мерцающие в невообразимой дали.

Вражеское судно описывало круги вокруг «Эха проклятия» с терпеливостью хищника, подстерегающего жертву. Его тень падала на больший крейсер всякий

раз, когда корабль проходил мимо диска далекого солнца. Это был космический охотник, увенчанный бастионами, ударный крейсер с надписью «Венец и мантия» на носу. Почти против воли техножрец подумал, что это удивительно красивое имя для боевого корабля.

Делтриан сделал еще шаг, осторожно продвигаясь по корпусу во главе вереницы своих слуг. Большинство облачилось в скафандры и кислородные маски. Лишь некоторые, так же устойчивые к вакууму, как и сам Делтриан, были в рясах. Их отряд пересек поврежденные секции бронированной шкуры корабля, обходя зияющие прорехи и поля вздыбившейся стали. Боевой корабль мог выдержать почти бесконечное количество внешних повреждений, однако достаточно было нескольких метких ударов по жизненно важным секциям — и все погрузилось бы в хаос.

— Ваше преподобие, прошу вас, — заговорил по вокс-связи один из подчиненных адептов Делтриана.

Не умея выразить формальную

жалобу с помощью человеческой речи, облаченный в мантию жрец выдал в коммуникационный канал пакет возмущенного кода. Делтриан обернулся ко второму адепту. Глазные линзы блеснули из-под красного капюшона. В то время как внешность Делтриана была маской, рассчитанной на то, чтобы вызывать тревогу у смертных, его собратья-механикусы с легкостью могли прочесть недовольство по мельчайшим движениям лица техножреца, вплоть до блеска его прикрытых заслонками линз.

Младший адепт уже приготовился извиняться, когда Делтриан заговорил:

— Лакуна Абсолютус, если ты и в дальнейшем будешь отвлекать меня своими возражениями, я прослежу за тем, чтобы тебя разобрали на запасные детали. Передай мне код подтверждения, если ты понял.

Лакуна Абсолютус поспешно выдал код подтверждения.

— Отлично. — Делтриан вновь сосредоточился на своей миссии. — Сейчас не время цитировать инструкцию по

оптимизации рабочих операций.

У отряда техникума ушло в точности двенадцать минут и две секунды на то, чтобы добраться до антенны генерации поля. Повреждения сразу бросались в глаза: столб, вшестеро превышающий длиной рост неаугметированного человека, превратился в искореженную груду металлолома и лежал в воронке взрыва, уходящей глубоко в железную плоть корабля.

— Анализирую, — произнес Делтриан, фокусируя внимание на видимых повреждениях.

Что нуждается в немедленном ремонте? А что было просто поверхностными ожогами и может подождать восстановительных работ в доке?

— Заменить шестнадцать балок из композитных металлов.

Четыре сервитора заковыляли выполнять приказ. Их ботинки с магнитными замками заставляли корпус чуть заметно дрожать. Глазные линзы

Делтриана зажужжали — надо было увидеть, что творится под внешними слоями обшивки. Он прижал ладонь к погнутому металлу, отправив сквозь него ультразвуковой импульс.

— Ущерб не простирается на сколько-нибудь значительную глубину. Внутренняя бригада, приступайте.

— Слушаюсь, — донесся механический голос.

Его источник находился более чем в двенадцати метрах под ногами техножреца.

— Ваше преподобие? — вновь вмешался один из адептов по воксу.

Делтриан не обернулся. Он уже спускался в кратер, двигаясь к следующей антенне.

— Вокализируй, Лакуна Абсолютус.

— Просчитали ли вы вероятность того, что вражеское судно обнаружит попытки ремонта посредством узконаправленных аускик-сканов?

— Не имеет значения, обнаружат ли нас. Пустотные щиты включены. Мы работаем для того, чтобы они остались

включенными. Мне не приходило в голову, что ты не способен осмыслить эту ситуацию.

— Ваше преподобие, пустотные щиты в к л ю ч е н ы сейчас. Если они снова отключатся до того, как мы завершим ремонтные работы, противник наверняка попытается помешать нашим действиям, не так ли?

Техножрец подавил желание испустить ругательство.

— Помолчи, Лакуна Абсолютус.

— Слушаюсь, ваше преподобие.

Ксарл принял на скрещенные клинки очередной удар молота. Его собственный меч — без затей прозванный «Палачом» — уже превратился в кусок металлолома. В те редкие секунды ясности, что выпадали между блоками и ударами, Ксарл искренне сомневался, что Септимусу удастся вернуть оружие в рабочее состояние.

При условии, что Септимус был все еще жив. Кораблю приходилось очень туго, и команде заодно с ним.

Ему будет не хватать этого меча,

без сомнения. Конечно, если удастся выжить. Он верил, что в бою превосходит любого из Первого Когтя (и, если говорить откровенно, любого из Повелителей Ночи, не считая Малека из Чернецов), но дуэль с чемпионом роты Адептус Астартес была не шуткой. Особенно если у чемпиона такое мощное оружие и доспехи.

Ксарл отбил удар громового молота сломанным цепным топором Ужаса и в который раз безрезультатно попытался пробить прочный доспех Толемниона собственным клинком. Цепной меч, лишившийся большей части зубьев, скользнул по многослойному керамиту, оставив лишь несколько царапин. Зубьев сохранилось так мало, что клинок не мог даже врубиться в броню. Ни одно цепное оружие не способно было выдержать длительный бой с громовым молотом. Ксарл с проклятием отшвырнул меч.

Три бешеных удара по щиту Толемниона заставили чемпиона отступить настолько, насколько нужно было Ксарлу. Он повторил трюк с подкидыванием, носком ботинка отправив

меч Талоса, похищенный Клинок Ангелов, в воздух и поймав его свободной рукой. Достаточно было сжать рукоять, чтобы оружие активировалось. Меч зашипел и выплюнул убийственную молнию, заплясавшую на золотом лезвии. Воздух затрещал от разряда.

Все изменилось в тот миг, когда он взялся за меч, — теперь у него было оружие, вполне способное дать отпор смертоносной булаве. Ксарл, действуя мечом и топором, нанес удар по рукояти молота и отбил его в сторону. Противоборствующие силовые поля столкнулись, рассыпав яростные искры. Когда Толемнион поднял щит, готовясь принять сокрушительный удар, топор Ксарла врубился в верхний край. Повелитель Ночи дернул застрявший топор и вырвал щит из рук имперца.

Они мгновенно отступили друг от друга. Ксарл, не отключая обоих клинков, наступил ногой на профиль аквилы на упавшем щите. Толемнион взялся за молот двумя руками.

— Ты хорошо сражался, предатель, но сейчас это кончится.

— По-моему, я выигрываю бой, — ухмыльнулся Повелитель Ночи под наличником шлема. — А как по-твоему?

Делтриан добрался до третьего поврежденного генераторного столба. Этот, в полукилометре от первого, превратился в наплыв расплавленного металла. Его разбитая верхушка едва торчала над обгоревшей бронированной шкурой корабля. Под ногами была изрытая воронками и оплавившаяся пустыня изувеченной стали. Этот участок сильно пострадал во время последнего обстрела.

Впервые за последние десятилетия Делтриан почувствовал что-то близкое к отчаянию. Чувство оказалось слишком немудреным, сильным и внезапным, чтобы просто подавить его, как механикумы обычно поступали со всеми проявлениями смертного, несовершенного и органического.

— Лакуна Абсолютус.

— Ваше преподобие?

— Веди оставшуюся команду к последней поврежденной антенне. Этой

займусь я сам.

Лакуна Абсолютус стоял рядом со своим господином. Его собственный красный капюшон парил в невесомости. Лицо его было хромированной копией старинной терранской маски смерти — бесстрастное, однако не скрывавшее осуждения. Голос адепта раздавался из вокалайзера размером с монету, вшитого в горло:

— Понял. Но как вы собираетесь разобраться с этим, ваше преподобие?

Делтриан ухмыльнулся, поскольку он ухмылялся всегда. Черты его лица не оставляли ему другого выбора.

— Ты слышал приказ. Ступай.

Но тут техножрец получил информацию с корабля, и по его позвоночнику пробежала дрожь.

— Нет, — вслух произнес он.

— Ваше преподобие?

— Нет, нет, нет. Генератор был стабилизирован.

— Пустотные щиты, — донеслось по внутренней связи, — отказывают.

VIII
ПОВОРОТНАЯ ТОЧКА

Ксарл тяжело размахивал мечом. С каждым хриплым выдохом внутрь шлема летели брызги крови. Поединок продолжался считаные минуты, во время которых оба воины превратились в два размытых пятна. Они наносили удары и отражали их с лихорадочным отчаянием. Вся грация исчезла, и на окровавленной палубе остались лишь два бойца, желавшие истребить друг друга.

Ксарл с огорчением осознавал, что уже устал. Выдержать удар громового молота, раскалывающего танки, оказалось не легче, чем столкнуться с самим танком. Его левая рука свисала, бесполезная и недвижная. Наплечник был разбит, как и плечо под ним. Каждый вдох давался с трудом, словно в легкие всадили тысячи игл, — это расколотый нагрудник пробил грудь в нескольких местах.

— Просто умри, — выдохнул он и снова занес меч.

На сей раз клинок не завяз в доспехе, а, пробив броню на животе Толемниона, показался наружу в облаке осколков, мокрых от крови.

Чемпион обмяк. Его доспех превратился в такую же развалину, а неподъемный молот скреб о настил палубы.

— Еретик, — рыкнул космодесантник, — за твою... осквернённость...

Возвратный удар Ксарла прервал его угрожающую проповедь, сбив с головы имперца шлем.

— Знаю, знаю... Ты все это уже говорил.

Повелитель Ночи и сам отступил и выронил меч. Здоровая рука вцепилась в застежки шлема. Надо было избавиться от него. Снять шлем, чтобы снова дышать и видеть.

Герметический запор открылся, воздух со свистом устремился наружу. Как только измазанные кровью линзы перестали мутить зрение, Ксарл снова поднял клинок Талоса. Корабль вокруг них

ходил ходуном.

— Ваши щиты отключились, — хрипло рассмеялся Толемнион. — На борт высадится еще больше моих братьев.

Ксарл не ответил. Он бросился в атаку со всей силой, на которую был способен. Ярость наполнила его мышцы наравне с адреналиновой резью боевых наркотиков. Меч снова и снова сталкивался с молотом, гудя и рассыпая искры. Силовые поля возмущенно стонали при каждом соприкосновении. Человеческий глаз не смог бы уследить за движениями воинов. Оба отплевывались и сыпали проклятиями, вкладывая последние капли энергии в заключительные секунды боя.

Толемнион не сдавался. Он просто не был способен отступить. Клинок Ксарла гремел о его доспех, врубаясь беспощадно и глубоко. Каждая рана высасывала из имперского чемпиона последние драгоценные крохи силы. Его молот — медлительная, неповоротливая булава — наносил удары редко, но, когда это происходило, раздавался похоронный звон и Повелитель Ночи отлетал к стене.

Ксарл снова вскочил на ноги, чувствуя, как осыпаются разбитые пластины внешнего доспеха. Он содрогнулся при мысли о том, как долго придется оружейнику Первого Когтя исправлять ущерб. Споткнувшись, он снова чуть не упал, переступив через Кириона. Второй Повелитель Ночи пытался встать, но без малейшего успеха.

— Ксарл, — прорычал Кирион сквозь шлем, — помоги мне подняться.

— Оставайся там, — с трудом выдохнул Ксарл.

Бросив короткий взгляд на распростертую фигуру брата, он понял все, что требовалось: Кирион был все равно слишком слаб, чтобы чем-то помочь.

— Сейчас я закончу.

Молот и меч обрушились одновременно, столкнувшись на полпути между потными, окровавленными бойцами. Вспышка была такой сильной, что перед глазами Ксарла заплясали лиловые пятна, а зрительное поле заполнили бледные остаточные картинки.

Он не сможет победить, если

продолжит вести честный бой, — а обмануть противника становилось все труднее с каждой каплей крови, вытекавшей из тела. Броня ублюдка была слишком толстой, а если Ксарл пропустит еще один удар молота, то не сможет встать — и Толемнион довершит работу.

Космодесантник из ордена Генезиса набрал воздуха для очередной проповеди. Ксарл выбрал эту секунду, для того чтобы ударить его головой в наличник.

Жизнь, полная резни и кровопролитных сражений, приучила Ксарла к боли — но удар лбом по твердому и неровному шлему ротного чемпиона Адептус Астартес мгновенно занял одну из верхних строк в каталоге боли. Голова Толемниона откинулась, но Ксарл не отпустил противника. Перегнувшись над гудящим силовым молотом и мечом, он нанес второй удар. Потом третий. От ударов весь коридор загудел, как наковальня, а на четвертом нос Ксарла сломался с тошнотворным хрустом. На пятом что-то треснуло в лобовой кости.

Затем последовали еще два. Он разбивал в лепешку собственное лицо, и ощущения были одновременно неописуемые и безумно мучительные.

Кровь хлынула ему в глаза. Он уже не мог видеть, но чувствовал, как мышцы Толемниона становятся ватными и как в горле противника хрипит после шейной травмы. Тогда Ксарл сплюнул. Вязкий комок кислотной слюны, смешанной с кровью, размазался по левой глазной линзе Толемниона и с шипением начал разъедать плоть под ней.

От восьми ударов головой оба они шатались. Толемнион, спотыкаясь, отступил к стене, а Ксарл потерял равновесие и на несколько секунд упал на колени. Меч Талоса вывалился у него из руки. Ослепленный, он зашарил по полу в поисках утерянного клинка.

Он почувствовал, как над ним вырастает тень, и услышал натужный вой поврежденной силовой брони. Он знал, что космодесантник из ордена Генезиса высоко заносит молот — пульсацию оружия невозможно было ни с чем перепутать.

Пальцы Ксарла сомкнулись вокруг рукояти энергетического меча Талоса. Вскрикнув от усилия, он ударил снизу вверх.

Меч вошел, и вошел глубоко. Ксарл не колебался — он начал рубить, как только лезвие погрузилось в плоть. Он рубил грубо и жестко, как дровосек рубит дерево. Силовой меч разрывал доспех, плоть и кость с одинаковым наслаждением. Кровь дождем полилась на Ксарла, перемешанная с червеобразными петлями внутренностей. Он ощутил, как те мокро шлепаются на наплечники и обвивают шею, подобно маслянистым змеям. В любое другое время это отвратительное зрелище его бы позабавило.

Ксарл выдернул меч и вскочил на ноги, чувствуя прилив свежей энергии. Следующим взмахом он отсек руку чемпиона, сжимавшую молот, у запястья. Громовая булава наконец-то опустилась навсегда.

— Забираю твой шлем, — пропыхтел Ксарл, — как трофей. Думаю, я его заслужил.

Толемнион все еще стоял,

пошатываясь из стороны в сторону, слишком сильный и упрямый, чтобы упасть.

— За... за Императора...

Ксарл отступил на шаг, собрал все силы и, широко замахнувшись, обрушил золотой клинок на шею противника. Меч Ангелов прошел насквозь, не промедлив ни на миг, словно рубил только воздух. Голова покатилось в одну сторону, а тело рухнуло в другую.

— В бездну твоего Императора! — выдохнул Ксарл.

Делтриан еще никогда не работал так быстро, даже невзирая на ограничения, наложенные замедлившимся внутренним хронометром. Он развернул четыре дополнительные конечности, активировав их и выдвинув из пазов в модернизированной спине. В каждой из этих копий настоящих рук он сжал по массивному сигнуму в форме обвитых проволокой прутов. Жрец не мог положиться на сервиторов — лоботомированные рабы не способны были

работать с той скоростью и точностью, которых требовала обстановка, так что пришлось дистанционно управлять ими для повышения эффективности ремонта.

Четыре сервитора повиновались малейшему движению сигнумов в его руках. Теперь его воле подчинялись каждый их вздох и каждый шаг. Двигаясь с удивительным единством, словно в трачном балете с лоботомированными танцорами, бионические рабы подняли рухнувшие опоры, соединили поперечными балками и принялись восстанавливать внешнюю антенну разбитого генераторного столба.

Подключить основание антенны к электронике в корпусе корабля было куда сложнее. Для этого Делтриан разделил зрительные рецепторы и сейчас видел сегментированным зрением мухи: глазами четырех сервиторов, находящихся с ним на внешней обшивке корабля; собственными глазами с края воронки и глазами двух сервиторов на корабле, в нескольких метрах у него под ногами. Скорчившись в тесных служебных туннелях и истекая

маслянистым потом, они орудовали микроинструментами, вмонтированными в кончики пальцев, соединяя и запаивая поврежденные контакты.

Делтриан был из тех людей (в широком смысле этого слова), которые обычно наслаждались своей работой. Сложные задачи мотивировали его, порождая что-то вроде положительных эмоций и одновременно повышая продуктивность. Создание из плоти, возможно, назвало бы это вдохновением.

Но сейчас спешка и сложность требуемых манипуляций выходили далеко за пределы оптимальных рабочих параметров. Многие войны давались ему меньшим усилием, чем это задание.

Пустотные щиты опять перемкнуло, и они отключились на две минуты и сорок одну секунду. В течение этого времени Делтриан, разделивший внимание между шестью сервиторами, поглядывал еще и в космическую пустоту. Он следил за красным пятном вражеского корабля, обходящего подбитый крейсер «Эхо проклятия» по широкой орбите. Техножрец

еще больше распылил внимание, увеличивая изображение с глазных линз, — однако ему нужно было знать, решится ли противник высадить еще воинов, пока щиты «Эха» отключены.

Определенно, команду ударного крейсера ордена Генезиса преследовало желание нанести артиллерийский удар, но они бы никогда не пошли на это при таком количестве их верных солдат на борту. Вместо этого, они запустили еще две десантные капсулы, теперь наверняка полностью высадив абордажную команду.

Делтриан наблюдал за тем, как капсулы приближаются, прожигая трак. У бортовых батарей «Эха» не было шанса поразить такие миниатюрные цели, однако орудия оборонительных башенок с расчетом из сервиторов начали поливать космос трассирующими очередями, как только капсулы вошли в зону поражения. Одна из капсул бесшумно взорвалась, рассыпавшись на части и выплеснув в вакуум свое органическое содержимое. Делтриан не увидел, как тела имперских космодесантников и осколки их шлюпки по

инерции врезались в корпус «Эха», но на краткий миг представил, какой ущерб может причинить такой удар.

Вторая капсула вклинилась в борт где-то в нижней части судна, куда техножрец при всем желании заглянуть не мог. Он передал по воксу предполагаемые координаты вражеского прорыва, надеясь, что хотя бы один из защищавших корабль Когтей обратит внимание на его послание.

Спустя семь минут и тридцать семь секунд, когда пустотные щиты вновь включились и работа над восстановлением антенны была выполнена почти на сорок процентов, за спиной техножреца промелькнула тень. Делтриан неохотно решился уделить внимание этому факту и уже наполовину развернулся, когда что-то ударило его в бок с силой титана и взорвалось со вспышкой, неуловимой человеческим глазом. Глазные имплантаты механикуса теоретически были в состоянии зарегистрировать сферическую взрывную волну, неопределимую другими методами. Она

быстро рассеивалась в вакууме, не встречая сопротивления. Однако техножрец не стал ничего отслеживать. Снаряд, сдетонировавший о его грудную клетку, оторвал его от корпуса и потащил по бронированной шкуре корабля.

Пока жрец катился по обшивке, вытянув несколько рук для того, чтобы ухватиться за что-нибудь и прервать падение, его когитатор проделал следующее. Во-первых, каталогизировал непосредственные повреждения, нанесенные его физической оболочке. Во-вторых, отметил, что шестерка его сервиторов резко замедлила работу, вернувшись к своим естественным, примитивным и неуклюжим поведенческим моделям. В-третьих, отвел время для того, чтобы послать предупреждение остальным ремонтным бригадам на судовой обшивке. И наконец, когитатор разрешил своему владельцу секундное удивление: как, во имя бездонных бездн, кто-то из имперских космодесантников ухитрился пережить взрыв капсулы и подобраться к нему, Делтриану, для выстрела в спину? Такой

уровень стойкости вызывал раздражение, если обнаруживался у противника.

На все это ушло меньше секунды. Через три секунды после завершения когитации скольжение Делтриана и попытки уцепиться за поверхность корабля закончились тем, что он оторвался от корпуса и, вращаясь, поплыл в пустоту. Звезды кружились и мутнели в его глазах.

Без всякой возможности создать тягу или инерционную силу, он почти наверняка будет лететь в вакууме до самой своей смерти. Это... не оптимально.

Что-то схватило его за рясу и дернуло обратно. Он развернулся в безвоздушной невесомости и увидел руку, сжимавшую самый край его плаща, и воина, которому принадлежала эта рука.

Повелитель Ночи смотрел на жреца сквозь скошенные глазные линзы. Слезы красными и серебристыми дорожками стекали по демонической маске его наличника.

— Я слышал тебя по воксу, — сказал Люкориф из Кровоточащих Глаз.

— Да славится милость Бога-Машины, — ответил Делтриан по коммуникационному каналу.

Раптор без особых церемоний втянул жреца обратно на корпус.

— Как скажешь, — проскрипел Люкориф. — Оставайся здесь. Я перережу горло тому, кто напал на тебя. Потом можешь возвращаться к ремонту.

Двигатель на спине раптора бесшумно пробудился к жизни — его рев поглотил вакуум. Из маневровых двигателей вырвалось пламя, и Повелитель Ночи, оттолкнувшись от обшивки, помчался к поврежденному столбу.

Делтриан наблюдал за его полетом. Чувство облегчения было столь велико, что он решил не записывать неуважительные высказывания раптора для дальнейшей архивации.

На сей раз.

Ксарл выронил меч, с почти невозможным упорством добрался до стены и привалился к ней. Он оставался там

бесконечно долго, пересчитывая раны и пытаясь восстановить дыхание. Кровь, текущая сквозь разбитый нагрудник, пахла слишком чисто и резко. Он знал, что эта кровь течет из сердца. Нехорошо. Если пробито одно из сердец, ему придется недели проваляться в апотекарионе, приспосабливаясь к аугментическому протезу. Он не мог пошевелить одной рукой, а вторая онемела от локтя вниз, и пальцы начали скрючиваться. Одно колено не сгибалось, а боль в груди делалась все холоднее и расползалась все шире по телу.

Он снова застонал от усилия, но так и не смог оторваться от стены. Может, еще минутку. Пусть регенеративные ткани восстановят ущерб. Вот и все. Вот и все, что ему нужно.

Кирион первым поднялся на ноги, опираясь о противоположную стену. Его доспехи выглядели практически так же паршиво, как у Ксарла, однако, вместо того чтобы помочь остальным, он взял в руки отключенный громовой молот.

— Его батареи израсходованы на восемьдесят процентов. Возможно, нам

доставалось сильнее, чем тебе.

Ксарл не ответил. Он все так же стоял, привалившись к стене.

— Я никогда не видел подобного поединка.

Он шагнул туда, где стоял его брат.

— Отойди от меня. Мне надо отдышаться.

— Как хочешь.

Кирион двинулся к Талосу, который все еще лежал на палубе. Содержимое ампулы с химическим стимулятором, впрыснутое в шею, заставило мышцы пророка спазматически сократиться. Уже через секунду он вскочил, задыхаясь.

— Меня еще ни разу не били громовым молотом. Вариил замучает всех нас расспросами о его влиянии на нервную систему, но я больше никогда не желаю ощутить это.

— Радуйся, что тебе достался скользящий удар.

— Не почувствовал, что он был скользящим.

— Если ты еще жив, значит он был скользящим.

Один за другим бойцы Первого Когтя поднимались на ноги.

— Ксарл, — сказал Талос, — не могу поверить, что ты прикончил его.

Второй воин взглянул на братьев с насмешкой.

— Пустяки.

Талос перекинул ему шлем. Ксарл поймал его и, проведя пальцами по крылатому гребню — церемониальному украшению легиона, — на какую-то секунду всмотрелся в то печальное зрелище, которое он нынче являл Галактике.

Крови в глазах не было, но череп превратился в мешанину плоти и обломков кости. Даже закатить глаза стоило такого усилия, что воин чуть не рухнул на колени — однако он не собирался показывать свою слабость. Моргнуть было так мучительно, что у него просто не нашлось слов, чтобы описать эту боль. Он даже не хотел знать, что осталось от его лица. Остальные глядели на него с тревогой, но это лишь злило его еще больше.

— Ты еще можешь сражаться? —

спросил Талос.

— Я чувствовал себя и лучше, — ответил Ксарл. — Но я могу драться.

— Нам надо идти, — сказал Меркуций.

Он был самым слабым звеном. Без батареи его доспех становился почти бесполезен и ничего не прибавлял ни к силе, ни к остроте рефлексов. Суставы не жужжали, спинной ранец не гудел.

— Нам надо соединиться с одним из оставшихся Когтей, если на корабль проникли новые противники.

— Ксарл, — повторил Талос.

Воин поднял глаза.

— Что?

— Возьми молот. Ты заслужил его.

Ксарл надел шлем. Горловые запоры со щелчком сомкнулись, и голос воина, преображенный динамиками, вновь зазвучал как низкое рычание.

— Талос, — сказал он, — брат мой.

— Что?

— Я сожалею, что спорил с тобой раньше. Нет никакого греха в том, чтобы мечтать прожить жизнь со смыслом или

желать победы в этой войне.

— Мы поговорим об этом позже, брат, — отозвался Талос.

— Да. Позже.

Ксарл сделал один шаг вперед. Его голова медленно опустилась, а следом поникли и плечи. Воин тяжко рухнул на руки пророка — его тело совершенно обмякло, а пульсация жизненных показателей, передаваемых доспехом, сменилась монотонным и ровным сигналом остановки сердечного ритма.

IX
ОТТАЛКИВАНИЕ

Я нарушил сотню клятв. Некоторые — умышленно, некоторые — случайно, некоторые — из-за злой шутки судьбы. Одна из немногих, которую я стараюсь хранить до сих пор, — это наша клятва Механикум. Ни один легион не выстоит без поддержки изгнанников Марса.

Конрад Курц, Ночной Призрак, примарх Восьмого легиона

Талос втащил тело на мостик. Доспехи Ксарла скрежетали о палубу, керамит оставлял царапины на каждом шагу.

— Оставь его, — сказал Меркуций.

Сейчас он был без шлема. Обесточенная силовая броня не

подключалась к вокс-сети.

— Талос, оставь его. Нам еще предстоит бой.

Талос оттащил тело брата в сторону, оставив его у западных дверей. Выпрямившись, пророк окинул невозмутимым взглядом мостик. На командной палубе, как обычно, царил шум и организованный беспорядок. Офицеры и сервиторы перекрикивались и носились от одной контрольной панели к другой. Первый Коготь — то, что от него осталось, — направлялся к восточным дверям, на ходу проверяя оружие. Люди рассыпались перед ними в стороны. На знаки почтения, которые делали смертные, никто не обращал внимания.

Лишь Талос задержался у командного трона.

— Почему ты не атакуешь вражеский корабль?

— Разве ты не хочешь захватить его, когда мы уложим этих псов в могилы? — ответил по воксу Кирион.

Талос обернулся к обзорному экрану, где с мотительным упорством скользил

красный ударный крейсер.

— Нет, — ответил он. — Нет, ты должен бы знать, что мне это ни к чему.

— Но ты не можем взять их на абордаж. Все отделения ведут бой.

— Ты спятил? Я не хочу брать их на абордаж, — сказал пророк. — Я хочу, чтобы они сгорели дотла.

— Но они чуть ли не на полсистемы от нас, вне зоны поражения наших орудий. Они отошли, как только выпустили абордажные капсулы.

Талос поглядел на братьев, а затем на команду так, словно те окончательно лишились разума.

— Тогда преследуйте их.

Мостик вокруг них загудел. Кирион прочистил горло.

— Ты хочешь уничтожить этот корабль? В самом деле?

Пророк покачал головой. Это был жест удивления, а не отрицания.

— Почему это так трудно понять?

— Потому что не в привычках пиратов уничтожать добычу, доставшуюся им в набеге. — Кирион

взглянул на корабль вдалеке. — Подумай о том, сколько на этом судне боеприпасов. Подумай о тысячах членов команды, о ресурсах, об оружии, которое мы можем взять в качестве трофеев.

— На борту «Эха» есть все, что нам надо. Я не хочу трофеев. Я хочу мести.

— Но...

Кирион замолчал, столкнувшись с бесстрастным взглядом Талоса.

— Нет, — отрезал пророк. — Корабль сгорит. Они умрут.

Восточные двери распахнулись под вой гидравлики, и в зал ввалился Вариил. Его аугметическая нога сыпала искрами — замкнуло колено. Флажки из содранной кожи, украшавшие его доспех, были щедро политы кровью. Кулак Корсаров на его наплечнике был вдребезги разбит молотом, но на другом гордо красовался выведенный кровью крылатый череп легиона.

— Пятый Коготь очистил основные жилые палубы, — сообщил он. — Воины Генезиса задают нам жару, но мы пересиливаем.

Талос ничего не ответил.

— Ксарл? — спросил его Вариил.

— Мертв.

Талос не оглянулся на тело. Пророк уселся на командный трон, скрипнув зубами от боли в ранах. Боевые наркотики заглушали худшую ее часть, но скоро ему придется снять доспехи.

— Ты извлечешь его геноседя позже.

— Я должен извлечь геноседя немедленно, — возразил Вариил.

— Позже. Это приказ.

Он оглянулся на братьев, стоявших тесной группкой.

— Вариил нужен другим Когтям. Отправляйтесь в Зал Раздумий и любой ценой защищайте Делтриана. Я позабочусь о том, чтобы все отделения подтянулись к вам, когда прикончат своих противников.

Кирион шагнул вперед, словно собираясь возразить.

— А ты?

Талос кивнул в сторону оккулюса.

— Я присоединюсь к вам, как только покончу с этим.

Раптор ждал на краю воронки. Делтриан обращал на воина мало внимания, вновь разделив зрительное поле на несколько секций. На стенную антенну уже водружали проводящий шар, в то время как рабочие внизу поспешно соединяли проводку башни и основные системы корабля.

Несмотря на отсутствие нервных окончаний и, как результат, способности ощущать боль, рана беспокоила Делтриана. Вместо крови он истекал драгоценными гемо-маслами, а те немногие живые ткани, что у него остались, отчаянно посылали сигналы тревоги на глазные экраны. И хуже того, отказывающие органы заставляли аугметику работать с куда большей нагрузкой, чтобы сохранилась функциональность организма в целом.

Время сейчас, как никогда, являлось решающим фактором. К счастью, его миссия была почти завершена.

Кровяные кристаллы негромко постукивали об аугметические

конечности работающего техножреца. Судьба того, кто неожиданно напал на Делтриана, оказалась, похоже, незавидной. Тело исчезло, но кристаллизовавшаяся в космическом холоде кровь оставалась немым свидетельством его поражения.

Он слышал, что Люкориф снова ведет бой, — слышал это по хрипу и приглушенным звукам ударов в воксе, однако раптор сейчас его мало заботил.

В этот миг корабль у него под ногами страшно тряхнуло. Звезды начали поворачиваться в черном небе, и Делтриан потерял несколько драгоценных секунд, пока космическая пляска в глазах не успокоилась.

Корабль двигался. Они, определенно, атаковали. Техножрец не мог представить сценарий, при котором Повелители Ночи бежали бы от меньшего судна. Особенно если это судно явилось на защиту планеты, выбранной ими в качестве добычи.

— Стратегиум, говорит Делтриан. Ремонт щитов будет закончен в пределах четырех стандартных минут.

— Говорит Талос, — протрещало в ответ. — Щиты уже включены.

— Я в курсе. Но они нестабильны, потому что внешние столбы повреждены. Они могут снова отказать, и вероятность этого становится практически стопроцентной, если взять в расчет кинетическую составляющую. Не вступайте в бой до тех пор, пока надежность генераторов не гарантирована. Четыре минуты. Немедленно подтвердите, что это критическое условие вам понятно.

— Я понял, адепт. Работайте быстрее.

Корабль вокруг нее содрогался. Октавия оставалась на своем троне. Она смотрела, как звезды проплывают мимо на ее стене из пикт-экранов.

— Они бегут, — произнесла навигатор. — Воины Генезиса стараются оторваться от нас.

Септимус стоял рядом с ее троном — все еще в повязках, с лицом, сплошь расцвеченным синяками.

— Разве тебе вообще следует находиться здесь? — спросила Октавия.

Сейчас она больше, чем когда-либо, походила на терранскую аристократку, пускай и неосознанно.

Он пропустил вопрос мимо ушей.

— Не понимаю, как ты можешь определить, что они бегут, — сказал он скрипучим и сдавленным голосом. — Это же просто красная точка в черноте.

Она не отвела глаз от экранов.

— Просто вижу.

Несколько ее служителей суетились на той стороне бассейна, охраняя входной люк. Один из них приблизился. Его шаги эхом разнеслись по сырой комнате.

— Госпожа.

Октавия, обернувшись, взглянула на фигуру в плаще и повязках.

— В чем дело?

— Дверь запечатана. Четвертый Коготь гарантирует, что захватчики не пройдут на эту палубу.

— Благодарю, Вуларай.

Существо поклонилось и вернулось к своим товарищам.

— Ты начала лучше обращаться с ними, — заметил Септимус.

Он знал, что Октавия все еще тосковала по Псу.

Навигатор вымученно улыбнулась и вновь повернулась к экранам.

— Мы догоняем их, но слишком медленно. Двигатели слишком долго разогреваются. Я почти вижу их капитана, наблюдающего за нами, так же как мы наблюдаем за ним. Он надеется, что абордажные команды захватят наш мостик раньше, чем мы доберемся до его корабля. И это вполне возможно, потому что погоня займет не один час. Или даже несколько дней.

— Октавия! — пророкотал низкий бас из пастей вырезанных в стенах горгулий. Туда были вмонтированы вокс-динамики.

Навигатор потянулась к подлокотнику трона и взялась за рычаг. Он опустился со щелчком.

— Я здесь. Как идет бой?

— Победа достанется нам дорогой ценой. Мне надо, чтобы ты подготовила корабль к немедленному переходу в варп.

Она дважды удивленно моргнула.

— Я... что?

— Пустотные щиты будут стабилизированы через две минуты. Ты совершишь прыжок вскоре после этого. Понятно?

— Но мы на орбите.

— Мы уходим с орбиты. Ты это видишь.

— Но мы слишком близко к планете. А враг даже не направляется к варп-маякам системы. Они не собираются уходить в Море Душ.

— Нет времени обсуждать это, Октавия. Я приказываю тебе запустить варп-двигатели, как только пустотные щиты будут стабилизированы.

— Я это сделаю. Но куда мы направляемся?

— Никуда.

Сейчас в его голосе прорезалось нетерпение, чего Октавия раньше не слышала.

— Прыгни ближе к вражескому кораблю. Я хочу... хочу бросить корабль сквозь эмпирей и подстеречь ударный

крейсер противника. Я не собираюсь тратить целые дни на то, чтобы гоняться по космосу за этими глупцами.

Октавия снова невольно моргнула.

— Вы хотите пробить дыру в пространстве ради того, чтобы пронзить невероятно тонкий слой эмпирей. Двигатели едва успеют разогреться, прежде чем их придется заглушить. Этот прыжок продлится меньше секунды, и даже в этом случае мы можем сильно промахнуться.

— Я не говорил, что меня волнует, как это будет сделано.

— Талос, я не уверена, что это вообще можно сделать.

— И об этом я тоже не спрашивал. Я просто хочу, чтобы ты это сделала.

— Как вам будет угодно, — проговорила она.

Подняв рычаг и оборвав вокс-связь с мостиком, Октавия глубоко вздохнула.

— Это будет интересно.

— Строительство завершено.

Делтриан начал втягивать обратно

аугметические конечности, а сервиторы вокруг него снова вернулись в режим «слушаю/повинуюсь».

— Что прикажете? — передал один из них по воксу.

— Следуйте за мной.

Делтриан уже двигался. Обшивка корабля бесшумно подрагивала под подошвами его магнитных ботинок.

— Люкориф?

Раптор ждал его на краю воронки, сжимая в когтистой перчатке три красных шлема.

— Ты наконец-то справился? — сказал техножрец. — Нам нужно немедленно возвращаться на корабль.

Турбина за спиной Люкорифа мягко выдохнула, и раптор воспарил над корпусом судна. Ползающее, нелепое существо исчезло — здесь, на свободе, он был куда более смертоносен. Маршевые двигатели изрыгнули две небольшие струи, поддерживая его в невесомости.

— Почему?

— Потому что Талос хочет, чтобы ты прыгнули.

— Это некорректный термин, — хмыкнул в ответ Люкориф.

— Так или нет, но прыжок состоится.

— Когда?

Делтриан не останавливался. Он прошел мимо зависшего над обшивкой раптора, опустив голову и высматривая глазными линзами крышку ближайшего люка, ведущего внутрь. До него все еще было больше трехсот метров.

— Я что, должен подробно изложить всю последовательность событий? Он собирается запустить варп-двигатели, как только пустотные щиты будут стабилизированы. Я починил последний столб. Следовательно, щиты стабилизированы. Следовательно, чтобы окончательно рассеять все сомнения, прыжок состоится прямо сейчас. Ты когда-нибудь видел, что происходит с живым существом, оставшимся без защиты в варпе?

Делтриан услышал, как в воксе что-то влажно чавкнуло. Похоже, раптор улыбнулся.

— О да, техножрец. Несомненно,

видел.

Корабль под ногами адепта ходил ходуном, набирая силу и инерцию, как зверь набирает воздуха перед оглушительным рыком.

Делтриан выбрал один из надгортанных вокс-переключателей.

— Лакуна Абсолютус?

— Ваше преподобие?

— Немедленно сообщи мне, где находишься.

Вокс-канал в ответ разразился треском кода, в котором слышалось неподдельное изумление.

— Мне кажется или я, в самом деле, улавливаю в вашем вопросе легкое участие, преподобный?

— Пожалуйста, отвечай.

— Моя группа примерно в шестнадцати-двадцати секундах ходьбы от ближайшего служебного люка, приблизительно в шестистах метрах по направлению к носу относительно вашей позиции. Я полагаю...

Его слова утонули в треске помех.

— Лакуна Абсолютус. Завершите

вокализацию.

В ответ снова раздался лишь шум статики.

— Стойте, — приказал Делтриан.

Сервиторы повиновались. Люкориф — нет. Он был уже у ближайшего люка и, вцепившись когтями в обшивку, набивал на панели код доступа.

— Лакуна Абсолютус? — повторил адепт.

Белый шум в канале не утихал, пока Делтриан не использовал аудиофильтры, отсекающие статику. Один звук пробился сквозь остальные.

— Люкориф, — позвал Делтриан.

Раптор, поднимавший круглую крышку люка, замер.

— Что случилось?

— На моего подчиненного, Лакуну Абсолютуса, напали. Я различил по вокс-линку звук, сопровождающий гибель сервитора.

— И что?

Повелитель Ночи откинул люк, открыв темный туннель внутри. Корабль под их ногами затрясся, предостерегая:

двигатели набирают мощность.

— Сконструируй другого помощника, или что ты там делаешь, чтобы стастерить своих рабов.

— Он...

Делтриан запнулся, ощущая, как дрожь сотрясает кости корабля. До входа в варп оставалось меньше минуты.

— Он уже мертв, — резонно заметил Люкориф. — Лезь внутрь.

— Ваше преподобие, — чуть слышно протрещал голос Лакуны Абсолютуса сквозь помехи, — Астартес...

Логика и эмоции схватились в душе древнего техножреца. У него имелось несколько помощников и подчиненных, но мало кто из них был настолько одарен, как Лакуна Абсолютус. Немногие также сохранили индивидуальность и азарт, качества, которыми стоило восхищаться — по крайней мере тогда, когда они сочетались с целеустремленностью и эффективностью, создавая почти идеальную смесь. Дело было не только в лишних хлопотах, связанных с обучением нового адепта, не только в огромном

количестве дополнительных обязанностей, которые свалятся на него, — на каком-то едва определимом и личном уровне Делтриана очень бы опечалила потеря любимого помощника.

Эта истина смутила его. Привязанность порождала в нем странное чувство, чужеродное и холодное. Если бы в техножреце было больше плоти, чувствительной к подобным вещам, он назвал бы это ознобом.

— Я его не брошу.

Делтриан развернулся и сделал семь шагов, прежде чем услышал презрительный смех Люкорифа.

— Залезай внутрь.

Раптор промчался над ним и полетел над обшивкой. Сопла ракетных двигателей у него за спиной выдыхали струи призрачного огня.

— Я разберусь с твоим пропавшим другом.

Люкориф из Кровоточащих Глаз в мгновение ока добрался до цели. Корпус корабля под ним размазался темно-синим

пятном того же цвета, что и его броня, — а его жертва ярко выделялась в свете наружных аварийных прожекторов.

Одинокий воин в красных доспехах стоял у служебного люка. Солдат Генезиса явно собирался открыть его и проникнуть внутрь, когда заметил приближающуюся группу сервиторов и адепта. Грязные холуи Золотого Трона! Мало было того, что эти паразиты кишели во внутренностях корабля, теперь они еще и ползали по его шкуре.

Корабль под ним поворачивался медленно, но неумолимо. Хватит. Он не собирается застрять снаружи, когда «Эхо» войдет в варп. Такой конец не для главы секты Кровоточащих Глаз.

Люкориф развернулся в невесомости, откорректировав свой полет так, чтобы спикировать прямо на космодесантника из Генезиса. Тот едва успел взглянуть вверх, прежде чем две когтистые ноги раптора ударили его в грудь. Руками Повелитель Ночи вцепился в шлем противника, а ножными когтями тем временем раздирал керамитовый нагрудник,

внутренний слой искусственных мышц и податливую плоть под ним. Свирепым рывком он свернул шею космодесантнику — даже сквозь доспех, отделявший его от добычи, Люкориф расслышал приглушенный треск ломающихся позвонков.

Воин Генезиса обмяк, но продолжал стоять прямо, удерживаемый на обшивке магнитными подошвами ботинок. Кровь хлынула из его разорванной груди потоком кристаллов.

Люкориф взвился вверх и развернулся, опустившись с пистолетом в руке в нескольких метрах от трупа. Единственный болтерный снаряд врезался в нагрудник имперского космодесантника, сорвав тело с магнитной подложки и кувырком отправив в небытие.

И лишь после этого, развернувшись, раптор обнаружил Лакуну Абсолютуса. Адепт скорчился за выступом обшивки, сжимая лазпистолет. Судя по индикатору на боковой части пистолета, предохранитель был все еще включен, хотя даже в лучшие времена такое маломощное

оружие вряд ли помогло бы против имперского космодесантника.

— У тебя что, нет никаких боевых модификаций? — спросил Люкориф, хватая адепта за горло и вытаскивая из укрытия.

— Нет, — ответил тот, покорно болтаясь в руке воина. — Но после событий нынешней ночи я планирую исправить это упущение.

— Просто лезь внутрь, — прорычал раптор.

— Скажите мне, что это сработало, — обратился Талос к команде.

Пока желудок Октавии выворачивало наизнанку после прыжка и пока Когти их отряда наконец-то шли на соединение, чтобы изолировать и уничтожить остатки абордажных партий противника, «Эхо проклятия» содрогался от перегрузок возвращения в реальное пространство. Боевой корабль ворвался в реальность, волоча за собой хвост не-дыма цвета головной боли, цепляющийся за спинные бастионы. Это был, несомненно, самый короткий прыжок за всю историю легиона.

Двигатели включились меньше чем на секунду, пробив дыру в вакууме перед носом судна. И эта рана еще не успела затянуться, когда в десятках тысячах километров от нее открылась другая, изрыгнувшая корабль обратно в космос.

Ни один варп-переход не достается даром, но законы логики неприменимы к путешествиям по адской бездне за завесой. Короткий перелет не гарантировал безопасность, и выход корабля из варпа спустя всего несколько мгновений после входа все же заставил его отчаянно задрожать. Поле Геллера стало видимым из-за облепившего его ядовитого тумана.

Трясущийся мостик оглашался немелодичным лязгом и звоном множества цепей, свисавших с потолка. Повелители Ночи время от времени подвешивали к ним тела — Рувен не был единственным украшением.

— Говорите, — приказал Талос.

— Системы перезагружаются! — крикнул в ответ один из офицеров мостика. — Аупик включен! Я... Это сработало, господин! Мы на расстоянии

тысяча триста кило...

— Разворачивайтесь, — перебил его пророк. — Я хочу, чтобы этого крейсера не стало.

— Разворачивается, сэр, — откликнулась штурман.

Генераторы гравитации взвыли от перегрузки, когда «Эхо» резко лег на бок. Окулюс ожил, вспыхнув разрядом статики, и на экране показался далекий красный корабль.

Талос бросил взгляд на гололитический дисплей, пока настраивающийся и практически бесполезный. Они были все еще слишком далеко, чтобы использовать любые орудия, — и все же значительно ближе, чем прежде. У него появилась другая идея. Должно было сработать.

— Всю энергию к двигателям.

— Есть направить всю энергию к двигателям.

Мастер тяги потянулся к вокс-передатчику и набрал код своих подчиненных на инженерной палубе.

— Всю энергию к двигателям! —

прокричал старый офицер в рожок переговорника. — Каждый реактор должен гореть, как солнечное ядро! Не жалейте рабов!

Несколько ответов слились в согласный хор. Не все голоса были человеческими.

«Эхо проклятия» рванулся вперед, рассекая пространство в погоне за добычей.

Талос знал, что он не воитель космоса. Пророку не хватало терпения Вознесенного, и он сознавал, что им движут чувственные ощущения: он шел в бой с мечом в руке и с лицом, окропленным вражеской кровью. Его подстегивал запах пота и страха, соленая вонь, источаемая противником, — это обостряло его чувства. Космическая война требовала солидной доли выдержки, которой он так и не научился. Талос знал это, но не упрекал себя за недостаток. Никто не может быть совершенен во всем.

Поэтому почти сразу после захвата «Эха» Талос доверился своей смертной команде. Среди них были как беженцы с «Завета крови», так и ветераны флота

Красных Корсаров. Когда они говорили, он прислушивался. Когда они давали совет, он принимал их слова во внимание. Когда он действовал, то в согласии с ними.

Но у всякого терпения есть предел. Один из братьев уже погиб этой ночью.

Еще один взгляд на настраивающийся гололит показал, что расстояние между двумя рунами, обозначавшими корабли, сокращается.

— Мы их догоним, — сказал Талос.

— Они бегут к варп-маяку системы! — крикнул мастер ауспика.

Талос обернулся к горбуну, бывшему рабу Корсаров. Его лицо уродовало черное клеймо в форме восьмилучевой звезды.

— Не думаю. Они ищут укрытия, а не бегства.

Он приказал развернуть окулюс так, чтобы в обзор попала отдаленная луна.

— Вот, — сказал Талос. — Они постараются выиграть время, спрятавшись от нас на другой стороне этой скалы. Им надо лишь дождаться, пока абордажные команды захватят контроль над кораблем, или сигнала, что их атака

провалилась. Тогда они смогут вернуться или бежать, как посчитают нужным.

Многосуставчатые пальцы мастера ауспика забегали по консоли. Медные кнопки заклацали, словно клавиши древней печатной машинки.

— Возможно, вы правы, господин. Такой маневр даст им приблизительно семь часов до прыжка в варп.

Талос почувствовал, как Ксарл снова притягивает его взгляд. Он переборол себя, понимая, что брат все так же недвижно лежит у стены. Смотри или не смотри на его труп, лучше не станет.

Офицер в плаще поскреб гноящиеся язвы в уголках рта.

— Мы догоним их примерно через два часа.

Лучше. Еще не хорошо, но уже лучше. И все же его грызла беспокойная мысль.

Талос подумал вслух:

— Что, если они сообразят, что их атака безнадежно провалена?

Офицер в плаще с хлюпаньем втянул в себя воздух.

— Тогда мы их не догоним. Варп-

прыжок лишь дал нам шанс на честный бой. Не больше, лорд, но и не меньше.

Талос следил за тем, как вражеский корабль спешит в укрытие, сжигая двигатели в попытке добраться спутника — куска мертвой скалы. Неважно. Его идея сработает.

— Нострамо... — прошептал он.

Воображение и память залегли в его темных глазах огонь, хоть и скрытый под маской-черепом наличника и красными глазными линзами, скошенными к вискам.

— Сэр?

Пророк выждал несколько секунд, прежде чем ответить:

— Пускай бегут. Мы теперь достаточно близко, чтобы запустить Вопль. Преследуйте их, но дайте им выйти на орбиту с той стороны спутника. Пусть подойдут ближе к нему, считая, что это поможет им выиграть пару часов.

— Мой господин?

Талос обернулся к женщине, отвечающей за вокс-связь.

— Будь любезна, найди Делтриана.

Офицер, большую часть плоти которой заменили аугметические протезы, а меньшую покрывали шрамы от кислотных ожогов, склонилась над консолью. Секундой позже она кивнула:

— Готово, сэр.

— Делтриан, говорит Талос. У тебя десять минут на то, чтобы активировать Вопль. Настало время выиграть этот бой.

Когда ответ техножреца пришел, его слова перекрыло сиплое ворчание Люкорифа:

— Мы в терминальной арке правого борта. У нас уйдет десять минут только на то, чтобы добраться до покоев техноадепта.

— Тогда поспешите.

Талос жестом велел мастеру вокса оборвать связь и тяжело вздохнул.

— Мастер оружия.

Офицер поднял взгляд от консоли. Его щеголеватый и элегантный мундир выцвел от старости.

— Мой господин?

— Подготовь циклонные торпеды, — приказал Повелитель Ночи.

— Господин? — ошарашенно прозвучало в ответ.

— Подготовь циклонные торпеды, — повторил он, не меняя тона.

— Господин, у нас только пять боеголовок.

Талос сглотнул, сжал зубы и закрыл глаза, словно мог сдержать гнев, закрыв пути его выхода.

— Подготовь циклонные торпеды.

— Сэр, я считаю, что мы должны оставить их на...

Это было последнее, что сказал человек. Передняя часть его лица отделилась от остального с отвратительным чмоканьем. Осколки кости, перемешанные с плотью, хрустнули в кулаке Повелителя Ночи. Талос и не взглянул на тело, которое рухнуло на палубу, забрызгав настил содержимым расположенного черепа.

Он двигался с такой скоростью, что никто ничего даже не успел заметить. В мгновение ока преодолев десять метров, он взгромоздился на стол перед контрольной панелью.

— Я пытаюсь действовать разумно, — обратился он к сотням членов команды, уставившимся на него. — Я пытаюсь завершить эту битву, чтобы все мы могли вернуться к нашему ничтожному существованию, сохранив собственные шкуры. По своей природе я не отношусь к раздражительным типам. Я позволяю вам говорить, давать мне советы... но не принимайте мое попустительство за слабость. Когда я приказываю, вы должны подчиняться. Прошу вас, не испытывайте мое терпение этой ночью. Вы пожалеете об этом, как только что столь наглядно продемонстрировал нам мастер оружия Сужев.

Тело у ног Талоса все еще билось в конвульсиях, истекая кровью. Пророк сунул пригоршню кровавой мешанины, оставшейся от лица человека, ближайшему сервитору.

— Избавься от этого.

Сервитор таращился на хозяина с бессмысленной преданностью.

— Как, мой господин? — пробормотал он бесцветным голосом.

— Как угодно, хоть съешь.

Пророк направился обратно к своему трону, размазывая по палубе органические отходы, текущие из трупа Сужева. Все это время он боролся с желанием сжать руками больную голову. Что-то в глубине мозга грозило прорваться наружу, взорвав по пути его череп.

Это геносемя убивает тебя. Некоторым смертным не суждено пережить имплантацию.

Он взглянул вверх, туда, где на ржавых цепях висели останки Рувена.

— Я убил тебя, — сказал он костям.

— Сэр? — переспросил ближайший офицер.

Талос оглянулся на человека. Мутации искалечили его. Половина тела смертного была сведена вечной судорогой, а лицо перекосила неподвижная усмешка жертвы инсульта. Он вытирал слюну с губ тыльной стороной руки, больше похожей на клешню.

Неужели это то, до чего мы докатились? — мысленно ужаснулся он.

— Ничего, — произнес Талос вслух. —

Всем постам приготовиться к запуску циклонных торпед. Когда включится Вопль и враг не сможет отследить или перехватить наши торпеды, уничтожьте луну.

X
МЕСТЬ

— Ксарл мертв, — произнес Меркуций в темноту. — Я едва могу в это поверить. Он был неуязвим.

Кирион хмыкнул:

— Очевидно, нет.

Светильники вокруг них погасли под треск перегруженной проводки. Корабль тревожно застонал под ногами. На мгновение даже сам воздух, казалось, прилип к доспехам. Он дергал и тянул в разные стороны, словно хотел разодрать их на части.

— Что это было? — спросил Вариил.

Его наплечный фонарь вспыхнул в ответ на затемнение, разорвав черноту. Острый луч света заплясал по железному туннелю впереди.

Хотя глазные линзы и приглушили яркость, остальные Повелители Ночи инстинктивно отвернулись от пронзительного света.

— Выключи это, — спокойно произнес

Кирион.

Вариил подчинился. Просьба его позабавила, хоть и не вызвала улыбки.

— Пожалуйста, ответьте на мой вопрос, — сказал он. — Этот звук и дрожь корабля. Что их вызвало?

Кирион вел остатки Первого Когтя по туннелям вглубь корабля.

— Реакция системы на запуск циклонных торпед. Талос поступил либо очень умно, либо совершенно глупо.

— Он рассержен, — добавил Меркуций.

Его братья, оставшиеся в шлемах, не оглянулись. Они шли вперед, сжимая в руках оружие.

— Талос не сможет легко отнестись к смерти Ксарла, помяните мои слова, — продолжил Меркуций. — Я видел это в каждом его движении. Он глубоко ранен.

Узас выдохнул сквозь решетку шлема:

— Ксарл мертв?

Остальные, не считая Меркуция, не обратили на него внимания.

— Он умер час назад, Узас.

— Ох. Как?

— Ты был там, — тихо ответил

Меркуций.

— Ох.

Остальные почти чувствовали, как внимание его скользит и рассеивается, не в состоянии удержаться на теме разговора.

Кирион во главе поредевшего Когтя в очередной раз свернул за угол, спускаясь по спиральным мосткам на нижнюю палубу. Смертные из команды разбегались перед ними, как тараканы, спасающиеся от включенного света. Лишь немногие из них — в равной степени разнорабочие в униформе и сброд в обносках — падали на колени и всхлипывали у ног хозяев, умоляя объяснить, что происходит.

Кирион пинком отшвырнул одного из них в сторону. Первый Коготь миновал остальных.

— Этот корабль размером с небольшой город, — сказал Кирион братьям. — Если эти недоноски из Генезиса попробуют скрыться, мы можем никогда их не найти. Мы только-только сумели вычистить худшую часть скверны, оставшейся после ублюдочных Корсаров.

— Ты слышал, что они нашли на тридцатой палубе? — спросил Меркуций.

Кирион покачал головой:

— Просвети меня.

— Кровоточащие Глаза сообщили это в одном из отчетов за несколько ночей до того, как мы прибыли к Тсагуальсе. Они говорили, что там, внизу, стены живые. В металле проступают вены, у него есть пульс, и он кровоточит после пореза.

Кирион обернулся к Вариилу, скрывая неодобрительную усмешку под маской шлема.

— Что вы, извращенные глупцы, делали с этим кораблем до того, как мы его отвоевали?

Аптекарий не замедлил шага. Его аугметическая нога с шипением сгибалась и разгибалась — сервомоторы, как могли, имитировали работу человеческих мышц и суставов.

— Я видел суда Повелителей Ночи куда более пораженные скверной, чем то, о чем ты говоришь. Вряд ли меня можно назвать верным сторонником дела Корсаров, Кирион. Я никогда не обращался

к Губительным Силам со словами молитвы. Варп извращает все, чего касается, этого я отрицать не стану. Но ты же не станешь утверждать, что на борту вашего драгоценного «Завета крови» не было осквернённых палуб?

— Не было.

— В самом деле? А может, ты просто предпочитал посещать менее населенные палубы, где клейто Скрытых Богов не было столь очевидно? Хочешь сказать, что ты спускался к тысячам рабов, запертых в самых тёмных глубинах и трюмах корабля? Неужели там все было так чисто и неприкосновенно, как ты говоришь, — и это после десятилетий в Великом Оке?

Кирион отвернулся, тряхнув головой, но Вариил не собирался спускать беседу на тормозах.

— Я ненавижу лицемерие больше, чем что бы то ни было, Кирион с Нострамо.

— Помолчи минуту и избавь меня от своего нытья. Мне никогда не понять, зачем Талос спас тебя на Фриге, и я не понимаю, почему он позволил тебе

присоединиться к нам, когда мы ушли из Зрачка Бездны.

Вариил ничего не ответил. Он не был предрасположен к долгим спорам и не испытывал страстного желания оставить за собой последнее слово. Такие вещи мало для него значили.

Но, когда они спустились на следующую палубу, заговорил Меркуций. Его голос мешался с громким лязгом шагов. Рабы опять разбегались перед ними, грязные и оборванные, все как один.

— Он с нами, потому что он один из нас, — произнес Меркуций.

— Как скажешь, — отозвался Кирион.

— Ты думаешь, он не такой, как мы, лишь потому, что солнечный свет не ранит его глаза?

Кирион покачал головой.

— Я не хочу спорить, брат.

— Но я говорю искренне, — настойчиво продолжил Меркуций. — И Талос тоже в это верит. Быть воином Восьмого легиона — это значит обладать целеустремленностью... холодной целеустремленностью, чуждой другим

нашим братьям. Нет нужды рождаться в бессолнечном мире, чтобы стать одним из нас. Ты просто должен понимать страх. Должен наслаждаться, сея его в сердцах смертных. Смаковать соленую вонь пота и мочи, источаемую кожей напуганного человека. Ты должен думать так, как думаем мы. И Вариил думает так.

Он склонил голову в сторону апотекария.

Кирион оглянулся на ходу через плечо. Нарисованные на шлеме зигзаги молний — огненные слезы — рассекали его щеки, как следы мазохистских утех.

— Он не нострамнец.

Меркуций, не склонный к веселью, на это улыбнулся.

— Почти половина Избранных примарха были терранцами, Кирион. Ты помнишь, что было, когда пал первый капитан Севатар? Помнишь, как атраментары разбились на партии, не желая служить Сахаалу? Я вижу тут горький урок. Подумай об этом.

— Мне нравился Сахаал, — ни с того ни с сего заявил Узас. — Я его уважал.

— Как и я, — согласился Меркуций. — Я не любил его, однако уважал. Но даже когда Чернецы разобщились после смерти Севатара, все мы знали, что их нежелание подчиняться Сахаалу — нечто большее, чем простое предубеждение. Некоторые из первой роты были терранцами, старейшими воинами в легионе. Даже Малек терранец. Тут дело в чем-то большем, чем родной мир Сахаала. Терранец, нестраманец или рожденный в любом другом мире — для большинства из нас это никогда не имело значения. Геносемя заполняет наши глаза чернотой, независимо от того, где мы родились. Мы разобщены, потому что примархи покинули нас. Раньше или позже, но эта судьба постигнет каждый легион. Мы — банды, объединенные общей целью, с общим наследием и идеологией.

— Все не так просто.

Кириона нелегко было сбить с мысли.

— У Вариила глаза не черные. В его груди и в горле геносемя Корсаров.

Меркуций тряхнул головой.

— Меня удивляет, как ты цепляешься

за старые предрассудки, брат. Ладно, как хочешь, — я покончил с этой дискуссией.

Но Кирион еще нет. Он перемахнул через поручень, приземлившись на платформе десятью метрами ниже. Братья последовали за ним.

— Скажи мне кое-что, — сказал он, хотя в голосе его поубавилось колкости. — Отчего же первая рота отказалась следовать за Сахаалом?

Меркуций втянул воздух сквозь сжатые зубы.

— У меня почти не было возможности поговорить с кем-то из них. Но дело, кажется, не в том, что у Сахаала имелись какие-то особые недостатки, несовместимые с должностью. Скорее, никто просто не мог сравниться с истинным первым капитаном. Никто не мог дотянуться до него. Чернецы отказывались служить другому вождю после смерти Севатара — он сделал их тем, чем они были, братством, которое невозможно разрушить иным путем, кроме как лишив капитана. Так же и весь легион отказывался служить под началом одного

капитана после смерти примарха. И я сомневаюсь, что сейчас мы бы последовали даже за примархом. Сменилось десять тысячелетий. Десять тысячелетий войны, хаоса, боли и попыток выжить.

Узас вел лезвием своего отключенного цепного топора вдоль железной стены. Металл визжал, царапая по металлу.

— Севатар, — сказал он. — Разве Севатар умер?

Остальные обменялись ухмылками и смешками.

Израненные остатки Первого Когтя двинулись дальше, вглубь мрака, затопившего их обитель.

Талос смотрел на то, как луна рассыпается на части. В прошлом он мог бы восхититься той мощью, что привела в движение его воля. А сейчас он наблюдал молча, стараясь не связывать образ распадающегося на куски спутника с воспоминанием о Нострамо, погибшем так же.

Циклонные торпеды класса «Рубикон» не способны были уничтожить целую

планету, но в маленькую луну они вгрызлись быстро и жадно.

— Я хочу слышать Вопль, — сказал он, не отрывая взгляда от окулюса.

— Есть, господин.

Мастер вокса настроила динамики мостика так, чтобы они передавали звуковую часть поля-«заглушки» Делтриана. Как и следовало ожидать, звук вполне соответствовал названию. Воздух наполнил улюлюкающий резонирующий вопль, отвратительный и до странности живой. Под наслоениями визга, криков ярости и душераздирающим треском вокса можно было различить единственный человеческий голос.

Техножрец исключительно гордился тем, что создал этот генератор помех, и Талос чувствовал благодарность ему не в меньшей степени. Вопль намного упрощал охоту — суда противника были ослеплены без аусписа и вынуждены нащупывать дорогу в холодном вакууме без помощи сканеров. Однако Вопль требовал очень много энергии. Накрыв их плащом-невидимкой, он высасывал почти досуха все

генераторы на корабле. Они не могли использовать силовое оружие. Существенно падала скорость. И конечно же, они не могли поднять пустотные щиты — отражающие экраны работали примерно на той же частоте, что и Вопль, и получали энергию из тех же источников.

Талос подумал о том, что начало твориться на вражеском мостике, когда Вопль затронул их системы. Надежно укрытые в тени луны, запаниковали ли рабы ордена, когда потеряли связь со своими хозяевами в составе абордажных партий? Может быть, да, может, нет, но ни одно судно Адептус Астартес не берет слабаков в команду. Эти офицеры и слуги представляли собой вершину человеческих способностей, не усиленных аугметикой. Их тренировали в военных академиях, сходных с теми, что находятся в мирах Ультрамара.

Вся операция была проведена безупречно, согласно их несчастному Кодексу Астартес, — от точного огневого удара до яростных и тщательно организованных боев на каждой палубе и до

отступления крейсера, позволившего воинам выгадать дополнительное время.

Победы можно было добиться, лишь изменив правила игры. Талос знал это и никогда не чурался жульничества. Некоторые торпеды циклонного класса поджигали атмосферу, если использовались вместе с оружием орбитальной бомбардировки. У этой луны не было ни атмосферы, достойной упоминания, ни населения, которое он мог бы сжечь в огненном инферно, так что подобные орудия оставались бы бесполезны, даже если бы имелись на борту «Эха проклятия».

Другие циклонные боеголовки всаживали в ядро планеты заряд лелты или плазмы, вызывая термоядерную реакцию. Это либо провоцировало катастрофические тектонические сдвиги, либо зажигало маленькое солнце в самом сердце планеты. Так или иначе, ни один мир не мог бы этого пережить. Большая часть погибала в течение нескольких минут вместе со всем населением.

Торпеды класса «Рубикон» были

маломощными представителями последней разновидности. Все, что требовалось Талосу. Почти наверняка хватило бы и одной, но две точно довершат дело.

Для начала он ослепил врага Воплем. Теперь противники не могли обнаружить устремившиеся в их сторону торпеды, так же как и почувствовать эффект от их столкновения с луной, пока не станет слишком поздно. В течение нескольких минут углубившиеся в скалу снаряды сделали свою работу. Талос не видел особой нужды в том, чтобы уничтожить всю луну, вызвав сферический взрыв в ее центре. Поэтому торпеды ударили в северное полушарие, ввинтившись в солевые равнины голых полярных шапок. Вместо того чтобы взорваться в ядре спутника, они пробили его скальп. Последовавшая серия запрограммированных ядерных взрывов на противоположной, ближней к вражескому кораблю стороне луны спровоцировала тектонический распад.

Спутник рассыпался на части. Без

всякого изящества, что уж там говорить. Четверть его поверхности треснула и вырвалась в космос с такой скоростью, что даже гололитический дисплей «Эха» не смог вовремя настроиться, чтобы отследить изменения. Не позже чем через три минуты после того, как торпеды ударили в спутник, огромные куски породы начали откалываться. Поверхность луны покрылась паутиной гигантских трещин, изрыгнувших в ближайшее пространство плотное облако пыли.

— Отключить Вопль, — приказал Талос. — Поднять щиты, зарядить орудия. Полный вперед.

«Эхо» задрожал, вновь пробуждаясь к жизни, и помчался сквозь космос со всей резвостью голодной акулы. Стратегиум погрузился в обычный организованный хаос, когда офицеры и сервиторы кинулись к рабочим постам. Скрип и лязганье рычагов смешались с гулом голосов и стуком пальцев по клавишам.

— Крейсер Генезиса не показался? — спросил Талос с центрального трона.

На обзорном экране скальпированную

луну, ободранную и жалкую, уже начало окружать новое поле астероидов.

— Вижу их, сэр, — отозвался мастер ауспика, с хлюпаньем втянув воздух сквозь респиратор. — Перевожу изображение на гололит.

Поначалу Талос не мог отличить судно от космического мусора. Гололит, как всегда, неверно мерцал, показывая сотни целей. Разрушенный край спутника выступал сбоку зубчатой линией. Обломки камня всех форм и размеров усыпали окружающее пространство, вращаясь в туманной дымке — частицах, слишком мелких, чтобы на них получилось навестись.

Они были там. Характерный раздвоенный нос боевого корабля Адептус Астартес и рунические символы их орудий, палящих в пустоту. Талос смотрел на гололитическое изображение маневрирующего корабля — крейсер Генезиса неожиданно оказался посреди астероидного поля и теперь разряжал батареи по обломкам, пытаясь вырваться на свободу.

Пророк был почти разочарован тем, что судно не уничтожил первый же взрыв, — но теперь, по крайней мере, он мог собственными глазами наблюдать его гибель.

— Не буду скрывать, что в эту минуту горжусь вами, — обратился он к команде. — Вы отлично справились, вы все.

Дрейфующие в невесомости скалы кружились, влетали друг в друга и распадались на еще более мелкие обломки. На гололитическом экране Талос увидел, как несколько крупных осколков врезались в корабль. Примитивная программа визуализации не могла показать весь тот огромный ущерб, который должны были нанести эти столкновения.

— Подведите корабль в зону видимости.

Талос знал, что для сокращения расстояния между кораблями потребуется еще несколько часов. У него появилась идея, как занять время, а заодно дополнительно уменьшить шансы проникших на борт воинов Генезиса.

— Установите связь с вражеским

кораблем и настройте канал так, чтобы все вокс-динамики «Эха» транслировали наш разговор.

Мастер вокса Аури выполнила его приказ. После того как Вопль отключился, на мостике воцарилось относительное молчание. Теперь оно заполнилось эхом голосов с вражеского крейсера. Монотонное бормотание сервиторов служило фоном для глухих ударов каменных обломков о корпус и звучного голоса, с придыханием говорившего в микрофон:

— Я — Аэниас, капитан «Венца и мантии». Я не собираюсь слушать ни твои насмешки, еретик, ни твои посулы.

На секунду речь космодесантника прервал взрыв и отдаленные крики.

— Говорит Талос с боевого корабля «Эхо проклятия». Я не собираюсь насмехаться, а лишь скажу правду. Ваша попытка абордажа провалилась, так же как и попытка сбежать от нашей мести. Прямо сейчас мы любуемся вашей гибелью на экранах гололитов. Если у тебя есть последнее слово для грядущих поколений, можешь сказать его сейчас. Мы запомним

его. Мы — Восьмой легион, и память у нас долгая.

— Гнусные проклятые изменники!.. — протрещало в ответ.

— Похоже, он изрядно рассержен, — пошутил стоявший рядом офицер.

Талос яростным взглядом заставил его замолчать.

— Талос? — снова донесся голос капитана.

— Да, Аэниас.

— Чтоб тебе сгореть в том аду, что ждет обманщиков и предателей!

Талос кивнул, хотя его собеседник и не мог этого увидеть.

— Не сомневаюсь, что так и будет. Но ты доберешься туда раньше меня. Умри, капитан. Гори, и пусть братья оплачут твою бессмысленно потерянную жизнь.

— Эта жертва меня не страшит. Из крови мучеников прорастает Империум. Во имя Жиллимана! Храбрость и че...

Связь оборвалась. На гололитическом дисплее рунический символ вражеского крейсера мигнул и погас в самом сердце свирепого астероидного шторма.

— «Венец и мантия», — сказала мастер вокса, — погиб со всеми душами.

— Подведи нас ближе к астероидному полю и расстреляй то, что от них осталось, из носовых орудий.

— Есть, господин.

Талос встал с трона. Усталое тело саднило.

— Наш разговор от начала и до конца транслировался по всему кораблю? — спросил он.

— Так точно, господин.

— Отлично. Пусть смерть их капитана и корабля окончательно лишит ублюдков из Генезиса мужества.

— Господин, — начал мастер аустика, — использование торпед... Это был отличный план. Все сработало великолепно.

Талос едва обратил внимание на его слова.

— Как скажешь, Наллен.

Он махнул рукой ближайшему офицеру.

— Котис. Принимай командование над мостиком.

Названный офицер не стал салютовать. Командиры высшего ранга не разменивались на такие формальности. Однако у него хватило ума не усаживаться на трон своего господина. Вместо этого, он встал рядом с троном, принимая командование над теми, кто трудился внизу.

Талос подошел к стене стратегиума и взвалил тело Ксарла на плечи.

— Я похороню брата. Вызывайте меня только в случае крайней нужды.

Первому Когтю потребовался почти час, чтобы добраться до других отделений. Путь по лабиринтообразным палубам «Эха» вел их от отсека к отсеку, от туннеля к туннелю. Иногда они проходили сквозь толпы недвижных, прячущихся во тьме рабов, а в других помещениях все кипело активностью: там занимались делом слуги легиона — в основном ремонтные бригады и чернорабочие. Некоторые из них были, похоже, изувечены воинами Генезиса, и у Кириона появилось неприятное ощущение, что окончательные

потери среди команды будут исчисляться тысячами.

Меркуций, определенно, думал о том же.

— Они потрепали нас еще сильнее, чем Кровавые Ангелы — «Завет».

Кирион кивнул. Учитывая, сколько членов экипажа они потеряли в ту ночь на Крите, ему не улыбалось стать свидетелем еще одной абордажной операции. И все же на «Эхе» было достаточно ресурсов и людей, чтобы компенсировать эту бойню, — а на «Завете» нет.

Пока воины шли, каждый из них обратил внимание на чавканье и хлюпанье в воксе. Узас опять облизывал зубы.

— Прекрати это, — угрожающе сказал Кирион.

Узас то ли не слышал, то ли не внял угрозе. Его шлем с кровавой пятерней даже не развернулся к остальным.

— Узас, — Кирион подавил вздох. — Брат, ты опять это делаешь?

— Хм-м?

Несмотря на недавнюю лекцию

Меркуция о предрассудках, Кирион не казался себе мелочным. Однако язык Узаса, непрерывно гуляющий по зубам с влажным чавканьем, заставлял собственные зубы воина скрипеть от злости.

— Ты опять облизываешь зубы?

Вариил деликатно прочистил горло.

— Почему это так тебя раздражает?

— Примарх делал то же самое. После того как заточил зубы до игольной остроты, он непрерывно облизывал их и губы, когда задумывался. Словно какой-то зверь. Он часто резал о них язык, и кровь стекала по его губам, сводя нас с ума своим запахом.

— Любопытно, — заметил апотекарий, — что у крови примарха может быть такой эффект. Я никогда не завидовал вашей жизни в его тени, однако это звучит впечатляюще.

Остальные промолчали, ясно показывая, что не желают больше обсуждать эту тему.

— Чую кишки, — проворчал Узас, когда они вошли в следующий зал.

— А я чую Кровоточащие Глаза, —

сказал Кирион.

— Приветствует Первый Коготь, — прокаркал голос сверху.

Все четверо, как один, вскинули болтеры, целясь в сводчатый потолок. Комната была пуста и давно заброшена. Склад или жилой отсек для команды, предположил Кирион. На балках над их головами скорчились четыре горбатые фигуры, почти неразличимые в висячем лесу цепей, прикрепленных к потолку.

На этих цепях, на грязных крюках болтались шесть воинов Генезиса, недвижные, как сломанные марионетки. У каждого доспех был разорван на животе — силовые кабели рассечены, а многослойный керамит расколот и вывернут когтистыми клешнями. Плоть под ним так же изувечена, внутренности влажными кольцами свисали на палубу. Из трех трупов все еще капала кровь.

Хотя инстинкт и подсказывал обратное, Кирион опустил болтер. Этих уродцев он с натяжкой мог назвать братьями, но в бою они были смертоносны, и отделению повезло иметь их в своих

рядах. «Первыми в бой» — так они всегда заявляли и не слишком грешили против истины. К сожалению, «первыми из боя» тоже было правдой.

— Вы тут не скучали, — сказал Кирион.

Несмотря на расстояние, он краем глаза увидел одного из рапторов без шлема. Кровь покрывала его руки и ту небольшую часть лица, что сумел разглядеть Повелитель Ночи. Раптор пожирал внутренности одного из повешенных воинов. Заметив взгляд Кириона, существо немедленно скрыло перечеркнутый черными венами, деформированный череп под традиционной демонической маской.

— Трон Лжи! — выругался он.

— Что? — спросил Меркуций, не повышая голоса.

— Варп бурлит в их крови куда сильнее, чем я думал.

Рапторы обменялись серией взрыкиваний и щелчков — так, похоже, общалась их стая. Один из них зашипел на Повелителей Ночи внизу. Звук оборвался

прерывистым треском вокса.

— Эта палуба очищена, Первый Коготь. Здесь не бьется больше сердце ни одного врага.

Голова раптора дважды дернулась от судороги, скрутившей шею.

— Ты ищешь Люкорифа?

Кирион покачал головой.

— Нет. Мы направляемся к Залу Раздумий. Мы ищем Делтриана.

— Тогда вы ищете Люкорифа. Он сейчас с говорящим-с-машинами.

— Хорошо. Благодарим вас.

Он махнул рукой, давая знак братьям двигаться вперед. Первый Коготь обошел висящие тела по широкой дуге. Кровоточащие Глаза никогда не спускали тех, кто покушался на их добычу или вмешивался в пир, который следовал за убийством.

Когда Первый Коготь проходил мимо, один из рапторов включил двигатель на спине и, спикировав с потолка в клубах дыма и пламени из дюз, вонзил когти в торс мертвого воина. Первый Коготь сделал вид, что ничего не произошло, и без

слов двинулся дальше.

Человека можно было назвать человеком только в самом широком, физиологическом смысле. Он не помнил, что у него когда-то было имя, и не обладал настоящим сознанием, если не считать способности раз за разом выражать все ту же муку. Его существование делилось на две части, которые угнетенный разум несчастного определял как «летаргия» и «пытка».

В моменты летаргии, которая занимала бесконечные промежутки времени между пытками, он парил в молочной дымке забытья. Он не чувствовал, не видел и не знал ничего, кроме бесконечной невесомости и соленого привкуса химикатов в глотке и легких. Единственным, что беспокоило его и что с большой натяжкой можно было назвать эмоцией, было далекое и приглушенное эхо гнева. Самой ярости он не чувствовал — скорее, воспоминание о ней. Воспоминание о том, что когда-то он был способен испытывать ярость, без малейшего

понятия о ее причинах.

Пытка начиналась штормовым приливом боли. Злость снова пробуждалась и бежала по венам, рассыпая искры, словно электрический заряд по неисправному кабелю. Он чувствовал, как челюсти разжимаются, безъязыкий рот распахивается и с губ срывается беззвучный крик, тонущий в коконе окружавшего его холодного ничто.

Через какое-то время боль утихала, а с ней порожденный ею иллюзорный гнев.

Это происходило сейчас. Человек, некогда известный как Арьюран, принцепс титана «Охотник тумана», дышал ледяной жидкостью в искусственной химической утробе, вдыхая раствор и исторгая органические отходы, пока его искалеченное тело успокаивалось.

Люкориф из Кровоточащих Глаз стоял перед стеклянным контейнером, в котором плавал несчастный человек. Раптору не нравилось стоять прямо, но некоторые вещи стоило изучить вблизи. Он постучал когтем по стеклу.

— Привет, человечишко, — с ухмылкой

прошептал он.

У тела, парящего в растворе, не было конечностей — ноги отсечены по колени, кисти рук ампутированы. Люкориф наблюдал за тем, как калека корчится в жидкости, одержимый той внутренней пыткой, что терзала его одурманенный наркотиками мозг.

— Не прикасайся к стеклу, — бесцветный голос Делтриана все же ухитрился выразить неодобрение.

Люкориф дважды передернулся, тряхнув головой.

— Я ничего не сломаю.

— Я не просил тебя ничего не ломать. Я просил тебя воздержаться от прикосновений к стеклу.

Раптор отрывисто каркнул и снова опустился на четвереньки. Посмотрев на то, как пыточные иглы выходят из висков узника, он переключил внимание на техножреца.

— Так вот как ты делаешь Вопль?

— Именно так.

Хромированное лицо Делтриана скрывал капюшон плаща. Техножрец

отключал машины боли, подсоединенные к резервуару с раствором.

— Этот пленник был подарком от Первого Когтя. Они вытащили его из кабины титана.

Люкориф не слышал этой истории, но легко мог представить детали. Если говорить откровенно, Вопль восхищал его. Сделать сканеры вражеского судна бесполезными и бессильными, утопить их в черном потоке извращенного кода, передаваемого по воксу... такую технологию встретишь не часто, но все же существовали сотни способов осуществить это — были бы подходящие материалы и одаренный инженер. Но создать электронные помехи на основе мучений одной-единственной человеческой души, умножить живую боль с помощью систем корабля и использовать для того, чтобы ослепить врага, — это была поэзия, которую вождь Кровоточащих Глаз мог искренне оценить.

Он снова постучал по стеклу и издал низкий рык, который не вполне можно было назвать смехом.

— Сколько у тебя в мозгу осталось человеческих тканей? — спросил он.

Делтриан замер. Его многосуставчатые пальцы зависли над клавишами консоли.

— Я не имею ни желания, ни причины обсуждать эту тему. Почему ты спрашиваешь?

Люкориф приблизил демоническую морду наличника к амниотическому резервуару.

— Из-за этого. Это не холодная логическая конструкция. Это порождение разума, которому понятны страх и боль.

Делтриан снова заколебался. Он не был уверен, следует ли зарегистрировать слова раптора как комплимент. Кровоточащих Глаз всегда было трудно понять. Впрочем, отвечать ему не пришлось, потому что дверь открылась под рев гидравлики. На фоне красного аварийного освещения, затопившего коридор, выступили четыре силуэта.

— Приветствую, — сказал Кирион.

Зал Раздумий был скорее музеем, чем

мастерской, и в его стенах Делтриан был царем в своих владениях. Кирион некоторое время наблюдал за тем, как тот отдает на бинарном коде приказы рабочим, воплощающим в жизнь непонятные воину проекты.

Повелитель Ночи прошелся по залу, не обращая внимания на суету адептов в рясах и бормочущих сервиторов. Его взгляд упал на оружие в починке и на огромные саркофаги дреднаутов, прикованные к стенам, — приют священных мертвецов легиона, вечно ждущих пробуждения.

На последнем из этих бронированных гробов был изображен Малкарион — барельеф, отполированный и позолоченный, очень напоминал воина в жизни. Он стоял, сжимая в руках два шлема имперских чемпионов, распятый на лучах луны, восходящей над священными бастионами Терры.

— Ты!.. — Кирион повернулся к ближайшему адепту.

Рабочий-механикус кивнул головой, скрытой капюшоном плаща.

— Меня зовут Лакуна Абсолютус, сэр.

— Работа по пробуждению военного теоретика все еще продолжается?

— Боевые действия прервали наши ритуалы, сэр.

— Конечно, — ответил Кирион, — прошу прощения.

Он пересек зал и остановился рядом с Делтрианом.

— Талос приказал нам явиться сюда, чтобы охранять тебя.

Делтриан не поднял взгляда от консоли. Его хромированные пальцы щелкали по клавишам.

— Я не нуждаюсь в охране. Более того, согласно отчетам всех Когтей, сопротивление врага подавлено.

Кирион тоже слышал эти отчеты по воксу. И слова Делтриана не совсем соответствовали истине.

— Почтенный адепт, не замечал за вами прежде такой неточности.

— В таком случае переформулирую: боевые действия практически завершились.

Теперь Кирион уже улыбался.

— Вы раздражены, и стараетесь

этого не показать. Скажите мне, что вас беспокоит?

Делтриан разразился сердитым треском кода.

— Ступайте, воин. У меня много дел, а мое время и внимание не безграничны.

Кирион рассмеялся.

— Все потому, что мы не ответили на ваши просьбы о помощи? Но мы были в бою, почтенный жрец. Если бы у нас нашлось время сопроводить вас на обшивку судна, мы бы, несомненно, выполнили вашу просьбу.

— Моя работа была критически важной. Требовалось закончить ремонт. Если бы мы вступили в бой с вражеским крейсером...

— Но мы этого не сделали, — возразил Кирион. — Не так ли? Вместо этого, Талос взорвал луну. Стрельба из пушки по воробьям, но красиво. Примарх хохотал бы и хохотал, наслаждаясь каждой секундой этой авантюры.

Делтриан отключил свой вокабулятор, чтобы ответ не был продиктован вспышкой гнева. Он просто

кивнул, давая понять, что слышал слова воина, и продолжил работу.

Вместо него заговорил Люкориф, все еще стерегущий пыточный резервуар:

— Это неважно. Я ответил на его зов.

Кирион и остальные из Первого Когтя обернулись к раптору.

— Да, после того как ты сбежал со своей бешеной сворой, оставив нас драться в одиночку.

— Хватит ныть. — Голова раптора снова дернулась на сервосуставах шеи. — Вы ведь выжили, так?

— Нет, — ответил Кирион. — Не все.

Он работал в полном одиночестве, и кровь брата была на его руках.

— Талос, — раздалось из вокса.

Пророк как будто не услышал — он даже не задумался, кому принадлежал голос.

Извлечение геносемени не было сложным процессом, но требовало определенной аккуратности и сноровки, что облегчалось правильным подбором инструментов. Не раз за последние годы

Талос повреждал прогеноидные железы, когда извлекал их во время битвы — рассекал труп гладиусом и вырывал железы голыми руками. Отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Сейчас все было по-другому. Отсутствовал вражеский огонь, и вскрывал он не труп далекого родича.

— Ты всегда был глупцом, — сказал он мертвому. — Я предупреждал тебя, что однажды это доведет тебя до могилы.

Он работал в тишине своего зала для медитаций, нарушаемой лишь гудением сочленений доспеха и влажным хрустом плоти под ножом. Его собственный нартециум пропал давным-давно, потерялся в бою десятки лет назад, но он не хотел доверять это Вариилу.

Разрезать грудину под черным панцирем оказалось труднее всего. Биологические аугментации, сделавшие кости легионеров куда тверже человеческих, были проклятием для хирургов. Какое-то время он думал расширить рану рядом с первичным сердцем Ксарла, но для этого требовалось

углубить разрез и вытащить больше плоти.

Талос поднял гладиус, несколько раз примерившись и взвесив его в руке. Затем он обрушил шар, венчающий рукоять, на грудину Ксарла — раз, потом еще и еще. Каждый удар сопровождался глухим стуком. В четвертый раз он вложил в удар больше силы, и в кости появилась неровная трещина. Еще несколько ударов расширили отверстие достаточно, чтобы Талос смог продеть пальцы под ребра и распахнуть грудную клетку брата, словно хрустящую, трещащую книгу. Вонь опаленной плоти и внутренностей скоро заполнила небольшое помещение. Талос просунул руку в перчатке в грудь Ксарла и вытащил первую округлую железу. Поначалу чувствовалось сопротивление — прогеноид был тесно связан с нервной системой. Он покоился в мускульном мешке, пронизанном сосудами.

Пророк опустил пригоршню вязкой плоти в медицинский контейнер. В лучшие времена в такие моменты произносили слова прощания и клятвы.

Сейчас ничего не шло на язык.

Талос взял в ладони голову Ксарла и повернул набок. Когда тело сдвинулось с места, из открытого рта и обнаженных легких вырвался вздох. Несмотря на все обучение, несмотря на все, что пророк видел за столетия своей жизни, от этого звука руки его превратились в лед. Некоторые инстинктивные реакции оставались настолько человеческими, настолько глубоко встроенным в само его существо, что их нельзя было подавить. Этот вздох мертвеца вызвал одну из них. Пророк почувствовал, как кровь похолодела в жилах — пускай всего на один миг.

Прогеноидная железа в горле Ксарла извлеклась куда легче. Острием гладиуса Талос разрезал кожу и сухожилия, так что в мертвой плоти образовалась широкая рана. Он вытащил еще одну пригоршню кровавой пленки и опутанного венами мяса и опустил в контейнер к первой.

Поворот крышки, щелчок, и медицинский контейнер плотно закрылся. На его боковой стороне загорелась зеленая руна.

На то время, что потребовалось бы для нескольких медленных вдохов и выдохов, Талос замер на коленях у тела брата. Он ничего не говорил и ни о чем не думал. Изуродованные останки Ксарла мало напоминали воина в жизни — изломанный и поверженный, он был просто грудой расчлененной плоти и расколотого керамита. Талоса посетило предательское желание поживиться доспехом брата, но он подавил эту мыслишку падальщика. Нет, только не у Ксарла. И если по-честному, на павшем воине не оставалось почти ничего ценного.

— Талос, — настойчиво повторил вокс.

Он все еще не отвечал, хотя голос вывел его из прострации.

— Брат, — сказал он Ксарлу, — тебя ждут похороны, достойные героя.

Талос встал на ноги и подошел к стойке с оружием. Древний огнемет покоился там, как и все последние годы, очищенный от ржавчины и отполированный. Его холодный ствол высовывался из широко распахнутой бронзовой пасти демона. Талосу никогда не

нравилось это оружие — он почти не использовал его с того самого дня, когда впервые забрал из рук убитого воина ордена Детей Императора пятьдесят лет назад.

Нажатие большого пальца активировало зажигание. Из ствола вырвалось короткое пока пламя. Сердито шипящее, оно отбрасывало яркий отблеск во мраке комнаты. Талос медленно навел огнемет на тело Ксарла, втягивая ноздрями запах изрубленной плоти брата и химическую вонь старого прометиума.

Ксарл присутствовал при том, как Талос впервые забрал человеческую жизнь: владелец лавочки, убитый мальчишкой в беспросветной ночи Нострамо. Он был рядом с ним во время войн бандитских группировок, захлестнувших города. Всегда сыплющий самыми грязными ругательствами; всегда стреляющий первым и последним задающий вопросы; всегда уверенный в себе и никогда ни о чем не сожалеющий.

Он был оружием, подумал Талос, вернейшим клинком Первого Когтя, их

стержнем, их внутренней силой. Благодаря ему остальные Когти всегда боялись стычек с ними. Пока Ксарл был жив, Талос никогда не опасался, что Первый Коготь проиграет бой. Они никогда не любили друг друга. Их братство не требовало дружбы — только преданности. Они стояли спина к спине, пока Галактика пылала вокруг них: вечно братья, но никогда не друзья, предатели, идущие вместе до последнего.

Но говорить об этом сейчас казалось неправильным. Пламя шипело в расползающейся тишине.

— Если ад существует, — сказал Талос, — то сейчас ты там.

Он снова навел оружие.

— Думаю, мы скоро там увидимся, брат.

Он нажал на спуск. Химический огонь с внезапным ревом вырвался наружу, короткими выплесками омывая тело. Керамит почернел. Сочленения расплавились. Плоть растворилась. Талос в последний раз увидел обугливщийся череп Ксарла, заходящийся в беззвучном и

тертвом смехе. Затем он исчез в клубах дыма, заполнившего комнату.

Огонь быстро распространился на кровать и на свитки, висящие на стенах. Вонь протухшего мяса, исходящая от горящей плоти, делала спертый воздух еще ужаснее.

Талос в последний раз окатил тело струей жидкого огня. Закинув огнемет на плечо, он прикрепил контейнер к бедру и лишь затем потянулся за собственным оружием. Он взял шлем Ксарла в одну руку и свой болтер в другую. Не оглядываясь, шагнул сквозь дым и вдавил кнопку открытия двери.

Жирные клубы дыма хлынули в коридор, а вместе с ними поток страд. Талос вышел из комнаты и запечатал дверь за собой. Огонь скоро потухнет, лишенный кислорода и пищи.

Он не ждал, что кто-то будет снаружи. Двое смертных стояли недвижно, прикрывая ладонями рты и носы от рассеивающегося дыма.

Септимус и Октавия. Седьмой и Восьмая. Оба высокие, оба в темной

униформе легиона, обоим, в числе немногих рабов, разрешено было носить оружие. Поврежденные лицевые протезы первого пощелкивали всякий раз, когда он моргал или двигал глазами. Длинные волосы обрамляли его лицо, и Талос — плохо умевший считывать человеческие эмоции, за исключением страха и гнева, — не мог сказать, что выражают его черты. Волосы Октавии были, по обыкновению, собраны в конский хвост, лоб скрывала бандана. Она заметно похудела, и кожа ее приобрела нездоровую бледность. Эта жизнь не щадила девушку, как и ее собственный организм. Жизненные соки и силы уходили на то, чтобы питать растущее внутри дитя.

Он вспомнил, что велел этим двоим держаться подальше друг от друга, и недавний приказ Септимусу оставаться в ангаре. Но сейчас все это не имело значения.

— Чего вы хотите? — спросил их Талос. — Доспех Ксарла не годится на запасные детали, Септимус. И не проси.

— Вариил приказал мне найти вас,

господин. Он требует вашего присутствия в апотекарионе, и как можно скорее.

— Ему потребовались вы двое, чтобы доставить сообщение?

— Нет.

Октавия откашлялась, прочищая горло, и опустила руки.

— Я слышала про Ксарла. Мне жаль. Я думаю... по вашим стандартам, я имею в виду, согласно идеалам легиона... он был хорошим человеком.

Талос поперхнулся на выдохе и фыркнул, а затем язвительно хмыкнул.

— Да, — сказал он. — Ксарл был хорошим человеком.

Октавия покачала головой в ответ на саркастическое замечание воина.

— Вы знаете, о чем я. Они с Узасом однажды спасли меня, как и вы.

Смешок пророка перерос в хохот:

— Несомненно!.. Хороший человек!.. Еретик!.. Предатель!.. Убийца!.. Глупец!.. Мой брат хороший человек!

Оба смертных стояли молча, а Талос смеялся, пока, впервые за много лет, из глаз его не полились слезы.

XI
СУДЬБА

В главном апотекарионе царил хаос. На «Завете крови» медицинское святилище легиона больше походило на морг, чем на операционную. Тамошний апотекарион превратился в оплот безжизненного безмолвия — зал с ледяными рефрижераторными камерами, старыми пятнами крови на стальных столах и воспоминаниями, навеки застывшими в стерильном воздухе.

Апотекарион «Эха проклятия» был прямой его противоположностью. Вариил расхаживал от стола к столу сквозь море раненых человеческих тел. Его не скрытое шлемом лицо ничего не выражало. Смертные и легионеры одинаково кричали, протягивая к нему руки и наполняя зал вонью пота, жаром уносящей жизнь лихорадки и запахом насыщенной химикатами крови.

В зале рядами стояли сотни столов, и почти все они были заняты.

Однозадачные сервиторы-погрузчики стаскивали трупы со столов и взваливали на их место еще живых раненых. Стоки в полу переполнялись кровью, стекающей по грязной плитке. Медицинские сервиторы и смертные хирурги истекали потом. Вариил шагал через все это — обрызганный кровью дирижер завывающего оркестра.

Остановившись рядом с одной из каталок, он оглядел изломанное тело рабочего, лежавшего на ней.

— Ты, — сказал он ближайшему медицинскому сервитору. — Этот человек мертв. Извлеки его глаза и зубы для дальнейшего использования и сожги останки.

— Слушаюсь, — пробормотал окровавленный служитель.

В нартециум апотекария вцепилась чья-то рука.

— Вариил...

Повелитель Ночи на соседнем столе сглотнул кровь, прежде чем заговорить. Его пальцы сжались сильнее.

— Вариил, прирасти мне к обрубкам

новые ноги, и покончим с этим. Не держи меня здесь — нам еще надо покорить этот мир.

— Тебе понадобится больше, чем просто пара ног, — ответил Вариил. — А теперь убери руку.

Воин только вцепился еще крепче.

— Я должен быть на Тсагуальсе. Не держи меня здесь.

Апотекарий взглянул сверху вниз на раненого легионера. Лицо воина почти невозможно было различить под коркой крови и обгоревшей плоти. Под мясом просвечивал череп. Одна из рук была отсечена по бицепс, а вместо ног два толстых кровоточащих обрубка высовывались из рассеченного керамита там, где раньше были его колени. Орден Генезиса, несомненно, практически добил его.

— Убери руку, — повторил Вариил. — Мы уже обсуждали это, Мурилаш. Мне не нравится, когда меня трогают.

Пальцы лишь сжались сильнее.

— Послушай меня...

Вариил перехватил руку воина. Он

оторвал пальцы от перчатки и крепко сжал. Не сказав ни слова, апотекарий выдвинул из нартециума костную пилу и лазерный резак. Пила впилась в плоть.

Воин завопил.

— Какой урок ты только что получил? — спросил Вариил.

— Ты проклятый ублюдок!

Вариил швырнул отрезанную кисть другому сервитору.

— Сожги это. Подготовь бионический протез левой руки вместе с остальными запланированными для него аугментациями.

— Слушаюсь.

В углу апотекариона, где воины Первого Когтя, прислонившись к стене, наблюдали за этим организованным хаосом, Кирион усмехнулся и передал по воксу Меркуцию:

— Ты был прав. Вариил действительно один из нас.

— Я бы вырезал Мурилашу сердце, — отозвался Меркуций. — Всегда его терпеть не мог.

Оба воина на некоторое время

замолчали.

— Делтриан сообщил, что они снова работают над пробуждением Малкариона.

Меркуций в ответ вздохнул. По вокслинку это прозвучало как смешанный и сипением треск.

— Что? — спросил Кирион.

— Он не поблагодарит нас за то, что мы разбудили его во второй раз. Я многое отдал бы, чтобы узнать, почему атраментар Малек оставил ему жизнь.

— Я многое отдал бы за то, чтобы узнать, где, во имя бездны, сейчас сами Чернецы. Ты веришь, что они погибли вместе с «Заветом»?

Меркуций покачал головой:

— Ни на секунду.

— Я тоже, — согласился Кирион. — Они не эвакуировались ни вместе со смертными, ни на одном из катеров легиона. Они так и не добрались до «Эха проклятия». Что оставляет лишь одну версию — они высадились на вражеский корабль. Они телепортировались на судно Корсаров.

— Возможно, — признал Меркуций.

В его голосе задумчивость граничила с сомнением.

— Но они ни за что бы не захватили корабль Корсаров в одиночку.

— Ты в самом деле настолько наивен? — Кирион усмехнулся под маской наличника, рыдавшей нарисованными молниями. — Посмотри, как Кровавый Корсар дорожит своей терминаторской элитой. Они — его Избранные. Я не говорю, что Чернецы атаковали Корсаров, глупец. Они предали нас и перететнулись к ним. Присоединились к ним.

Меркуций фыркнул:

— Никогда.

— Нет? Сколько воинов разорвали связь с Первыми легионами? Сколько посчитали, что эта преданность изжила себя, когда годы стали десятилетиями, а десятилетия превратились в века? Сколько легионеров остались легионерами лишь номинально, после того как нашли другой путь в жизни, более удовлетворяющий их стремления, чем бесконечное нытье о так и не воплощенной мести? У каждого из нас своя дорога. Кое

для кого власть — искушение более сильное, чем высокие древние идеалы. Некоторые вещи значат больше, чем старые узы братства.

— Не для меня, — после долгого молчания отозвался Меркуций.

— Как и не для большинства из нас. Я просто говорил...

— Я знаю, что ты говорил.

— Но за исчезновением Чернецов стоит какая-то история, брат. И возможно, мы ее никогда не узнаем.

— Но кто-то знает.

— О да. И я бы с радостью пытками вырвал у них правду.

На это Меркуций ничего не ответил, и Кирион позволил дискуссии сползти в неловкое молчание. Узас, стоявший в нескольких метрах от них, разглядывал свои красные перчатки.

— Что с тобой опять не так? — спросил Кирион.

— У меня красные руки, — ответил Узас. — Красные руки у грешников. Закон примарха.

Узас поднял голову, обернув

окровавленное и покрытое синяками лицо к Кириону:

— В чем я провинился? Почему мои латные рукавицы покрашены в багрянец грешников?

Меркуций и Кирион переглянулись. Очередной момент ясности, посетивший их слабеющего рассудком брата, застал воинов врасплох.

— Ты убил многих из команды «Завета», брат, — сказал ему Меркуций. — Месяцы назад. Одним из них был отец Рожденной-в-Пустоте.

— Это был не я. — Узас прикусил язык, и кровь, полившаяся с губ, начала медленно стекать по мертвецки белому подбородку. — Я его не убивал.

— Как скажешь, брат, — ответил Меркуций.

— Где Талос? Талос знает, что я этого не делал?

— Успокойся, Узас. — Кирион опустил руку на наплечник брата. — Успокойся. Пожалуйста, не нервничай.

— Где Талос? — переспросил Узас.

Он начал растягивать слова.

— Скоро он будет здесь, — ответил Меркуций. — Живодер позвал его.

Узас полуприкрыл черные глаза тяжелыми веками. С губ его стекала кровь, в равной пропорции смешанная со слюной.

— Кто?

— Талос. Ты только что... только что спрашивал, где он.

Узас покачивался, отвесив челюсть. В углах его тонких губ пузырилась кровь. И без модификаций, совершенных хирургами легиона, — даже останься он простым человеческим мальчишкой, а не превратись в это сломленное живое оружие, покрытое заплатами после сотен битв, — Узас был бы исключительно непривлекателен на вид. Все, что произошло за время его жизни в легионе, сделало его лишь отвратительнее.

— Узас? — настойчиво повторил Меркуций.

— Хм-м?

— Ничего, брат.

Он переглянулся с Кирионом.

— Ничего.

Минуты утекали, а три воина стояли в молчании. Северные двери вновь и вновь распахивались на визжащих направляющих. Группа за группой в апотекарион вваливались члены команды, волоча с собой своих раненых.

— Странно, что сюда набилось столько смертных, — задумчиво произнес Меркуций.

Учитывая, что на многих палубах были медицинские части, это было действительно странно. Экипаж знал, что главный апотекарион — логово Живодера, и очень немногие добровольно согласились бы попасть под его ледяной взгляд и беспощадные лезвия.

— Смертные знают, что они просто расходный материал, — кивнул Кирион. — Их гонит сюда лишь отчаяние.

Талос вошел с последней группой. Пророк, не обращая внимания на суету смертных у его ног, направился прямиком к Вариилу. Септимус и Октавия следовали за ним. Оружейник немедленно свернул к одному из столов и принялся помогать работавшему там медику.

— Септимус, — приветственно проворчал хирург, — начинай зашивать эту рану на животе.

Октавия наблюдала за его работой, понимая, что лучше не вмешиваться и не лезть с предложениями помощи. Смертные всегда сторонились навигатора, независимо от ее намерений. Проклятие третьего глаза, даже когда он был спрятан под засаленной банданой. Все они знали, что она такое и что делает для их господ и повелителей. Никто из них не хотел даже глядеть в ее сторону, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться. Так что она продолжала ходить следом за Талосом, держась на почтительном, с ее точки зрения, расстоянии.

Талос подошел к Вариилу. В резком свете апотекариона повреждения его брони были еще заметнее.

— Где труп Ксарла? — спросил апотекарий.

Талос протянул ему запечатанный криоконтейнер.

— Вот все, что тебе нужно, — сказал он.

Когда Вариил принял сосуд, пальцы его слегка дрогнули. Живодер не любил, когда другие неумело делают ту работу, которую он мог выполнить идеально.

— Очень хорошо.

— Это все?

Талос оглянулся на Кириона, Узаса и Меркуция, готовый присоединиться к ним.

— Нет. Ты давно задолжал мне беседу, пророк.

— Нам надо поставить на колени планету, — напомнил Талос.

Взгляд льдисто-голубых глаз Вариила, столь непохожих на угольно-черные глаза нострамцев, все еще скользил по комнате, всматриваясь в детали. Талос подумал, что это еще одна черта, отличающая апотекария от Повелителей Ночи, рожденных на Нострамо. Неизвестно, в силу ли привычки или генетического наследия, но большинство воинов Восьмого легиона либо пялились в одну точку, либо смотрели на собеседника. Внимание Вариила было куда более рассеянным.

— Половина наших воинов мертва или

умирает, — заметил апотекарий, — как и сотни смертных членов команды. Необходимо собрать геносемя и провести операции по аугметическому протезированию.

Талос потер виски костяшками пальцев.

— Тогда делай то, что нужно. Я поведу остальных на поверхность.

Какое-то время Вариил молчал, переваривая информацию.

— Зачем? — наконец спросил он.

Вокруг него продолжали кричать и стонать мужчины и женщины. Это напомнило Талосу Галерею Криков со всеми ее дрожащими руками, тянущимися из стен в бессловесной пытке. Ему захотелось улыбнуться, по-настоящему улыбнуться — непонятно почему.

— Что «зачем»? — переспросил Талос.

— Зачем атаковать Тсагуальсу? Зачем вообще идти в атаку? Зачем спешить довершить начатое именно сейчас? Ты не был особенно щедр на ответы в последнее время.

Голубоватые вены на щеках Талоса

изогнулись зигзагами молний в ответ на недовольную гримасу.

— Чтобы позволить псам сорваться с поводка и вдоволь потерзать добычу. Чтобы дать Восьмому легиону возможность побыть самим собой. И в первую очередь это должно стать символом. Тсагуальса была нашим миром, и мы оставили ее позади безжизненной. Такой она и останется впредь.

Вариил медленно перевел дыхание. Его взгляд — редкий случай — надолго остановился на Талосе.

— Население Тсагуальсы, и без того жалкое, сейчас забилось в штормовые убежища и трясется в страхе перед безликим гневом, разорившим их столицу. Они знают, что ужас вернется, и да, я полагаю, ты прав: когда легион сорвется с поводка и вдосталь наиграется жизнями тех бедняг на поверхности, все воины будут воодушевлены тем страхом, что навели на смертных, и последовавшей безнаказанной резней. Но этот ответ меня не удовлетворяет. Ты видишь пророческие сны, но, проснувшись, не можешь вспомнить

свои видения. Ты действуешь на основе того, что едва помнишь и практически не понимаешь.

Талос снова вспомнил первый момент своего пробуждения: цепи, приковывающие его к командному трону, и обзорный экран с серым ликом Тсагуальсы, глядящим с безмолвного спокойствия орбиты.

— Где мы?

Первый Коготь присоединился к нему — ряд бесстрастных масок-черепов и скрежещущих сочленений доспеха.

— Ты не помнишь, какие отдал нам приказы? — спросил Ксарл.

Талос постарался не выказать раздражения.

— Просто ответь мне — где мы?

— Мы на Восточной границе, — отозвался Ксарл. — Вдали от света Астрономикона, на орбите того мира, куда ты так упорно желал отправиться.

Вариил нарушил задумчивость пророка недовольным ворчанием:

— Ты сам не свой с тех пор, как мы захватили «Эхо проклятия». Ты осознаёшь это?

Можно было подумать, что они беседуют наедине, обсуждая все это в тишине комнаты для медитаций, а не в кровавом аду главного апотекариона.

— Не знаю, — признался Талос. — Моя память словно горная цепь — там плато, здесь провал, где-то переполнена, а где-то царит пустота. Я даже не уверен уже, что вижу будущее. То немногое, что я помню, запутано, словно нити судьбы сплелись в клубок. Это больше не пророчество — по крайней мере, в моем понимании.

Если что-то из сказанного и удивило Вариила, он не подал виду.

— Много месяцев назад ты объяснил мне, почему хочешь отправиться сюда, брат. Ты говорил, что тебе приснилось, будто на Тсагуальсе снова появились люди, и ты хочешь увидеть это собственными глазами.

Талос отступил в сторону, потому что двое воинов Третьего Когтя притащили убитого брата и взвалили на стол.

— Ловец Душ!.. — приветствовал его один.

Талос наградил его гневным взглядом и отвел Вариила прочь.

— Я не помню такого сна, — сказал он апотекарию.

— Это было несколько месяцев назад. Твое состояние ухудшается уже давно, но сейчас болезнь прогрессирует быстрее. Сосредоточься вот на чем, Талос: ты хотел вновь очутиться в здешних небесах. Теперь ты здесь. И те самые смертные, которых ты видел во сне, закапываются в землю, бессильные и безоружные, горько сожалея о нашем возвращении. И даже сейчас, когда твое желание исполнилось, ты все еще пуст, память к тебе так и не вернулась. Ты распадаешься на части, Талос. Раскалываешься, если тебе угодно. Зачем мы здесь, брат? Сосредоточься. Подумай. Зачем?

— Я не помню.

Вместо ответа Вариил ударил его. Талос не успел заметить, как тыльная сторона перчатки апотекария хлестнула его по лицу.

— Я не просил тебя вспоминать. Я попросил тебя поработать твоими

проклятыми мозгами, Талос. Думай! Если не можешь вспомнить, тогда дай мне ответ на основании того, что знаешь о себе. Ты привел нас сюда. Зачем? Какой нам с этого прок? Как это послужит нашим интересам?

Пророк сплюнул на пол кислотной слюной. Когда он снова повернулся к Вариилу, на его бледных окровавленных губах играла змеиная усмешка. Он не ударил в ответ. Не сделал ничего, лишь обнажил в улыбке окровавленные зубы.

— Благодарю, — сказал он, когда напряженная секунда миновала. — Я принял твои слова к сведению.

Вариил кивнул.

— Я надеялся, что так и будет.

Он встретился взглядом с темными глазами пророка.

— Извини за то, что я тебя ударил.

— Я это заслужил.

— Так и есть. И все же прошу прощения.

— Я сказал, все в порядке, брат. Не нужно извинений.

Вариил снова кивнул.

— Если так, не попросишь ли остальных перестать в меня целиться?

Талос оглянулся. Оба воина из Третьего Когтя вскинули болтеры. Первый Коготь последовал их примеру, наведя оружие на апотекария. Даже несколько Повелителей Ночи, лежавших на столах и ожидавших операции, подняли пистолеты и приготовились открыть огонь.

— Айваластиша, — сказал Талос. — Мир.

Воины, все как один, медленно опустили оружие.

Вариил махнул на одно из соседних помещений:

— Пойдем. Мне надо провести несколько тестов твоей крови...

— Тесты подождут, Вариил.

В холодных глазах Вариила блеснуло что-то — какая-то эмоция, которой он не дал проявиться целиком.

— Я считаю, что ты умираешь. — Он понизил голос. — Я уже спас тебя прежде. Позволь мне осмотреть тебя сейчас, и мы узнаем, сумею ли я спасти тебя во второй

раз.

— Немного мелодраматично, — ответил Талос, хотя его пробрало холодом, словно ему вкололи боевые наркотики, блокирующие нервные окончания.

— Твое тело отторгает модификации, вызванные геносеменем. По мере того как ты стареешь и получаешь рану за раной, регенеративные процессы слабеют. Твой организм уже не может залечить те повреждения, что причиняет тебе кровь Курца. Некоторые люди просто не подходят для имплантации геносемени. Ты один из них.

Какой-то миг Талос ничего не отвечал. Услышанные во сне слова Рувена гремели у него в голове свирепым хором, сливаясь с приговором Вариила. Повернув траморно-бледное лицо, он оглядел остальную часть комнаты.

— Это только предположение, — наконец выдавил он.

— Да, — согласился Вариил. — У меня мало опыта работы с физиологией Легионес Астартес первого поколения. Но я

сумел поддерживать жизнь моего лорда Черное Сердце в течение веков, комбинируя мастерство, древнюю науку и используя глупцов, практикующих могущественную черную магию. Я знаю свое дело, Талос. Ты умираешь. Твое тело больше не функционирует так, как должно бы.

Пока апотекарий говорил, Талос шел за ним. В боковой комнате Вариил указал на что-то вроде пыточного стола в комплекте с цепями. Потолок зала занимал паукообразный многоногий прибор. Каждая стальная конечность заканчивалась сканером, ланцетом или зондом.

— Поначалу можешь не ложиться. Я проведу более детальные тесты после предварительных, но сейчас мне надо забрать кровь из вен в твоей шее. Затем ты сделаем скан твоего черепа. И лишь затем заглянем глубже.

Талос, не сказав ни слова, покорно закрыл глаза.

Еще один раненый умер на руках

Септимуса. Оружейник выругался на нострамanском.

Хирург, с которым он работал, провел окровавленной рукой по лицу — как будто это могло стереть уже имевшиеся там пятна, а не добавить новых.

— Следующий, — сказал он ближайшим сервиторам.

Они втащили на стол извивающуюся женщину в грязной униформе. Болтерный снаряд повредил ей ногу, но жгут, наложенный на бедро, спас от холодной и зябкой смерти от кровопотери. Септимус вздрогнул, увидев то, что осталось от ее ноги ниже колена. Глаза женщины были расширены, зрачки сужены. Она со свистом вдыхала и выдыхала воздух сквозь сжатые зубы.

— Кто ты? — мягко спросил он одновременно с медиком, который бросил: «Имя и должность».

— Марлона, — ответила она Септимусу. — Четвертая арсенальная палуба правого борта. Я заряжающий.

На мгновение она отчаянно сомкнула веки.

— Не превращайте меня в сервитора. Пожалуйста.

— Он не станет, — сказал ей Септимус.

— Благодарю. Ты Септимус?

Раб кивнул.

— Слышала о тебе, — выдохнула она и обмякла на столе, прикрыв глаза от слишком яркого света ламп наверху.

Врач снова протер лицо, явно оценивая, стоит ли тратить дешевые аугметические протезы, запасы которых и без того стремительно уменьшались. Только офицеры могли твердо рассчитывать на бионический орган или конечность, но и эта женщина не была трюмной швалью.

— С одной ногой она не сможет выполнять свои обязанности, — сказал Септимус, чувствуя, что дело уже проиграно.

— Другой может с тем же успехом работать на погрузчике, — ответил медик. — Чернорабочим несложно найти замену.

— Примарис, — с хрипом выдавила

Марлона, превозмогая боль. Пот катился с нее горячими каплями. — Квалифицированная примарис. Не... не просто на погрузчике. Могу управлять загрузчиком боеприпасов. Заряжать орудия.

Хирург покрепче затянул жгут, вызвав новый стон.

— Если я узнаю, что ты солгала мне, — сказал он женщине, — я поставлю в известность легион.

— Не вру. Квалифицированная примарис. Клянусь.

Ее голос слабел, а глаза закатывались.

— Поставь ее в очередь на аугментацию класса «омега», когда пройдет кризис, — сказал медик своему ассистенту-сервитору. — Стабилизируй ее и прижги пока что обрубок.

Теперь Марлона была без сознания. Септимус, однако, подозревал, что горячая смола, вылитая на ногу для предотвращения дальнейшей кровопотери, приведет ее в чувство. Подавив вздох, он проклял орден Генезиса за их фанатичную

атаку. Гори Трон огнем, они изрядно потрепали корабль!

Врач двинулся дальше, выглядывая следующего пациента на следующем столе в их бесконечном потоке. Когда Септимус пошел за ним, его взгляд упал на Октавию в другом конце комнаты. Она стояла в самом центре этой мясной лавки, и ее бледную кожу осквернили кровавые следы, оставленные мертвыми и умирающими.

Он смотрел, как Октавия перевязывает конский хвост, как тревожно замирают ее пальцы, когда она идет от стола к столу, стараясь ни к кому не прикоснуться. Она ненадолго останавливалась лишь там, где лежали потерявшие сознание, и проводила пальцами по их коже, произнося несколько слов утешения или проверяя пульс.

И, посреди этого страдного скопища умирающих еретиков, Септимус улыбнулся.

Вариил постучал по дисплею монитора, на котором перекрывалось несколько гололитических графиков.

— Ты замечаешь корреляцию?

Талос всмотрелся в искаженные гололитические диаграммы и сотни рядов рунических символов, заменявших цифры.

Он был вынужден покачать головой:

— Нет, не замечаю.

— Не верится, что ты когда-то был апотекарием, — сказал ему Вариил, язвивший редко, но метко.

Талос кивнул на перекрывающиеся кривые:

— Я вижу сбои в работе органов. Вижу падение кортикальной активности и пики там, где их не должно быть.

Говорить отстраненно о распаде собственного организма оказалось очень легко. Эта мысль почти заставила его обнажить зубы в улыбке, сделавшей бы честь Узасу.

— Я не говорю, что не понимаю того, что вижу. Я говорю, что не понимаю, что такого особенного в этом видишь ты.

Вариил, поколебавшись, решил зайти с другой стороны.

— Ты, по крайней мере, замечаешь эти вот вспышки активности

лимбической системы и другие признаки, считающиеся потенциально смертельными?

— Я признаю такую возможность, — согласился Талос. — Но вряд ли это можно назвать окончательным диагнозом. Согласно этим показателям, я всю жизнь буду мучиться болью — но они не говорят о том, что моя жизнь вскоре оборвется.

Выдох Вариила подозрительно походил на вздох.

— Хорошо. Но взгляни сюда.

На глазах у Талоса графики затерцали и начали перестраиваться, снова и снова. Рунические цифры повторялись одна за другой, и диаграммы заплясали по экрану в странном танце, лишенном всякого ритма.

— Я вижу, — наконец сказал он. — Мои прогеноидные железы... Не знаю, как это выразить. Они слишком активны. Как будто все еще поглощают и перерабатывают генетические маркеры.

Он провел пальцами по шее сбоку, вспомнив, как всего лишь несколько часов назад извлекал геносемя Ксарла.

Вариил кивнул, позволив себе тень улыбки.

— У зрелых прогеноидов всегда сохраняется остаточная активность — базовый уровень переработки генетического материала, необходимый для записи информации о жизненном опыте воина и о полученных им травмах.

— Я знаю, как работают прогеноиды, брат.

Вариил поднял руку, пресекая возражения.

— Именно об этом и речь. Твои железы всегда были слишком активны, как ты уже знаем. Намного более активны, чем следует. Это привело к дестабилизации физиологических функций организма и, возможно, послужило причиной твоих пророческих видений. Теперь, однако, они окончательно взбунтовались. Раньше они все еще пытались улучшить тебя, превращая из человека в Легионес Астартес. Но это был тупик. Улучшить тебя больше, чем есть, невозможно. Ты уже один из нас. Сейчас их избыточная активность перевалила за

критический порог. Во многих схожих случаях имплантированные органы просто отмирают и отторгаются. Но твои слишком сильны. Вместо того чтобы деградировать самим, они убивают носителя.

— Как я и говорил — я буду испытывать боль до последнего своего вздоха, но это не смертельно.

Пока Вариил обдумывал слова Талоса, в его бледных глазах мелькнула какая-то мысль.

— Возможно. Так или иначе, удаление прогеноидов уже не вариант. Это ни на что не повлияет, потому что твои органы уже...

Талос прервал его раздраженным взмахом руки, словно отдавал приказ открыть огонь:

— Достаточно! Я способен прочесть данные с треклятого гололита. Идем, Вариил. Разберись с ранеными, чтобы мы могли вернуть себе Тсагуальсу.

Живодер ответил долгим вздохом. Тусклый свет подсобки придал содранным человеческим лицам на его наплечниках

тертвецкую бледность.

— В чем дело? — спросил Талос.

— Если бы ты умер и для твоих прогеноидов нашелся подходящий носитель, есть шанс, что его постигло бы то же проклятие, что и тебя, — но, в отличие от тебя, он сумел бы это контролировать. Твое геносемя не заражено скверной, оно просто тебе не подходит. При лучшем носителе и истинном симбиозе это могло бы стать...

— Стать чем?

В темных глазах Талоса разгорались мысли, мелькали призраки упущенных возможностей.

Вариил смотрел на графики.

— Могуществом. Представь, что у тебя есть пророческий дар, но без ложных видений, количество которых возрастает со временем, и без головной боли, от которой подкашиваются ноги, и без приступов беспамятства, длящихся неделями или месяцами. Представь свой дар, но без провалов в памяти и других губительных симптомов, мучающих тебя. Когда ты умрешь, брат, ты оставишь

грядущим поколениям великое наследие.

— Грядущим... — повторил Талос. Взгляд его черных глаз затуманился. Повелитель Ночи почти улыбнулся. — Конечно.

Вариил повернулся к нему от гололитического экрана.

— О чем ты?

— Вот почему мы здесь.

Талос провел языком по разбитой губе, пробуя на вкус собственную кровь, — сглаженное отражение Ужаса и мертвого примарха.

— Я знаю, чего хочу от этого мира.

— Рад это слышать. Я надеялся на то, что наша беседа так на тебя повлияет. Я прав в предположении, что ты изменил свои планы; или ты по-прежнему собираешься спустить легион с цепи и позволишь ему прикончить всех на этой планете?

— Нет. Чистой войны недостаточно. Это Тсагуальса, Вариил. Мертвый мир... а жизнь упрямо цепляется за его шкуру, покрытую струпьями. Мы можем выцарапать отсюда больше, чем дешевую

радость кровопролития.

Апотекарий отключил и обесточил ручной сканер.

— Тогда что, Талос?

Пророк смотрел сквозь Вариила, сквозь стены комнаты, смотрел на что-то, видимое ему одному.

— Мы может перековать легион. Может подать пример, которому последуют наши братья. Мы может отбросить мелкую вражду между бандами. Труден лишь первый шаг. Ты понимаешь, Вариил?

Он наконец-то обернулся к апотекарию. Его черные глаза ярко блестели.

— На этот раз мы сможет вернуть былую славу. Мы может начать все заново.

Апотекарий закатил на место несколько стационарных сканеров. Кнопки и датчики на его нартециуме оживили механические руки, прикрепленные к потолку. В стеклянных колбах плеснули химикаты.

— Ложись, — сказал он.

Талос подчинился, по-прежнему глядя

в никуда затуманенными глазами.

— Я потеряю сознание?

— Несомненно, — ответил Вариил. — Скажи мне, действительно ли Тсагуальса — подходящее место для того, чтобы начать такое возрождение?

— Я думаю, да. Как пример... как символ. Другие рассказывали тебе о том, что произошло, когда мы покинули этот мир?

— Я слышал о Тсагуальской Расплате, да.

Талос вновь глядел сквозь него, но уже в собственную память, а не в море открывавшихся возможностей.

— Звучит так спокойно. Нет, Вариил, все было гораздо хуже. Когда умер примарх, мы деградировали долгие годы — рассеялись между звезд и защищали свое добро от когтей собственных братьев не меньше, чем от загребущих лап врагов. Но конец всему пришел, когда серые небеса Тсагуальсы вспыхнули от выхлопов десяти тысяч десантных капсул... В тот день погиб легион.

Вариил почувствовал, как по спине

ползут мурашки. Он ненавидел, когда при нем проявляли эмоции — пусть даже горечь старых воспоминаний. Но любопытство развязало его язык.

— Кто же явился по ваши души? — спросил он. — Какой должна быть сила, решившаяся бросить вызов целому легиону?

— Это были Ультрамарины.

Талос опустил голову, погружаясь в воспоминания.

— Тысяча воинов? — Апотекарий широко распахнул глаза. — И это все?

— Ты мыслишь так мелко, — хмыкнул Талос. — Ультрамарины. Их сыны. Их братья и кузены. Весь легион, возродившийся после Ереси и выступающий под сотней разных знамен. Они называли себя Прародителями. Насколько я знаю, так до сих пор называют себя их потомки.

— Ты имеешь в виду братские ордена Ультрамаринов?

Теперь Вариил уже почти мог это представить.

— Сколько же из них?

— Все они, Вариил, — негромко сказал Талос, перед глазами которого вновь

пылало небо того давнего дня. --- Все они.

Часть вторая
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

XII
Ярость прародителей

Он знал, что спит.

Это не помогало. Все оставалось таким же реальным. Запахи — такими же сильными, а боль — такой же острой.

К кораблям! — вслух произнес он.

Он чувствовал, как Вариил движется по комнате, хотя не видел ничего, кроме тех картин, что рисовал его разум. Анализы его крови, его мозга, его сердца... все это ничего не значило, потому что он ничего не чувствовал.

К кораблям!

Успокойся, Талос, — донесся издалека голос Вариила. — Успокойся.

Он не мог вспомнить, когда в последний раз чувствовал покой. В чистилище Тсагуальсы покоя не было никогда.

Его первым воспоминанием о последнем дне стал рассвет.

Месть пришла, когда над горизонтом

поднялось тусклое солнце.

Звезда Тсагуальсы была нежарким сердцем, чуть бившимся в центре системы, — источником болезненного, слабого света, едва озарявшего единственную планету под ее опекой. Это бледное сияние медленно разлилось над безжизненной поверхностью планеты, в последнюю очередь добравшись до бастионов черной каменной твердыни. На равнинах зарождалась песчаная буря. Она должна была обрушиться на крепость в течение часа.

До Меркуция, до Вариила, до Узаса были Сар Зелл, Рувен, Ксарл и Кирион.

Это Сар Зелл примчался с дурной вестью. Его ботинки громко стучали по крепостной стене, пока в небесах разгорался огонь.

— Они здесь, — передал он Талосу по воксу. — Они наконец-то пришли.

В это мгновение природой овладело поэтическое настроение, и с янтарных небес хлынул дождь.

В годы, последовавшие за смертью

примарха, все больше и больше боевых отделений покидало небеса Тсагуальсы, чтобы проводить вылазки глубже в сердце Империума. Многие уже бороздили просторы Великого Ока с другими легионами, тратя не меньше времени на грызню с бывшими братьями, чем на войну с прислужниками Ложного Императора.

Боевой флот сокрушительной силы базировался над серым ликом пустынного мира. Каждый корабль нес крылатый череп Восьмого легиона. Армада могла обратить в прах целые звездные системы. И не раз совершала это прежде.

На другом конце системы Тсагуальсы в безмолвии космоса открывались прорехи в реальности. Они истекали гнусной демонической материей в чистоту настоящего космоса, пока содрогающиеся боевые корабли протискивались обратно в материальную Вселенную. Как и почти всегда при варп-перелетах, их прибытие было не скоординировано — невозможно было удержать строй в яростных штормах Моря Душ. Захватчики один за другим вырывались из варпа и мчались к серой

планете.

Поначалу они сравнялись силами с Повелителями Ночи. Затем превзошли их. Когда началась битва и небеса Тсагуальсы запылали, у захватчиков уже было полное численное преимущество над флотом Восьмого легиона. И с каждой минутой прибывало все больше кораблей — варп отрыгивал их, отплевываясь струями ядовитого тумана.

Им не нужен был четкий строй. Им не нужен был стратегический план атаки. Такому огромному количеству кораблей не было нужно ничего, чтобы выиграть войну. Ордена Прародителей, Тринадцатый легион во всем, кроме имени, пришли, чтобы раз и навсегда выжечь раковую опухоль Ереси.

Капитаны и командиры затопили вокс-сеть взаимными обвинениями, приказами, которым никто не собирался следовать, и тактическими предложениями, которые никто не желал слушать.

Талос остался на стене, вслушиваясь в разноголосицу тысяч криков. В прошлом

кричала всегда только их добыча. Теперь вопли вырывались из груди братьев — братьев, переживших Ересь и двести лет войны.

Один приказ повторялся с роковой обреченностью. Талос слышал его снова и снова, его кричали, визжали и ревели: К кораблям! К кораблям! К кораблям!

— Мы должны оборонять крепость, — передал Талос своему командиру.

В ответ раздалось басовитое ворчание Вознесенного, сиплое и мокро чавкающее в сбоящем воксе:

— Ты не видишь того безумия, что творится здесь, пророк. Тринадцатый легион распнет нас, если мы останемся.

— Вандред, мы не можем бросить все ресурсы крепости...

— Для этого нет времени, Талос. Десятки наших кораблей уже бегут. Нас не просто превосходят числом — нас могут просто задавить. Возвращайся к кораблю.

Пророк активировал свой браслет-нартециум, отслеживая опознавательные руны Первого Когтя. Ксарл и Кирион были неподалеку — возможно, в одной из

ближайших оружейных. Сар Зелл дожидался приказа всего в нескольких метрах от него, вслушиваясь в переговоры по воксу. Рувен находился где-то глубже в крепости и занимался лишь боги ведают чем.

— Вандред, — сказал Талос, — мы уже видим спускающиеся десантные капсулы. Небо горит от выхлопов двигателей.

— Кто бы сомневался! У их кораблей превосходство над нашими пять к одному. Мы едва можем помешать им начать орбитальную бомбардировку. Неужели ты считаешь, что у нас есть хоть один шанс остановить высадку?

Талос смотрел, как с неба сыплются капсулы, волоча за собой огненные хвосты.

— Говорит Талос — всем Когтям десятой роты.

Его голос был лишь одним из многих, терявшихся в сумятице перекрывающих друг друга вокс-передач.

— Всем Когтям — начать посадку на катера. Нам надо добраться до «Завета».

— Как прикажешь, Ловец Душ, — откликнулись несколько командиров

Когтей.

Ловец Душ, подумал он с кривой усмешкой. Имя, данное ему отцом за убийство одной-единственной души, — расплата за убийство примарха. Талос искренне надеялся, что этот до смешного пафосный титул с годами забудется.

Их цитадель не была беззащитна. В то самое время, пока вражеские катера с ревом проносились над зубчатыми стенами, в то время, когда десантные капсулы падали сквозь атмосферное пламя на пепельные пустоши, у стен, во внутренних дворах, сама крепость сопротивлялась атаке.

Башенки противовоздушной обороны изрыгали огонь в небеса, сбивая горящие «Громовые ястребы». Оружейные платформы с расчетом из сервиторов выцеливали посадочные модули, опускавшиеся на равнины, и поливали ураганом ракет и потоками ослепительного лазерного пламени гусеничные машины, с ревом катившиеся к высоким бастионам.

Талос бежал по крепостной стене, Сар Зелл — в шаге за ним. Когда они проносились мимо орудийных платформ, аудиосистемы шлемов приглушали грохочущую скороговорку автопушки и странно монотонные выкрики сервиторов, проговаривавших вслух координаты цели. Черный камень под ботинками легионеров дрожал от ярости оборонявшейся цитадели.

— Катер в западном квадрате, в запасном ангаре, — передал Сар Зелл. — Если, конечно, другая рота не угонит его до того, как мы туда доберемся.

— Я...

Взрыв снаряда, прилетевшего из ниоткуда, снес их с ног. Талос качнулся вперед, врезавшись лбом в зубец стены. Сар Зелл, прокатившись по камням, перевалился за край.

Куски сервиторов и обломки орудийной батареи, дождем посыпавшиеся вниз, застучали по доспеху Талоса. Воин поднялся на ноги. Вражеский катер над ним — с корпусом, раскрашенным царственным синим и незапятнанным

императорским белым, — заложил вираж, пока перезаряжались его ракетные пускатели. С громом ускорения он прочертил небо, разыскивая новые орудийные платформы для ракетного удара.

— Сар Зелл! — прокричал в вокс Талос, моргая, чтобы прочистить зрение.

Его ретинальный дисплей перенастроился, чтобы отфильтровать дымовую завесу, но на секунду глаза воина затуманила простая человеческая дезориентация.

В воксе раздалось только натужное кряхтение. Талос увидел пальцы, цепляющиеся за край стены. Он сам схватился за руки брата, висящего в двух сотнях метров над пустыней внизу. Вес огромной лазпушки, болтающейся на цепи за спиной Сар Зелла, помешал воину подтянуться самому.

— Благодарю, — буркнул в вокс Сар Зелл, когда его подошвы вновь стукнули по холодному камню. — Это была бы исключительно бесславная смерть.

— Возможно, тебе следует бросить

пушку, — сказал Талос.

— Возможно, тебе стоит перестать нести бред.

Пророк кивнул. С этим трудно было поспорить.

Они встретились с Ксарлом и Кирионом на арсенальном уровне ближайшего шпиля. Стены вокруг них тряслись — ряды автопушек с ревом поворачивались и палили, заполняя воздух грохотом. Где-то наверху с воем проносились катера. Вой нескольких оборвался пронзительным визгом заглохших двигателей и громовыми ударами о землю.

Ксарл, увлеченно грабивший оружейную, был в церемониальном шлеме с крылатым гребнем. К бедру он прижимал ящик с запасными полотнами для цепного меча.

— Не могу найти мелта-заряды, — крикнул он Кириону, не отрываясь от своего занятия.

Кирион кивнул Талосу и Сар Зеллу.

— Скажите, что у вас есть план.

Зал чудовищно затрясся — это с тектоническим грохотом обрушились ближайшие бастионы.

— И не говори, что нам придется пробиваться через полкрепости, чтобы добраться до «Панихиды». Имперские псы уже ворвались внутрь — долгого пути нам не пережить.

Талос обнажил свой цепной меч.

— В таком случае я лучше помолчу. Где Рувен?

Ксарл наконец-то отвлекся от мародерства.

— Кому какое дело?

К кораблям!

В воксе гремел хор голосов, повторявших раз за разом одно и то же:

К кораблям! К кораблям!

— Теперь, когда легион рассеялся, крепость падет, — сказал Сар Зелл. — Мы глупцы, потому что не сохранили единства.

Талос покачал головой:

— В какую-то из ночей крепость все равно была обречена пасть. Единство после смерти примарха стало невозможно. Мы

глупцы, но лишь потому, что остались здесь, когда столь многие из наших братьев уже отправились к звездам.

Сопротивление они встретили тремя уровнями ниже, когда их ботинки застучали по черному камню центрального коридора. У стен валялись мертвые рабы, некоторые в синей униформе легиона, некоторые в рванине — их единственном достоянии. Все тела были разворочены, разорваны на куски болтерными снарядами. Кровь покрывала стены неровным слоем липкой и зловонной краски.

Талос поднял кулак и разжал пальцы, давая сигнал рассредоточиться. Когда кинетические системы доспеха идентифицировали жест, на ретинальных дисплеях Первого Когтя вспыхнули соответствующие руны, повторявшие приказ.

— Захватчикам нравится тот же декор, что и нам, — заметил Кирион, разглядывая тела, пока бойцы отделения рассыпались в разных направлениях.

— Сосредоточься! — прорычал в ответ Ксарл.

Кирион опустил болтер и вытащил ауспик. Прибор затрещал, настраиваясь.

— Засек, — объявил Кирион. — Прямо впереди и двигаются в нашем направлении. Либо у них есть сканеры, либо они нас услышали.

Талос, присевший на корточки у заляпанной кровью стены, проверил болтер.

— Сар Зелл, — позвал он.

Без лишних слов воин, широко расставив ноги и подняв свою лаз-пушку, направил ее вглубь коридора.

— Открываем огонь? — спросил Ксарл.

— Нет.

Пророк прислушался к приближающимся шагам.

— Ударим после первого выстрела.

Талос почувствовал, как в зубах, языке и деснах зарождается характерная чесотка, — это лаз-пушка набирала энергию. От сопутствующего гудения волоски у него на затылке встали дыбом, несмотря на многослойную силовую броню.

Противники были отлично вышколенными ветеранами, слишком сообразительными, чтобы угодить в примитивную ловушку. Они рассыпались у скрещения двух коридоров и спрятались в укрытие там, где туннель переходил в обширный зал.

Оба отделения немедленно начали яростную болтерную перестрелку. Осколки камня полетели во все стороны в густом дыму разрывов.

— У них штурмовой болтер, — передал Кирион.

Его ауспик продолжал сканирование сквозь дым.

— За стеной слева.

— Сар Зелл, — снова сказал Талос.

Лаз-пушка втянула последнюю порцию энергии, после чего огласила коридор хриплым ревом, захлебываясь бело-голубой мощью. Острый, как клинок, ослепительный луч прожег одну из каменных стен и пробил дыру в груди укрывшегося за ней воина.

— Больше у них нет штурмового болтера, — спокойно заметил Кирион.

— До тех пор пока его не подберет кто-то еще, — отозвался Талос. — Еще один выстрел, затем в атаку.

Лаз-пушка задрожала в руках Сар Зелла, дребезжа и исходя паром от энергетического выброса. Еще один из прятавшихся в отдалении врагов повалился на пол грудой керамита.

Первый Коготь обнажил клинки и сорвался с места.

Не прошло и трех минут, как они практически врезались в еще одно отделение противника. Имперские космодесантники прижали другой Коготь в дальнем конце тренировочного зала и планомерно расстреливали из болтеров. Ответный огонь Повелителей Ночи слабел.

Талос присел на корточки, прижавшись к стене и вскинув болтер. В то время как сыны Жиллимана действовали с железной эффективностью, Первый Коготь подчинялся лишь слабым остаткам дисциплины. На этот раз Талос не стал отдавать приказ открыть огонь.

Это не понадобилось. Их болтеры гортанно взревели, без всякой слаженности выбирая первые попавшиеся цели. Из семи оставшихся врагов залп скосил троих.

Четверо имперских космодесантников развернулись, чтобы встретить новую опасность лицом. Они разделились по двое, распределяя зоны обстрела с нечеловеческой точностью. В их доспехах сочетались серый и зеленый цвета, а на наплечниках красовались серебряные орлы.

Сар Зелл высунулся из-за угла ровно настолько, чтобы сделать один выстрел. Лазерный луч, способный пробить танковую броню, ударил в бедра сержанта в сером шлеме, испепелив все ниже пояса.

Осталось трое.

— Я помню этих ублюдков.

Сар Зелл опустил пушку и стряхнул каменное крошево с ее энергетического насоса. Сжатый воздух, раскаленный настолько, что расплавил бы кожу, со свистом вырвался из массивного генератора орудия.

Талос тоже их помнил. Серебряные

Орлы и орден Авроры всего лишь несколько лет назад отогнали части Повелителей Ночи от их космической добычи.

— Надо быстро с этим покончить, — передал Ксарл, зачехляя разряженный пистолет и активируя цепной меч. — Кто со мной?

Сар Зелл покачал головой:

— Минутку.

Он снова, напрягшись, вскинул пушку и перегнулся за угол, пока Первый Коготь прикрывал его огнем. Лаз-пушка дернулась в его руках от мощной отдачи после выстрела. Луч яростного света ударил в одного из последних имперцев, лишив его головы, плеч и груди.

Осталось двое.

— Готов, — сказал Сар Зелл, опуская перегревшуюся пушку.

Инерционные перегородки по бокам орудия уже чуть ли не лопались. Скоро придется заменить ствол.

Первый Коготь бросился вперед, как один. Цепные мечи ревели, впиваясь в керамит, а пистолеты палили почти в упор. Ксарл и Талос прикончили двоих

оставшихся противников — первый отсек имперцу голову, а второй сорвал с противника шлем и сунул ему в рот дуло болтерного пистолета.

Сержант, располовиненный лазерным огнем, все еще был жив. Он полз по полу, подтягивая руками безногое туловище.

Кирион и Ксарл, окружив его, с усмешками глядели сверху вниз.

— Для забав нет времени, — остерег их Талос.

— Но...

Пистолет Талоса рявкнул один раз. Заряд превратил голову сержанта и шлем в осколки, застучавшие по наколенникам и ботинкам Первого Когтя.

— Я сказал — для забав нет времени.

Первый Коготь пересек зал, через груды обломков тренировочного оборудования направляясь к спасенному ими отделению. Из всего Когтя выжил только один боец. Он нагнулся над телами братьев, собираясь поживиться их оружием, боеприпасами и драгоценностями.

— Сержант, — приветствовал его

Талос.

Легионер втянул воздух сквозь сжатые зубы и вырвал из мертвых пальцев брата цепной топор. Отшвырнув в сторону свой поврежденный болтер, он позаимствовал другой у второго мертвеца.

— Сержант, — повторил Талос. — Время не ждет.

— Уже не сержант.

Повелитель Ночи поставил ногу на спину убитого воина. Топором отсек голову трупу и стащил с нее шлем.

— Я проиграл дуэль Зал Харану.

Надев шлем на голову, он герметически запечатал воротник.

— Теперь у меня шлем Зал Харана, а он стал падалью. Поэтическая преемственность.

Воин окинул своих спасителей долгим взглядом. Цитадель вокруг них содрогалась до самого фундамента.

— Первый Коготь, — проговорил он. — Повец Душ.

— Ужас, — сказал ему Талос. — Нам надо идти.

— Хм-м, — проворчал тот, не обращая

внимания на слюну, нитями свисавшую с
уголков губ. — Хорошо.

XIII
НАСЛЕДИЕ ТРИНАДЦАТОГО ЛЕГИОНА

Он все еще видел сон.

Он думал не о проходящем сейчас анализе крови, не о сверлах, открывающих содержимое его черепа холодному воздуху и пытливым лезвиям.

Он думал только о прошлом, когда десять тысячелетий назад враг явился на Тсагуальсу, неся расплату за великое множество грехов.

С той минуты, когда пламя охватило небеса, прошел час, и Талос вынужден был признать, что усталость начала брать свое. Вокс переполняли безрадостные отчеты о том, как стены разваливаются под ударами вражеской артиллерии; о танках, прорывающихся в крепость сквозь бреши в баррикадах; о десантных капсулах, рушащихся сквозь парапеты и извергающих во внешние дворы замка

сотни отделений противника.

Он потерял всякую связь с флотом на орбите, не считая обрывочных и бессмысленных выкриков и проклятий. Он даже не был уверен, что «Завет» все еще на орбите.

Первый Коготь быстро изменил тактику: вместо стремительного бега по центральному коридору они свернули в боковые переходы, вентиляционные шахты, туннели для рабов и технические ходы. Надо было избегать противника, захлестнувшего их цитадель.

В тех вокс-передачах, что еще сохранили слабое подобие смысла, картина боя выглядела безрадостно. Потери были не просто велики — наземные силы легиона планомерно уничтожались. Отделения вражеских космодесантников сражались с четкостью и координацией, невозможной в таком гигантском побоище. Когти легиона непрерывно вопили о солдатах противника, поддерживающих связь с высокой частотой, что помогало сформировать превосходящие по силе отряды. Они прорывались сквозь

центральные залы, погружая противников во все большую анархию и вынуждая к бегству. Каждая контратака Повелителей Ночи захлебывалась в волнах свежих подкреплений, а имперцы отступали организованно к заранее укрепленным позициям, которые обеспечили их вновь высадившиеся братья.

Отделение остановилось в служебном туннеле, таком тесном, что им приходилось пригибаться, а в некоторых участках передвигаться на четвереньках. Аустик Кириона то настраивался, то вновь выходил из диапазона сканирования.

— Мы заблудились, — пробормотал Ксарл. — Треклятые туннели для рабов. Надо было оставаться в главных коридорах.

— И сдохнуть, как остальные? — спросил Сар Зелл, ползущий сзади.

Он волок за собой лазпушку так осторожно, как только мог обходиться с древней реликвией в тесном техническом туннеле.

— Я предпочту здравомыслие безумию, большое спасибо. Я хочу дожить

до другого боя, который мы сможем выиграть.

— Это как бороться с вирусом, — выдохнул в вокс Талос, — как бороться со смертельной болезнью. Они повсюду. Они знают, как лучше всего противодействовать нам, когда мы что-то предпринимаем. Они изучили нас, прежде чем начать эту атаку. Все это было спланировано, вплоть до последней детали.

— Кто были те первые, которых мы убили? — спросил Сар Зелл.

— Перед Серебряными Орлами? Те, что в зеленых доспехах, цвета неба над Родарой, были из ордена Авроры. Мы сражались с ними на Спэнсриче. Многих других я не знаю, — признал Талос. — В воксе звучат имена, которых я никогда прежде не слышал. Новадесантники. Черные Консулы. Орден Генезиса. Это названия орденов, чьи протекторaты мы грабили и терроризировали десятки лет. Это то, что чувствовал наш отец перед смертью. Наши грехи вернулись к нам, как случилось и с ним.

— Это не имеет значения, — перебил его Ксарл. — Все они Ультрамарины. Им пустили кровь в Великой Войне. И пустят сейчас.

— В его словах есть резон, — заметил Сар Зелл. — Лучше уж Тринадцатый, чем проклятые Кровавые Ангелы со всей их визгливой родней.

— Полагаешь, сейчас и в самом деле подходящее время для этого спора? — спокойно спросил Талос.

Остальные замолчали.

— Сюда, — позвал Кирион. — Ангар уже недалеко.

Когда Первый Коготь выбрался из туннелей, вокруг было относительно спокойно. Какофония грохочущих болтеров и ревущих двигателей совсем не затихла, но, по крайней мере, в этих залах не слышалось воплей рабов, стука ботинок и перестрелки сражающихся отделений.

— Здешнюю битву мы пропустили, — передал Талос братьям.

Пол уже усыпали тела — некоторые в керамитовой броне цветов Восьмого

легиона, другие в цветах орденов Прародителей.

— Преторы Орфея, — сказал пророк. — Узнаю их цвета.

Нетрудно было понять, что тут произошло. Захватчики пробили в стенах крепости бесчисленное множество брешей, не решившись напрямую столкнуться с могучими защитными батареями ангара. От точек входа они наступали дальше, разделив десантировавшиеся силы на две группы. Первая проникла глубже в крепость, а вторая занялась зачисткой всех, кто попытался использовать ангар как убежище для этого уровня.

Пророк сузил глаза, представив, как такие же сцены разыгрываются на каждом уровне, в каждом ангаре крепости, вообразив, сколько пробоин в каждой стене.

— Они должны были оставить арьергард, — предупредил он. — Они слишком дотошные, чтобы забыть о таком.

— Не вижу признаков жизни, — ответил Кирион.

— Пусть так.

Именно Талос нарушил тишину, выбив ногой решетку вентиляционной шахты и спрыгнув на палубу внизу. Несмотря на отрицательный результат сканирования, он провел болтером из угла в угол.

— Никого, — передал он братьям. — Ни единой души. Это место — склеп.

Судя по голосу Кириона в воксе, воин улыбался.

— Трусость еще никогда не окупалась так щедро.

— Мы все еще не в безопасности, — ответил пророк.

Ангар раскинулся перед ними. Несмотря на то что это была одна из второстепенных летных платформ крепости, в резервном ангаре западного квадрата все же базировалось больше двадцати катеров и грузовых челноков. Полностью укомплектованный обслуживающий персонал насчитывал больше двухсот душ сервиторов и рабов, занятых техподдержкой, заправкой, загрузкой боеприпасов и ремонтом.

Талос медленно выдохнул и тихо выругался. Пол был усыпан трупами. Половина катеров и челноков разбита орудийным огнем. Несколько превратились в дымящиеся остовы, а остальным подрубили посадочные опоры, и они бессильно валялись на палубе.

— Зачем арьергард, когда они так славно тут поработали? — сказал Сар Зелл. — Идем.

Катер по имени «Панихида» располагался в дальнем конце ангара. Он все еще висел в десяти метрах над землей в причальных клешнях. Броню изъязвили пулевые отверстия, однако основной ущерб пришелся не на долю катера.

— О нет! — простонал Сар Зелл. — Нет, нет, нет!

Остальные стояли молча, уставившись на корабль.

— Сосредоточьтесь, — приказал им Талос. — Не теряйте бдительности.

Первый Коготь и все еще следующий за ними Ужас рассыпались по ангару, держа болтеры на изготовку. Талос, оставшийся рядом с Сар Зеллом, указал на катер:

— Нам надо убраться с этой планеты, брат.

— На этом мы никуда не уберемся, — ответил Сар Зелл.

«Громовой ястреб» избежал той печальной участи, что постигла остальную часть ангара, и все же саботаж был закончен. Причальные клешни, сжимавшие корабль, разбиты — чудо, что они все еще удерживали «Громовой ястреб» на весу.

— Мы можем взорвать причальные клешни, — сказал Талос. — «Панихида» переживет десятиметровое падение.

Сар Зелл кивнул, хотя это был чуть заметный кивок, не похожий на настоящее согласие.

— Вращающиеся платформы на палубе дезактивированы. Диспетчерская уничтожена.

Он указал на возвышение, откуда управляли всеми операциями в ангаре. На консолях тоже лежали тела — от многих остались лишь груды обгоревшего мяса, — и каждая машина в пределах видимости либо была выпотрошена клинками, либо

почернела от струй жидкого пламени.

— Мы можем стартовать прямо с транспортера, — медленно выдохнул Талос.

Сар Зелл обвел рукой груды обломков, загромоздивших пол ангара. В некоторых местах они поднимались чуть ли не на половину высоты комнаты.

— И что ты собираешься сделать со всем этим хламом? Снести их ракетными выстрелами на самоубийственно близкой дистанции? Я не могу провести корабль через это. Чтобы расчистить дорогу, нам нужны работающие системы ангара. Без них это займет несколько дней.

Талос придержал язык, оглядывая разбитые корпуса и поврежденные катера.

— Там. Вон тот. Он должен полететь.

Сар Зелл на несколько секунд задержал взгляд на обугленном судне. Его острые глаза быстро оценили состояние корпуса. «Громовой ястреб» стоял рядом с воротами ангара. Его жестоко потрепал огонь тяжелых орудий, очевидно пробивших

многослойную броню. Раньше окрашенный в темно-синий, теперь он стал серовато-черным. Корпус, похожий на силуэт ворона, от носа до кормы опалили струи огнеметов. Даже армированные стекла расплавились, оставив рубку незащищенной. Из разбитого окна текли струи дыма — свидетельство того, что внутри взорвались гранаты.

— Может быть, — наконец сказал Сар Зелл. — Это означает, что нам придется лететь сквозь песчаную бурю и дым, поднимающийся от горящей крепости. Двигатель может забиться пеплом и заглохнуть.

— Лучше, чем умереть здесь, — ответил пророк. — Приступай к работе.

Согнувшись под весом своей лаз-пушки, Сар Зелл побрел через ангар, чтобы выяснить, полетит ли катер — так или иначе.

Гробовая тишина в ангаре продержалась всего несколько минут, после чего ее нарушили ворвавшиеся в зал имперские солдаты в белом.

Сар Зелл уже занял пилотский трон, радуясь звуку разогревающихся двигателей. Катер изрядно потрепало, но он должен был взлететь.

Разумеется, пилот понимал, что они остались без термоизоляции на время атмосферного полета (это можно было решить, запершись в грузовом отсеке, загерметизировав люк кабины и доверив управление машинному духу катера) и в вакууме, после того как окажутся в космосе (опасности не представляет, если их броня герметична), но все по порядку. По крайней мере, «Громовой ястреб» был способен к полету.

— Еще преторы, — передал Сар Зелл.

Остальные бойцы Первого Когтя сбежались к кораблю. Врагов было пятеро, поэтому шансы были практически равные. Оба отделения заняли укрытые позиции среди бесчисленных груд мусора, усыпавших ангар. Талос, присев рядом с Кирионом, проверил запас боеприпасов.

— Мы прокляты, — сказал он. — Никому не пожелаю нашего везения.

— Нет?

Кирион выстрелил вслепую поверх груды обломков, за которой они прятались.

— Если кто-то и заслуживает смерти за свои преступления, то это мы, брат.

Талос поднял болтер, чтобы поддержать огнем Кириона. В эту секунду все выстрелы со стороны противника прекратились.

Талос и Кирион переглянулись. Оба они медленно выглянули из-за баррикады, держа болтеры наготове.

Все пятеро преторов вышли из укрытия. Они стояли на самом виду, сцепив руки и сотрясаясь в конвульсиях. На глазах у Первого Когтя двое из них выронили оружие. Пальцы их опустевших рук дрожали и спазматически сжимались, явно против воли хозяев.

За их спиной показалась некая фигура. Его череполикий шлем был увенчан изящно изогнутыми рогами, а Т-образный визор бесстрастно озирал сцену. В одном бронированном кулаке легионер сжимал древний болтер, в другом — посох из черного железа с прожилками из ртути.

Навершием посоха служили несколько человеческих черепов.

Из-под трясущихся шлемов преторов слышались щелчки сбоящих воксов — имперцы пытались криком выплеснуть свои муки. Из плавящихся сочленений доспеха с шипением вырвались дымные струйки, и эпилептическая дрожь усилилась. Когда в пластинах брони появились первые дыры, вопли наконец-то вырвались из разлагающихся ртов.

Один за другим преторы рухнули на палубу. Из доспехов полилась жидкая органическая слизь.

Воин в рогатом шлеме опустил посох и спокойно направился к Первому Когтю.

— Вы ведь не думали сбежать без меня, так? — поинтересовался Рувен.

В его голосе не ощущалось и тени эмоций.

— Нет, — солгал Талос. — Ни на секунду.

Ветер с ревом врывался в разбитое окно кабины. Плащ Узаса из содранных человеческих кож хлопал в свирепом

воздушном потоке, а черепа, висевшие на цепях на броне Ксарла, клацали костяным хором. Сар Зелл удобно расположился в пилотском кресле. В его позе была непринужденность, выдававшая прирожденного летчика.

С воздуха крепость казалась грязным пятном на равнине — замок в первых муках приближавшейся смертельной агонии. Дым валил из-за его разрушенных стен, где горели ряды оборонительных артиллерийских сооружений. Внешние уровни лежали в руинах. Воронки от попаданий десантных капсул шрамами испятнали его каменную шкуру, а сверху, в пылающих небесах, рой насекомых вились завывающие катера и ревущие «Лендспидеры».

Катер, похищенный Первым Когтем, содрогался, набирая высоту. Воздухозаборные клапаны втягивали внутрь дым, а двигатели изрыгали бешеное пламя. Лишь несколько мгновений ушло на то, чтобы нырнуть в дымовую завесу, окутавшую к тому времени крепость. Снизу ударил трассирующий

огонь, градом застучавший по корпусу.

— Мы в порядке, — передал Сар Зелл остальным по общему каналу.

— Судя по звуку, нет, — заметил Талос, пристегнутый к трясущемуся креслу.

— Мы в дыму. Так что теперь все в порядке, по крайней мере до тех пор, пока пепел не забьет двигатели.

Талос указал на что-то по курсу движения.

— Что это? — спросил пророк.

Яркое пятно, ослепительное, словно второе солнце, расцвело в черных дымовых тучах над ними. Прожилки яростного света раскинулись во всех направлениях от его добела раскаленного центра.

— Это...

Предложения Сар Зелл так и не закончил. Он рванул рычаги управления, заложив такой крутой вираж, что каждый болт и каждая пластина брони катера мучительно завизжали от перегрузки.

Второе солнце промчалось мимо них с ревом карнодона, в падении все еще изрыгая потоки атмосферного пламени.

Талос выдохнул — до этого он и не замечал, что задержал дыхание. Десантная капсула исчезла из виду.

— Это было близко, — признал Сар Зелл.

— Брат... — Талос махнул на сигнализацию опасного приближения, индикаторы которой загорелись и начали беспорядочно моргать. — Что-то еще.

— Вижу, вижу.

Чтобы это ни было, оно неслось параллельным курсом — словно взлетающий катер отразился в зеркале, извергая из дюз такой же огонь. На какую-то секунду птичий силуэт вынырнул из клубов дыма — ровно настолько, чтобы различить опознавательные знаки на его корпусе, видимые даже под налетом гари.

— «Громовой ястреб» Ультрамаринов, — предупредил Талос.

— Я сказал, я его вижу.

— Тогда сбей его.

— Чем? Проклятиями и молитвами? Или ты успел зарядить артиллерийские установки до нашего отлета и просто не соизволил предупредить меня?

Череполикий шлем Талоса резко повернулся к пилоту.

— Может, ты закроешь рот и просто выведешь нас на орбиту?

— Двигатели захлебываются пеплом. Я говорил тебе, что так будет. Мы не сможем выйти на орбиту.

— Попытайся.

В ту же секунду по носу катера хлестнула очередь трассирующего огня. Снаряды звонко застучали по броне. Половина огоньков на консоли погасла.

— Держитесь, — пробормотал Сар Зелл, излучавший странное спокойствие.

«Громовой ястреб» вошел в головокружительную бочку, прижав всех к спинкам сидений. Тряска — и до этого жестокая — усилилась десятикратно. Что-то взорвалось снаружи на корпусе, зазвенев металлом.

— Основным двигателям каюк, — прокомментировал Сар Зелл.

— Ты худший... пилот... во всей... десятой роте... — Кирион еще как-то ухитрялся говорить, несмотря на убийственную пляску гравитации.

Талос смотрел на окружившее их со всех сторон дымное облако. Катер под ним опять дернулся. Второй взрыв прозвучал на самой границе слышимости.

— Запасным двигателям каюк, — бесстрастно сообщил Сар Зелл.

Им даже не посчастливилось насладиться тем единственным мигом покоя, когда «Громовой ястреб» завис на высшей точке полета, перед тем как рухнуть вниз. Они тряслись и кувыркались в беспомощном свободном падении под жалобный визг захлебнувшихся пеплом турбин. Чтобы расслышать друг друга, им приходилось орать по воксу во весь голос — даже их аудиорецепторы не в состоянии были отфильтровать этот громовой шум.

— Нас сбили! — выкрикнул Сар Зелл, все еще дергавший за рычаги в попытке вернуть хоть какую-то стабильность их смертельному штопору.

— Прыжковые ранцы! — заорал Талос, перекрывая адский грохот.

Первый Коготь притагнитил подошвы ботинок к палубе и встал с противоперегрузочных тронов. Шаг за

шагом они прошли в пассажирский отсек. В доспехи врезался летающий вокруг мусор. Ящик Ксарла с запасными зубьями для цепного меча раскололся о шлем Рувена, вызвав у того сдержанное проклятие.

Талос первым добрался до полки с прыжковыми ранцами. Он перекинул ремни через наплечники, закрепил зажимы на броне и уже занес кулак, чтобы ударить по кнопке открывания дверей.

---Сегодня мы умрем! — передал Кирион.

В голосе его насмешка преобладала над всем остальным.

Талос нажал на кнопку спуска трапа и уставился в открывшееся отверстие, где ревел ветер, плавали облака удушливого дыма и дико вращался горизонт.

---У меня есть идея! — прокричал в ответ пророк. — Но нам надо быть осторожными. Следуйте за мной!

---Пепел забьет двигатели прыжковых ранцев! — проревел Сар Зелл. — У нас есть минута, может быть, две. Используйте их по полной!

Талос не стал отвечать. Он
открепил подошвы от палубы и, пробежав
по трапу, выбросился в горящее небо.

XIV
«ЗАВЕТ КРОВИ»

Воины Первого Когтя сошлись вместе.

— Когда он проснется? — спросил один из них — Смертные внизу все еще прячутся в убежищах, но нам надо действовать быстро.

— Он придет в себя в течение часа. Он уже почти вынырнул из сна.

— Его глаза открыты.

— Как и в течение последних часов, но он нас не видит. Его мозг не реагирует на большинство внешних стимулов. Возможно, он слышит нас. Этот тест показал неопределенные результаты.

— Ты сказал, что он умрет. Он сказал, что будет жить, но непрерывно испытывать боль. Кто из вас прав?

— Полагаю, прав он. Его физиология нестабильна, но это может быть не смертельно. Но боль со временем уничтожит его, так или иначе. И на его пророческий дар больше нельзя

положиться. Анализ показал, что нет существенного различия между мозговыми ритмами во время его обычных кошмаров и пророческих видений. Какое бы биологическое чудо, какая бы игра генетического кода ни наделила его этим даром, сейчас он начинает слабеть.

Талос улыбнулся, не улыбаясь. Он не станет проливать слез, если потеряет дар предвидения. Возможно, за свободу даже стоит заплатить болью.

— Мы чувствовали это уже давно, Живодер. Он ошибся насчет Фаровена на Крите. С тех пор он ошибался все чаще и чаще. Он был не прав, предсказав, что Ужас убьет меня в тени Титана. Он ошибся, предсказав всем нам смерть от рук эльдаров. Ксарл уже мертв.

Какое-то время спящий не слышал голосов. Тишина отчего-то была важнее — она наливалась скрытым напряжением.

— Геноседя все еще изменяет его тело куда сильнее, чем полагается. И более того, оно адсорбирует его генетическую память и биологические характеристики.

— ...адсорбирует?

— Поглощает. Всасывает, если угодно. Его прогеноидные железы служат рецепторами для уникальных дефектов его генетического кода. В другом носителе эти дефекты вообще могли бы не быть дефектами. Они могли бы создать легионера невероятной, потрясающей мощи.

— Мне не нравится твой взгляд, Вариил.

— Тебе ничего во мне не нравится, Кирион. Твои мысли на этот счет меня не волнуют.

И снова на какое-то время воцарилась напряженная тишина.

— В легионе всегда говорили, что Тсагуальса проклята. Я чувствую это в крови. Мы погибнем здесь.

— Теперь ты говоришь как Меркуций. Что, больше не хочешь пощутить, нестраманец? Никакой зубастой ухмылки, прячущей твои собственные грехи и безумие от твоих братьев?

— Придержи язык.

— Я не боюсь тебя, Кирион. Возможно,

этот мир и вправду проклят, но проклятие иногда вносит ясность. Перед тем как погрузиться в сон, Талос сказал, что знает, что сделать с планетой под нами. Мы задержимся здесь ровно настолько, сколько требует достижение цели.

— Надеюсь, ты прав. Он больше не бормочет и не кричит во сне.

— То было пророчество. А сейчас это воспоминание, а не видение. То, что было, а не то, что будет. Ему снится прошлое и та роль, что он сыграл тогда.

«Громовой ястреб» Ультрамаринов содрогался от работы двигателей вертикального взлета. С убийственным спокойствием он парил над крепостью. Его ракетопускатели опустели, отделения высадились, и поэтому он завис в режиме ожидания, поводя носом от одной защитной платформы цитадели к другой и поливая их беспощадным огнем штурмовых болтеров. Каждые тридцать секунд спинной турболазер катера выплевывал силовой луч и очередная платформа

исчезала во вспышке голубого света.

Брат Тайрус из Коллегиата Детес вгляделся в мерцающие пикт-экраны, когда катер в очередной раз грузно развернулся над крепостью. Положив перчатки на рычаги управления, он расстрелял из болтерных пушек один из последних орудийных расчетов сервиторов, оставшихся на стенах замка.

— Цель уничтожена, — передал он пилоту. — Оборонительная установка типа «Сабля», расчет из двух сервиторов.

Брат Гедеан из Коллегиата Артеус продолжал смотреть сквозь противовзрывной экран катера.

— Сколько осталось боеприпасов? — спросил он в ответ.

— В режиме ожидания еще на шесть заходов, — сказал Тайрус. — После этого рекомендую перезарядку.

— Принято, — ответил пилот.

Сверху раздался характерный лязг металла по металлу. Пилот, второй пилот, стрелок и штурман — каждого из этих Ультрамаринов призвали из разных тренировочных коллегиатов миров

Ультрамара, — все они одновременно посмотрели вверх.

Стукнуло еще раз. И еще. И еще.

Брат Константин, восседавший на штурманском троне, выхватил болтерный пистолет.

— Что-то... — начал он, но его прервали еще два удара по потолку кабины.

Затем стук сместился — что-то быстро и яростно протопало сверху вниз, к бортовой части корпуса.

Константин и Ремар, второй пилот, мгновенно сбросили ремни безопасности и вскочили. С летной палубы они спустились по служебной лестнице в грузовой трюм.

Первое, что они увидели, — это как под пронзительный визг раздираемого металла кто-то сдирает с петель внешний люк. Внутрь ворвались гром и грохот осады, а вместе с ними враги.

— Экстренный абордажный протокол! — передал брат Ремар Гедеану, оставшемуся в рубке наверху.

«Громовой ястреб» немедленно начал набирать высоту, разгоняясь на воющих турбинах. Ремар и Константин, встав

спиной к служебной лестнице, подняли оружие.

Первым в трюме показался сломанный цепной топор. Адамантиновые зубы сточились почти до основания, перемалывая петли люка. Топор грохнулся на палубу, заброшенный внутрь небрежной рукой. Вторым появился воин Восьмого легиона. Его череполикий шлем настешливо ухмыльнулся сквозь дым, пока его обладатель с почти змеиной грацией скользнул в отсек. Однако огромные турбины прыжкового ранца за спиной легионера, чуть не застрявшие в люке, помешали полностью проявить эту грацию.

Константин и Ремар открыли огонь, поразив воина еще до того, как он сумел извернуться и подставить бронированный наплечник для защиты головы. Прежде чем первый абордажник успел рухнуть на палубу, в пролом уже хлынули другие. Они пришли во всеоружии, и их собственные болтеры ответили куда более яростным залпом.

Оба Ультрамарина упали. Ремар был

мертв — доспехи изрешечены, плоть и кровь заляпали служебную лестницу у него за спиной. Константин истекал кровью из смертельных ран в груди, горле и животе.

— Живей, живей! — прокричал в воке Ксарл.

Он повел Узаса и Рувена вверх по лестнице. Кирион, заколебавшись, повернулся назад, где Талос нагнулся над последним из их братьев. Лежащего на полу Сар Зелла пятном окружала кровь и обломки доспеха.

— Он мертв, — сказал пророк.

Он не стал выдвигать редуктор для изъятия геносемени Сар Зелла и не пошел за другими вверх по лестнице в рубку. Он остался на месте, сжимая в руках разбитый шлем Сар Зелла. Кровь запятнала то, что осталось от лица воина.

Кирион слышал крики и звон мечей сверху. Он почти обиделся на Талоса за то, что из-за него пропустил бой.

— Оставь его, — сказал он. — Ксарл может пилотировать катер.

— Я знаю.

Талос подтащил тело к перегородке и привязал ремнями. Кирион помог ему, хотя и не сразу. Катер трясся, набирая все большую высоту.

— Он поступил глупо, войдя первым, — продолжил Кирион. — После того как мы вскрыли дверь, надо было послать Ужаса. Тогда...

Три болтерных снаряда ударили Кириона в бок. Осколки брони полетели во все стороны, звонко застучав о стены отсека. В воксе раздался сдавленный крик боли. Кирион, пошатнувшись, качнулся назад и, ударившись о край люка, вывалился из катера.

Умирающий брат Константин все еще сжимал разряженный болтерный пистолет в трясущейся руке. Он еще трижды нажал на спуск, целясь в оставшегося Повелителя Ночи. В ответ Талос обрушил на спину Ультрамарина свой цепной клинок, позволив зубьям меча перемолоть все, что попадется им на пути. Каким бы слабым утешением для Константина это ни было, космодесантник принял смерть в горьком

и грозном молчании, ни разу не вскрикнув от боли.

— Кирион! — выдернув меч, крикнул в вокс Талос. — Кирион?

В ответ раздался хрип:

— Я не могу... Он повредил мой прыжковый ранец.

Талос подбежал к развороченному люку, оперся руками о его края и снова выпрыгнул в пустоту.

В микрофоне шлема треснул голос Ксарла:

— Ты только что...

— Да.

Талос падал. На его ретинальном дисплее мелькали руны, фиксирующие уменьшающуюся высоту. Пророк отчаянно зашарил взглядом, и целеуказатель нащупал крошечную фигурку Кириона внизу. Рядом высветились жизненные показатели, записанные нестраманскими рунами. Талос, не обращая на это внимания, активировал турбины за спиной. Теперь он не просто падал, а мчался к земле. Крепость, едва видимая за пеленой дыма, после рывка ускорителей мгновенно

надвинулась. Талос не глядел на «Ленд-спидеры» и катера, роившиеся над укреплениями.

Теперь, когда он был ближе, стало видно, как из прыжкового ранца Кириона сыплются искры и вырывается дым. «Громовой ястреб» зеленых цветов ордена Авроры промчался мимо — его не заинтересовала столь незначительная цель, и он продолжил расстреливать крепостные стены с бреющего полета.

И все же Кирион, кувыркаясь, падал сквозь дымные облака. Земля рванулась вверх, готовая принять их. Слишком быстро. Слишком, слишком быстро.

— Благодарю тебя... — прохрипел Кирион, — за попытку...

— Приготовься, — предупредил Талос и выжал из захлебывающихся двигателей дополнительный рывок, швырнувший его к земле.

Еще через три секунды они столкнулись в воздухе. Керамит затрещал, ударившись о керамит.

Их столкновение было лишено всякой грации. Талос врезался в брата и заскреб

пальцами по его броне в попытке ухватиться. Наконец бронированная перчатка сомкнулась на наплечнике. Второй Повелитель Ночи потянулся вверх, и их руки встретились. Воины сжали запястья друг друга.

Талос сосредоточился на том, чтобы изменить направление движения. Антигравитационные суспензоры заработали вместе с перенастроившимися турбинами, но это мало чему помогло. Двое воинов вместе неслись к земле, и двигатели за спиной Талоса лишь замедлили их падение. Прыжковый ранец — несмотря на то что его архаичная конструкция была более приспособлена к длительному полету — уже работал на пределе после путешествия сквозь песчаную бурю и дымные облака. На краткий миг Талос поддался эгоистической панике: он мог выпустить Кириона и спастись, вместо того чтобы пятном размазаться по пыльной тсагуальской равнине. Никто ничего не узнает.

— Отпусти меня, — выдохнул в воко

Кирион.

Его шлем со слезами-молниями смотрел прямо в лицо брату.

— Заткнись! — огрызнулся Талос.

— Мы оба погибнем.

— Заткнись, Кай!

— Талос...

Они нырнули в очередной столб дыма. Руническое показатели высоты на ретинальном дисплее пророка затерцали красным, и раздался тревожный сигнал. В эту секунду Кирион разжал руку. Талос вцепился в него сильнее, выругавшись в бессильной ярости.

— Отпусти меня, — повторил Кирион.

— Сбрось... прыжковый... ранец...

Кирион, выругавшись так же, как его брат мгновением раньше, снова сжал запястье Талоса. Свободной рукой он расстегнул крепления ранца. Когда двигатель рухнул вниз, их вес уменьшился и падение остановилось.

Медленно, слишком медленно они начали подниматься.

— Нас превратят в решето, — сказал Кирион, — даже если твой двигатель не

захлебнется пеплом.

Пророк изо всех сил пытался удержать их в равновесии, пока они набирали высоту. Его взгляд метался между горящим небом над ними и инверсионным следом на самой границе поля зрения. Мимо проносились катера и «Ленд-спидеры» — некоторые в сотнях метров от Повелителей Ночи, некоторые куда ближе. Воздушные потоки за их кормой швыряли братьев туда и сюда, заставляя кувыркаться в воздухе. Но вот бронированный «Ленд-спидер» рассек небо так близко, что до него почти можно было достать рукой.

— Они разворачиваются, — передал Кирион.

Талос оглянулся через плечо. Кирион был прав: спидер закладывал вираж, готовясь к атаке.

— Никому не пожелаю нашего везения, — сказал Талос второй раз меньше чем за час.

Он выстрелил в приближающийся спидер, несмотря на расстояние. Налетевший ветер сбил прицел.

«Ленд-спидер» несся на них, завывая турбинами. Многоствольная штурмовая пушка у него под брюхом уже начала вращаться, готовясь открыть стрельбу.

Сверху пламенным градом ударил трассирующий огонь. Спидер увернулся, избежав первых очередей, но падающая с неба смерть с сокрушительной силой пробила корпус судна.

Оставляя за собой огненный след, обломки «Ленд-спидера» с визгом пролетели мимо беззащитных Повелителей Ночи, рушась на пыльную равнину внизу.

«Громовой ястреб» Ультрамаринов тенью повис перед ними. Воздух пульсировал от ярости его турбин. Передний трап медленно начал опускаться — клюв хищной птицы, открывающийся для крика.

— Вы там всё? — прозвучал в воксе голос Ксарла. — Мы наконец можем убраться отсюда?

Как только они вырвались из дымного облака, истинные масштабы вторжения

стали ужасающе очевидны. Талос наклонился вперед в кресле второго пилота, глядя, как огненный ад над крепостью медленно превращается в небеса, полные звезд и стали. Ксарл рядом с ним тихо выругался.

Космическое пространство над Тсагуальсой было забито вражескими судами — крейсерами и баржами стандартного образца, намертво сцепившимися в битве с оставшимся флотом легиона. Флот космодесантников намного превосходил флотилию Повелителей Ночи числом и размахом, однако главные боевые суда легиона были неизмеримо больше кораблей лоялистов. Эти крейсера-недомерки кольцом окружили суда легиона и поливали огнем пустотные щиты, идущие радужной рябью.

— Кодекс Астартес в действии, — ухмыльнулся Рувен. — Они передают свои самые крупные и лучшие корабли новорожденному имперскому флоту. Надеюсь, сегодня Тринадцатый получит хороший урок — пусть узнают, что бывает с теми, кто уступает мощнейшее свое

оружие низшим существам.

Талос не отрываясь смотрел на развернувшуюся в небесах космическую баталию.

— Именно благодаря Кодексу Астартес пала наша крепость, и это была самая умело организованная атака на моей памяти со времен осады Терры, — тихо сказал он. — Так что я бы на твоем месте придержал язык до тех пор, пока не был бы уверен, что мы сумеем пережить это, брат. Флот так или иначе отрежет дальние подступы к системе.

— Как скажешь, — снисходительно отозвался Рувен.

В голосе его слышалась неприятная усмешка.

— Найди «Завет», Ксарл.

Ксарл уже всматривался в примитивный гололитический экран бортового ауспика. По его поверхности пробегали сотни рун.

— Думаю, его тут нет. Вознесенный, должно быть, сбежал.

— Что никого из нас бы не удивило, — заметил Кирион со штурманского кресла.

Тела погибших Ультрамаринов, пилота и стрелка, валялись у его ног, там, где их бросили Ксарл, Узас и Рувен. Узас молча глядел на остальных, время от времени нажимая на пуск цепного топора, отчего зубья оружия начинали кромсать воздух.

— Это топор Сар Зелла, — сказал Талос.

— Сар Зелл мертв, — ответил Узас. — Теперь это мой топор.

Талос снова обернулся к лобовому стеклу кабины, за которым кипел бой. Ксарл оставил напрасные надежды держаться подальше от сражения. Он вел катер между плывущими в пустоте громадами, делая все возможное, чтобы не попасть на линию огня.

— Первый Коготь десятой роты — любому кораблю легиона, принимающему выживших на борт.

Вокс немедленно разразился треском десятка голосов. Все спрашивали о Талосе. Некоторых заботила его безопасность, а другие искренне надеялись, что его труп остался внизу, в развалинах крепости.

— О! — хмыкнул Рувен без тени веселья. — Ну как же, один из избранников Ночного Призрака.

— Ты мог бы пуститься в погоню за убийцей нашего отца! — рявкнул Талос, оборачиваясь к нему. — Мне надоело твое нытье, колдун. Не стоит ненавидеть меня за то, что я отомстил за убийство примарха.

— Отомстил против собственного желания примарха, — фыркнул Рувен.

— Тем не менее это была месть. И мне этого достаточно. Почему ты до сих пор не можешь успокоиться?

— Итого, ты заработал в равной мере славу и бесчестие, и все лишь потому, что нарушил последнюю волю нашего отца. Никогда прежде отсутствие дисциплины не приносило подобной славы.

— Ты... — Талос замолчал, утомленный давним спором. — Ты говоришь как ребенок, обделенный материнским молоком. Перестань хныкать, Рувен.

Колдун не ответил. От его леденящей веселости, такой же ощутимой,

как конденсат на стенах кабины, по спине бежали мурашки.

Талос не ответил на вокс-сообщения. Он знал, что за пределами десятой роты особой популярностью не пользуется, — по его прикидкам, число братьев, восхищавшихся им, равнялось числу тех, кто желал ему смерти, — но месть за гибель примарха принесла ему мрачную славу. Он подозревал, что презиравшие его втайне стыдились того, что сами не стали преследовать убийцу Ночного Призрака. В случае Рувена это определенно было так.

Вместо него ответил Ксарл:

— Да-да, талисман легиона все еще с нами. Мне нужен список кораблей, способных принять выживших.

В течение следующих шестидесяти секунд по экрану проползло примерно тридцать кодов бортовых приемоответчиков. Талос постучал пальцем по монитору.

— Это код «Завета». Они все еще...

Воины устремили взгляды на орбиту, где огромные туши боевых судов скользили

друг мимо друга. Впереди, внизу и во всех направлениях два флота схлестнулись в жутковатой бесшумной ярости космического поединка.

— ...где-то здесь, — с легкой заминкой закончил Талос.

Ксарл переключился с атмосферного на орбитальный двигатель, бросая корабль вперед. Что-то в самом нутре «Громового ястреба» недовольно рыкнуло.

— Вот почему катер водил Сар Зелл, — заметил Кирион.

— А я и не собираюсь больше работать на вас пилотом, — ответил Ксарл. — Думаешь, во время рейдов я останусь позади, пока вы там развлекаетесь? Обучим этому раба. Может быть, Квинтуса.

— Возможно, — не стал возражать Талос.

Катер, достаточно небольшой, чтобы его никто не замечал, продолжал мчаться вперед. Перед воинами разыгрывался звездный балет орбитальной битвы. Там огромная и темная туша баржи «Охотничье предчувствие» поворачивалась

мучительно медленно, и ее щиты наливались синюшными цветами; тут два ударных крейсера Прародителей убегали прочь от подбитого «Плача верности», расстреливая попадающийся на пути космический мусор. Им надо было убраться подальше от большого корабля, прежде чем он взорвется.

Звенья истребителей Восьмого легиона, пилотируемые сервиторами и рабами, роем мух окружили крейсера Прародителей. Их мелкокалиберные орудия расцвечивали искорками щиты боевых кораблей. Транспортеры и военные суда в броне цвета полуночи, в свою очередь, принимали на себя вражеские удары. Корабли, прослужившие сотни лет, погибали каждую секунду — проваливаясь в себя, прежде чем их обломки разлетятся во все стороны концентрическими кругами после взрыва реакторов. Другие превращались в безмолвные и холодные остовы — огонь, который облизывал бы их обшивку, гас в вакууме.

Ксарл прижался почти вплотную к корпусу «Предчувствия» — катер несся над

надстройками баржи, виляя между ее спинных бастионов. Со всех сторон плясали световые полотнища — боевой корабль обстреливал меньшие суда наверху из батарей гребня. Ксарл выругался. Повелитель Ночи вел катер со сжатыми зубами — зарево слепило его.

— Не могу больше, — сказал он.

— Если бросишь штурвал, мы погибнем, — ответил Талос.

Ксарл мрачно заворчал в ответ.

— Забирай влево, — крикнул Кирион, смотревший на гололитический дисплей. — Мы летим прямо к...

— Да вижу я, вижу.

— Налево, Ксарл, — настойчиво сказал Талос. — Сейчас бери влево...

— Вы, придурки, сами хотите пилотировать эту штуку? Захлопните рты!

Теперь даже Узас вскочил на ноги и уставился на лобовой экран.

— Думаю, мы должны...

— Думаю, вы должны заткнуться.

Катер помчался быстрее. Оторвавшись от спинных укреплений

«Предчувствия», он метнулся к двум огромным сближающимся кораблям. По левому борту от него оказался крейсер Повелителей Ночи, «Третье затмение», по правому — боевая баржа ордена Авроры, «Бледное преподобие». Оба судна, готовясь пройти борт к борту, обменивались сокрушительными залпами.

«Громовой ястреб» стрелой пронесся между ними. Двигатели визжали, рубка тряслась.

— Там... — выдохнул Ксарл, глядя прямо вперед.

И он был там. Огромный корабль горел, окруженный кольцом меньших крейсеров. Те стегали его беззащитный корпус огненными плетьми. Бастионы гребня и бортовые батареи изрыгали ответный огонь, вынуждая нападающих отступить и перегруппироваться для новой атаки. Вдоль его темно-синего корпуса тянулась надпись — гигантские нестраманские руны из потускневшей бронзы складывались в слова «Завет крови».

— «Завет», говорит Талос.

— Ты все еще жив, — протянул Вознесенный. — Сколько сюрпризов за один день.

— Мы на «Громовом ястребе» Тринадцатого легиона, приближаемся к вам со стороны носа. Не стреляйте по нам.

Воин на том конце канала связи выдавил что-то, отдаленно напоминавшее смех.

— Посмотрим, что я смогу сделать.

— Вандреду все хуже, — мертвым голосом произнес Узас, как будто размышляя вслух. — Он уже не мигает. Я это заметил.

И затем ни с того ни с сего и тем же безжизненным тоном добавил:

— Талос. Когда ты прыгнул, чтобы спасти Кириона, Рувен сказал нам не возвращаться за вами.

— Не сомневаюсь, что так он и сделал.

Пророк почти улыбался.

Талос открыл глаза. В них ударил свет ламп апотекариона, вынуждая воина отвернуться и прикрыть лицо.

— Так что, я умру? — спросил он.

Вандред покачал головой.

— Не сегодня.

— Сколько времени я проспал?

— Ровно два часа и девять минут. Совсем недолго.

Пророк приподнялся, вздрогнув от боли в суставах.

— Тогда у меня есть мир, который станет наглядным примером. Мы тут закончили?

— Пока да, брат.

— Идем. Мы возвращаемся на Тсагуальсу, ты и я. Я хочу кое-что тебе показать.

Часть третья
ПЕСНЬ ВО ТЬМЕ

XV
МАЯК В НОЧИ

Люди все еще сидели в подземных штормовых убежищах. Те немногие, что остались на поверхности, спрятались или соорудили баррикады на перекрестках. Они готовы были защищать свою территорию, вооружившись железными прутьями, рабочими инструментами, самодельными копьями и небольшим количеством огнестрельного оружия. Когда Повелители Ночи вернулись, они погибли первыми. Их тела первыми сбросили в ямы для освежеванных трупов.

Бригады сервиторов-землекопов выворачивали целые участки улиц, выкапывая все расширяющуюся сеть траншей, куда сваливали ободранных мертвецов. Летающие сервочерепа и камеры на шлемах Повелителей Ночи записывали картины бойни и помещали в архив для дальнейшего использования.

Архрегент все это время сидел за своим столом. До тусклого рассвета

Тсагуальсы оставалось около часа. Теперь, когда захватчики вернулись, старик желал любым способом получить хоть какие-то ответы. Если ему сегодня суждено было умереть, он не собирался умирать в неведении.

Абеттор Муво торопливо вошел в комнату. В трясущихся руках он сжимал распечатки отчетов, мантия подметала усыпанный сажей пол. На поверхности не осталось слуг, чтобы вымести мусор.

— Ополчение практически истребили, — сообщил абеттор. — Что касается вокса... Больше нет смысла его слушать. Там только крики, сэр.

Архрегент кивнул:

— Останься со мной, Муво. Все будет хорошо.

— Как вы можете говорить такое?

— Старая привычка, — признался пожилой человек. — Ничего хорошего не будет, но тем не менее мы можем встретить неизбежное с честью. Мне кажется, я слышу выстрелы на нижних палубах.

Муво подошел к столу.

— Я... я тоже их слышу. Где ваши телохранители?

Архрегент уселся в кресло, сложив пальцы домиком.

— Я уже несколько часов назад отправил их в ближайшее убежище. Хотя, по всей вероятности, они остались где-то наверху из восхитительно наивного желания исполнить долг. Возможно, это они там, в глубине корабля, платят своими жизнями за то, чтобы отложить грядущую встречу на несколько мгновений. Но надеюсь, это не они. Это было бы напрасной потерей.

Абеттор косо взглянул на него.

— Как скажете, господин.

— Стой прямо, Муво. Сейчас у нас будут гости.

Когда Первый Коготь вошел в зал, их доспехи все еще были покрыты кровью защитников башни. Талос, ведущий их, сразу же бросил на стол архрегента красный шлем. По дереву побежали трещины.

— Этот стол достался мне по

наследству, — заметил старик с изумительным спокойствием.

Руки архрегента даже не дрогнули, когда он откинулся в кресле. Талосу старик понравился — хотя вряд ли это хоть на йоту могло повлиять на действия легиона.

— Я так понимаю, — продолжил правитель города, — что это шлем имперского космодесантника из ордена Генезиса?

— Ты понимаешь правильно, — прорычал из вокса голос воина. — Ваши защитники пришли, чтобы помешать нашим планам в отношении этого мира. Это последняя ошибка, которую они совершили в своей жизни.

Отвернувшись, воин прошелся вдоль стеклянной стены наблюдательного купола, глядя на раскинувшийся во всех направлениях город. Наконец он вновь взглянул на архрегента. На маске череполикого шлема не читалось ни капли раскаяния, но, странным образом, не было там и следа жгучей ненависти — лишь пустой и холодный лик, никак не

выдававший мыслей носившего его существа.

Архрегент выпрямился и прочистил горло.

— Я Джир Урумал, архрегент Даркхарны.

Талос склонил голову к плечу.

— Даркхарна, — повторил он без всякого выражения.

— У этой планеты не было названия в имперском каталоге. «Даркхарна» — имя первого корабля нашего флота, совершившего по...

— Эта планета называется Тсагуальса. Ты, старик, правишь иллюзией. Когда-то у Тсагуальсы был король. Его опустевший трон стоит в сердце забытой цитадели, и ему не нужны регенты.

Пророк снова бросил взгляд на город внизу, прислушиваясь к музыке сердечного ритма обоих смертных. Сейчас их сердца забились чаще: убыстряющаяся, влажная барабанная дробь и соленый запах страха и пота начали волновать его чувства. Люди всегда пахли хуже всего, когда были

напуганы.

— Я расскажу вам, отчего Империум так и не пришел за вами, — через какое-то время сказал Талос. — Оттого же, отчего у этого мира нет имени в имперских записях. Некогда Тсагуальса служила убежищем для величайших еретиков. Это было в первые годы после войны, память о которой сейчас превратилась в легенду. Единственное, чего хочет Империум, — забыть об этом мире и о тех, кто некогда жил здесь. — Он снова обернулся к архрегенту. — Включая и тебя, Джир. Ты тоже связан с этим миром и потому запятнан.

Архрегент поочередно взглянул на каждого из них. Трофейные черепа и богато украшенное оружие; красные глазные линзы и гудящая боевая броня, питающаяся от массивных наспинных генераторов.

— А как зовут тебя? — спросил он, удивляясь тому, что голос свободно вырвался из сжавшегося горла.

— Талос, — прорычал в ответ гигантский воин. — Я Талос из Восьмого

легиона, командир корабля «Эхо проклятия».

— А чего же ты надеешься здесь достичь, Талос?

— Я приведу Империум обратно к этой планете. Я ткну их носом в тот мир, который они столь страстно желали забыть.

— Мы четыре века ждали спасения от Империума. Они нас не слышат.

Повелитель Ночи мотнул головой, отчего сервосуставы его поврежденного доспеха недовольно взвыли.

— Разумеется, они вас слышат. Просто предпочитают не отвечать.

— Мы слишком далеко от Астрономикона, чтобы они решились на полет сюда.

— Хватит отговорок. Я сказал тебе, почему они бросили вас здесь.

Талос медленно перевел дыхание, тщательно взвешивая следующие слова.

— На этот раз они ответят. Я об этом позабочусь. Есть ли в вашей убогой общине лига Астропатов?

— Э... гильдия? Да, конечно.

— А другие люди с псайкерскими способностями?

— Лишь те, кто в гильдии.

— Ты не можешь солгать мне. Когда ты врешь, твое тело выдает тебя тысячей мельчайших сигналов. И каждый из них для меня словно зов боевой трубы. Что ты пытаешься скрыть?

— Время от времени среди псайкеров происходят мутации. С ними разбирается гильдия.

— Очень хорошо. Приведи ко мне членов этой гильдии. Сейчас же.

Архрегент даже не шелохнулся.

— Вы оставите нам жизнь? — спросил он.

— Посмотрим. Сколько душ в этом мире?

— Согласно нашей последней переписи, десять миллионов в семи поселениях. Жизнь недобра к нам здесь.

— Жизнь недобра повсюду. Галактика не питает любви ни к кому из нас. Я оставлю некоторым из вас жизнь и позволю влачить существование на руинах, пока вы дожидаетесь Империума. Если

никто не выживет, то некому будет рассказать об увиденном. Возможно, один из тысячи доживет до прихода Империума. Необходимости в этом нет, но это внесет забавный элемент драмы.

— Как... Как ты можешь говорить о такой су...

Талос прочистил горло. Сквозь вокалайзер шлема это прозвучало так, словно танк переключал передачи.

— Я устал от этой беседы, архрегент. Выполни мои пожелания, и ты все еще сможешь стать одним из тех, кто переживет эту ночь.

Старик встал с кресла и выпрямился во весь рост.

— Нет.

— Приятно наконец-то встретить человека со стержнем. Я восхищаюсь этим. Я это уважаю. Но сейчас не время для проявления сомнительной храбрости, и я покажу тебе почему.

Кирион шагнул вперед и сжал в кулаке жидкие волосы абеттора. Человек вскрикнул, когда его ступни оторвались от пола.

— Пожалуйста... — заикаясь, выдавил он.

Кирион, вытащив свой гладиус, с деловитым видом вспорол абеттору живот. Кровь хлынула потоком. Кишки повисли, почти выпав наружу, — их удерживали внутри лишь пальцы самого абеттора. Его мольба немедленно захлебнулась в отчаянном крике.

— Это, — обратился пророк к архрегенту, — происходит сейчас по всему тому пятну шлака, который ты зовешь городом. Это то, что мы делаем с твоими людьми.

Кирион, все еще удерживая абеттора на весу за сальные волосы, встряхнул умирающего. Последовали еще крики, перемежаемые влажными шлепками вонючей требухи, вывалившейся на палубу.

— Видишь? — взгляд Талоса не отрывался от лица архрегента. — Вы бежали в укрытия, загнав себя в безвыходную ловушку. А теперь мы с братьями найдем вас и сделаем то, что всегда делаем с трусами, бегущими, как последняя мразь.

Пророк протянул руку ко все еще живому, судорожно трепыхающемуся человеку, которого держал Кирион, и сомкнул пальцы железным кольцом вокруг его горла. Без всяких церемоний он швырнул тело на стол архрегента.

— Повинуйся мне — и один из тысячи избежит подобной судьбы. Ты будешь в их числе. Но если попробуешь бросить мне вызов, я не только не стану щадить никого из твоих людей, но и ты умрешь здесь и сейчас. Мы с братьями сдерем с тебя кожу живьем. Мы наловчились затягивать пытку, так что жертва умирает лишь через несколько часов после операции. Одна женщина протянула шесть ночей. Ее мучительные вопли длились часами, пока наконец ее не убило заражение крови.

— Лучшая твоя работа, — заметил Кирион, размышляя вслух.

Старик сглотнул. Теперь он уже не мог сдержать дрожь.

— Твои угрозы ничего для меня не значат.

Повелитель Ночи поднес руку к лицу архрегента и провел кончиками пальцев,

закованных в холодный керамит, по сморщившейся коже и хрупким костям под ней.

— Нет? Когда в разуме просыпается страх, человеческое тело творит удивительные вещи. Все силы уходят на то, чтобы решить единственный вопрос: бежать или сражаться? В твоем дыхании появляется кислый запах гормонов, выделившихся в кровь. Спазм внутренней мускулатуры влияет на пищеварение, рефлексы и способность обращать внимание на посторонние вещи. Исчезает все, кроме угрозы. Тем временем влажная пульсация твоего сердца перерастает в грохот боевого таттата. Кровь устремляется в мышцы, необходимые для бегства. У твоего пота появляется другой, более густой и пряный запах — так пахнет дрожащий от ужаса зверь, в последний раз метящий свою территорию. Уголки твоих глаз дрожат, реагируя на скрытые команды мозга, а он разрывается между двумя рефлексами: то ли смотреть прямо на источник страха, то ли закрыть глаза и не видеть того, что тебе угрожает.

Талос сжал затылок архрегента и наклонился так, что наличник его череполикого шлема оказался лишь в нескольких сантиметрах от лица старика.

— Я чувствую, как все это происходит в тебе. Я ощущаю это в каждом подергивании твоей мягкой, такой мягкой кожи. Я улавливаю это в густой вони, исходящей от твоего тела. Не ври мне, смертный. Моя угроза означает для тебя все.

— Чего... — архрегенту снова пришлось сглотнуть. — Чего ты хочешь?

— Я уже сказал тебе, чего я хочу. Приведи ко мне своих астропатов.

Пока они ждали, архрегент наблюдал за гибелью своего города.

Вражеский вождь, тот, кто называл себя Талосом, стоял у края наблюдательного купола. Он постоянно поддерживал связь со своими братьями, рассыпавшимися по всему Санктуарию. Голосом, похожим на низкий звериный рык, Повелитель Ночи оповещал отделения об

их взаимоположении и отмечал прогресс на карте. Каждые несколько минут он запалкал и какое-то время просто смотрел, как распространяются пожары.

Другой воин, тот, у которого за спиной был тяжелый громоздкий болтер, активировал ручной гололитический проектор. Он изменял картинку всякий раз, когда Талос приказывал ему принять пикт-изображения от следующего отделения.

Абеттор Муво затих. Архрегент закрыл глаза своему другу, задыхаясь от запаха, источаемого выпотрошенным телом.

— К этому привыкаешь, — сказал один из воинов с мрачным смехом.

Архрегент обернулся к гололиту, где, несмотря на дефекты изображения, отчетливо разыгрывалась сцена гибели Санктуария. Перед ним представали закованные в броню воины, беззвучные в своем гололитическом воплощении. Они вскрывали люки убежищ и врубались в скучившиеся внутри людские массы. Архрегент видел, как захватчики за

волосы вытаскивают на улицы мужчин, женщин и детей, как сдирают с них кожу и швыряют трупы сервиторам или распинают их на стенах домов в знак того, что все ближайшие убежища обнаружены и зачищены.

Он видел, как тела сбрасывают в ямы для освежеванных. Горы ободранных трупов громоздились все выше и выше — памятники из свежей плоти, воздвигнутые лишь в честь мучений и боли.

Он видел, как один из легионеров схватил за ногу младенца и размозжил его о стену дома. Сгорбленные, когтистые воины с двигателями за спиной дрались за человеческие останки, хотя картинка переключилась на другое отделение как раз в ту секунду, когда победитель начал пожирать свой трофей.

— За что? — прошептал архрегент, не осознавая, что говорит это вслух.

Талос, не оборачиваясь, по-прежнему глядел на пожары.

— Некоторые из нас наслаждаются этим. Некоторые делают это лишь потому, что могут делать. Некоторые —

потому, что это наша империя и вы, раболепствующие перед ложью, не заслуживаете того, чтобы в ней жить.

С восходом резня не прекратилась. Какая-то примитивная, наивная часть мозга архрегента надеялась против всякой очевидности, что эти твари исчезнут с наступлением дня.

— У тебя есть связь с другими городами? — спросил Талос.

Архрегент слабо кивнул.

— Но лишь изредка, в лучшем случае. Астропаты временами ухитряются общаться с членами гильдии в других городах. Но даже это происходит нечасто.

— Нечасто, потому что они не прилагают усилий. Я с этим разберусь. У меня в команде есть адепты Механикум — они высадятся на планету и позаботятся о вашем неисправном оборудовании. Затем мы начнем передачу этих записей на другие города, чтобы они знали, что их ждет.

У архрегента пересохло во рту.

— Вы дадите им время организовать сопротивление?

Он не сумел скрыть надежду, прозвучавшую в голосе.

— Ничто в этом мире не способно сопротивляться нам, — ответил Талос. — Они могут организовать все, что им угодно.

— Что такое «Механикум»?

— Вам они известны под рабской кличкой «Адептус Механикус».

Талос практически сплюнул имя имперского культа.

— Кай?

Кирион подошел к ним, не отводя взгляда от пылающего города. Ему нестерпимо хотелось оказаться там — как и всем им, — и это было видно в движении каждой мышцы.

— Ты наслаждаешься этим, — сказал он без тени вопросительной интонации.

Талос кивнул легко, почти незаметно.

— Это напоминает мне о днях до Великого Предательства.

В его словах была правда. В ту эпоху в самых дальних и темных уголках Галактики, куда достигал Свет

Императора, Восьмой легион вырезал целые города, чтобы «вдохновить» жителей других поселений планеты на подчинение Имперскому Закону.

— Мир, добытый путем правосудия, — произнес Талос. — И правосудие, основанное на страхе наказания.

— Да. Я вспоминаю о том же. Но большинство наших братьев там, внизу, делают это из чистой любви к охоте и ради удовольствия истреблять перепуганных смертных. Подумай об этом, прежде чем наряжать то, что мы творим здесь, в ложные покровы высоких идеалов.

— Я оставил эти заблуждения, — признал Талос. — Теперь я знаю, что мы такое. Но им ни к чему разделять мои идеалы для того, чтобы мой план сработал.

— А он сработает? — спросил Кирион. — Мы по ту сторону границы Империума. Они могут никогда не узнать о том, что мы тут сделали.

— Они узнают, — ответил Талос. — Поверь мне, они об этом услышат и примчатся без промедления.

— Тогда вот мой совет: когда они прибудут, нас здесь быть не должно. У нас осталось четыре Когтя, брат. Покончив с этим, мы должны вернуться в Око Ужаса и объединиться с любыми силами легиона, которые пожелают заключить с нами союз.

Талос снова кивнул, но не сказал ничего.

— Ты хотя бы меня слушаешь? — спросил Кирион.

— Просто доставь ко мне астропатов.

Их насчитывалось всего сто тридцать восемь. Астропаты ввалились в зал разобщенной группой. Они были одеты в тряпье, столь характерное для жителей Санктуария и тех человеческих отбросов, что обитали на приграничных мирах у окраин Империума.

Юрис из недавно сформированного Второго Когтя ввел их внутрь. Его доспехи были покрыты пятнами засохшей крови.

— Они оказали сопротивление, — неохотно сообщил легионер. — Мы

ворвались в убежище их гильдии, и семеро астропатов погибло. Остальные пошли с нами без боя.

— Какой убогий конклав, — заметил Талос, обходя прижавшихся друг к другу пленников.

Мужчин и женщин поровну; большинство не мыты. Несколько детей. Что самое интересное, никто из них не был слеп.

— У них все еще есть глаза, — сказал Юрис, заметивший пристальный взгляд Талоса. — Сможем ли мы их использовать, если их души не связаны с Троном Ложного Императора?

— Думаю, да. Это не настоящий хор астропатов, и рабское служение Золотому Трону не увеличило их силу. На самом деле они едва ли заслуживают имени «астропаты». Они ближе к телепатам, вещунам, колдунам и ведьмам. Но полагаю, их силы все же работают так, как нам надо.

— Мы вернемся в город, — сказал Юрис.

— Как хотите. Благодарю, брат.

— Удачи, Талос. Аве доминус нокс!

Второй Коготь покинул зал разобщенной группой, ничуть не более организованной, чем приведенные ими пленники.

Талос обернулся к жалким отродьям. Сетка прицела на его шлеме переключалась от лица к лицу.

— Кто возглавляет вас? — спросил он.

Одна из женщин выступила вперед. Ее рваная мантия ничуть не отличалась от одежд остальных.

— Я.

— Меня зовут Талос из Восьмого легиона.

В тусклых глазах женщины блеснуло недоумение.

— Что такое «Восьмой легион»?

Черные глаза Талоса вспыхнули. Он склонил голову, как будто астропатка каким-то образом доказала его правоту.

— Я сейчас не в настроении читать вам лекцию по мифологии и истории, — отрезал он, — для простоты скажем, что я один из первых архитекторов Империума. Я придерживаюсь идеалов времен его

основания: человечество должно прийти к миру через повиновение. Я намереваюсь вновь привести Империум в здешние небеса. Когда-то на этой планете мы получили урок. Мне кажется поэтичным использовать этот мир для того, чтобы преподать ответный урок.

— Какой урок? — спросила женщина.

В отличие от остальных, она почти не выказывала внешних признаков страха. Средних лет, она почти наверняка находилась на пике своих сил — псайкерский дар еще не успел иссушить ее. Возможно, поэтому она их и возглавляла. Талосу это было безразлично.

— Заблокировать двери, — передал он Первому Когтю.

Ужас, Кирион, Меркуций и Вариил направились к двум выходам из зала, сжимая в руках оружие.

— Знаешь ли ты о варпе? — спросил он главу астропатов.

— Мы слышали истории, и у нас есть городские архивы.

— Позволь мне угадать: для тебя варп — это посмертие. Преисподняя, лишенная

солнца, где наказывают за грехи тех, кто изменил Императору.

— Это то, во что мы верим. Согласно всем архивным запи...

— Мне плевать, насколько ошибочно вы истолковали записи. Ты сильнейшая из вашей гильдии, так ведь?

— Так.

— Хорошо.

Ее голова взорвалась фонтаном крови и обломков кости. Талос опустил пистолет.

— Закройте глаза, — сказал он. — Все вы.

Они не подчинились. Дети прижались теснее к родителям. По толпе пробежал испуганный шепот, перемежаемый всхлипываниями. Труп главы гильдии ударился о палубу с костяным стуком.

— Закройте глаза, — повторил Талос. — Обратитесь к силам, которыми владеете, любым удобным для вас способом. Освободите сознание и попытайтесь нащупать душу вашей мертвой госпожи. Те, кто все еще слышит в воздухе вокруг нас крики ее души,

шагните вперед.

Повиновались трое. Взгляды у них были растерянные, ноги дрожали.

— Только три? — спросил Талос. — Какое разочарование! Мне не хотелось бы снова начинать стрельбу.

Вперед выступила еще дюжина. Затем еще несколько.

— Уже лучше. Скажете мне, когда она замолчит.

Он молча ждал, вглядываясь в лица тех, кто утверждал, что слышит голос их мертвой госпожи. Одна женщина морщилась и вздрагивала особенно сильно, словно ее мучил нервный тик. Даже когда все остальные заявили, что больше ничего не слышат, она расслабилась лишь через несколько минут.

— Теперь она ушла, — сказала женщина, огладив жидкие тусклые волосы, — слава Трону.

Вытащив свой гладиус, Талос подбросил и поймал его три раза. Когда рукоять в последний раз легла в его ладонь, воин развернулся и швырнул меч через комнату. Один из тех, кто выступил

вперед, осел на палубу — беззвучно задыхаясь, с выпучившимися глазами и ртом, открывающимся и закрывающимся, как у рыбы на песке. Меч, пронзивший его грудь, тихо позвякивал о палубу при каждой судороге умирающего.

Наконец человек затих.

— Он солгал, — сказал остальным Талос. — Я прочел это по его глазам. Он не мог ее слышать, а я не люблю, когда мне лгут.

Воздух вокруг столпившихся членов гильдии теперь звенел от напряжения.

— Варп — совсем не ваша глупая преисподняя. Под слоем видимой Вселенной лежит незримое. В Море Душ обитает бесчисленное количество демонов. Даже сейчас они поглощают души ваших погибших собратьев. Варп не обладает ни разумом, ни злой волей. Он просто существует, и он реагирует на человеческие эмоции. Сильнее всего он отвечает на страдания, страх и ненависть, потому что именно в такие мгновения люди чувствуют острее и искреннее всего. Страдание расцвечивает

варп, а страдание псайкера подобно маяку. Ваш Император использует такое страдание как горючее для своего Золотого Трона, чтобы зажечь свет Астрономикона.

Талос видел, что понимают его лишь немногие. Невежество затупило их разум, а страх ослепил и лишил способности воспринимать его слова. Переводя взгляд красных глазных линз с одного лица на другое, Талос ощутил мрачное веселье.

— Я использую ваши страдания, чтобы создать свой собственный маяк. Пытки и истребление жителей этого города лишь начало. Вы уже чувствуете, как на ваш разум давит бремя смерти и боли. Я знаю, что это так. Не сопротивляйтесь ему. Позвольте ему наполнить вас до краев. Вслушайтесь в вопли душ, переходящих из этого мира в иной. Пусть их мучения зреют в вас, как плод. Несите их с честью, потому что вместе вы превратитесь в орудие, ничем не отличающееся от вашего возлюбленного Императора. Вы, как и он, станете светочами в ночи, созданными из боли.

Чтобы достичь этого, я сломлю каждого из вас. Медленно, очень медленно, так что из боли зародится безумие. Я возьму вас на свой корабль и в течение следующих недель подвергну самым жестоким пыткам. Вас изувечат, с вас сдерут кожу живьем. А ваши страдающие, искалеченные тела — в которых мы искусно сохраним жизнь — я передам в тюремные лаборатории, где компанию вам составят лишь освежеванные трупы ваших детей, родителей и других жителей вашего погибшего мира.

Вашей болью, вашим тягостным и долгим страданием я переполню варп на краю Империума. Для расследования вышлют флот — в страхе, что ближайшие миры стали жертвой демонического вторжения. Империя человечества не сможет больше игнорировать Тсагуальсу и повторится урок. Недостаточно обречь преступников и грешников на изгнание. Вы должны сделать из них пример и раздавить окончательно. Милосердие, доверие, терпимость — это слабости, за которые Империуму предстоит

заплатить. Империум должен был уничтожить нас здесь, когда ему выпала такая возможность. Пусть усвоят это еще раз.

Ваши жизни подошли к концу, но в смерти вы совершите нечто почти божественное. Вы так долго молились о том, чтобы покинуть этот мир. Радуйтесь, потому что я собираюсь удовлетворить вашу просьбу.

Замолчав, он увидел, как на лицах псайкеров расцветают ужас и недоверие. Они едва могли представить, о чем он говорил, но это было не важно. Вскоре они поймут.

— Не делай этого, — сказал кто-то сзади.

Талос обернулся к архрегенту.

— Нет? Почему?

— Это... Я...

Старик растерянно замолчал.

— Странно, — покачал головой Талос. — У твоих соплеменников никогда нет ответа на этот вопрос.

XVI
КРИКИ

Септимус без особых затруднений находил дорогу в темных переходах. Пистолеты были в кобурах у него на поясе, а отлаженные лицевые бионические протезы переставали щелкать всякий раз, когда он моргал, улыбался или говорил. Аугметический глаз без усилий пронзал мрак, как и контактная фотолинза на втором, — очередное преимущество положения одного из самых ценных рабов на борту.

Однако руки у него болели, от плеч и до кончиков пальцев. Результат девяти часов проверки брони. За те три недели, что прошли с возвращения Талоса с Тсагуальсы, он сумел устранить большую часть ущерба, нанесенного доспехам Первого Когтя. Целая сокровищница запасных частей и фрагментов доспехов космодесантников из ордена Генезиса и убитых Повелителей Ночи предоставила оружейнику богатый выбор. Обмен с

оружейниками, служившими другим Когтям, никогда еще не был столь легким и плодотворным.

Час назад Ирук, один из рабов Второго Когтя, выхаркнул что-то бурое сквозь почерневшие зубы, пока они торговались за туловищные кабели.

— Боевое отделение подыхает, Септимус. Ты это чувствуешь? Это ветер перемен, парень.

Септимус постарался уклониться от разговора, но Ирук не унимался. Оружейная Второго Когтя располагалась на той же палубе, что и у Первого, и была так же завалена деталями оружия и обломками брони.

— Они все еще следуют за Талосом, — в конце концов сказал Септимус, пытаясь положить точку в их беседе.

Ирук снова сплюнул.

— Твой хозяин доводит их до безумия. Ты бы послушал, что говорит о нем лорд Юрис и другие. Лорд Талос... они знают, что у него нет качеств вождя, и все же следуют за ним. Они знают, что он теряет рассудок, и все же прислушиваются

к каждому его слову. Они одинаково говорят о нем и о примархе: сломленные, порочные, но... вдохновляющие. Заставляют их вспомнить о лучших временах.

— Благодарю за обмен, — сказал Септимус. — Мне надо работать.

— О, не сомневаюсь.

Оружейнику не понравился насмешливый блеск глаз Ирука.

— Ты хочешь что-то сказать?

— Ничего, что следует произносить вслух.

— Тогда не буду тебе мешать, — отозвался Септимус. — Уверен, что работы у тебя не меньше, чем у меня.

— Так и есть, — хмыкнул Ирук. — Но мне не приходится щупать при этом бледную задницу трехглазой ведьмы — это не входит в список моих служебных обязанностей.

Септимус впервые за последние минуты посмотрел ему прямо в глаза. Сумка с инструментами, висящая у него на плече и набитая запасными деталями, неожиданно стала тяжелее — увесистой,

как оружие.

— Она не ведьма.

— Тебе следует быть осторожнее, — улыбнулся Ирук, обнажив прорехи в частоколе гнилых зубов. — Слюна навигаторов, говорят, ядовита. Но похоже, это враки? Ты все еще жив.

Повернувшись спиной к слуге Второго Когтя, Септимус шагнул прочь и треснул по механизму разблокировки дверей.

— Не принимай это так близко к сердцу, парень. Она хорошенькая — по крайней мере, для мутанта. Твой хозяин уже разрешил тебе снова залезть ей под юбку?

Пару секунд Септимус всерьез размышлял, не оглушить ли Ирука сумкой с деталями и не пристрелить ли его, когда тот свалится на пол. Что намного хуже, это казалось самым легким и вразумительным ответом на идиотские подколки старика.

Сжав зубы, он вышел из комнаты, на ходу пытаясь понять, с каких пор убийство стало самым простым способом избавиться от минутного чувства

неловкости.

— Я слишком много времени провел с легионом, — сказал он в темноту.

Часом позже, оставив сервиторов доделывать нагрудник лорда Меркуция, Септимус приблизился к тому, что Октавия без улыбки называла «своими личными апартаментами». Откуда-то издалека доносились вопли. «Эхо проклятия» назвали так не зря: его залы и палубы оглашались эхом далеких криков. Крики срывались с губ смертных и разносились во всех направлениях по воле стальных костей «Эха» и его стылого воздуха.

При этих звуках Септимус вздрогнул — он все еще не привык к тому, что здесь крики то и дело раздавались из ниоткуда. У него не было ни малейшего желания узнать, что легион делает с астропатами или каким пыткам подвергает бесчисленных людей, согнанных на корабль из городов Тсагуальсы.

Крысы или подобные им паразиты, к которым Септимус не собирался приглядываться, разбегались при его

приближении по темным боковым туннелям и служебным шахтам.

— Опять ты, — послышалось спереди, от центрального люка, ведущего в покои Октавии.

— Вуларай, — приветствовал ее Септимус и кивнул двум другим. — Хирак, Лиларас.

Все три были обмотаны грязными бинтами и сжимали оружие. Вуларай положила свой легионерский гладиус на левое, покрытое плащом плечо.

— Никого не ждали, — прошипела самая низкая из фигур.

— И все же, Хирак, я здесь. Отойди.

Октавия спала на троне, свернувшись клубком на огромном сиденье и укрывшись одеялом от холода. Проснувшись от звука шагов, она инстинктивно потянулась ко лбу, чтобы проверить, не соскользнула ли бандана.

Повязка соскользнула. Октавия поспешно ее поправила.

— Тебя не должно быть здесь, — сказала навигатор своему гостю.

Септимус ответил не сразу. Он смотрел на нее и видел, как повязка закрывает третий глаз; как девушка раскинулась на троне, сделанном для путешествия по Морю Душ. Ее одежда была грязной, бледная кожа — немытой, и каждый месяц, проведенный на борту «Завета» и «Эха», состарил ее по меньшей мере на год. Темные круги, оставленные бессонницей, легли у нее под глазами, а волосы — некогда каскад черного шелка — она собрала в спутанный и облезлый крысиный хвостик.

Но она улыбалась, и она была прекрасна.

— Нам надо убираться с этого корабля, — сказал ей Септимус.

Октавия рассмеялась не сразу. А когда рассмеялась, в смехе ее было больше удивления, чем веселья.

— Нам... что?..

Он не собирался произносить это вслух. Он вряд ли даже осознавал, что об этом думает.

— У меня руки болят, — сказал он. — Болят каждую ночь. Все, что я слышу, —

это стрельба, и крики, и приказы, произнесенные нечеловеческими голосами.

Она облокотилась о ручку трона.

— До того как я присоединилась к команде, тебя это устраивало.

— Теперь у меня появилось то, ради чего стоит жить. — Он прямо встретил ее взгляд. — Появилось, что терять.

— Ну надо же!

Слишком впечатленной она не выглядела, но Септимус видел таившийся в ее глазах свет.

— Несмотря на твой чудовищный акцент, это граничит с романтикой. Что, хозяин опять пробил тебе голову, и поэтому ты заговорил так странно?

Септимус, против обыкновения, не отвел взгляда.

— Послушай меня. Талосом движет что-то, чего я понять не в силах. Он устраивает... что-то. Какой-то грандиозный спектакль. Ему нужно доказать что-то очень важное.

— Как и его отцу, — заметила Октавия.

— Именно. И посмотри, что стало с

примархом. Его история завершилась жертвоприношением.

Октавия отбросила в сторону одеяло и встала с трона. Ее беременность все еще не была заметна, хотя Септимусу не хватало опыта понять, должен ли живот округлиться или еще нет. В любом случае это ее, похоже, не заботило. Он почувствовал секундный укол вины и благодарности за то, что иногда ей хватало силы на них двоих.

— Ты думаешь, что он ведет нас к чему-то вроде последней битвы? — спросила Октавия. — Звучит не слишком правдоподобно.

— Возможно, не намеренно. Но у него нет желания руководить этими воинами, и он не собирается возвращаться в Око Ужаса.

— Ты просто гадаешь.

— Возможно. Но это не важно. Неужели ты хочешь, чтобы наш ребенок родился на этом корабле, для такой жизни? Хочешь, чтобы легион забрал его и превратил в одного из своих или чтобы он вырос на этих палубах, навеки лишившись

солнечного света? Нет. Октавия, нам надо выбраться с «Эха проклятия».

— Я навигатор, — отозвалась девушка, хотя в глазах ее больше не было насмешки. — Я была рождена для того, чтобы странствовать между звезд. Солнечному свету придают слишком большое значение.

— Почему ты относишься к этому так несерьезно?

Неверные слова. Септимус понял это в тот же миг, когда они вылетели у него изо рта. Глаза Октавии вспыхнули, а улыбка застыла.

— Я отношусь к этому серьезно. Просто мне не нравится твой покровительственный тон.

Никогда еще за все то время, что девушка провела на корабле, ее голос не звучал так царственно, напоминая о былой аристократке.

— Я не настолько слаба, что меня нужно спасать, Септимус.

— Я не это имел в виду.

Но в этом и заключалась проблема. Он не был уверен, что конкретно имел в

виду. Он даже не собирался произносить это вслух.

— Если бы мне хотелось уйти с корабля, — сказала она, понизив голос, — как бы мы могли это сделать?

— Есть разные способы, — ответил Септимус. — Мы бы что-нибудь придумали.

— Это слишком туманно.

Она смотрела на то, как Септимус бродит по комнате, бездумно складывая старые пищевые контейнеры и инфопланшеты, которые служители приносили ей ради забавы. Девушка наблюдала за его странным домашним ритуалом, скрестив руки на груди.

— Ты все еще не помылась, — произнес он, явно пребывая мыслями в другом месте.

— Как скажешь. О чем ты думаешь?

Септимус остановился на секунду.

— Что, если Талосу известно больше, чем он рассказывает своим братьям? Что, если он видел, как все это закончится, и теперь действует в согласии с этим планом? Возможно, он знает, что всем нам суждено умереть здесь.

— Даже в легионе не найдется таких предателей.

Он покачал головой, глядя на нее разными глазами.

— Иногда я могу поклясться, что ты забываешь, где находишься.

Октавия заметила, что нынешней ночью он был другим. Исчезла его осторожная, трогательная нежность, когда казалось, что он боится сломать ее грубым прикосновением или что она убьет его случайным взглядом. Исчезла уязвимость. Терпение сменилось разочарованием, которое словно содрало с него защитные покровы и оставило его перед ней обнаженным.

— Он говорил с тобой в последнее время? — спросил ее Септимус. — Тебе не показалось, что его слова звучат по-другому?

Девушка отошла к стене с мониторами и принялась рыться в ящике с инструментами.

— Он всегда говорил как обреченный на смерть, — ответила навигатор. — Все, что вылетало у него изо рта, стахивало

на какую-то болезненную исповедь. По нему всегда было заметно — он так и не стал тем, кем хотел стать, и ненавидит то, во что превратился. Остальные... лучше с этим справляются. Первый Коготь и другие — им нравится эта жизнь. Но у него нет ничего, кроме ненависти, и даже та выдохлась.

Септимус присел рядом с ее троном, прикрыв в задумчивости живой глаз. Аугметический синхронно закрылся, как, поворачиваясь, закрывается объектив пиктера. Тишина наполнилась воплями: далекими, но гулкими, безымянными, но отчетливо человеческими. Септимус давно привык к звукам корабля Восьмого легиона, но в последнее время слишком многое изменилось. Он больше не мог выбросить их из головы, как делал долгие годы. Теперь, куда бы он ни шел и где бы ни работал, боль в этих криках следовала за ним по пятам.

— С этих несчастных сдирают кожу живьем — неужели они этого заслужили?

— Конечно нет, — ответила Октавия. — Зачем ты вообще задаешь

такой глупый вопрос?

— Потому что я перестал задавать такие вопросы много лет назад.

Он обернулся к Октавии и, встретившись с ней глазами, не отводил взгляда несколько долгих секунд.

— Это из-за тебя, — сказал он. — Маурх тоже понимал, но я старался не обращать на него внимания. Ты сделала это со мной. Ты пришла сюда и вновь сделала меня человеком. Страх, чувство вины, желание жить и снова чувствовать... — Его голос становился все тише. После секунды молчания он добавил: — Ты вернула мне все это. Я должен тебя ненавидеть.

— Вперед и с песней! — сказала она.

Девушка возилась с проводкой одного из мониторов внешних камер. Работа ей нравилась не особо, но эти маленькие технические задачи помогали заполнить день.

— Но тогда ты возненавидишь меня лишь за то, что я вернула тебе нечто ценное.

Септимус промычал что-то

неопределенное.

— Не пыхти и не вздыхай, как терранские аристократы, — заметила она. — Это ребячество.

— Тогда прекрати... Не знаю этого слова на готике. Йорсиа се наур тай хелшиваль, — произнес он на нострамансном. — Улыбаться, чтобы посмеяться надо мной.

— Ты имеешь в виду «дразнить». И я тебя не дразню. Просто скажи то, что хотел сказать.

— Нам надо выбраться с этого корабля, — повторил Септимус, глядя на девушку, присевшую у монитора с ножом для зачистки кабеля в зубах.

Октавия выплюнула его, перехватив грязной ладонью.

— Может, и так. Но это не значит, что мы сможем это сделать. Корабль никуда не полетит без меня. Вряд ли мы успеем уйти далеко, прежде чем они догадаются, что нас нет.

— Я что-нибудь придумаю.

Септимус подошел к девушке и, обняв сзади, прошептал в ее волосы:

— Я люблю тебя.

— Вел йаэша лай, — ответила она.

Час спустя она шла по коридорам «Эха» во главе отряда прислужников, беспорядочной толпой топавших за ней по пятам. Теперь вопли слышались уже отовсюду, эхом разносясь в воздухе и проникая сквозь стены с тем же упорством, что завывания ветра.

Камеры пыток находились несколькими палубами ниже, на довольно большом расстоянии отсюда. Что касается территории на борту корабля, они располагались глубже, в более опасных секторах, где обитали менее ценные члены команды и жизнь, соответственно, стоила куда меньше.

— Мы идем с госпожой, — сказал один из ее служителей.

— Мы все идем, — поправила его Вуларай, положив руку на рукоять драгоценного меча легиона, висевшего у нее на бедре.

— Как хотите, — отозвалась Октавия, хотя в глубине души ее

порадовала их преданность.

Стая таких же оборванных обитателей палубы кинулась врассыпную от ее группы — уже третья, которая предпочла сбежать, а не остаться. Несколько человек наблюдали за тем, как Октавия и ее слуги проходят мимо, шипя проклятия на готике, ностраманском и других языках, неизвестных навигатору, — она не знала даже их названий, не говоря уже о том, чтобы понимать смысл слов. Одна свора даже попыталась заступить ей дорогу и ограбить.

— Меня зовут Октавия, — сказала она вожаку с лаз-пистолетом.

— Это совершенно ничего для меня не значит, девчонка.

— Это значит, что я навигатор этого корабля, — сказала она, выдавив улыбку.

— И это значит ровно столько же, сколько твое имя.

Октавия перевела дыхание и покосилась на Вуларай. Большая часть человечества, особенно та его часть, что состояла из темных, непросвещенных масс,

могла быть не в курсе существования навигаторов. Однако у Октавии не было ни малейшего желания рассказывать о своей генетической линии — или, что еще хуже, демонстрировать ее возможности — прямо здесь.

И тут вожак допустил ошибку. Пистолет, который болтался у него в руке, мог представлять собой проблему, но вряд ли угрозу. Но когда человек махнул им в сторону Октавии, ее служители напряглись. Их шепот слился, превратившись в шипение десятков змей: «Госпожа, госпожа, госпожа...»

Главарь банды не сумел скрыть тревогу. Его людей превосходили числом, и, как он понял секунду спустя, когда из-под грязных роб показались дробовики, перевес в оружии тоже был не на его стороне. Железные прутья и цепи, которыми вооружилось большинство его соратников, внезапно показались куда менее внушительными.

— Ты не из палубной швали, — сказал он. — Сейчас я это вижу. Я не знал.

— А теперь знаешь.

Вуларай опустила огромный гладиус на плечо, где кромка клинка отразила скудный свет коридора.

— Просто убирайся, — велела ему Октавия.

Неосознанно она опустила руку к животу.

— На этом корабле и без того хватает смертей.

Хотя ее служителей пропустили с миром, их боевой дух теперь взыграл. Они больше не прятали оружие, спускаясь ниже, в глубь корабля.

Больше никто не бросил им вызов.

Она обнаружила Талоса в одной из пыточных камер, как и ожидала.

Прежде чем войти, девушка прижала ладонь к закрытой двери.

— Не смотри на меня так, — огрызнулась она на Вуларай. — Навигаторы хранят сотни секретов, Вуларай. Что бы ни было за этими дверьми, оно несравнимо с тайнами, укрытыми в субуровнях шпилей Навис Нобилите.

— Как скажете, госпожа.

Дверь распахнулась под скрип гидравлики. На какой-то миг она увидела Талоса, а потом все исчезло. Запах, ударивший в ноздри, был так силен, что причинял почти физическую боль, — он чуть не сбил ее с ног, когда открылся люк. Девушка зажмурилась — глаза защипало, как открытую рану, куда сыпанули соли. Вонь пробралась под веки, сжала горло, сдавила легкие и терпкой, влажной плетью хлестнула по коже. Даже выдохнутое ею проклятие стало ошибкой — стоило открыть рот, как запах дополнился вкусом.

Октавия упала на четвереньки и извергла на палубу содержимое желудка. Ей надо было выбраться из комнаты, но глаза не открывались, а сжатые судорогой легкие и бунтующий желудок не давали вздохнуть.

Талос любовался этим спектаклем, стоя рядом с хирургическим столом. Он с любопытством продолжал наблюдать, как ее вырвало во второй раз.

— Я так понимаю, — протянул он, — что для женщин в твоем... положении...

тошнота — часть естественного процесса.

— Не в этом дело, — выдохнула она, прежде чем желудок снова сжался и изо рта полилась жидкая кислая дрянь.

— У меня почти нет опыта в таких делах, — признал Талос. — Мы мало изучали человеческий процесс деторождения.

— Не в этом дело, — просипела она.

Тупая нелюдь. Он понятия не имел, что происходит. Несколько ее служителей, пораженные видом и запахом, тоже рухнули на пол, задыхаясь и борясь с приступами рвоты.

Она выползла из комнаты, повиснув на руках Вуларай и еще одной рабыни. Только когда она оказались снаружи, Октавия сумела встать. Она перевела дыхание, протирая слезящиеся глаза.

— Закройте дверь... — пропыхтела навигатор.

— Госпожа? — удивленно спросил один из ее служителей. — Я думал, вы хотели туда войти?

— Закройте дверь! — прошипела она, чувствуя, что желудок снова сжимается.

Трое других служителей тоже еще не пришли в себя, хотя сумели выбраться из камеры.

Ее приказ исполнила Вуларай. Люк, ведущий в пыточную камеру, с грохотом захлопнулся. Несмотря на закрывавшие лицо повязки, служительница сама задыхалась и с трудом могла говорить.

— Те люди на столах, — пробормотала она, — почему они еще живы?

Октавия сплюнула последние капли желчи и подняла руки, завязывая хвост.

— Кто-нибудь, достаньте мне респиратор. Я возвращаюсь туда.

— Нам надо поговорить, — сказала ему Октавия.

Человек на операционном столе замычал. Он был чудовищно изувечен и слишком выдохся, чтобы кричать. От несчастного осталось так мало, что Октавия даже не сумела определить его пол.

Талос посмотрел на нее. С влажных клинков в его руках стекало красное.

Четыре освежеванных, истекающих кровью тела висели на грязных цепях вокруг центрального стола. Пророк заметил, как взгляд девушки метнулся к телам, и нечеловечески спокойным голосом объяснил, зачем они здесь.

— Они все еще живы. Их боль просачивается в разум вот этого. — Повелитель Ночи провел окровавленным ножом по ободранному лицу пленника. — Она вызревает, настаиваясь на муках. Они уже не могут просить о смерти с помощью языка, горла и легких... но их шепот щекочет мой череп изнутри. Осталось недолго. Мы почти подошли к финалу. О чем ты хотела поговорить, навигатор?

Октавия втянула воздух сквозь маску респиратора, закрывающую рот и нос.

— Я хочу услышать от вас правду.

Талос вновь взглянул на нее. Кровь с тел звучно капала на пол. Кап, кап, кап.

— Я никогда не лгал тебе, Октавия.

— Никогда не понимала, как вы можете рассуждать с таким праведным видом, стоя посреди бойни, Талос.

Она протерла глаза — отвратительное

тепло, источаемое изорванными телами, заставляло их слезиться.

— Я то, что я есть, — ответил он. — Ты меня отвлекаешь, так что я прошу тебя: говори побыстрее.

— И эти рыцарские манеры, — мягко сказала она, стараясь не смотреть на висящие тела.

Кровь стекала в канализационную решетку под столом. Октавии не хотелось думать, куда вела труба. Невольно казалось, что этими стоками кормится какая-то тварь на самой нижней из палуб.

— Октавия, — предостерегающе сказал пророк.

— Мне надо знать кое-что, — отозвалась она. — Правду обо всем этом.

— Я сказал тебе правду, включая то, что требуется от тебя.

— Нет. Вам втемяшилось в голову, что мы должны прилететь сюда. А теперь вся эта... бойня. Вы знаете больше, чем говорите нам. И вы знаете, что, если Империум явится отплатить за ваши зверства, он явится во всей своей мощи.

Талос кивнул:

— Вполне вероятно.

— И возможно, нам не удастся спастись.

— И это вполне вероятно.

Респиратор Октавии щелкал при каждом медленном вдохе.

— Вы делаете то же самое, что и он, да? Ваш примарх умер, чтобы доказать свою правоту.

— Я не планирую умереть здесь, терранка.

— Нет? Вы не планируете умереть здесь? Ваши планы ничего не стоят, Талос. И никогда не стоили.

— Рейд на станцию Ганг прошел вполне удачно, — заметил он. — И мы обратили Саламандр в бегство у Вайкона.

Его насмешки только разожгли гнев Октавии.

— Предполагается, что вы наш вождь. У вас в подчинении тысячи душ, а не только горстка воителей.

Он хрипло расхохотался.

— Трон в огне, неужели ты и вправду думаешь, что меня заботит каждая живая тварь на этом корабле? Ты спятила,

девочка? Я легионер Восьмого легиона. Не больше и не меньше.

— Вы могли бы убить Септимуса.

— И убью, если он еще раз посмеет мне прекословить. В ту же секунду, когда его наглость перевесит ту пользу, что он приносит, Септимус умрет ободранным и безглазым на этом самом столе.

— Вы врете. В вашем сердце и душе есть зло, но вы не то чудовище, которым прикидываетесь.

— А ты испытываешь мое терпение, терранка. Убирайся с глаз моих, пока твой дурацкий урок этики не заставил меня утратить последние его капли.

Но она никуда не ушла. Октавия вновь глубоко вздохнула, стараясь успокоить ярость.

— Талос, вы убьете нас всех, если не будете осторожны. Что, если ответом Империума станет не один транспортник, который вывезет выживших и даст им возможность поведать свою ужасную историю? Что, если это будет военный флот? А скорее всего, и то и другое. Мы пропали, если они застанут нас здесь.

Девушка махнула рукой на несчастного, дрожащего на столе.

— Вы хотите отравить варп их болью и пресечь всякую возможность безопасного перелета по Морю Душ, но для меня это будет не легче. Я не смогу вести нас сквозь взбаламученные течения.

Несколько секунд Талос хранил молчание.

— Я знаю, — наконец сказал он.

— И это вас не останавливает?

— Это один из тех немногих моментов со времени Великого Предательства, когда я и мои братья вновь могут ощутить себя сынами нашего отца. Больше никаких набегов, никакой низменной борьбы за выживание — мы снова делаем то, для чего рождены. Ради этого стоит рискнуть.

— Половина из них убивает лишь из любви к убийству.

— Правда. И это тоже путь Восьмого легиона. Нострамо был неважной колыбелью.

— Вы меня не слушаете.

— Слушаю, но твоими устами

говорит невежество. Ты не понимаешь нас, Октавия. Мы не то, что ты думаешь, и ты всегда в нас ошибалась. Ты пытаешься применить к нам человеческую мораль, как будто эти устои когда-нибудь нас ограничивали. Жизнь для нас имеет иное значение.

Она надолго прикрыла глаза.

— Ненавижу этот корабль. Ненавижу эту жизнь. И ненавижу вас.

— Это самое умное, что я от тебя до сих пор услышал.

— Мы все здесь умрем, — наконец выдавила она.

Пальцы девушки от бессилия сжались в кулаки.

— Все умирают, Октавия. Смерть — ничто по сравнению с оправданием всей жизни.

XVII
ЖЕРТВЫ

Теперь, когда последняя жертва умерла, Кирион остался в одиночестве.

Он сидел прислонившись спиной к стене и дышал сквозь мокрые от слюны зубы. Гладиус в его руке позвякивал о замаранную палубу. Его все еще пробирала дрожь: приятное послевкусие человеческой смерти, вновь и вновь проигрывавшейся у него в мозгу. Настоящий страх. Настоящий ужас. Не окутанное туманной дымкой боли сознание, как у астропатов и других жертв Восьмого легиона, — нет, это был сильный, упрямый человек, совсем не желавший умирать. Кирион наслаждался выражением глаз жертвы, в то время когда его меч резал и кромсал. Человек испытывал страх и молил пощадить его до последней минуты: до грязной и неурочной смерти на одной из нижних палуб корабля.

После всех хирургических операций и пыток, которым они подвергали

пленников, это было нужно Повелителю Ночи, как необходим глоток воды умирающему от жажды. Последние секунды жизни члена команды, когда его слабые пальцы бессильно скребли по наличнику Кириона, стали идеальным завершающим штрихом. Такая восхитительная тщета. Он ощущал вкус отчаяния и страха как подлинную сладость, как нектар на кончике языка.

С его губ сорвался стон. От химических стимуляторов, затопивших кровь и мозг, в теле началась чесотка. Хорошо быть сыном бога, пускай и проклятым. Даже тогда, когда к тебе слишком пристально приглядываются другие боги.

Кто-то где-то произнес его имя. Кирион пропустил это мимо ушей. У него не было желания вернуться на верхние палубы и вновь приступить к хирургическим процедурам. Это подождет. Прилив начал спадать, а с ним и дрожь в пальцах.

Странное название. Прилив. Он не помнил, когда впервые начал называть

так свой дар, но слово хорошо подходило. Скрытые псайкерские способности нередко встречались в Восьмом легионе — или любых других легионах, — но его дар оставался источником тайной гордости. Кирион не был рожден псайкером, или его шестое чувство изначально было настолько слабым, что осталось незамеченным после многоступенчатого тестирования при вступлении в легион. Оно проявилось со временем, за годы, проведенные им в Оке Ужаса. Его ясновидение расцвело, как цветок, открывающийся лучам солнца.

Невнятный шепот ночь за ночью раздавался на самой границе слышимости. Вскоре он научился улавливать смысл в этих шипящих фразах — слово здесь, предложение там. Их роднило одно: их наполнял страх, невысказанный, но все же слышимый, пульсирующий в крови его жертв.

Поначалу он просто посчитал это забавным — возможность слышать последние жалобные слова тех, кого он убивал.

— Не понимаю, почему это тебя так веселит, — упрекал его Талос. — Око изменяет тебя.

— Есть те, кто мечен проклятиями похуже моего, — со значением отвечал Кирион.

Талос тогда оставил эту тему и больше ни разу к ней не возвращался. Реакция Ксарла была куда менее сдержанной. Чем сильнее становился дар, тем меньше Кириону хотелось его прятать, и тем отвратительнее его общество становилось Ксарлу. Ксарл называл это «скверной». Он никогда не доверял псайкерам, даже если подчинявшиеся им силы были к нему благосклонны.

— Кирион!

Имя вернуло его в настоящее, к маслянистой вони металлических стен и свежих трупов.

— В чем дело? — огрызнулся он в вокс.

— В Малкарионе, — прозвучало в ответ. — Он... Он пробудился.

— Это что, розыгрыш? — Кирион, закряхтев, с усилием поднялся на ноги. —

Делтриан клялся, что пока ничего не получается.

— Просто подымайся сюда. Талос предупреждал тебя: никакой охоты в недрах корабля, пока мы не закончили работу.

— Иногда ты такой же зануда, как он. Малкарион заговорил?

— Не совсем, — ответил Меркуций и оборвал связь.

Кирион двинулся в путь, оставив тела позади. Никто не заплачет по той шивали с нижних палуб, что валялась кровавыми кусками у него за спиной. Охота на глубинных уровнях «Эха» была простительным грехом, в отличие от периодических припадков Узаса, когда тот на Черном рынке и офицерских палубах уничтожал самых ценных членов команды.

— Привет, — произнес тихий и спокойный голос неподалеку.

Слишком низкий, чтобы принадлежать человеку, но неузнаваемый из-за искажений вокса.

Кирион взглянул вверх. Там, на железных потолочных балках, скрючился в

позе горгульи один из Кровоточащих Глаз. Кирион почувствовал, как по коже бегут мурашки — редкое для него ощущение.

— Люкориф.

— Кирион, — прозвучало в ответ. — Я тут думал.

— И, судя по всему, следовал за мной.

Клювастая маска раптора дернулась в кивке.

— Да. И это тоже. Скажи мне, маленький лорд-насмешник, почему ты так часто спускаешься сюда, чтобы продышаться от нечистой вони страха?

— Это наши охотничьи угодья, — отозвался Кирион. — Талос и сам проводит тут немало времени.

— Возможно.

Голова раптора дернулась — то ли подвели системы доспеха, то ли его собственный извращенный варпом генетический код.

— Но он убивает ради того, чтобы расслабиться, ради удовольствия, ради щекотки адреналина в венах. Он рожден убийцей, поэтому и убивает. А ты охотишься для того, чтобы приглушить

иной голод. Голод, который расцвел в тебе постепенно, потому что ты не был с ним рожден. Я нахожу это любопытным. О да.

— Можешь думать как тебе угодно.

Скошенные к вискам, удлиненные глазные линзы отразили уменьшенную копию Кириона.

— Мы наблюдали за тобой, Кирион. Кровоточащие Глаза видят все. Мы знаем твои секреты. Да, знаем.

— У меня нет секретов, брат.

— Нет?

Смех Люкорифа прозвучал как нечто среднее между фырканьем и карканьем вороны.

— Ложь не становится правдой лишь оттого, что ты произносишь ее вслух.

Кирион промолчал. На какую-то секунду он подумал: а не вытащить ли болтер? Должно быть, его пальцы дрогнули, потому что Люкориф снова расхохотался.

— Попробуй, Кирион. Просто попытайся.

— Скажи, к чему ты ведешь.

Люкориф ухмыльнулся.

— А что, беседа между братьями непременно должна к чему-то вести? Полагаешь, что все мы такие же предатели, как ты? Кровоточащие Глаза следят за Талосом из-за древнейшей из аксиом: где он, там неприятности. Примарх уделял ему особое внимание, и даже по прошествии веков это остается любопытным. У него есть предназначение, то или иное. И я хочу стать свидетелем того, как это предназначение исполнится. Ты, однако, представляешь собой потенциальную проблему. Как давно ты питаешься человеческим страхом?

Перед тем как ответить, Кирион медленно перевел дыхание, подавляя дразнящий приток химических стимуляторов, хлынувших в кровь из инжекторов на запястьях и в позвоночнике.

— Давно. Уже десятилетия. Я никогда не считал.

— Весьма убогая форма псайкерского паразитизма. — Раптор выдохнул из решетки вокабулятора тонкую струйку пара. — Но не мне брать под сомнение дары варпа.

— Тогда зачем весь этот допрос?

Он понял свою ошибку в ту же секунду, когда вопрос сорвался с его губ. Промедление стоило ему упущенной возможности. Из того коридора, откуда он пришел, на четвереньках выполз еще один раптор и загородил проход.

— Кирион, — сказал он, с трудом справляясь с членораздельной речью. — Дада.

— Бораша, — ответил воин.

Его не удивило, когда из коридора впереди показались еще три раптора. Их скошенные демонические маски немигающе уставились на него.

— Мы допрашиваем тебя, — просипел Люкориф, — потому что, хотя я никогда не стану возражать против изменений, дарованных варпом, я куда менее терпелив, когда дело касается предательства настолько близко к пророку. Сейчас нам жизненно важна стабильность. Он планирует что-то секретное, что-то, чем не хочет поделиться. Мы все чувствуем это как... как электрическое напряжение в воздухе. Мы живем в предчувствии

шторма.

— Мы доверяем ему, — сказал второй раптор.

— Мы не доверяем тебе, — заключил третий.

В голосе Люкорифа послышалась улыбка.

— Стабильность, Кирион. Запомни это слово. А теперь отправляйся куда велено и полюбуйся на ущербное воскрешение военного теоретика. И запомни этот разговор. Кровоточащие Глаза видят все.

Рапторы снова рассыпались по туннелям, ползком пробираясь в глубь корабля.

— Это нехорошо, — сказал сам себе Кирион в безмолвном мраке.

Он прибыл последним, войдя в Зал Раздумий через тридцать минут после первого вызова. Обычная бурная активность, царившая в зале, затерла, и все застыло в странной неподвижности. Ни один из сервиторов не занимался своими обязанностями. Десятки адептов

Механикум низкой степени посвящения столпились в относительном молчании. Если они общались друг с другом, то так, что легионер не мог услышать их разговор.

Кирион подошел к Первому Когтю. Те выстроились у круглого люка, ведущего в один из атриумов. Сам люк был открыт, и за ним виднелось стазис-помещение. Кирион уловил что-то на самой границе слышимости, словно громовой рокот за горизонтом. Он переключил несколько режимов аудиодатчиков, но на всех частотах обнаружил все тот же инфразвуковой гул.

— Ты это слышишь? — спросил он Талоса.

Пророк, стоявший рядом с Меркуцием и Узасом, ничего не ответил. Вариил и Делтриан приглушенно совещались о чем-то у центральных столов управления.

— Что случилось? — поинтересовался Кирион.

Талос обернул к нему череполикий наличник шлема.

— Мы пока не знаем.

— Но Малкарион пробудился?

Талос провел его в стазис-помещение. Эхо их шагов отражалось от железных стен. Саркофаг Малкариона оставался на своем мраморном пьедестале, прикованный цепями и опутанный сотнями медных проводов, силовых кабелей и трубок системы жизнеобеспечения. На саркофаге в мельчайших деталях была изображена триумфальная смерть Малкариона: золото, адамантин и бронза сплелись, воздавая честь торжествующему Повелителю Ночи, который, закинув голову, оглашал звездные небеса победным криком. В одной руке его был шлем воина Белых Шрамов, увенчанный конским хвостом; в другой — шлем чемпиона Имперских Кулаков. И наконец, его ботинок вдавливал в терранскую грязь горделивый шлем лорда-капитана Кровавых Ангелов.

— Стазисное поле отключено, — заметил Кирион.

— Так и есть, — кивнул Талос, подходя к одной из дополнительных консолей, окружавших центральный

постамент.

Его пальцы простучали по нескольким пластэковым клавишам. Как только он нажал на последнюю клавишу, зал огласился мучительными воплями, живыми и человеческими, но с примесью металлического лязга, треска и жужжания.

Крики были настолько громкими, что Кирион вздрогнул. Его шлему потребовалось несколько секунд, чтобы приглушить звуки до терпимого уровня. Насчет источника криков у воина сомнений не возникло.

— Что мы с ним сделали? — охнул он.

Крики затихли, когда Талос отключил связь саркофага с внешними колонками.

— Как раз это сейчас и пытаются выяснить Вариил и Делтриан. Похоже, раны, полученные Малкарионом на Крите, необратимо повредили его рассудок. Невозможно предсказать, что он сделает, если мы подключим его к ходовой части дредноута. Насколько я могу судить, накинется на нас.

Кирион очень тщательно обдумал следующие свои слова.

— Брат...

Талос повернулся к нему.

— Говори.

— Я ведь поддерживал тебя, так? Ты носишь мантию нашего командира, но она тебе не совсем подходит.

Пророк кивнул.

— У меня нет и желания быть вождем. Я этого и не скрываю. Разве ты не видишь, что я делаю все, чтобы возродить нашего настоящего капитана?

— Я понимаю, брат. Ты живое воплощение фразы «не в том месте не в то время». Но ты справляешься. Рейд на Тсагуальсу прошел отлично, и ты обратили Саламандр в бегство на Вайконе. Мне плевать, что ты планируешь. Остальные либо готовы доверять тебе, либо предаются излишествам по мере сил. Но это...

— Я знаю, — ответил Талос. — Поверь, я знаю.

— Он герой легиона. Твоя жизнь и смерть зависят от того, как ты

обращаешься с ним, Талос.

— И это я знаю.

Талос провел ладонью по вырезанной на саркофаге картине.

— Я сказал им, чтобы ему позволили умереть на Крите. Он заслужил покой забвения. Но Малек — будь он проклят, где бы ни находился, — отменил мой приказ. И когда Делтриан пронес гроб на борт, это все изменило. Он так и не умер. Возможно, я ошибался, полагая, что он утерял вкус к жизни в этой оболочке, — ведь он так отчаянно боролся за существование, когда с легкостью мог умереть. Мы могли бы воспользоваться его советами, Кирион. Он должен был снова встать рядом с нами.

Кирион сжал наплечник брата.

— Делай следующий шаг с осторожностью, брат. Мы стоим на краю полной анархии.

Несколько долгих мгновений он сам смотрел на саркофаг.

— Что предложили Живодер и техножрец?

— Оба они считают, что раны его неизлечимы. Они также сошлись на том,

что он все еще может быть свирепым — пускай и ненадежным — бойцом. Вариил предложил контролировать Малкариона с помощью болевых инъекций и точечных пыток. — Талос покачал головой. — Как зверя, которому злые хозяева нацепили ошейник и учат битьем.

Кирион от этих двоих ничего другого и не ждал.

— И что ты собираешься сделать?

Талос заколебался.

— А что бы ты сделал на моем месте?

— Честно? Сбросил бы органические останки в космос, не оповещая никого из легиона, и поместил бы в саркофаг одного из тяжелораненых. Распространил бы слухи, что Малкарион умер во время обряда воскрешения. Тогда обвинять было бы некого.

Пророк уставился ему в лицо.

— Как благородно с твоей стороны.

— Посмотри на наши доспехи. На плащ из человеческой кожи, который носит Ужас, на черепа, висящие у нас на поясах, на содранные лица на наплечниках

Вариила. В нас не осталось ни капли благородства. Необходимость — это все, что мы знаем.

Талос смотрел на него по меньшей мере целую вечность.

— И в чем причина этой внезапной пламенной проповеди?

Кириону вспомнился Люкориф и слова вожака Кровоточащих Глаз.

— Просто моя природная заботливость, — улыбнулся он. — Так что же ты все-таки сделаешь?

— Я приказал Вариилу и Делтриану успокоить его с помощью синаптических супрессоров и медикаментов. Возможно, есть еще способ до него достучаться.

— А если нет?

— Я разберусь с этим, когда буду знать наверняка. А теперь пришло время разыграть карты. Пришло время Октавии.

— Навигатора? А она к этому готова?

Чем бы «это» ни было, — мысленно добавил он.

— Ее готовность не имеет значения, — ответил Талос, — потому что у нее нет

выбора.

«Эхо проклятия» мчался по темным волнам, подгоняемый плазменным реактором, ведомый машинным духом в сердце корабля и направляемый третьим оком женщины, рожденной в колыбели человечества.

Талос стоял у ее трона, закрыв глаза, и прислушивался к воплям эфирного моря. О корпус корабля бились сонмы душ, смешанные с жизненной субстанцией демонов. Они тотали судно и перекатывались через него бесконечными ревущими валами. Он слушал, впервые за многие десятилетия по-настоящему вслушивался в эти звуки и снова погружался в музыку тронного зала своего отца.

С его губ сорвался свистящий вздох. Сомнения ушли. Ушла тревога о том, как и куда вести оставшуюся с ним горстку воинов и на что потратить жизни его рабов. Почему он не сделал этого раньше? Почему он никогда прежде не замечал сходства этих звуков, пока ему не сказала

Октавия? Он знал все легенды, предостерегающие тех, кто слишком внимательно вслушивается в песню варпа, но ему было сейчас все равно.

Навигатор, истекая потом, смотрела в темноту, состоящую из тысяч оттенков черного. Темнота то сердито кричала на нее, выплескивая боль в ударах душ о корпус корабля, то звала — безымянные твари манили ее теми же когтистыми клешнями, которыми пытались разорвать металлическую обшивку.

Волны варпа ворочались, как клубок свившихся в норе змей. Между бесплотными громадами мелькали отблески тошнотворного света: то ли далекий Астрономикон, то ли уловки демонов — Октавии было плевать. Она направляла корабль к каждому импульсу света, мерцавшему впереди, рассекая волны со всей мощью и тяжестью одного из древнейших боевых кораблей человечества. Холодные волны ирреальности расступались перед его носом и пенились за кормой, формируя образы, недоступные человеческому глазу.

Сам «Эхо» постоянно присутствовал в глубине ее сознания. В отличие от трачного духа «Завета», так и не принявшего девушку, «Эхо проклятия» имел большое и пылкое сердце. На Терре не было акул, но Октавия знала о них по архивам Тронного мира. Хищники древних морей, которым следовало вечно оставаться в движении, чтобы не умереть. Это, в нескольких словах, и был «Эхо». Он не желал ничего другого, кроме как мчаться во всю прыть, прорываясь сквозь завесы варпа и оставляя позади материальный мир.

Ты слишком долго и внимательно прислушивался к зову варпа, — упрекнула она корабль, стараясь не обращать внимания на текущий по вискам пот.

Быстрей, быстрей, быстрей, — отозвался он. — Больше энергии на двигатели. Больше мощность реактора.

Она ощутила, как в ответ корабль увеличил скорость. Сигналы ее собственной нервной системы понеслись по нейросенсорным кабелям, подключенным к вискам и запястью, обуздывая рвавшееся

вперед судно. В ответ ее тело пронзило животное возбуждение «Эха» — оно передалось через те же порты, заставив девушку задрожать от восторга.

Успокойся, — мысленно приказала она. — Успокойся.

Корабль, упорствуя, снова попытался разогнаться. Октавия почти видела, как команды рабов на огромных инженерных палубах исходят потом, вопят и гибнут в попытке подать на генераторы топливо с той скоростью, какую требовало судно. На мгновение ей показалось, что она чувствует их так, как чувствует «Эхо» — сонм бессмысленных и ничтожных блох, щекочущих ее кости.

Навигатор вырвалась из этой путаницы ощущений, подавив примитивные эмоции корабля и сосредоточившись на собственных. Холодный поцелуй струящегося из вентиляционной решетки воздуха обжег ее потную кожу и снова заставил вздрогнуть. Она почувствовала себя так, словно долго задерживала дыхание в кипящем бассейне.

— Правый борт, — прошептала она в

шар вокса, парящий у ее лица.

Миниатюрные суспензоры поддерживали в воздухе половину черепной коробки, переделанную в мобильный вокабулятор. Вокс передавал ее приказы команде и сервиторам на командной палубе над ее покоями.

— Правый борт, три градуса, направленный импульс для компенсации сопротивления варпа. Осевые стабилизаторы на...

Она бормотала и бормотала, уставившись в темноту и управляя судном совместно с его командой и яростным сердцем самого корабля.

Снаружи корабельное поле Геллера терзал целый пантеон эфирных сущностей. Волны, наткнувшись на невидимую преграду, отступали, обожженные и истекающие кровью. У Октавии не было времени задуматься о холодных и бездонных созданиях, прячущихся в бесконечной пустоте. Все ее внимание уходило на то, чтобы проложить узкую тропу сквозь Море Душ. Она могла вынести эти крики, потому

что была рождена для того, чтобы видеть незримое. Варп таил не много тайн для нее. Но бурлящая радость «Эха», как ничто другое, мешала ее концентрации. Даже ослиное упрямство «Завета» было легче преодолеть. Для борьбы с «Заветом» требовалась сила. А здесь — сдержанность. Надо было лгать самой себе, убеждать себя, что она не испытывает той же свирепой радости, что не хочет, как и «Эхо», спалить двигатели в порыве мчаться быстрее и нырять глубже, чем любая — машинная или нет — душа до нее.

Темный восторг «Эха», просочившись сквозь нейросоединения, затопил ее кровь пряным вкусом азарта. Тело реагировало на это симбиотическое наслаждение самым животным образом. Октавия ослабила связь и заставила себя дышать спокойнее.

Медленней, — выдохнула она, посылая слово-импульс к сердцу корабля и одновременно произнося его вслух. — Поле Геллера колеблется.

Это ты колеблешься, — отозвалось смутное сознание «Эха». — Рабыня

рассудка.

Корабль снова вздрогнул в унисон с ней. Этот рывок был жестче — его породили наряженные мышцы и сжатые зубы. Он свидетельствовал о сосредоточенности и контроле и знаменовал то, что воля Октавии одолела машинный дух судна.

Я — твой навигатор, — мысленно прошипела она. — И я тебя направляю.

«Эхо проклятия» никогда не общался с помощью слов — его эмоциональные импульсы и желания преображались в слова только тогда, когда человеческий разум Октавии пытался придать им смысл. Однако, сдаваясь, он не издал даже этих тихих звуков. Девушка просто почувствовала, как машинный дух отпрянул под давлением ее воли и возбуждение пошло на спад.

Лучше, — улыбнулась она сквозь пот, струящийся по лицу, как слезы. — Куда лучше.

Уже близко, навигатор, — ответил корабль.

Я знаю.

— Маяки, — пробормотала она вслух. — Маяки в ночи. Клинок света. Воплощенная воля Императора. Триллионы кричащих душ. Все мужчины, женщины и дети, отданные машинам Золотого Трона с первого дня существования Империи. Я вижу их. Я слышу их. Я вижу звук. Я слышу свет.

В ушах зашептали голоса. Известия передавались от палубы к палубе мучительно медленно — ведь говорившие были людьми, ограниченными человеческой речью. Октавии не требовалось сверяться с гололитическими звездными картами. Ей ни к чему был весь лязг и гудение ауспиков дальнего действия.

— Полная остановка, — прошептала она блестящими от слюны губами. — Полная остановка.

Спустя минуту, или час, или год — Октавия не была уверена — на ее плечо опустилась рука.

— Октавия, — произнес низкий рокочущий голос.

Она закрыла свое тайное око и открыла человеческие глаза. Их залепил

прозрачный гной, и пришлось с силой поднимать веки. Это было больно. Девушка почувствовала мягкую ткань повязки, закрывающей лоб.

— Воды, — прохрипела она.

Ее служители переговаривались неподалеку, но руки, поднявшие грязную фляжку к ее губам, были закованы в полуночно-синюю броню. Даже мельчайшие из сочленений доспехов на костяшках приглушенно порыкивали.

Она сделала глоток, отдышалась и глотнула снова. Трясущимися руками навигатор стерла холодный и липкий пот со лба, а затем вытащила иголки инжекторов из запястий. Кабели на висках и на горле пока подождут.

— Сколько? — наконец спросила она.

— Шестнадцать ночей, — ответил Талос. — Мы прибыли туда, куда надо.

Прикрыв глаза, Октавия вновь осела на троне. Она заснула прежде, чем Вуларай накрыла ее дрожащее тело одеялом.

— Ей надо поесть, — заметила служительница. — Больше двух недель...

Ребенок...

— Делай, что хочешь, — сказал Талос замотанной в повязки смертной. — Меня это не касается. Разбуди ее через шесть часов и приведи к камерам пыток. К тому времени все будет готово.

Она снова нацепила респиратор. Дыхание в нем звучало низко и сипло. Маска, закрывавшая рот и нос, убивала все вкусы и запахи, кроме запаха ее несвежего дыхания и хлорной вони, обжигавшей язык и нёбо.

Талос встал у нее за спиной, предположительно для того, чтобы наблюдать за происходящим. Но Октавии невольно подумалось, что он хочет помешать ей сбежать.

Шести часов сна было недостаточно, далеко недостаточно. Октавия ощущала усталость как настоящую болезнь, делающую ее медлительной и слабой и заставлявшую кровь медленнее течь в жилах.

— Сделай это, — приказал ей Талос.

Она не подчинилась — по крайней

мере, не сразу. Она прошлась между скованных цепями тел, меж хирургических столов, на которых они лежали. По пути Октавия огибала сервиторов, запрограммированных на единственную задачу — поддержание жизни в этих останках еще на какое-то время.

Остовы, лежавшие на каждом столе, очень мало напоминали людей. От одного осталась только мешанина мышц и голых вен, трясущихся последние секунды агонии. Освежеванные выглядели не лучше тех, кому отрезали языки, губы, руки и носы. Все они были изувечены до последнего предела — мир еще не видел такого разнообразия надругательств. Она шагала сквозь живой монумент страха и боли — фантазии легиона, обретшие плоть.

Октавия оглянулась на Талоса, втайне радуясь, что он так и не снял шлема. Если бы навигатор заметила в его глазах хоть искру гордости содеянным, она не смогла бы больше находиться рядом с ним ни секунды.

— Галерея Криков, — сказала она поверх приглушенных стонов и писка

датчиков сердечного ритма, — была похожа на это?

Повелитель Ночи кивнул.

— В очень большой степени. А теперь сделай это, — повторил он.

Октавия вдохнула затхлый воздух, подошла к ближайшему столу и сняла бандану.

— Я закончу твои мучения, — шепнула она сгустку крови и кости, некогда бывшему человеком.

Существо из последних сил двинуло глазными яблоками и, встретившись взглядом с третьим оком навигатора, уставилось за грань бытия.

XVIII
ПЕСНЬ В НОЧИ

Планета Артарион III.

В Башне Вечного Императора Годвин Тристейон смотрел на то, как астропат бьется в своих путах. В этом не было ничего необычного. Работа Годвина состояла в том, чтобы присматривать за его подопечными во время сна, когда они отправляли свои сновидческие послания псайкерам в других мирах. Тристейону казалось забавным — в его собственной, туповатой манере, — что в империи, состоящей из миллиона планет, самым надежным способом передать сообщение было доставить его самостоятельно.

Однако и его питомцы играли важную роль. Астропатические контакты широко использовались на Артарионе III, как и в любом мире, где сталкивалось столько торговых интересов различных гильдий.

Из носа астропата пошла кровь. Это также не выходило за пределы

допустимого. Годвин щелкнул стальным переключателем и заговорил в вокс-микрофон панели управления:

— Жизненные показатели Юнона колеблются... в пределах допустимого... — Он замолчал, впившись взглядом в цифровую распечатку.

Пики графика становились все острее с каждой секундой.

— Внезапная остановка сердца и...

Когда Годвин оглянулся на астропата, тот уже содрогался в настоящем припадке.

— Остановка сердца и... Трон Бога-Императора!

Что-то красное и влажное забрызгало наблюдательное окно. Сквозь эту массу невозможно было разглядеть, что произошло, но, когда спустя шесть минут явилась бригада уборщиков, выяснилось, что это были сердце и мозг астропата Юнона. Они взорвались под беспрецедентным психическим давлением извне.

К этому времени Годвин на грани паники лихорадочно стучал по клавишам

своей консоли. Его руки были полны распечаток смутных образов из сознания других астропатов, а в ушах звенели звуки сирены, оповещавшие о новых и новых смертях.

— Что они слышат? — взвизгнул он, пытаясь разобраться в хаотическом потоке обрывочных данных. — Что они видят?

Башня Вечного Императора, этот обширный и значимый узел псайкерской сети — защищенный и укрепленный от вторжения демонов, — поглотила всю боль и все смерти, происходившие в ее стенах. Не фильтруя и не задерживая их, она сплавила внезапный ужас и смертную муку с кошмарными поступающими передачами и изрыгнула получившуюся жуть обратно в варп.

Песня продолжала лететь сквозь ночь, но теперь к ней добавились новые голоса.

Каждый мир, где прозвучит эта песня, прибавит новых исполнителей к хору.

Планета Вол-Хейн.

На самом северном из архипелагов этого аграрного мира наблюдатель Администратума заморгал, когда на его записи закапала кровь. Он поднял глаза и обнаружил, что его советник — Сор Мерем, глава местного представительства Адептус Астра Телепатика, — согнувшись вдвое, трясся в судорогах.

Наблюдатель, отшатнувшись от бившегося в припадке человека, включил наручный вокс.

— Известите медиков, что у главы Телепатика какой-то приступ.

Он с трудом подавил нервический смех, когда псайкер потерял равновесие и, падая, ударился головой о край стола. На губах человека запузырилась кровавая слюна.

— Что это за безумие? — хихикнул наблюдатель, стараясь подавить тревогу.

Откуда-то из глубины здания донеслись крики. Другие астропаты? Их защитники и хранители? Бедные идиоты,

наделенные «даром» священной речи, никогда не отличались психической стабильностью и крепким здоровьем: приковав свои души в дар Золотому Трону, они слепли и слабли физически. Крики в коридорах были обычным делом — каждую ночь псайкеры отправляли и принимали послания. Каждый из них выгорит меньше чем за десять лет. Наблюдатель не радовался этому, но таков порядок вещей.

Сор Мерет сейчас бился затылком о каменный пол. Он расшиб голову до крови и прикусил язык. Наблюдатель не понимал, что происходит. Главу Телепатика назначили лишь в прошлом сезоне, и он должен был прослужить еще много лет.

— Мерет? — пробормотал наблюдатель, обращаясь к дергающемуся телу.

Единственным ответом стала выступившая на губах человека пена. Его глаза широко распахнулись. В них застыл ужас перед чем-то, что мог видеть лишь он.

— Наблюдатель Калькус, — протрещал наручный вокс.

— Говорите, — приказал чиновник. — Я требую, чтобы мне объяснили, что происходит.

— Наблюдатель... оно...

— Оно что? Кто это?

В воксе раздался вопль. Наблюдателю показалось, что кричит не человек. Он убедился, насколько был прав, спустя пару минут, когда оно добралось до его двери.

На Новом Плато эта ночь стала известна под именем «Ночь Безумной Песни», когда десяткам тысяч жителей улья приснился один и тот же кошмарный сон.

На Царе главную цитадель Адептус Астра Телепатика разнесли во время бунта, который начался в ее стенах и выплеснулся на улицы. Беспорядки продолжались три недели, пока Силы планетарной обороны не подавили восстание.

На Гаранеле IV практически весь межпланетный бизнес в столице рухнул из-за вспышки странной болезни, поразившей сектор города, где проживали члены

астропатической гильдии.

Песня неслась в ночи все дальше.

Планета Орвалас.

Сам по себе этот мир давно не представлял никакой ценности. Его запасы руды давно истощились, и на месте выработок остались глубокие, сухие шрамы каньонов, рассекавшие поверхность планеты. Та горстка людей, что все еще жила здесь, обеспечивала работу астропатической станции-ретранслятора на высокой орбите. Их служебный долг был столь же прост, сколь жизненно необходим: они разбирали поступавшие к ним с других миров сны, видения, кошмары и голоса варпа и передавали их дальше по каналу Астра Телепатика 001.2.57718.

Через шестнадцать минут после того, как до псайкеров станции долетел предсмертный крик с других миров, входящих в тот же канал, астропатическая станция-ретранслятор Орваласа замолчала. В имперских архивах невозможно обнаружить какие-либо следы

ее дальнейшего существования. Все пятьсот сорок душ, обитавших на борту, вошли в хроники Адептус Астра Телепатика как «пропавшие без вести». Эти списки до сих пор хранятся в их центральной крепости на планете Герас, Субсектор Корозиа, Сегментум Ультима.

Последняя астропатическая передача с Орваласа достигла тридцати четырех других миров, усилив и без того громкий голос унылой песни.

Это заняло четыре часа.

Она убила их всех, одного за другим. Каждый заглянул в ее тайное око, и, хотя она так никогда и не узнала, что они там увидели, исход был ей известен. Первый взвыл и потянулся к ней культяпками рук. Обрубки его запястий ударили Октавию по лицу, а затем он умер. Хватило одного взгляда в ее третье око. За всю долгую и кровавую историю человечества не было оружия смертоноснее. Каждый, кто путешествовал между звезд, знал: заглянуть в варп-око навигатора означает смерть. Но не было ни одного

свидетельства о том, что заглянувшие увидели в его глубинах. Никто не выжил, чтобы рассказать об этом.

Однако у Октавии имелись предположения. Ее учителя обиняком говорили о своих исследованиях и об архивных записях, оставленных предыдущими поколениями ученых. Бесценная мутация, метившая ее генетическую линию, делала навигаторов устойчивыми к скверне варпа. Но для тех, в ком не было навигаторской крови, третий глаз становился смертным приговором. Каждый из этих несчастных, истерзанных доходяг заглянул в окно, ведущее к самому Первородному Хаосу. Их разум открылся ужасам за завесой реальности, и смертные оболочки, неспособные выдержать это, погибли.

Некоторые из них просто угасли, как свечи, — их души наконец-то покинули изможденные остовы. Другие бились в путах, неожиданно обретя жизненные силы, которых им так не хватало прежде, и в судорогах умирали от отказа внутренних органов. Несколько взорвались

прямо на столах перед ней, окатив ее вонючими внутренностями. Острые осколки кости били и царапали ее при каждом отвратительном взрыве, а в воздухе скоро повисла густая вонь. К тому времени когда Октавия убила седьмого, на языке у нее была кровь, а на лице — дерьмо.

На двенадцатом она уже сама истекала слюной и дрожала, а третий глаз кровоточил. После пятнадцатого она едва могла удержаться на ногах. Убив восемнадцатого, не могла вспомнить собственное имя.

На девятнадцатом она потеряла сознание.

Талос не дал ей упасть. Сжав затылок девушки бронированной перчаткой, он наклонял ее лицо над приговоренными. Придерживая третий глаз навигатора открытым кончиком пальца, он убивал всех, к кому поворачивал ее обмякшее тело.

Когда все кончилось, она почти не дышала. Служители бросились к ней, но Повелитель Ночи остановил их гневным взглядом.

— Я отнесу ее обратно в ее покои.

Сосредоточившись, он активировал вокс-канал. На ретинальном дисплее вспыхнула руна.

— Вариил, отправляйся в покои навигатора и окажи ей помощь. Она пострадала от приложенных усилий.

— Как прикажешь, — протрещал в ответ голос Живодера. — Первый Коготь ждет тебя на мостике, Талос. Может, ты наконец-то расскажешь нам, что ты там делал последние четыре часа?

— Да, — отозвался Талос. — Да, расскажу.

Первый Коготь собрался вокруг командного трона. Слабый голубой свет гололита поблескивал на их броне. Воины разглядывали участок Галактики, все растущий в диаметре. Поначалу проекция показывала лишь одну систему, затем к ней присоединились несколько соседей, а вскоре это был уже обширный срез Сегментума Ультима. Помехи аустика искажали изображение во многих местах.

— Вот, — указал Талос острием

золотого меча.

Клинок Ангелов деликатно прошелся по размытой проекции и описал дугу, вместившую в себя сотни и сотни звезд и вращающихся вокруг них миров.

— И что мы тут видим? — поинтересовался Кирион.

Талос снял шлем и положил на край стола. При этом его черные глаза ни на секунду не отрывались от мерцающего трехмерного изображения.

— Галактический балет, — сказал он с кривой улыбкой. — А если точнее, вы видите канал Астра Телепатика Ноль-Ноль-Один точка Два точка Пять-Семь-Семь-Один-Восемь.

— О! — кивнул Кирион, которому это ни о чем не говорило. — Конечно! Как же я не догадался!

Талос указывал на планеты, одну за другой.

— Все каналы Астра Телепатика уникальны, как отпечатки пальцев. Некоторые были созданы сознательно, с помощью техники: колонизовались несколько миров рядом со стабильными

варп-маршрутами, что позволяло псайкерам-сновидцам передавать сообщения на немыслимые расстояния. Другие возникали случайно: либо их порождал сам варп, либо причуды судьбы, позволившие нескольким отдаленным мирам отправлять послания друг другу сквозь солнечные ветра.

— В Империуме сотни таких каналов, — улыбнулся Талос. — Они ширятся или сужаются, образуются или распадаются и всегда находятся в движении. Поскольку это почти единственный способ сделать астропатию чуть более надежной, другого выбора нет. И все же это почти то же самое, что гадать на рунах или прислушиваться к шепоту из пустоты. Для того чтобы использовать канал, не надо быть гением. Но этот... То, что мы сделали здесь, братья...

Меркуций, наклонившись вперед, тряхнул головой.

— Кровь Ложного Императора! — выругался он. — Талос, так это и есть твой план?

Пророк ответил ему издевательской

усмешкой.

Кирион смотрел на полукруг звезд и планет еще несколько мгновений, после чего обернулся к братьям.

— Постойте.

Понемногу он начал понимать, и это понимание окатило его холодом.

— Подождите. Ты только что отправил больше сотни предсмертных криков астропатов по официальному псайкерскому каналу?

— Так и есть.

В голосе Меркуция прорезалась паника:

— Ты убил их... убил навигатором. Ты это делал там внизу, да?

— Да.

— Талос, ты откусил намного больше, чем ты можем прожевать, — сказал Меркуций. — Слишком, слишком много. Я восхищаюсь тобой за то, что ты так дерзко метнул копье прямо в сердце скального льва, но, если это сработает, отдача сотрет нас со страниц истории.

Выражение лица Талоса не изменилось.

— Ты перестанешь скалиться? — буркнул ему Кирион. — Я к этому не привык. По спине мурашки бегут от твоей улыбки.

— Чем, по-твоему, это обернется? — спросил Меркуций. — Самое меньшее, несколько миров окажутся в изоляции на целые десятилетия. А в лучшем случае это их уничтожит.

Талос снова кивнул:

— Я знаю.

— Тогда говори, — потребовал Меркуций. — Прекрати ухмыляться и говори. Возможно, нам осталось жить несколько часов.

Пророк убрал меч в ножны.

— Идея возникла у меня впервые, когда Делтриан соорудил Вопль. С помощью своего искусства он обратил боль и страх в источник силы. Он вновь превратил страх в оружие. Ужас стал средством достижения цели, а не самой целью.

Талос встретился с ними взглядом и отбросил всякую высокопарность.

— Мне нужно было это. Нужно было придумать, как прожить жизнь со

смыслом.

Кирион кивнул. Меркуций выслушал его молча. Ужас таращился на мерцающую гололитическую проекцию. Слышал он слова пророка или нет, оставалось загадкой.

Кирион, осознав, что на всей командной палубе воцарилось молчание, медленно обернулся. Талос обращался уже не только к Первому Когтю. Он говорил с сотнями смертных и сервиторов, большая часть которых не отрывала от него глаз. Кирион никогда прежде не видел брата таким. Перед ним мелькнул образ того, кем тот мог бы стать: воином, готовым принять мантию лидерства; вождем, готовым жить согласно своим представлениям о том, каким некогда был Восьмой легион и каким он должен стать снова.

И это сработало. Кирион понял по их взглядам. Та смесь робкой уверенности и трепетного фанатизма, что жила в Талосе, привела их в благоговейный восторг.

— Тсагуальса, — сказал Талос уже

тягче, — наше убежище, наш второй дом. Обнаружить, что она кишит паразитами, было горько. Но за что их наказывать? Зачем уничтожать слабых, растерявшихся колонистов? Грех этих людей заключался лишь в том, что волны варпа вынесли их к планете, оказавшей им холодный прием. В этом не заключалось преступления, если не считать преступлением невезение. И все же они были там. Миллионы и миллионы. Заблудившиеся. Одинокие. Добыча, возившаяся в грязи. Как поэтично было обнаружить их именно там. И вместо того чтобы наказывать их лишь ради самого наказания, мы могли их использовать. Разве может быть лучшее оружие против Империума, чем души его собственных заблудших детей?

Талос махнул на россыпь планет и звезд на гололитическом дисплее.

— Люди умирают каждую ночь. Они умирают миллионами, миллиардами, питая варп своим предсмертным ужасом. Астропаты не исключение, разница лишь в масштабе. Когда умирает псайкер, его

душа вопит куда громче. И когда такие души покидают смертную оболочку, варп вокруг них вскипает.

Гололитическая проекция развернулась и сфокусировалась на нескольких планетах недалеко от теперешней позиции крейсера. По дисплею побежали дрожащие от помех строчки — данные о численности населения и обороноспособности миров, почти наверняка устаревшие.

— Если пытать только астропатов, ты могли создать песнь смерти настолько громкую, что ее бы услышали и ощутили псайкеры на нескольких ближайших планетах. Но этого недостаточно. Убийство астропатов — случай нередкий. Сколько отделений легиона делали это на протяжении тысячелетий? Я даже не берусь предположить. Захватчики использовали этот трюк с незапамятных времен, чтобы замести следы. Нет лучшего способа замаскировать бегство, чем взбаламутить котел варпа, чтобы его первозданная влага загустела и помешала преследователям. Даже

несмотря на риск вторжения демонов, обычно оно того стоит.

Талос прошелся по комнате, обращаясь к смертным членам команды и заглядывая поочередно им в глаза.

— Вся эта мощь и боль, что у нас в руках, — оружие, способное сровнять с землей города. Крейсер, который может прорваться сквозь целый вражеский флот. Но в Долгой Войне все это ничего не значит. Мы можем лишь оцарапать сталь, но это может и какой-нибудь ветхий пиратский фрегат с батареей макро-пушек. Мы — Восьмой легион. Мы с равной эффективностью раним плоть, сталь и души. Мы оставляем шрамы в памяти и в разуме. Наши действия должны что-то значить, иначе мы заслуживаем лишь забвения и прозябания на свалке древней истории.

Талос перевел дыхание и снова заговорил уже спокойнее:

— Так что я дал песне голос. В этой песне есть смысл, и она куда более мощное оружие, чем любая лазерная батарея или бомбардировочное орудие. Но как лучше

превратить эту беззвучную песню в клинок, который нанесет глубокую рану Империуму?

Кирион внимательно оглядел лица команды. Некоторые, казалось, хотели ответить на вопрос Талоса, в то время как другие ждали и в глазах их светился неподдельный интерес. Трон в огне, это и вправду работало! Он никогда бы не поверил, что такое возможно.

На вопрос ответил Ужас. Он поднял голову, как будто все это время прислушивался, и сказал:

— Пропеть ее громче.

Губы Талоса изогнулись все в той же леденящей улыбке. Он переглянулся с несколькими членами команды, словно разделяя с ними удачную шутку.

— Пропеть ее громче, — улыбаясь, повторил он. — Мы превратили наших певцов в истошно вопящий хор. Страх и боль, неделя за неделей, сконцентрировались в чистую, беспримесную агонию. А затем надо было добавить мучения других к их собственным страданиям. Убийство тысяч

людей — это ничто, капля в океане варпа. Но астропаты выпили эту боль до дна. У них не было иного выбора, кроме как видеть, слышать и чувствовать то, что происходит. Когда псайкеры наконец-то умерли, они уже превратились в трупы, раздувшиеся от чудовищной резни и ослепленные призраками мертвых, витавшими вокруг них. Мы кормили их страхом и агонией, ночь за ночью. И они выплескивали все это воплями эфирной боли. Они выплеснули все в момент смерти, вот здесь, прямо в астропатический канал. Мир за миром слышат их песню, и это происходит сейчас. Астропаты этих миров усиливают песню собственной мукой, добавляют к ней новые мелодии и куплеты и передают следующим мирам.

Талос замолчал, и его улыбка наконец увяла. Его взгляд скользнул в сторону, и глаза отражали теперь голубоватое свечение гололита.

— Все это стало возможным благодаря одному финальному ходу. Последнему способу заставить эту песню

зазвучать громче, чем мы способны представить.

— Навигатор, — выдохнул Меркуций.

Идея никак не совмещалась у него с реальным человеческим лицом.

— Октавия, — подтвердил Талос.

Проснувшись, она обнаружила, что рядом кто-то есть.

Один из Повелителей Ночи стоял неподалеку и проверял показания ауспика, встроенного в громоздкий нартециум.

— Живодер, — сказала она.

Собственный голос показался настолько слабым и хриплым, что девушка испугалась. Руки инстинктивно взметнулись к животу.

— Твой отпрыск все еще жив, — безучастно сказал Вариил. — Хотя, по замыслу, он должен был умереть.

Октавия проглотила комок в горле.

— Он? Это мальчик?

— Да.

Вариил так и не оторвал взгляд от сканера, подкручивая рукоятки и настраивая шкалы.

— Разве я выразился неясно? Ребенок обладает всеми признаками и биологическими отличиями, соответствующими определению «он». Следовательно, как ты и сказала, это мужчина.

Он наконец-то взглянул на Октавию.

— У тебя множество отклонений биоритма и физиологических нарушений. Придется заняться ими в ближайшие недели, чтобы полностью восстановить здоровье. Твои служители проинструктированы о необходимом тебе уходе и о препаратах, которые ты должна принимать.

Апотекарий замолчал на секунду, разглядывая ее бледно-голубыми немигающими глазами.

— Я говорю не слишком быстро?

— Нет.

Она снова сглотнула. По правде, у навигатора кружилась голова, и она была почти уверена в том, что в следующие несколько минут ее вырвет.

— Создается впечатление, что мои слова до тебя не доходят, — заметил

Вариил.

— Просто скажи, что собирался, сукин ты сын, — рявкнула она.

Он пропустил оскорбление мимо ушей.

— Ты также подвергаешься риску обезвоживания, болезни Кинга, рахита и цинги. Твои служители знают, как подавить симптомы и предотвратить дальнейшее их развитие. Я оставил им соответствующие медикаменты с наркотическим действием.

— А ребенок?

Вариил моргнул.

— Что?

— Он... здоров? Что с ним будет от всех этих лекарств?

— Какая разница? — Вариил снова моргнул. — Моя задача состоит в том, чтобы обеспечить твое дальнейшее функционирование в качестве навигатора этого корабля. Меня совершенно не интересует случайный плод твоего чрева.

— Тогда почему ты... не убил его?

— Потому что, если он переживет созревание и младенчество, он пройдет имплантацию для службы в легионе. Я

полагал, это очевидно, Октавия.

Апотекарий еще раз проверил показания нартецикума и под металлический стук ботинок направился к двери.

— Он не станет легионером, — сказала Октавия ему в спину, ощущая во рту кислый привкус слюны. — Вы никогда его не получите.

— Да? — Вариил оглянулся через плечо. — Похоже, ты совершенно в этом уверена.

Он вышел из комнаты, разогнав служителей у двери. Октавия продолжала смотреть на люк, с визгом закрывшийся за ним. Когда апотекарий ушел, девушку вырвало жидкой и липкой желчью и, осев на троне, она вновь потеряла сознание. Так ее и застал Септимус почти полчаса спустя.

К тому времени когда он пришел, Вулрай и остальные служители уже подключили трубки с питательным раствором к разъемам, имплантированным в руки и ноги Октавии.

— Отойдите в сторону, — приказал

он, когда слуги загородили дорогу.

— Госпожа отдыхает.

— Я сказал — в сторону.

Некоторые из рабов потянулись к пистолетам и дробовикам, спрятанным под грязными одеяниями. Септимус одним плавным движением вытащил оба пистолета, нацелив их на двух сгорбленных служителей.

— Давайте не будем, — предложил он.

Прежде чем оружейник успел сообразить, что происходит, Вуларай очутилась у него за спиной и острие ее меча защекотало его затылок.

— Ей нужен отдых, — прошипела служительница.

Септимус прежде никогда не обращал внимания на то, насколько ее голос стахивает на змеиное шипение. Его бы не удивило, если бы под всеми этим повязками оказался раздвоенный язык.

— И ты не должен быть здесь.

— Но я здесь и уходить не собираюсь.

— Септимус, — слабо позвала Октавия.

Все обернулись на ее шепот.

— Ты разбудил ее, — обвинительно прошипела Вуларай.

Он не стал отвечать. Оттолкнув служительницу, Септимус подошел к трону Октавии и присел рядом.

Она была бледна — настолько, словно родилась на этом корабле, — и исхудала почти до костей, если не считать раздавшегося живота. На лбу и на носу коркой засохла кровь, вытекшая из-под повязки. Один глаз ее не открывался, почему — Септимус понять не мог. Перед тем как заговорить, девушка облизала потрескавшиеся кровоточащие губы.

Вероятно, лицо его выдало.

— Я выгляжу настолько ужасно, да? — спросила она.

— Ты... Бывало и лучше.

Она сумела провести кончиками пальцев по его небритой щеке, прежде чем вновь обмякнуть на троне.

— Конечно да.

— Я слышал, что они с тобой сделали. Что заставили тебя сделать.

Закрыв глаза, она кивнула. Когда Октавия заговорила, двигалась только

одна сторона ее:

— Вообще-то это было довольно умно.

— Умно? — переспросил он, стиснув зубы. — Умно?

— Использовать навигатора, — вздохнула она. — Тайное зрение. Вырвать их души из тел... с помощью чистейшей, самой сильной... связи с варпом...

Она придушенно рассмеялась, и это больше походило на дрожь, чем на смех.

— Мое драгоценное око. Я видела, как они умирали. Видела, как варп поглощает вырванные из тел души. Как туман. Туман, разорванный ветром.

Октавия отвела волосы с потного лица. Кожа ее была холодной, как лед.

— Хватит, — сказал Септимус. — Все кончено.

— Отец говорил мне, что нет смерти хуже этой. Нет боли сильнее. Нет проклятия горше. Сотня душ, доведенных до безумия страхом и пытками, умерли, заглянув прямо в варп.

Она снова выдала этот сдавленный, дрожащий смешок.

— Я даже не могу представить,

сколько людей слышат сейчас этот смертный вопль. Не знаю, сколько из них умирает.

— Октавия, — сказал он, положив ладонь на ее живот. — Отдыхай. Восстанавливай силы. Мы уйдем с этого корабля.

— Они нас найдут.

Септимус поцеловал ее влажный висок.

— Пусть попробуют.

XIX
ОШИБОЧНОЕ ПРОРОЧЕСТВО

Талос в одиночестве предавался размышлениям. Он сидел в оружейной Первого Когтя. После лихорадочной суеты последних недель пророк жаждал спокойствия.

«Эхо проклятия» медленно дрейфовал, ожидая, пока его навигатор придет в себя и сможет доставить корабль к Оку Ужаса. Даже короткий перелет, с большой вероятностью, убил бы Октавию в ее теперешнем состоянии, не говоря уж о многомесячном или даже многолетнем полете через большую часть Галактики.

Талос также отлично понимал, что она никогда еще не прокладывала путь в настоящем варп-шторме. Око было негостеприимной гаванью даже для самых опытных колдунов. Неопытный навигатор, да еще и истощенный до предела, был слабым звеном, и у Талоса не имелось не

малейшего желания испытывать его на прочность, пока оставался выбор.

Закрывая глаза, он все еще видел эльдаров. Их гибкие фигуры плясали, словно выхваченные из темноты вспышками света. Тени среди теней, то черные и бесшумные, то серебряные и пронзительно кричащие.

Эльдары. Теперь он видел их, и не засыпая. И это тоже становилось проблемой. Была ли тому виной Тсагуальса? Если да, воздух мертвого мира оказал на него совсем не то действие, на которое надеялся Талос. Неужели Тсагуальса не только одарила его желанным вдохновением, но и ускорила процесс дегенерации, как лекарство от рака порой не делает ничего, кроме увеличения скорости роста опухоли?

Он спорил с Вариилом в апотекарионе несколько недель назад, но правда была холодна. Ему не требовались показания аустика или данные биоритмического скана, чтобы понять, что он теряет рассудок. Хватало сновидений. После Крита они становились

все хуже, тяжелее и обманчивее, но даже с этим он мог справиться. По крайней мере, на какое-то время.

Нет. Сны с эльдарами отличались, потому что были больше, чем сны. Ему уже не требовалось спать, чтобы видеть их. Вой и пляшущие клинки безумных чужаков сделались столь же реальными, как стены вокруг него и голоса его братьев.

Сильнее всего Талоса мучил вопрос: почему он до сих пор их видит? Со Зрачка Бездны, когда сны впервые явились ему, он откровенно избегал возвращения в Око Ужаса. Но теперь пророчество казалось ошибочным. Ксарл не мог умереть дважды. Еще никогда пророк не испытывал такого облегчения от осознания своей неправоты.

Нелегко было решить, сколько можно рассказать братьям. Если бы он открыл слишком много, за ним бы не пошли. Если бы слишком мало, они дергали бы за поводок, сопротивляясь его лидерству.

— Талос, — сказала тень на самой границе поля зрения.

Инстинкт заставил его взглянуть

налево. Ничего. Ни силуэта. Ни звука. Но стоило ему выдохнуть, как он услышал удар меча о керамит, далекий и призрачный, как воспоминание. Источник звука мог находиться где-то неподалеку, на борту корабля — или в его сознании.

Возражения братьев переплелись с мыслями об эльдарах. Другие легионеры хотели немедленно пуститься в бегство, безразличные к тому, что это убьет навигатора. Люкориф настаивал на том, что они должны выжать из Октавии все возможное, а затем, после ее смерти, просто довериться течениям варпа. Другие Когти выражали сходные пожелания.

Даже если варп вынесет их к неизвестным берегам, это было лучше, чем оставаться здесь и ждать неотвратимого возмездия Империума.

Он успокоил их, стараясь ничем не выдать отвращения. Они говорили как трусы, не замечая этого или просто об этом не заботясь. До прибытия имперского флота возмездия оставались по меньшей мере долгие месяцы. Полет в

варпе в окрестностях пораженных миров еще долго будет небезопасен. Затем командованию субсектора понадобятся месяцы на то, чтобы увидеть умысел в охватившем планеты бедствии, на что тоже потребуются месяцы, если не годы. Все это время Повелители Ночи смогут оставаться тут в совершенной безнаказанности. И даже после того как система будет найдена, понадобится целая вечность на то, чтобы отыскать среди разрозненных миров Империума источник песни, отравившей телепатический канал.

Нет, пока что бояться было нечего. По крайней мере, не со стороны Империума.

— Талос, — прошептал другой голос.

Краем глаза пророк заметил движение — что-то тонкое и черное. Он обернулся, но тень уже исчезла.

— Талос, — снова шепнула пустота.

Опустив голову, он медленно выдохнул, испытывая извращенное удовольствие от пульсации вен на висках. Боль напоминала о том, что он не спит. Невеликая радость, но и за это он был

благодарен.

— Талос.

Раздался щелчок, а затем негромкое металлическое гудение взведенного лазпистолета.

Пророк, все еще сжимавший голову руками, почувствовал, как уголки губ тронула улыбка. Это наконец произошло. То, что он уже давно предчувствовал: седьмой раб сильно изменился с тех пор, как на борту появился восьмой. И вот настало время столкновения, которого Талос ожидал без всякого удовольствия.

— Септимус, — вздохнул он. — Ты выбрал не лучший момент.

— Посмотри на меня, еретик.

Это не был голос его раба. Талос медленно поднял голову.

— Ох. Приветствую тебя, архрегент. Как ты здесь оказался?

Он смотрел на старика с почти отвлеченным интересом. Украденный пистолет дрожал в руках, испещренных пигментными пятнами. Кровь прилила к щекам архрегента — та кровь, что у настоящего воина прилила бы к мышцам,

готовя их к битве. Перед ним стоял старый болван, руководствовавшийся в бою головой, а не сердцем. Талос даже сомневался, что тот выстрелит.

— К твоему сведению, — сказал пророк, — ты целишься под слишком низким углом.

Архрегент Даркхарны, все еще облаченный в оборванную мантию правителя, поднял пистолет выше.

— Лучше, — согласился Талос. — Однако, даже если ты выстрелишь в меня с такого расстояния, это меня вряд ли убьет. Человечество творит своих полубогов из крепкого материала, знаешь ли.

Старик все еще хранил молчание. Похоже, он разрывался между желанием закричать, нажать на спуск и сбежать из комнаты.

— Мне любопытно было бы знать, как ты сюда попал, — добавил Талос. — Ты должен был остаться на Тсагуальсе с остальными, кого ты пощадили. Кто-то из другого Когтя решил прихватить тебя в качестве раба?

Ответа по-прежнему не было.

— Твое молчание раздражает меня, старик, и эта беседа становится утомительно односторонней. Мне также хотелось бы знать, как ты ухитрился несколько недель просуществовать на борту, не встретив печальную кончину в залах «Эха».

— Один из... других...

— Да. Кто-то из другого Когтя притащил тебя на борт, как игрушку. Я догадался. А теперь скажи, что заставило тебя решиться на эту необдуманную попытку убийства, столь очевидно обреченную на провал?

На миг, всего лишь на краткий миг лицо старика разгладилось и вытянулось, превратившись в нечеловечески изящный лик, окинувший воина взглядом бездушных раскосых глаз. Талос сглотнул. Лицо эльдара исчезло, остался лишь дряхлый смертный.

Архрегент не отвечал.

— Ты собираешься говорить или ты явился сюда только для того, чтобы наставить на меня это бесполезное

оружие?

Талос встал. Ствол пистолета последовал за ним, вздрагивая еще заметнее. Без всякой спешки или признаков недовольства Талос вытащил пистолет из рук смертного. Раздавив оружие в кулаке, он выронил обломки на палубу.

— Я слишком устал, чтобы убивать тебя, старик. Просто уходи.

— Тысячи людей, — прошептал архрегент покрыми от слюны губами. — Тысячи и тысячи... Ты...

— Да, — кивнул Талос. — Я жуткая тварь, со всей вероятностью обреченная сгореть в божественном огне гнева твоего возлюбленного Императора. Ты не можешь и вообразить, сколько раз я слышал подобные угрозы. И всегда их почему-то шептали бессильные, втоптанные в грязь и отчаявшиеся. Они ничего не меняют — ни слова, ни те люди, что их скулят. У тебя есть что-то еще?

— Все эти люди...

— Да. Все эти люди. Они мертвы, а тебя сломило то, что ты видел. Это не

повод ныть передо мной, смертный.

Талос взял человека за горло и вышвырнул его за дверь. Он услышал треск ломающихся хрупких костей, но это не вызвало у него никаких эмоций. Назойливый старый дурак.

— Талос, — разнеслось по комнате.

Взгляд воина метнулся вправо и влево, но ничего не обнаружил. Пророк не удивился.

Когда он снова сел, свесив разламывающуюся от боли голову, снова послышались звуки из сна: шум дождя и отдаленный женский смех.

Нет.

Непрошеная мысль пришла внезапно, горькая и холодная от открывшейся ему истины.

Империум не явится, чтобы отомстить за эти зверства. Придет кто-то другой.

— Говорит Талос, — передал он по воксу. — Сколько уже отдыхает навигатор?

Голос сервитора отозвался после семисекундной задержки:

— Тридцать два часа, пятна...

— Этого достаточно. Подготовьте корабль к выходу из системы.

Следующим в воксе раздался голос Кириона. Воин все еще находился на мостике, где Талос оставил его за главного.

— Брат, даже Вариил сказал, что мы не должны перетруждать ее еще неделю или даже больше.

Сквозь слова Кириона Талос услышал вой, одновременно звериный и женский. Он прозвучал слишком четко, чтобы просто списать его на помехи вокса, но не мог принадлежать реальному миру.

Однако это вой вызвал другое воспоминание, непрошенное, как нежеланный подарок. Дождь. Талос закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Убийца в струях дождя. Где-то... под штормовыми тучами...

Нет, нет, нет. Сейчас все начало приобретать зловещий смысл. Он избегал возвращения в Око. Он не желал столкнуться с эльдарами мира Ультве, отказываясь покориться судьбе и

смириться с гибелью братьев от их рук. Когда Ксарл пал на Тсагуальсе, он осмелился поверить, что пророчество не сбылось. Несомненно, ошибочное пророчество можно списать со счетов, как еще один ложный сон.

Несомненно, — издевался над ним собственный внутренний голос. — Несомненно, сейчас ты в безопасности.

— Подготовьте корабль к переходу в варп, — приказал Талос. — Нам надо немедленно уходить.

— Несколько часов уйдет только на подготовку...

Талос не слушал, что говорит Кирион. Он уже выскочил из оружейной Первого Когтя, перешагнул через тело архрегента и мчался по хитросплетениям коридоров к носу судна.

Нет, нет, нет...

— Плевать мне на подготовку! — выкрикнул он в вокс. — Мы полетим вслепую, если потребуется.

— Ты спятил? — рявкнул в ответ Кирион. — О чем ты думаешь?

Еще немного времени, — мысленно

взмолился он с горячечной настойчивостью. — Нам надо убраться отсюда.

Он был на полпути к покоям Октавии, когда сирены истошно взвыли.

— Всем членам команды, — прогремел голос Кириона по общей судовой системе оповещения, — занять боевые посты. Приближаются военные корабли эльдаров.

Имперский крейсер после варп-перехода не просто выскальзывает в реальность — он прорывается в материальную Вселенную сквозь рану в ткани мироздания, волоча за кормой дымящиеся волны безумия. Его плавание по Морю Душ — это буря цветов, звуков и беснующихся демонов.

Кирион готов был признать, что, несмотря на все потери и всю тяжесть такого путешествия, оно по крайней мере знакомо.

Корабли эльдаров играли с варпом по своим правилам. За ними не тянулся инверсионный след эфирной энергии, и они не извещали о своем прибытии яростным

треском ткани пространства и времени. Только что он видел звезды, а в следующую секунду на их месте призрачными светлячками возникли суда эльдаров — тени, скользящие среди других теней и направляющиеся прямиком к дрейфующему «Эху проклятия».

Кирион ничего не знал о метафизике варп-переходов эльдаров, и сейчас у него не было ни малейшего желания это выяснять. В свое время он слышал термин «путеводная паутина», относящийся к их загадочным межзвездным путешествиям, но эта концепция ничего для него не значила. Встречи с эльдарами в прошлом обычно ничем хорошим не заканчивались, и воин ненавидел их даже сильнее, чем большинство своих братьев, — значит, это была воистину горячая ненависть. Они вызывали у него отвращение, и это чувство совсем не приносило ему радости, пусть и извращенной.

Он увидел приближавшиеся корабли на обзорном экране — казалось, само пространство выдохнуло их в реальную Вселенную — и среагировал рефлекторно.

Во-первых, будучи Кирионом, он выругался, громко и с чувством. Во-вторых, направил команду к боевым постам. В-третьих, снова выдал целую серию проклятий, которая заставила бы заморгать даже примарха.

Каждый из кораблей двигался по странной синусоиде, никогда не прокладывая прямой курс. Они то и дело разворачивались и закладывали в космосе такие замысловатые петли, которые могли бы составить предмет гордости любого имперского судна — хотя имперским судам никогда бы не удалось повторить их маневры. Глядя на тошнотворные пляски эльдарских кораблей, Кирион ощутил во рту едкий, кислый привкус. Даже слюнные железы инстинктивно среагировали на его отвращение. Человеческие технологии, даже осквернённые прикосновением Хаоса, никогда бы не воспроизвели эти чудовищные петли. Сложно было совместить то, что он видел, с представлениями о том, что физически возможно в глубинах космоса.

— Ты, там! — позвал он одного из членов команды. — Да, ты. Подготовьте корабль к бегству в варп.

— Уже готовим, господин. Мы слышали приказы лорда Талоса.

— Отлично, — сказал Кирион, мгновенно забывая о смертном. — Активируйте пустотные щиты, выкатите орудия... Все по обычной программе, будьте любезны.

Он уселся на командный трон — трон Талоса, если быть честным, — и с опаской уставился на обзорный экран.

— Прикажете вступить в бой, господин? — спросил один из офицеров в мундирах.

— Соблазнительно. Мы многократно превосходим оба их корабля по всем параметрам. Но, скорее всего, это разведчики, так что пока не ввязывайтесь. Готовьтесь прыгнуть в варп, как только навигатор почтит нас своим вниманием.

На экране окулюса за первыми двумя возник силуэт еще одного корабля. Этот был гораздо крупнее, с огромными раскинутыми крыльями из кости и

терцающей чешуи. Зеркальные паруса из змеиной кожи вспыхнули, отражая свет звезды, и судно набрало скорость.

— Еще один эльдарский боевой корабль в радиусе дальних сканеров! — выкрикнул оператор ауспиков. — Флагманского класса!

— Вижу. И по сравнению с ним мы уже не настолько выигрываем, — признал Кирион. — Сколько у нас времени до того, как они будут здесь?

Горбатый мастер ауспика покачал головой, усеянной шрамами от ожогов.

— Сложно сказать, господин. Если брать в расчет обычные двигатели, около тридцати минут. Но если они будут и дальше так отплясывать, может быть, и пять, и двадцать.

Кирион откинулся на троне, положив руки на подлокотники.

— Ну что ж, моя дорогая и верная команда. У нас осталось еще несколько минут, чтобы насладиться обществом друг друга, а затем мы умрем. Разве это не восхитительно?

Талос ввалился в люк на такой скорости, что прислужники Октавии увидели лишь размытое пятно синего керамита. Сервоприводы доспеха натужно ревели. Служители бросились от воина врассыпную, как крысы от преследующего их кота. Даже Вуларай отшатнулась назад и нисколько не удивилась, когда на ее слова: «Господин мой?» — не последовало никакого ответа.

Октавия, разбуженная сиренами тревоги, уже приходила в себя. Одним прыжком она взлетела на свое кресло. Талос с грохотом остановился, вогнав ботинки в палубу с такой силой, что трон навигатора затрясся.

Казалось, что она так истощена, что находится на грани обморока, несмотря на долгие часы сна и трубки с питательными растворами, составленными по специальному указанию. Убийства, совершенные по приказу пророка всего лишь несколько дней назад, и утомительный перелет на эту окраину Империума оставили следы утомления у нее на лице. Под глазами залегли темные круги, а

влажная кожа казалась сальной в тусклом свете комнаты.

Октавия подняла взгляд на Талоса. Судя по положению головы и напряженным шейным мышцам, ее терзала мигрень.

— Эльдары? — недоуменно спросила она. — Я правильно расслышала?

— Веди корабль в варп, — потребовал Талос. — Прямо сейчас.

— Я... что?

— Послушай меня, — прорычал он, — эльдары здесь. Они почувствовали псайкерский вопль, который мы отослали, — или, что еще хуже, их ведьмы предсказали это заранее, и флот ожидал нас в засаде. Скоро появятся другие корабли. Прыгай сейчас — или все мы погибнем!

Девушка сглотнула и потянулась к первому из кабелей интерфейса. Ее руки дрожали от слабости, но голос был твердым и четким:

— Куда? Куда мы летим? К Оку?

— Куда угодно, лишь бы убраться отсюда и не угодить туда. Перед тобой вся галактика, Октавия. Просто найди

место, где мы сможем укрыться.

Часть четвертая
РАЗВЕДЧИК ПУСТОТЫ

XX
БЕГСТВО

Корабль бежал, снова, и снова, и снова.

Через два дня после первого перелета он вернулся в реальный космос лишь затем, чтобы обнаружить заслон из крейсеров эльдаров, безмолвно ждущих в засаде. «Эхо проклятия» развернулся по головокружительной дуге и, проделав нисходящую бочку, снова прорвался из материальной Вселенной в относительную безопасность варпа.

Третья днями позже он снова прервал межзвездный полет и приблизился к планете Ванахайм, но пять эльдарских крейсеров уже кружили по орбите. При появлении судна Повелителей Ночи корабли чужаков развернули свои светоотражающие паруса и снялись с орбиты, помчавшись наперерез крейсеру Восьмого легиона.

И «Эхо» снова бежал.

В третий раз, когда корабль вырвался из варпа, он не замедлил хода при

виде ксеносовской блокады. «Эхо проклятия» ринулся сквозь ледяной прибой реального космоса. Его бортовые батареи запели во тьме, посылая проклятия судам чужаков, и крейсер промчался между ними. Корабли эльдаров уклонялись и уворачивались с немыслимой грацией, даже те, чьи солнечные паруса разлетелись под ударами орудий Восьмого легиона. «Эхо», обгоняя безнадежный бой, сконцентрировал все усилия на том, чтобы удерживать суда ксеносов на достаточном расстоянии, прежде чем он вновь ускользнет в варп.

В четвертый, в пятый, в шестой раз — чем дальше они уходили от начальной точки путешествия, тем более сильное сопротивление встречало их с каждым новым возвратом в реальность.

— Они нас пасут, — сказал Кирион после восьмого выхода и бегства.

Талос кивнул:

— Я знаю.

— Мы не доберемся до Великого Ока, брат. Они нам не позволят. Ты ведь это понимаешь?

— Понимаю.

Миновала неделя. Две недели. Три.

Выйдя из варпа в четырнадцатый раз, «Эхо проклятия» нарушил мирный покой небес. Он прорвался обратно в материальный мир на гребне бури, опоясанный фиолетовыми молниями и красноватым дымом. На этот раз ему не пришлось немедленно пробиваться обратно или, затаившись, определять координаты и выискивать врагов.

Нет, на сей раз «Эхо» распорол ткань реальности и продолжил полет, до предела разогнав двигатели. Крейсер несся сквозь безумные переливы красок туманности Праксис, погружаясь все глубже в гигантское газовое облако. Талос приказал не сбавлять ход, и двигатели продолжали нести корабль вперед на такой скорости, что корпус стонал от перегрузок.

— Эльдаров нет, — заметил Кирион.

— Пока нет, — уточнил Талос. — Полный вперед. Настолько глубоко в туманность, насколько выдержит корабль.

Мастер аусника окликнул их, перекрывая взволнованный щебет сервиторов:

— Лорд Талос, у нас...

— Помехи в сканировании, — спокойно перебил его Талос, — именно из-за них мы здесь. Я в курсе, офицер.

Первый Коготь выстроился вокруг центрального трона, неся безмолвную стражу. Остальные выжившие Повелители Ночи один за другим вошли на командную палубу. Подняв глаза к окулюсу, они наблюдали в молчаливом единстве.

Прошли часы.

Талос время от времени отрывал взгляд от звезд и посматривал на тактический гололит. Как и обзорный экран, гололитическая проекция показывала звезды, планету, вращающуюся в пустоте, и больше ничего.

— Сколько уже? — спросил он.

— Четыре часа, — ответил Кирион.

Подойдя к носовой артиллерийской консоли, он заглянул за плечи дежуривших там семерых офицеров.

— Четыре часа тридцать семь минут.

— Пока что дольше всего, — заметил Талос.

— Намного дольше.

Пророк, по-прежнему сидевший на командном троне, наклонился вперед. К одному из подлокотников трона был прислонен золотой клинок Кровавых Ангелов, на другом лежал болтер пророка. Сам трон, огромный, из опаленной пламенем бронзы, возвышался на своем центральном пьедестале надо всей командной палубой.

Талос знал, что Вознесенный получал истинное наслаждение, глядя сверху вниз на остальных братьев на борту «Завета крови». Пророку такое чувство было чуждо. Трон разве что еще больше отделял его от братьев, и эта мысль не утешала.

— Похоже, мы оторвались, — осмелился предположить Кирион.

— Не говори этого, — отгрызнулся Талос. — Даже не думай.

Кирион прислушался к шумам командной палубы. У нее было собственное звучание: скрип рычагов, бормотание сервиторов, топот ботинок,

Умиротворяющие звуки.

— Тебе надо отдохнуть, — сказал он Талосу. — Когда ты спал в последний раз?

— Я все еще не спал.

— Ты шутишь.

Талос обернулся к Кириону. Его бледное лицо заострилось, а темные глаза помутнели от бессонницы.

— Я похож на шутника?

— Нет, ты похож на мертвеца, забывшего, что можно уже не двигаться. Прошло три недели. Ты ведешь себя глупо, Талос. Ступай, отдохни.

Пророк повернулся обратно к оккулюсу.

— Пока нет. Пока мы не избавимся от погони.

— А если я позову Живодера, чтобы он прочел тебе лекцию?

— Вариил уже просветил меня на этот счет. — Талос сокрушенно вздохнул. — У него были графики и все такое. В мельчайших деталях он пояснил мне, как я перенапрягаю свой рассудок, ссылаясь на то, что каталептический узел способен продержать легионера без сна максимум

две недели.

— Урок физиологии. По-моему, иногда он забывает о том, что ты когда-то был апотекарием.

Талос, не отвечая, продолжал наблюдать за звездами на обзорном экране.

Три недели, — подумал пророк. Он не спал с начала этой бесконечной погони, когда эльдары возникли из ниоткуда всего через пару часов после того, как он прикончил астропатов. Сколько раз они прорывались в варп и из варпа с тех пор? Сколько раз возвращались в реальное пространство лишь затем, чтобы обнаружить очередную подстерегающую их эскадрилью эльдаров?

Три недели.

— Мы не можем больше бежать, Кирион. Октавия умрет. Мы сгинем в космосе.

Кирион покосился вверх, на распятый скелет Рувена.

— Я почти жалею о том, что ты убил колдуна. Сейчас его силы бы пригодились.

Талос устало взглянул на брата. В

черных глубинах его глаз мелькнуло что-то сродни насмешке.

— Возможно, — признал он. — Но тогда нам пришлось бы выносить его нескончаемую болтовню.

— Веский довод, — отозвался Кирион.

Как только он произнес эти слова, палуба огласилась завываниями сирен тревоги.

— Они нас нашли, — утомленно прошептал Талос, откинувшись на спинку трона. — Они снова нашли нас. Октавия, мостик на связи.

Голос ее звучал так же устало, как выглядело лицо пророка.

— Я здесь, — донеслось из вокс-динамиков зала.

— Как и эльдары, — сказал Талос. — Подготовь корабль. Мы опять бежим.

— Я не могу продолжать это, — ответила она. — Не могу. Простите, я не могу.

— Они будут здесь самое большее через двадцать минут. Уводи нас отсюда.

— Я не могу.

— Ты твердишь это уже больше

недели.

— Талос, прошу, послушайте меня. Это меня убьет. Еще один прыжок. Еще два. Неважно. Вы меня убиваете.

Встав с командного трона, он подошел к ограде возвышения и, перегнувшись через нее, уставился на организованный хаос раскинувшегося внизу мостика. На гололите мерцало призрачное изображение приближающейся угрозы: шесть крейсеров эльдаров с крыльями-парусами, терявшимися в облаке помех.

— Октавия, — сказал он, смягчая голос, — они не могут вечно преследовать нас. Мне нужно, чтобы ты постаралась еще немного. Пожалуйста.

Прошло несколько секунд, но вместо навигатора ответил сам корабль. Палуба затряслась — это варп-двигатель начал набирать энергию, необходимую для еще одного прорыва ткани реальности.

— Вы помните, — эхом пронесся по командной палубе голос Октавии, — когда я впервые взяла контроль над «Заветом»?

Его голос звучал до странности

двойственно. Навигатор слилась с машинным духом корабля — нечистый союз, от которого у Талоса бежали мурашки по коже.

— Помню, — передал он в ответ. — Ты сказала, что могла бы убить всех нас, потому что мы еретики.

— Я тогда больше сердилась. И еще больше боялась.

Он услышал, как девушка перевела дыхание.

— Всем постам, подготовиться к переходу в Море Душ.

— Благодарю тебя, Октавия.

— Вы не должны благодарить рабов, — ответила она, и двойной голос снова эхом раскатился по залу. — У них возникнет иллюзия равенства. И к тому же я ничего пока не сделала. Придержите благодарности до тех пор, когда мы окажемся в безопасности. Что на этот раз — бежим или прячемся?

— Ни то ни другое, — сказал Талос.

Все взгляды на мостике обратились к нему. Пристальнее всего смотрели оставшиеся на командной палубе воины

легиона.

— Мы не бежим, — сказал он Октавии, прекрасно зная, что все глядят на него, — и не прячемся. Мы держим оборону.

Талос набрал координаты на клавиатуре подлокотника и передал ей.

— Доставь нас сюда.

— Трон! — выругалась Октавия, заставив половину мостика вздрогнуть при звуках имперского проклятия. — Вы уверены?

— У нас недостаточно топлива, чтобы продолжить плясать под их дудку, и мы не можем прорвать блокаду. Если нас загоняют, как добычу, я, по крайней мере, могу выбрать место, где дам им бой.

Кирион снова подошел к трону.

— А если они нас там ждут?

Талос долго смотрел на брата, прежде чем ответить.

— Что, по-твоему, я должен сказать, Кирион? Мы сделаем то, что делаем всегда: будем убивать их, пока они не убьют нас.

Когда «Эхо» вошел в варп, Талос

отправился повидаться с тем единственным обитателем корабля, с которым должен был — хотя и совсем не желал — повстречаться снова. С мечом в руке он шагал по извилистым коридорам. Мысли пророка были темны, а намерения еще темнее. Он собирался сделать то, что следовало сделать давным-давно.

Огромные двери, ведущие в Зал Раздумий, с грохотом распахнулись перед ним. Адепты низшего уровня посвящения оборачивались, приветствуя пророка, а сервиторы безразлично продолжали заниматься своими делами.

— Ловец Душ, — почтительно поздоровался с ним один из облаченных в мантии жрецов Механикум.

— Меня зовут Талос, — ответил пророк, проходя мимо. — Пожалуйста, используй это имя.

Он ощутил, как на наплечнике сомкнулась чья-то рука, и обернулся к тому, кто решился дотронуться до него. Вряд ли кто-то из техножрецов мог пойти на такое нарушение этикета.

— Талос, — произнес Делтриан,

склонив серебристый череп, заменявший ему человеческое лицо. — Ваше присутствие, хотя и не нарушает ни один из кодексов поведения, для меня неожиданно. Во время последней коммуникации мы достигли соглашения, что вас позовут, если будут какие-то изменения в объекте.

Объект, — подумал Талос. — Как оригинально!

— Я помню о нашем соглашении, Делтриан.

Хромированный, закутанный в плащ нечеловек убрал руку с наплечника воина.

— И все же вы являетесь сюда вооруженным и обнажаете клинок в этом священном месте. Проанализировав ваше поведение, я пришел к выводу, что лишь один исход является сколько-нибудь вероятным.

— И какой же именно?

— Что вы пришли сюда, чтобы уничтожить саркофаг и убить покоящегося в нем Малкариона.

— Хорошая догадка.

Отвернувшись, Талос направился к

соседнему помещению, где хранился резной саркофаг военного теоретика.

— Подождите.

Талос остановился, но не по приказу Делтриана. Шок заставил его замереть на месте. Пальцы, сжимавшие клинок, дрогнули. Пророк впился взглядом в представшее ему зрелище: декоративный саркофаг был водружен на место, подключен и прикован цепями к керамитовой оболочке дредноута. Голубоватая аура слабого, сфокусированного стазис-поля по-прежнему мерцала вокруг конечностей боевой машины, не давая ей двинуться.

— Зачем ты это сделал? — не оборачиваясь, спросил Талос. — Я не отдавал приказ запустить дредноут.

Поколебавшись, Делтриан ответил:

— Дальнейший ритуал воскрешения требовал установки объекта в священную оболочку.

Талос не знал, что сказать. Ему хотелось спорить, но он понимал, что техножрец вряд ли прислушается к доводам разума. Пророк удивился вдвойне,

когда обнаружил, что один из братьев уже пришел в зал до него. Этот воин сидел прислонившись спиной к стене и время от времени лениво нажимал на кнопку активации цепного топора, вслушиваясь в визг зубьев.

— Брат, — приветствовал пророка второй Повелитель Ночи.

— Узас. Зачем ты здесь?

Узас пожал плечами.

— Я часто прихожу сюда посмотреть на него. Он должен вернуться к нам. Он нам нужен, но он не хочет, чтобы в нем нуждались.

Талос медленно выдохнул, а затем обратился к Делтриану:

— Включи вокс-динамики.

— Господин, я...

— Включи вокс-динамики — или я убью тебя.

— Как прикажете.

Делтриан прошагал на своих тонких, как прутья, ногах к центральной панели управления. Несколько рычагов опустились с противным скрежетом.

Зал наполнился воплями.

Надсадными, животными, усталыми воплями. Отчего-то казалось, что звучит старик, — столько дряхлой и древней слабости было в голосе.

Талос на секунду закрыл глаза, хотя линзы шлема продолжали смотреть вперед безжалостно, как и всегда.

— Все, хватит, — прошептал он. — Я с этим покончу.

— Объект биологически стабилен. — Делтриан заговорил громче, чтобы перекрыть крики: — Мы также стабилизировали его психику.

— По-твоему, это звучит как психическая стабильность? — не оборачиваясь, сказал пророк. — Ты что, не слышишь воплей?

— Я слышу их, — вмешался Ужас. — Горькая, горькая музыка.

— Я обратил внимание на это вокализированное выражение боли, — сказал Делтриан. — И полагаю, это свидетельствует о...

— Нет. — Талос мотнул головой. — Нет. Не пытайся провернуть это со мной, Делтриан. Я знаю, в тебе осталось что-то

человеческое. Это не «вокализированное выражение боли». Это крики, и ты это знаешь. Люкориф был прав насчет тебя: ни один разум, способный изобрести Вопль, не может быть настолько отвлеченным, как ты пытаешься изобразить. Ты понимаешь страх и боль. Я это знаю. Ты один из нас, неважно, облачен ты в керамит или нет.

— Что ж, тогда «крики», — уступил Делтриан.

В первый раз за все время его интонация изменилась — в ней промелькнула толика недовольства.

— Мы стабилизировали его психику, — продолжил он. — Относительно.

— А если бы ты отключил стазис-блокировку машинного тела?

Делтриану снова пришлось сделать паузу.

— Существует вероятность, что объект убил бы всех нас.

— Прекрати называть его «объектом». Это Малкарион, герой нашего легиона.

— Герой, которого вы хотите убить.

Талос резко развернулся к

техножрецу. По лезвию ожившего клинка Ангелов побежали искры.

— Он уже умирал дважды. Только глупая надежда помешала мне запретить тебе возиться с его трупом, но теперь я вижу, что он не вернется к нам. Даже пробовать было неправильно, ведь это противоречило его последней воле. Отныне тебе не разрешается прикасаться к его останкам, потому что из-за тебя он оказался заперт в вечной бессмысленной агонии. Он заслуживает лучшей участи.

Делтриан снова замешкался, выбирая один из возможных ответов — тот, который бы наилучшим образом успокоил хозяина корабля в этом неожиданном припадке праведного гнева. Пока он молчал, вопли продолжали беспрепятственно разноситься по залу.

— Объект — то есть Малкарион — все еще способен служить легиону. Правильно применяя пытки и болевой контроль, мы превратим его в сокрушительное оружие.

— Я уже отказался от этого пути. — Талос все еще не отключил силовой меч. — Я не собираюсь терпеть издевательства

над его телом, а в своем безумии он с равной вероятностью направит огонь против нас.

— Но я мог бы...

— Хватит! Трон в огне, вот почему Вандред потерял разум! Внутренние свары. Перебранки. Когти, готовые перерезать друг друга ножами под покровом тьмы. Возможно, я не стремился к этому идиотскому пьедесталу, на который меня возвели братья, но сейчас я стою на нем, Делтриан. «Эхо проклятия» — мой корабль. Мы можем спасаться бегством, можем быть обречены, но я не умру без боя, я и не отправлюсь навстречу смерти с грузом этого чудовищного святотатства на совести. Ты понял меня?

Конечно, Делтриан не понял. Все это звучало слишком по-человечески для его аудиодатчиков. Любые действия, основанные на чувствах и химических процессах, происходящих в организмах смертных, следовало стереть из памяти и полностью игнорировать.

— Да, — сказал он.

Талос расхохотался, но на фоне

непрерывных воплей дредноута смех прозвучал резко и горько.

— Лжец из тебя паршивый. Сомневаюсь, что ты хотя бы помнишь, что это такое — уважать или доверять другому существу.

Развернувшись спиной к жрецу, Талос взобрался на саркофаг, подтянувшись на одной руке. Силовой меч затрещал и загудел, почти задев стазис-поле.

Талос всмотрелся в выгравированный на металле образ Малкариона — его повелителя, его истинного повелителя до правления Вандреда, — блистательного в этот давний миг славы.

— Все могло бы пойти по-другому, — произнес Талос, — если бы ты остался жив.

— Не делайте этого, — в последний раз возразил Делтриан. — Эти действия нарушают условия клятвы моего ордена Восьмому легиону.

Талос его не слушал.

— Простите меня, капитан, — сказал он вырезанному на саркофаге изображению, занося меч.

— Постой.

Удивление заставило Талоса обернуться. Он оставался на месте — примерно на половинной высоте дредноута и с мечом, готовым рассечь силовые кабели, ведущие от машин системы жизнеобеспечения к саркофагу.

— Постой, — повторил Узас.

Второй Повелитель Ночи так и не встал с палубы. Он стучал клинком цепного топора об пол: тук-тук... тук-тук... тук-тук.

— Я что-то слышу. Какую-то систему. Систему в хаосе.

Талос оглянулся на Делтриана.

— О чем он говорит?

Последний обмен репликами погрузил техножреца в такое недоумение, что он чуть не пожал плечами. Но, следуя менее человеческой модели поведения, вместо этого, Делтриан разродился треском негативного кода.

— Требуется уточнение. Вы спрашиваете меня о значении слов вашего брата, полагая, что я могу предоставить некое пояснение?

— Я тебя понял.

Он спрыгнул с саркофага, громыхнув ботинками по палубе.

— Узас. Говори со мной.

Узас все еще негромко и ритмично постукивал топором.

— За воплями. Послушай, Талос. Прислушайся к ритму.

Талос взглянул на Делтриана.

— Адепт, ты не можешь просканировать и установить, о чем он говорит? Я слышу только крики.

— Шестнадцать моих вспомогательных программ ведут постоянную диагностику.

Узас наконец-то поднял голову. Тусклый свет зала отразился от кровавого отпечатка пятерни на его наличнике.

— Ритм никуда не делся, Талос.

— Какой ритм?

— Ритм... его ритм, — отозвался Узас. — Малкарион жив.

Талос снова обернулся к саркофагу.

— Почтенный жрец, ты очень обяжешь меня, если пояснишь, что именно включает в себя ритуал воскрешения, практикуемый вашим орденом.

— Это запретное знание.

Конечно. Тогда не выдавай свои секреты, просто... объясни приблизительно.

— Это запретное знание.

Пророк почти рассмеялся.

— Это как выжимать кровь из камня. Помоги мне, Делтриан. Я должен знать, что ты делаешь с моим капитаном.

— Мы применяем сочетание усиленных синаптических импульсов, электрических систем жизнеобеспечения, химических стимуляторов и внутренних стабилизаторов физиологии.

— Прошло много времени с тех пор, как ты в последний раз играл в апотекария. — По тону Узаса было понятно, что он ухмыляется. — Мне сбегать и привести Живодера?

Услышав, как его заблудший брат шутит, Талос едва сдержал невольную улыбку.

— Звучит подозрительно похоже на те методы, что мы используем для пыток, Делтриан.

— Так и есть. С объект... с Малкарионом всегда было сложно

работать. Для того чтобы его пробудить, требовались невероятные усилия и концентрация.

— Но сейчас он проснулся, — сказал Талос. — Он не спит. Так зачем же продолжать ритуал?

Из горлового вокалайзера Делтриана вырвался сердитый треск.

— Что, во имя ста тысяч бездн варпа, это было? — спросил Талос.

— Выражение нетерпения, — ответил жрец.

— Как-то очень по-смертному для тебя.

Делтриан повторно издал тот же звук, на сей раз громче.

— Со всем уважением, но вы демонстрируете невежество. Ритуал воскрешения не прерывается немедленно после того, как объект пробудился физически. Его сознание не реагирует на окружающее. Мы пробудили его останки, позволив соединение со священной боевой машиной. Но его разум все еще спит. Ритуал продолжается, чтобы вновь возжечь и восстановить его аниму.

— Его... что?

— Его способность осознавать себя и разумно реагировать на поступающие сигналы внешнего мира. Его сознание, проявление его жизненного духа.

— Ты имеешь в виду его душу. Его разум.

— Как скажете. Мы воскресили его мозг и тело, но не разум и душу. Разница очевидна.

Талос втянул сквозь зубы застоявшийся рециркулированный воздух.

— Когда-то у меня была собака. Ксарл любил тыкать в нее палкой.

Делтриан застыл. Хотя глазные линзы техножреца оставались сфокусированными и неподвижными, его внутренние процессоры отчаянно заработали, пытаясь найти хоть толику смысла в последних словах Талоса.

— Собака, — вслух произнес он. — Четвероногое животное. Семейство Canidae, род Canis, отряд хищники.

Талос снова смотрел на саркофаг, прислушиваясь к воплям.

— Да, Делтриан, собака. Это было до

того, как Нострамо сгорел, до того, как мы с Ксарлом вступили в легион. Уличные мальчишки, мы мало знали о том безумии и беззаконии, что творится в мире за пределами нашего города. Мы думали, что живем в сердце войны бандитских группировок. По прошествии времени это заблуждение порой казалось мне забавным.

Талос продолжил все таким же ровным голосом:

— Это была бродячая собака. Однажды я накормил ее, и потом она повсюду таскалась за мной. Вредная сучка, всегда готовая показать клыки. Ксарл тыкал в нее палкой, пока она спала. Его очень смешило, когда собака просыпалась, лаяла и щелкала зубами. Однажды Ксарл продолжил дразнить ее, когда шавка уже проснулась и лаяла на него. Через несколько минут она бросилась ему на горло. Ксарл вовремя поднял руку, но кисть и предплечье она ему изрядно покалечила.

— Что случилось с собакой? — спросил Узас.

К удивлению Талоса, в его голосе прозвучала нотка любопытства.

— Ксарл прикончил ее. Размозжил ей череп монтажной лопаткой на следующее утро, пока она спала.

— И в то утро она не проснулась с лаем, — заметил Ужас все с той же до странности мягкой интонацией.

Делтриан, поколебавшись, ответил:

— Я не очень понимаю, какое отношение к теме имеет этот поворот разговора.

Талос кивнул на саркофаг:

— Я говорю, что он уже проснулся, Делтриан. Что ты делал с ним после пробуждения? Ты сказал мне, что его необходимо стабилизировать, но факт остается фактом: сейчас он бодрствует. Так что же ты делал?

— Проводил ритуалы воскрешения. Как я уже пояснял: синаптический шок, электрические системы жизнеобеспечения, химические стимуляторы и внутренние стабилизаторы физиологии.

— Итого, ты вводил приводящие в бешенство вещества и бил электричеством останки убитого воина, который уже наглядно показал, что его

симбиоз с саркофагом выпадает из стандартной схемы.

— Но...

— Он уже проснулся и в своем безумии пытается добраться до тебя. Ты тыкал в него палками, Делтриан.

Техножрец задумался.

— Обрабатываю информацию, — сказал он. — Обрабатываю информацию.

Талос все еще вслушивался в крики.

— Обрабатывай быстрее. Вопли моего капитана отнюдь не ласкают мне слух, Делтриан.

— Ни на одном этапе объект не показал приемлемого уровня проявления высших нервных функций. Если бы это произошло, ритуал был бы немедленно прекращен.

— Но ты говорил, что пробуждение Малкариона никогда не шло по обычной схеме.

— Я... — впервые за столетия Делтриан усомнился в своих выводах. — Я... обрабатываю информацию.

— Обработай-ка вот что, — сказал Талос, отходя от техножреца. — Иногда,

Делтриан, полезно делиться секретами с теми, кому ты доверяешь. И думать как смертный — не всегда проклятие.

— Регистрирую возможность сбоя, — вокализировал Делтриан, все еще вглядываясь в столбики цифр, бегущих по сетчатке. — Ваше предположение ставит под сомнение традиционный и самый священный из ритуалов преимущественно на основании эмоций. Если ваша догадка верна, ущерб, причиненный психике объекта, может быть необратим.

— По-твоему, меня это волнует?

Когда Талос приблизился к центральной панели управления, по золотому клинку стекла молния. Пророк всмотрелся в целую армию циферблатов, экранов сканеров, температурных датчиков, рычагов и переключателей. Все они вкачивали яд и боль в тело его капитана.

— Выключи это, — приказал он.

— Ответ отрицательный. Я не могу опираться в своих решениях на что-то столь непрочное, как предположение смертного и метафора, основанная на

прерванном сне четвероногого млекопитающего, Талос. Талос, вы меня слышите? Прошу вас, милорд, отключите свой меч.

Талос поднял меч, и Узас расхохотался.

— НЕТ!

Делтриан испустил пронзительный боевой клич, который оглушил и парализовал бы любого смертного. Однако шлем Талоса защищал его от таких театральных эффектов. Он слишком часто сам использовал этот трюк в качестве оружия, чтобы сейчас на него поддаться.

— ТАЛОС, НЕТ!

Клинок опустился, и взаимное отталкивание силового поля и тонких механизмов панели породило такой взрыв, что обломки разлетелись по всему залу.

В тишине, последовавшей за взрывом, Талос поднялся на ноги. Первая пришедшая ему в голову мысль была странной: Узас прекратил нажимать на спуск цепного топора. Сквозь рассеивающийся дым пророк

увидел стоящего у стены брата и Делтриана на полу в другом углу комнаты.

Стазис-поле все еще работало, сковывая конечности дредноута и испуская гудение, такое громкое, что у пророка заныли зубы. Но вопли затихли. Это внезапное молчание, казалось, наполнило стерильную атмосферу комнаты электрическим зарядом, сродни запаху озона после грозы.

Талос внимательно наблюдал за гигантской боевой машиной, всматриваясь, вслушиваясь, — его чувства обострились, готовые подметить малейшую перемену.

— Талос, — позвал Узас.

— Брат?

— Как звали твою собаку?

Кеза, — подумал он.

— Помолчи, Узас.

— Хм-м, — отозвался второй Повелитель Ночи.

Дредноут не шелохнулся. Не произнес ни слова. Он стоял безмолвно, мертвый, наконец-то мертвый.

— Ты убил Малкариона, — сказал

Ужас, подходя ближе. — Ты всегда собирался это сделать. Все, что ты говорил... Ты хотел помочь ему умереть, как бы ни утверждал обратное.

У победы был привкус пепла. Талос проглотил неприятный вкус, прежде чем ответить.

— Если он был жив, что ж, так вышло. Если мертв, тогда мы положили конец пытке и выполнили его последнюю волю. Но, так или иначе, я должен был с этим покончить.

Делтриан кружил вокруг разрушенной приборной панели. Его дополнительные руки выдвинулись и кропотливо подбирали дымящиеся обломки.

— Нет, — бормотал он. — Неприемлемо. Просто неприемлемо. Нет, нет, нет.

Талос не смог сдержать горькой, неловкой улыбки.

— Дело сделано.

Облегчение было практически осязаемо.

— Талос, — произнес нечеловечески низкий голос, настолько громкий, что

палуба затряслась.

В ту же секунду двери зала со скрежетом распахнулись. Вошедший Кирион подбрасывал и ловил на лету череп. Очевидно, это был один из черепов, украшавших его доспех. Порвавшаяся цепь звякала о набедренник воина.

Остановившись, он некоторое время впитывал взглядом открывшееся ему зрелище: Талос и Ужас стояли рядом, уставившись на дредноут; Делтриан, выдвинувший все руки, смотрел туда же, куда и легионеры.

— Талос, — повторил громовой, искаженный воксом голос. — Я не могу двинуться.

Кирион при звуках этого голоса рассмеялся.

— Капитан Малкарион снова пробудился? Вы что, не могли объявить об этом по системе всеобщего оповещения?

— Кирион, — сдавленно прошептал Талос. — Кирион, подожди...

— Кирион, — провыл дредноут, — ты все еще жив? Чудеса не прекращаются.

— Приятно видеть вас вновь,

капитан.

Кирион подошел к шасси дредноута, глядя на саркофаг, притотанный цепями к предназначенной для него бронированной нише. Он еще раз подбросил и поймал череп.

— Итак, — сказал он громадной боевой машине. — С чего бы начать? Вот примерный список того, что произошло, пока вы спали...

XXI
БАЛЛАСТ

Последние уцелевшие воины десятой и одиннадцатой рот собрались в зале военного совета «Эха проклятия». Семь часов они стояли неподвижно вокруг пророка и Малкариона. Время от времени кто-нибудь из легионеров из других когтей добавлял собственные воспоминания к рассказу Талоса.

В конце концов Талос испустил долгий вздох.

— А потом ты проснулся, — сказал он.

В глубине дредноута раздался скрежет, словно в танке, переключающем передачи. Талос задумался, что это означало: кряхтение, проклятие или просто боевая машина пыталась прочистить горло, хотя горла у нее не было?

— Ты хорошо справился.

Пророк чуть не отпрянул, услышав это заявление.

— Понятно, — сказал он лишь потому,

что надо было что-то сказать.

— Кажется, ты удивлен. Ты ожидал, что я разгневаюсь?

Талос остро чувствовал, что остальные глядят на него.

— Я ожидал, что в лучшем случае убью тебя, а в худшем — разбужу. О гневе я как-то не думал.

Малкарион был единственным, кто стоял совершенно неподвижно. Остальные, хотя и оставались на местах, время от времени переминались с ноги на ногу, склоняли головы или тихо переговаривались с братьями. Малкарион в своей неподвижности смахивал на памятник, застывший и бездыханный.

— Я должен бы прикончить этого проклятого техножреца, — прорычал он.

На другом конце комнаты хмыкнул Кирион. Двум братьям пришлось потратить немало времени, чтобы убедить Малкариона не убивать Делтриана после этого мучительного ритуала. Что касается самого Делтриана, то он был просто уничтожен — пусть внешне и не выдавал этого —

позорным провалом, постигшим его ритуалы воскрешения.

— Но эльдары... — Талос не знал, как завершить фразу.

— Талос, в отсутствие офицеров ты сумел продержаться до этой ночи. Возвращение «Эха» тоже стало отличной операцией. Ловушка эльдаров ничего не значит. Единственным способом избежать ее было оставаться на задворках Галактики, не стремясь ни к чему и не достигая ничего. Сколько миров погрузились в темноту после твоего псайкерского вопля?

Пророк покачал головой. Точных цифр он не знал.

— Несколько десятков. Возможно, сотня. Единственный способ выяснить это — забраться в имперские архивы, когда на пораженных планетах уляжется пыль. И даже тогда мы можем ничего не узнать наверняка.

— Это больше, чем за все время совершил Вандред, пусть это и было достигнуто не на поле боя. Нечего стыдиться того, что в кои-то веки мы

использовали в войне разум, а не когти. Империум знает, что тут что-то произошло. Ты посеял семена легенды, которая будет жить в этом субсекторе. Ночь, когда сотня миров погрузилась во тьму. Некоторые из них замолчали на месяцы. Некоторые сгинут в штормах варпа на годы. А о некоторых больше никогда не услышат. Империум, прибыв туда, несомненно, обнаружит, что спущенные на них демоны стерли всякие следы жизни. Признаюсь, Талос, — ты куда холоднее, чем я думал, если сумел обречь их на такую судьбу.

Талос попытался перевести разговор с себя на что-то другое:

— Ты сказал, что Империум узнает о случившемся здесь, но эльдары уже знают. Их мгновенная реакция означает, что их ведьмы сумели вглядеться в грядущее и прочесть что-то в эфирных волнах чуждого нам пророчества.

Дредноут в первый раз шевельнулся. Развернувшись на поясной оси, он оглядел собравшихся Повелителей Ночи.

— И это вас беспокоит?

Несколько голов опустились в кивке, а другие воины ответили вслух:

— Да, капитан.

— Я вижу, что у вас сейчас на уме.

Повелители Ночи, в свою очередь, устремили взгляды на капитана, воплотившегося в этой гигантской оболочке — грозном памятнике, воздвигнутом в честь целой жизни, посвященной преданному служению.

— Вы не хотите умирать. Эльдары загоняют нас к месту последнего поединка, и вы страшитесь зова могилы. Вы думаете лишь о бегстве, о том, что будет и другой бой, о спасении ваших жизней любой ценой.

Прежде чем заговорить, Люкориф зашипел.

— По-твоему выходит, что мы трусы.

Малкарион, скрипнув бронированными суставами, развернулся к раптору.

— Ты изменился, Люк.

— Время все меняет, Мал. — Голова раптора дернулась в сторону под визг сервомоторов. — Мы были первыми на стенах дворца во время Осады Терры. Мы

были клинками одиннадцатой, прежде чем стать Кровоточащими Глазами. И мы не трусы, капитан десятой.

— Ты забыл урок легиона. Смерть — ничто по сравнению с оправданием всей жизни.

Раптор хрипло каркнул. Эти звуки заменяли ему смех.

— Смерть все равно та концовка, которой я предпочитаю избегать. Куда лучше преподать урок и выжить, чтобы в другой раз снова проучить Империум.

В ответ дредноут раскатисто зарычал:

— Если приходится давать урок дважды, значит он не был усвоен. А теперь перестань ныть. Прежде чем думать о смерти, нам предстоит остудить пыл этих чужаков.

— Хорошо, что ты снова с нами, капитан, — сказал Кирион.

— Тогда перестань хихикать, как мальчишка, — огрызнулся дредноут. — Талос, какой у тебя план? И лучше, если это будет грандиозный план, брат. Моя третья смерть должна быть, по меньшей

тере, славной.

Несколько легионеров обменялись угрюмыми смешками.

— Это была не шутка, — рявкнул Малкарион.

— А мы и не думали, что вы шутите, капитан, — ответил Меркуций.

Пророк включил тактический гололит. Над проекционным столом повисло изображение плотного астероидного поля. Гуще всего астероиды роились вокруг выщербленной сферы. В самом сердце скопления мерцающая руна указывала местоположение «Эха проклятия».

— Пока что мы в безопасности в астероидном поле Тсагуальсы.

Малкарион снова издал звук, напоминавший скрежет передач.

— Почему астероидное поле такое плотное на этом участке? Даже если учесть дрейф обломков, оно отличается от того, что я помню.

Люкориф махнул рукой в сторону гололита:

— Талос разбил вдребезги половину

луны.

— Ну, — откашлялся Кирион, — возможно, одну пятую.

— Ты не терял времени, Ловец Душ.

— Сколько раз мне придется вытаскивать тебя из могилы и повторять, чтобы ты не называл меня так?

Талос ввел другой набор координат. Гололитическая проекция съежилась — разрешение уменьшилось, и на экране возникла сама Тсагуальса. Другие вспыхивающие руны окружили планету и ее изрaненную луну.

— Вражеский флот собирается за пределами астероидного поля. Они пока не нападают на нас и не атакуют те несколько тысяч живых душ, что мы оставили на поверхности. Пока что они склонны выжидать, но на этом хорошие новости кончаются. Петля сжимается. Каждый раз, когда мы пытались вырваться, они загоняли нас обратно. Они знают, что принять бой — наш единственный выбор. Нас прижали спиной к стене.

Он оглядел зал совета, встретившись взглядами с немногими выжившими братьями. С воинами десятой и одиннадцатой рот, теперь переформированными в четыре последних Когтя.

— У тебя есть план, — проворчал Малкарион.

На сей раз это не было вопросом. Талос кивнул.

— Они затянули петлю, чтобы вынудить нас к бою, это верно. И у них достаточно огневой мощи, чтобы разнести «Эхо проклятия» на атомы, — в этом тоже нет сомнений. С каждым часом к ним подходят новые суда. Но мы все еще можем удивить их. Они ожидают, что мы вырвемся из своего убежища и вступим в последнюю битву в космосе. У меня есть идея получше.

— Тсагуальса, — сказал один из Повелителей Ночи. — Ты не серьезно, брат? У нас больше шансов в космосе.

— Нет, — Талос снова перефокусировал гололит. — Ты не прав. И вот почему.

Мерцающая проекция прояснилась, показав полярный регион Тсагуальсы и острозубые развалины сооружения, чьи башни некогда бросали вызов небесам. Некоторые из собравшихся легионеров вполголоса обменялись замечаниями или покачали головами, словно не веря своим глазам.

— Наша крепость едва держится, — проговорил Талос. — Десять тысячелетий не пощадили шпили и стены. Но под этими развалинами...

— Катакомбы, — прорычал Малкарион.

— Именно так, капитан. Аускик-сканирование показало, что катакомбы по большей части остались нетронутыми. Они все еще тянутся на километры во всех направлениях, и целые секции этого лабиринта устойчивы к планетарной бомбардировке. Бой на наших условиях. Если эльдары хотят нас заполучить, пусть спускаются во тьму. Мы будем охотиться на них, так же как они охотятся на нас.

— Сколько мы там протянем? —

спросил Люкориф сквозь треск вокса.

— Часы. Дни. Все зависит от того, какие силы они отправят в погоню за нами. Если предположить, что они высадят целую армию и хлынут в туннели, мы все же сможем потрепать их куда сильнее, чем в честном бою. Часы и дни — это всяко дольше, чем пара минут. Я знаю, что предпочел бы.

Воины теперь проталкивались вперед, положив руки на оружие. Настроение изменилось, нежелание действовать улетучивалось. Талос продолжил, обращаясь к Когтям:

— «Эхо проклятия», вероятно, не переживет даже краткого перелета к атмосфере планеты. Как только мы выйдем из самой плотной части астероидного поля, эльдары насядут на нас. Все, кто хочет спастись, должны быть готовы покинуть корабль.

— А команда? Сколько душ на борту?

— Наверняка неизвестно. Как минимум тридцать тысяч.

— Мы не сможем эвакуировать их всех или позволить офицерам,

находящимся на ключевых должностях, покинуть их посты. Что ты им скажешь?

— Ничего, — ответил Талос. — Они сгорят вместе с «Эхом». Я останусь на мостике до последних секунд, чтобы смертные командиры не поняли, что легион бросил их умирать.

— Жестоко.

— Необходимо. И более того. Это наш последний бой, и будь мы прокляты, если не бросим в него все силы. Первый Коготь останется со мной, чтобы приготовить наш последний сюрприз эльдарам. Остальные как можно быстрее высадятся в десантных капсулах и «Громовых ястребах». Затаитесь под поверхностью Тсагуальсы и ждите развития событий. И помните, что, если мы это переживем, сюда придет Империум. Они обнаружат тех, кого мы пощадили в Санктуарии, и услышат рассказ о наших деяниях. Эльдарам плевать на смертных. Они явились сюда по наши души.

Фал Торм из вновь сформированного Второго Когтя злобно хмыкнул.

— И вдруг ты заговорил о выживании.

Какие у нас шансы пережить это, брат?

Единственным ответом Талоса была на редкость скверная улыбка.

Через несколько часов пророк и Живодер шли по личному апотекариону Вариила. Собранные здесь инструменты были более специализированными, и под ногами путалось куда меньше рабов и сервиторов.

— Ты понимаешь, — спросил Вариил, — сколько трудов я должен выбросить в помойку по твоей прихоти?

Выбросить в помойку, — подумал Талос. — И Малкарион называет холодным меня.

— Вот почему я пришел к тебе, — сказал он вслух, проведя рукой по механической конечности хирургического аппарата.

Талос представил эту машину в действии, за священными операциями.

— Покажи мне результаты твоих трудов.

Вариил провел Талоса к камерам, расположенным в задней части

апотекариона. Оба воина заглянули туда, где подопечные Живодера скорчились в клетках с голыми железными прутьями. Ошейники на горле приковывали их к решеткам.

— Похоже, они терзнут, — заметил Талос.

— Возможно, так и есть. Я держу их в стерильной среде.

Вариил указал на первого из детей. Мальчику было не больше девяти лет, но на его груди, спине и горле розовели неровные шрамы от недавно проведенных операций.

— Сколько их у тебя?

Вариилу не потребовалось сверяться с нартециумом, чтобы уточнить цифры.

— Шестьдесят один в возрасте от восьми до пятнадцати лет, хорошо адаптирующиеся к различным стадиям имплантации. Еще сто девять подходящего возраста, но не готовые к имплантациям. Пока что умерло больше двухсот.

Талос был отлично знаком с этими цифрами.

— Очень хороший уровень выживаемости.

— Я знаю. — Вариила, кажется, почти задело это замечание. — Я искусен в том, что делаю.

— Вот почему я хочу, чтобы ты продолжил это делать.

Вариил вошел в одну из клеток, где мальчик неподвижно лежал ничком на полу. Живодер перевернул его носком бронированного ботинка. Снизу вверх на него уставились мертвые глаза.

— Двести тринадцать, — сказал апотекарий и жестом приказал сервитору убрать тело. — Сожги это, — приказал он.

— Слушаюсь.

Талос не обратил внимания на сервитора, занявшегося своими погребальными обязанностями.

— Брат, послушай меня на секунду.

— Я слушаю, — ответил Вариил, не прекращая вводить новые данные в нартециум, уточняя детали.

— Ты не можешь остаться с нами на Тсагуальсе.

Это заставило апотекария

остановиться. Глаза Вариила — льдисто-голубые в отличие от черных Талоса — поднялись и окинули пророка медленным и бесстрастным взглядом.

— Очень смешная шутка, — сказал Живодер без капли юмора.

— Без шуток, Вариил. В твоих руках ключ к будущему легиона. Я отсылаю тебя до начала битвы. Корабль Делтриана способен на варп-перелеты. Ты отправишься с ним, как и твое оборудование, и твоя работа.

— Нет.

— Это не обсуждается, брат.

— Нет.

Вариил сорвал с наплечника кусок содранной кожи, обнажив скрывавшийся под ним крылатый череп.

Символ Восьмого легиона воззрился на Талоса пустыми глазницами.

— Я ношу крылатый череп Нострамо, как и ты. Я буду драться и умру рядом с тобой на этом никчемном мирке.

— Ты ничего мне не должен, Вариил. Уже нет.

В кои-то веки Вариил выглядел

ошеломленным.

— Должен тебе? Должен тебе? Так вот как ты воспринимаешь наше братство? Как набор услуг, за которые надо расплачиваться? Я ничего тебе не должен. Я останусь с тобой, потому что ты оба из Восьмого легиона. Мы братья, Талос. Братья до смерти.

— Не в этот раз...

— Ты не можешь...

— Я могу делать все, что захочу. Капитан Малкарион согласен со мной. На корабле Делтриана хватит места самое большее для десяти воинов, и то лучше оставить его для реликвий, которые надо вернуть легиону. Но тебя и твою работу необходимо сохранить в первую очередь.

Вариил перевел дыхание.

— Ты когда-нибудь замечал, как часто перебиваешь собеседников? Это раздражает почти так же сильно, как привычка Узаса облизывать зубы.

— Я учту это, — ответил Талос. — И буду работать над этим ужасным недостатком все долгие годы, что мне остались. А теперь ответь — когда ты

будешь готов? Если я дам тебе двенадцать часов и столько сервиторов, сколько нужно, ты можешь гарантировать мне, что погрузишь все свое оборудование на борт корабля Делтриана?

Вариил обнажил зубы в нехарактерной для него злобной улыбке.

— Будет сделано.

— Не видел тебя сердитым со времен Фригии.

— На Фригии были исключительные обстоятельства. Как и сейчас. — Вариил помассировал закрытые глаза кончиками пальцев. — Ты многого от меня требуешь.

— Разве когда-то было иначе? И мне нужно от тебя еще кое-что, Вариил.

Апотекарий, почувствовав что-то необычное в интонации порока, снова встретился с ним взглядом.

— Проси.

— После того как ты будешь в безопасности, я прошу тебя найти Малека из Чернецов.

Вариил поднял тонкую бровь.

— Я никогда не вернусь в Мальстрим, Талос. Гурон оторвет мне голову.

— Я не думаю, что Малек остался там, и не верю, что Чернецы добровольно заключили союз с Кровавым Корсаром. Если они высадились на судно Корсаров, у этого должна быть другая причина. Не знаю какая, но, несмотря на случившееся, я ему доверяю. Найди его, если сможешь, и передай, что его план сработал. Малкарион пробудился. Военный теоретик вновь возглавил Десятую в ее последние ночи.

— Это все?

— Нет. Передай ему мою благодарность.

— Я сделаю все это, если ты просишь. Но корабль Делтриана не улетит далеко без дозаправки. Он слишком мал для дальних полетов, ты оба это знаем.

— Ему и не надо лететь далеко, по крайней мере сначала. Ему просто надо убраться отсюда.

Вариил недовольно проворчал:

— Эльдары могут пуститься за нами в погоню.

— Да. Могут. Еще жалобы будут? Ты теряешь время, а его у тебя и так мало.

— А что с Октавией? Как мы пойдем по Морю Душ без навигатора?

— Никак, — ответил Талос. — Поэтому она полетит с вами.

Он мог бы догадаться, что реакция Октавии будет куда более бурной, чем у Вариила. Если бы он вообще озаботился такими предсказаниями, его догадка была бы совершенно верной.

— Я устала, и меня тошнит от ваших приказов, — сказала она.

Талос не смотрел на нее. Он расхаживал вокруг трона, поглядывая на бассейн с жидкостью и вспоминая предыдущую обитательницу этих покоев. Та умерла в грязи, разорванная на куски выстрелами Первого Когтя. Несмотря на то что память его была близка к абсолютной, Талос не мог точно припомнить, как звали то создание. Как необычно.

— Вы слушаете меня? — спросила Октавия.

Тон ее голоса, столь изысканно аристократичный, вернул Талоса к

реальности.

— Да.

— Отлично.

Он сидела на троне, поглаживая одной рукой раздувшийся живот. Из-за крайней истощенности Октавии ее беременность была еще более явной.

— Какова вероятность того, что корабль Делтриана хотя бы сумеет спастись?

Талос не видел смысла ей лгать. Он окинул ее долгим и тяжелым взглядом, пока секунды утекали с каждым биением ее пульса.

— Ваши шансы выжить почти до смешного малы. Но все же этот шанс.

— А Септимус?

— Он наш пилот и мой раб.

— Он отец то...

Талос предостерегающе поднял руку.

— Будь осторожна, Октавия. Не принимай меня за человека, способного поддаться чувствам. Я сдирал кожу с детей на глазах у их родителей, как ты знаешь.

Октавия сжала зубы.

— Так он остается? — Она не понимала, зачем произнесла следующую фразу, но слова вырвались как будто по собственной воле: — Он последует за мной. Вы не сумеете удержать его здесь. Я знаю его лучше, чем вы.

— Я еще не решил его судьбу, — ответил Талос.

— А что насчет вас? Какая «судьба» ждет вас?

— Не говори со мной таким тоном. Это не императорский двор Терры, ваше маленькое высочество. Меня не впечатлить и не запугать высокомерным тоном, так что побереги дыхание.

— Извините, — сказала она. — Я просто... рассержена.

— Объяснимо.

— Так что же вы сделаете? Просто позволите им убить вас?

— Конечно нет. Но ты видела, что случилось, когда мы пытались бежать, как мы упирались носом в один заслон за другим. Они не позволят нам скрыться в Великом Оке. Петля начала затягиваться вокруг нас в ту же секунду, когда я

выпустил на свободу псайкерский вопль. Мы будем сражаться здесь, Октавия. Если ты попытаешься оттянуть это, то потеряем последний шанс выбрать место боя.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Мы погибнем.

Талос махнул рукой в сторону настенных мониторов, каждый из которых показывал космос вокруг корабля под разными углами. И каждый из этих глаз смотрел на миллионы каменных обломков, парящих в пустоте.

— Это яснее ясного, — продолжил он. — За этим астероидным полем притаились ксеносовские корабли, ждущие нашего хода. Мы мертвы, Октавия, и больше не о чем говорить. А теперь приготовься к тому, чтобы покинуть корабль. Бери с собой все, что захочешь, мне это неважно. У тебя одиннадцать часов, а затем я не желаю тебя больше видеть.

Он развернулся и вышел, отшвырнув в сторону двоих ее служителей, недостаточно поспешно убравшихся с дороги. Она смотрела ему вслед, ощущая

вкус свободы впервые с того момента, как попала в плен, — и не понимая, так ли этот вкус приятен, как ей помнилось.

Дверь открылась без скрипа, и на пороге показался его господин.

Септимус, все еще возившийся со шлемом Ужаса, поднял голову. Он как раз заканчивал починку левой глазной линзы.

— Господин? — спросил он.

Талос вошел, наполнив неказистое помещение ревом сервосуставов и всепроникающим гудением активированной брони.

— Октавия покинет корабль через одиннадцать часов, — сказал Повелитель Ночи. — Твое нерожденное дитя отправляется вместе с ней.

Септимус кивнул, не отводя взгляда от наличника хозяина.

— Со всем уважением, господин, я уже догадался.

Талос прошелся по комнате, поглядывая по сторонам и ни на чем не задерживая внимания дольше, чем на пару секунд. Он увидел наполовину собранные

пистолеты на верстаке, наброски схем, угольные портреты возлюбленной оружейника, Октавии, и одежду, сваленную неаккуратными кучами. Но больше всего в этой тесной комнатенке чувствовалась личность ее обитателя — здесь он жил и наложил на все неповторимый отпечаток.

Комната смертного, — подумал Талос, вспомнив стерильную пустоту своих собственных покоев — точно таких же, как у любого другого легионера, если не считать выцарапанных на стенах пророчеств.

Как же они отличаются от нас, если оставляют столь четкий след там, где проходит их жизнь!

Он снова обернулся к Септимусу — человеку, прослужившему у него уже больше десятилетия.

— Нам с тобой надо поговорить.

— Как пожелаете, господин, — сказал Септимус, опуская шлем на верстак.

— Нет. Давай забудем на следующие несколько минут, кто и кому тут служит. Сейчас я не хозяин и не господин. Я — Талос.

Воин снял шлем и посмотрел на человека сверху вниз. Его бледное лицо было спокойно.

Септимус едва подавил желание схватиться за оружие. Эта странная фамильярность его встревожила.

— Почему мне кажется, что это нечто вроде пугающей прелюдии к тому, чтобы перерезать мне глотку? — поинтересовался он.

Улыбка пророка не коснулась темных глаз.

Октавия и Делтриан не ладили. Она считала, что техножрец слишком нетерпелив для столь аугментированного существа, а ему не нравился исходящий от нее неприятный запах биологических соединений и органических жидкостей, связанных с системой размножения млекопитающих. Таковы были их первые впечатления друг о друге, и дальше все пошло только хуже. Оба вздохнули с облегчением, когда навигатор отправилась в свой отсек для последних приготовлений перед отлетом.

Она пристегнулась ремнями к неудобному трону в самом чреве приземистого, насекомообразного корабля Делтриана. Ее «покои», если это так можно было назвать, были оснащены единственным пикт-экраном, и в них едва хватало места для того, чтобы вытянуть ноги.

— Кто-нибудь садился на этот трон и опробовал его механизмы? — спросила она, когда сервитор вставил тонкий нейрощупт в небольшой и элегантный разъем на ее виске. — Ой! Осторожнее с этим!

— Слушаюсь, — промямлил киборг, уставившись на нее мертвыми глазами.

Это было все, что она услышала в ответ, что, впрочем, тоже ее не удивило.

— Нажимай, пока не услышишь щелчок, — сказала она лоботомированному рабу, — а не до тех пор, пока оно не вылезет у меня из другого уха.

Изо рта сервитора потянулась нить слюны.

— Слушаюсь.

— Трон! Просто убирайся.

— Слушаюсь, — повторило создание в третий раз и убралось.

Девушка услышала, как сервитор наткнулся на что-то в коридоре за дверью, когда корабль затрясся в последние минуты перед стартом.

В каморке Октавии иллюминаторов не было, так что она просмотрела сигналы с наружных пиктеров. На экране мелькало одно изображение центрального ангара «Эха» за другим. «Громовые ястребы» загружали полным боекомплектом, а десантные капсулы поднимали на стартовые позиции. Октавия бесстрастно смотрела на это, пытаясь понять, что она чувствует. Был ли этот корабль домом? Будет ли ей не хватать его? И куда они вообще отправятся, если смогут уйти?

— Ох! — прошептала она, глядя на экран. — Вот дерьмо!

Она остановила прототку и ввела код, заставив одну из камер на корпусе развернуться. Погрузчики и платформы с командой сновали туда и обратно. Грузовой шагоход класса «Часовой»,

захваченный в каком-то давнем набеге, прогрохотал мимо, топая стальными подошвами о палубу.

Септимус с потрепанной кожаной сумкой, перекинутой через плечо, стоял у основного трапа и говорил с Делтрианом. Длинные волосы скрывали его лицевые протезы, а под плотную куртку он надел защитный комбинезон с элементами брони. К правой голени оружейника был притотан мачете в ножнах, а на поясе висели два пистолета.

Девушка понятия не имела, что он говорит. Внешние пикт-камеры не транслировали звук. У нее на глазах Септимус хлопнул Делтриана по плечу, что совсем не пришлось по вкусу тощему хромированному скелету, если судить по тому, как тот отпрянул.

Септимус поднялся по трапу и скрылся из виду. Теперь экран снова показывал лишь Делтриана, отдающего команды грузовым сервиторам, и бесконечный поток техники, поднимавшийся на борт.

Почти в ту же секунду в люк

постучали.

— Скажи, что у тебя на лбу повязка, — услышала она сквозь металл.

Улыбнувшись, она подняла руку, чтобы проверить, — просто на всякий случай.

Дверь открылась. Септимус вошел и тут же кинул сумку на пол.

— Меня отпустили со службы, — сообщил он. — Как и тебя.

— Кто поведет «Опаленного» во время высадки?

— Никто. Легионеров набралось только на три катера. «Опаленного» уже прикрепили к транспортным когтям этого судна. Талос завещал его Вариилу, и тот набил его оборудованием из апотекариона и реликвиями из Зала Раздумий. Мы должны вернуть его легиону в Оке, если, конечно, туда доберется.

Ее улыбка померкла, как лучи солнца, садящегося за горизонт.

— Нам туда не добраться. Ты ведь понимаешь это, так ведь?

Он пожал плечами с самым беззаботным видом.

— Поглядим.

По кораблю, разумеется, разлетелись слухи о близящейся битве, но «Эхо» был целым космическим городом, со всей многоплановостью, свойственной городам. На высших командных палубах все сосредоточились на сражении: офицеры и младший командный состав знали свои роли и выполняли обязанности с тем же профессионализмом, что и на борту имперского военного судна.

На нижних палубах, в самых глубинах судна, битва была предметом молитв, беспомощных проклятий или полного неведения. Те тысячи смертных, что питали корабль своим потом и кровью, вкалывая в реакторных отсеках или на орудийных платформах, понимали лишь одно: вскоре предстоит бой.

Талос в одиночестве отправился на центральную посадочную палубу. Выжившие бойцы десятой роты уже погрузились в десантные капсулы, а их «Громовые ястребы» нагрузили боевым снаряжением, которое понадобится на

поверхности. Сервиторы стояли тут и там, безмолвно таращась в ожидании следующего приказа.

Пророк пересек опустевшую палубу ангара. Делтриан спустился ему навстречу по трапу.

— Все готово, — вокализировал техножрец.

Талос окинул адепта немигающим взглядом багровых линз.

— Поклянись, что выполнишь мой приказ. Эти три саркофага бесценны. Малкарион останется с нами, но три остальных вместилища должны вернуться к легиону. Этим реликвиям нет цены. Они не должны погибнуть здесь, с нами.

— Все готово, — повторил Делтриан.

— Ценнее всего геносемя, — настойчиво продолжал Талос. — Запасы геносемени в контейнерах должны во что бы то ни стало достичь Великого Глаза. Дай мне клятву.

— Все готово, — в третий раз сказал Делтриан.

Он относился к клятвам без особого уважения. По его мнению, создания из

плоти и крови давали обещания, пытаясь оперировать понятием «надежда» вместо точно просчитанных вероятностей. Если коротко: соглашение, основанное на неверных данных.

— Поклянись мне, Делтриан.

Техножрец издал низкое ворчание, означавшее код ошибки.

— Хорошо. Пытаясь закончить этот устный обмен репликами, я даю клятву, что в точности последую этому плану и попытаюсь исполнить его в меру своих возможностей и способностей контролировать действия других.

— Это меня устроит.

Однако Делтриан еще не закончил.

— Согласно моим оценкам, нам надо провести еще несколько часов в астероидном поле, прежде чем мы убедимся, что все корабли ксеносов пустились в погоню за вами. Следует учесть погрешности аугпика. Следует учесть, что нас может зажать между обломками. Следует учесть возможность вмешательства ксеносов. Логистика...

— Учесть следует многое, — перебил

Талос. — Я понимаю. Прячьтесь столько, сколько потребуется, и бегите, когда представится возможность.

— Я сделаю так, как вы пожелаете.

Техножрец развернулся, но промедлил, прежде чем подняться на трап. Талос не уходил.

— Вы задержались здесь, потому что хотите, чтобы я пожелал вам удачи? — Делтриан склонил к плечу скалящийся череп, заменявший ему лицо. — Вы должны знать, что сама идея «везения» для меня неприемлема. Существование основано на случайностях, Талос.

Повелитель Ночи протянул руку. Глазные линзы Делтриана на секунду сфокусировались на перчатке — их выдало тихое жужжание.

— Любопытно, — сказал техножрец. — Обрабатываю информацию.

Мгновением позже он сжал запястье легионера. Талос сжал запястье жреца, обменявшись с ним традиционным рукопожатием воинов Восьмого легиона.

— Это было честью, почтенный адепт.

Делтриан попытался найти подходящий ответ. Он был чужаком, однако древние торжественные слова — те самые, что произносили братья Восьмого легиона накануне безнадежного боя, — пришли к нему с неожиданной быстротой.

— Утри, как жил, сын Восьмого легиона. Облаченным во тьму.

Двое разжали руки. Тонкости были столь же чужды Делтриану, как и терпение, так что он немедленно развернулся и поднялся по трапу на корабль.

Талос промешкал, потому что видел Септимуса наверху трапа. Раб поднял руку в перчатке в прощальном жесте.

Талос фыркнул. Смертные. Чего только они ни делают на поводу у эмоций!

Он ответил своему бывшему рабу кивком и без лишних слов покинул ангар.

XXII
СКВОЗЬ СТРОЙ

«Эхо» мчался сквозь астероидное поле, уже не заботясь ни о боеприпасах, ни о зарядах пустотных щитов. Обломки размером поменьше отлетали в сторону, отраженные потрескивающими щитами рвущегося сквозь астероидный рой корабля. Глыбы побольше погибали в пламени невидимых взрывов, когда орудия корабля превращали их в каменную пыль.

Крейсер не поворачивался, избегая столкновения. Он не замедлял ход, не маневрировал и не выбрасывал дронов, чтобы те расчистили путь. «Эхо проклятия» больше не прятался. Он вырвался из своего ненадежного укрытия и несся вперед, разворачивая все орудия на бортах и хребте и готовясь в любую минуту испустить последний боевой клич.

Талос на мостике наблюдал за происходящим с командного трона. Члены команды, все как один смертные, были практически безмолвны в едином порыве.

Сервиторы распечатывали отчеты — у нескольких изо рта тянулись свитки испятнанного чернилами пергамента. Взгляд пророка не отрывался от окулюса. За вращающимися кусками скал, за теми обломками, что еще не погибли под огнем орудий «Эха», их ждал вражеский флот. Талос видел, как они накатываются сквозь пустоту приливной волной, отвратительно слаженной, и как их поблескивающие солнечные паруса разворачиваются, ловя слабый свет далекого солнца.

— Отчитаться, — приказал Талос.

Со всех концов командной палубы раздались ответы. Крики «есть» и «готовы» прозвучали согласным хором. Если использовать фразу Делтриана, «все было готово». Теперь ему оставалось лишь ждать.

— Флот чужаков движется наперехват. Они блокируют самые очевидные маршруты сквозь астероидное поле.

Он и сам это отлично видел. Суда поменьше, выточенные из кости,

оставались вокруг своих кораблей-маток — словно стайки мелких рыб, кормящихся возле акул, — но крупные крейсера двигались с не менее впечатляющей скоростью. Они рассекали космос плавными дугами, накренив паруса и стремясь преградить дорогу «Эху», как только тот выйдет из самого плотного участка астероидного поля.

Талосу не нравилось, как они движутся, — не только из-за нечеловеческого проворства, но и потому, что обогнать и превзойти огневой мощью этот флот было заведомо невозможно, а теперь казалось, что и быстротой маневрирования его ни за что не превзойти.

— Сорок пять секунд, повелитель.

Пророк откинулся на спинку трона. Он отчетливо понимал, что с большой вероятностью ему не уйти живым с этой командной палубы. Бегство к поверхности казалось самым сложным; а убивать этих тощих чужаков в подземельях Цсагуальсы будет по сравнению с этим восхитительным развлечением. У Талоса

чуть слюнки не потекли в предвкушении.

— Тридцать секунд.

— Наводка на цели завершена! — крикнул артиллерийский офицер. — Нам понадобится минута свободного хода, прежде чем мы сможем дать первый залп.

— Ты получишь эту минуту, магистр оружия, — ответил Талос. — Сколько целей мы поразим?

— Если чужаки будут действовать так, как обычно действуют флоты эльдаров, а не выйдут на параллельный курс для обмена бортовыми выстрелами... пятнадцать целей, господин.

Губы Талоса под наличником дрогнули, но так и не сложились в улыбку. Пятнадцать целей одним залпом. Кровь Хоруса, ему будет не хватать этого корабля. Красавец «Эхо» был близнецом «Завета», и Корсарам нельзя было отказать в том, что за века владения крейсером они существенно улучшили его вооружение.

— Двадцать секунд.

— Включи общую систему оповещения судна.

— Выполнено, господин.

Талос сделал глубокий вдох. Он знал, что его слова услышат тысячи тысяч рабов, мутантов, еретиков и слуг на мириадах палуб корабля.

— Говорит капитан, — произнес он. — Я Талос из генетической линии восьмого примарха, сын бессолнечного мира. Небывалый шторм надвигается на нас и готов ударить в обшивку судна. Ваши кровь и пот — вот ключ к выживанию, и неважно, на какой из палуб вы служите. В грядущие минуты имеет значение каждая жизнь. Всем постам — приготовиться к бою.

— Пять секунд, господин.

— Включайте Вопль.

— Есть, господин.

— Первый залп — как планировалось, потом стреляйте по собственному усмотрению.

— Есть, господин.

— Господин, мы вышли из Талосианского Облака. Вражеский флот движется к...

— Открыть огонь!

«Эхо проклятия» мчался вперед изо всех сил. Инверсионные струи пламени в его кильватере были почти прекрасны в своей губительной мощи.

Широкие астероидные поля, окружившие Тсагуальсу, делали планету еще негостеприимнее. Отчасти благодаря им Тсагуальса служила таким надежным убежищем долгие годы после Ереси. Они представляли куда меньшую опасность для навигации, чем более плотное облако обломков вокруг расколотой луны, однако корабли эльдаров предпочитали уходить в сторону от скальных глыб, а не идти на прямое столкновение.

«Эхо проклятия» отбросил такие предосторожности. Он несся напролом, полагаясь на пустотные щиты и носовые батареи, сметавшие с пути любую потенциальную угрозу.

Первые маневры эльдаров выглядели не так грациозно, как их прежние космические танцы, потому что их добыча играла в другую игру. «Эхо» не подчинялся законам логики — он ни разу не

развернулся для лучшего угла обстрела и не менял вектор полета. Крейсер оказался не там, где его ожидали перехватить вражеские суда, и летел не туда, куда должен был лететь, по их расчетам. Пробиваясь напрямик сквозь астероидное поле, «Эхо» расходовал неимоверные количества боеприпасов и энергии для поддержки щитов, зато планета стремительно приближалась.

Корабли эльдаров, готовые вступить в бой и поджидавшие противника в тех участках астероидного поля, где обломков было меньше, теперь оказались далеко от стремительно убегавшей добычи.

— Это работает? — спросил Талос.

Он и сам видел, что план работает, — это было понятно по тому, как несколько кораблей чужаков поспешно развернулись, чтобы скорректировать курс атаки, — но ему все равно хотелось услышать подтверждение.

Офицеры уставились на свои консоли не менее пристально, чем те, кто работал у гололита, транслирующего показания аугпика.

— Флот эльдаров пытается развернуться в соответствии с нашей траекторией. Несколько крейсеров уже сошли с курса перехвата.

— Это работает.

Талос, подавив желание вскочить с трона и начать мерить шагами палубу, остался на месте. Корабль сотрясали отдача орудий и удары осколков, врезающихся в пустотные щиты.

— Мы обогнали почти половину их флота.

Корабли чужаков были удлиненными, с плавными контурами: гладкая кость и сверкающие паруса-крылья. Талос подозревал, что их делало медлительнее большое расстояние до солнца системы. Возможно, солнечным парусам не хватало света, однако пророк вряд ли мог похвастаться детальным знакомством с конструкцией вражеских судов. Имея дело с эльдарами, всегда приходилось руководствоваться догадками.

— Авангард ксеносов вошел в зону поражения дальнобойных орудий.

Талос подумал о братьях в десантных

капсулах и о катерах, ждущих разрешения на взлет в ангарах. На обзорном экране виднелся серый круг Тсагуальсы. Сейчас он был размером с монету и рос с каждой секундой. Сирены сигнализации опасного сближения начинали завывать, как только корабль сносил с курса очередной астероид, а прикованные к своим постам сервиторы взволнованно щебетали, зарегистрировав угрозу приближающихся вражеских боеголовок.

По непонятным причинам Талос почувствовал, как его губы раздвигаются в улыбке. В кривой, но искренней улыбке неуместного веселья.

— Господин, — окликнул его один из офицеров ауспика, — торпеды чужаков устойчивы к нашим помехам.

— Даже к Воплю?

Он знал, что Вопль был рассчитан на имперские технологии, и все же надеялся, что изобретение Делтриана подействует.

— Несколько сбились с курса, другие затерты в астероидном поле. Но больше трех четвертей все еще летят на нас.

— Время до столкновения?

— До первой волны меньше двадцати секунд.

— Этого достаточно. Всем постам, приготовиться к столкновению.

Вскоре мелкая дрожь корпуса перешла в толчки, а толчки — в яростные судороги. Талос ощутил, как по хребту ползет новое и тревожное чувство. Сколько раз он находился на борту корабля во время космического боя? Трудный вопрос. Легче сосчитать, сколько вдохов он сделал за эти столетия. Но сейчас все было по-другому. Сейчас именно он определял курс судна. Он не мог просто положиться на Вандреда и вступить в какой-нибудь локальный бой, как раньше.

Малкарион должен быть здесь. Талос подавил предательскую мысль, хотя в ней и была доля правды.

— Щиты держатся, — протрещал ближайший сервитор. — Две трети мощности.

Талос смотрел на растущий на экране серый мир, стараясь не прислушиваться к стонам «Эха», доносившимся отовсюду.

— Давай же, — прошептал он, — давай!

Корабль Восьмого легиона рвался вперед, тараня попадавшиеся на пути астероиды.

Капитаны эльдаров не были новичками в космической войне. К тому же уроженцев мира-корабля, вращавшегося вокруг Великого Ока, вряд ли можно было удивить тактикой судов Врага. Солнечные паруса согласно развернулись, и крейсера чужаков вновь заструились в своем призрачном, чарующем полете, закладывая невозможные петли и расцвечивая пустоту струями пульсарного огня.

Каждый отдельный луч был тоньше струны на фоне бесконечной черноты, но все вместе они сплетались в сверкающую паутину, захлестнувшую пустотные щиты «Эха».

«Эхо» развернулся на бегу, направив на врага хребтовые и бортовые батареи. Орудия Восьмого легиона изрыгнули ответный огонь — так гной брызжет из проколотого нарыва. Искусство эльдарских

капитанов было столь велико, что несколько их судов, замерцав, исчезли, уходя с линии вражеского огня. Другие попали под обстрел, и заряды разбились тысячей звезд об их пустотные щиты. Чужаки, возможно, были слишком самоуверенны — они понимали, что большую часть огневой мощи «Эху» приходится расходовать на расчистку пути сквозь астероидное поле.

Первым погибло одно из мелких судов сопровождения, с именем, которое не смог бы правильно выговорить ни один из смертных. Никто из команды «Эха» не стал бы и пытаться, зато все они разразились радостными воплями, когда корабль рассыпался у них на глазах, пораженный струями плазмы и снарядами хребтовых батарей.

Талос знал, что им просто повезло. И все же по спине побежал холодок удовольствия.

Причиной гибели второго судна ксеносов была не столько ярость Повелителей Ночи, сколько злая шутка фортуны. Не успев развернуться, «Эхо

проклятия» направил всю мощь носовых батарей на появившийся впереди гигантский астероид. Копья лэнс-излучателей впились в ледяной камень, расколов скалу вдоль линий разлома как раз в ту секунду, когда нос корабля уже таранил его поверхность. Когда астероид рассыпался на части под давлением стонущих от напряжения щитов, вращающиеся куски камня полетели во все стороны. Несмотря на всю невероятную грацию вражеских кораблей, обломки затрудняли их продвижение. Хотя большая часть успела свернуть, избегая столкновения, несколько судов получили повреждения.

Талос криво улыбнулся, когда один из самых крупных обломков врезался в изящный корпус ксеносовского корабля. Солнечный парус разлетелся ливнем алмазных осколков, а затем каменные стрелы впились в обшивку из призрачной кости. Корабль затрясся в судорогах, стараясь удержать курс, но тут же столкнулся с другим астероидом.

— Даже если мы погибнем здесь, —

хтыкнул Повелитель Ночи, — это зрелище того стоило.

— Три минуты до подхода к Тсагуальсе, господин.

— Хорошо.

Улыбка умерла у него на губах, когда он вспомнил о готовящемся предательстве. Учитывая траекторию корабля и противостоящие им силы противника, многие из этих бедняг уже наверняка догадались, чем это кончится.

— Подготовить корабль к переходу в варп? — спросил один из ближайших офицеров.

По его голосу Талос понял, что смертный уже распрощался со всякой надеждой и старается скрыть тревогу. Пророк почувствовал уважение. На этом мостике не было места для трусов.

— Нет, — ответил Талос. — Неужели ты искренне считаешь, что мы сможем скрыться?

Корабль вдруг содрогнулся, и нескольким смертным членам команды пришлось вцепиться в перила и консоли.

— И даже если бегство удастся, разве

ты сможет надолго оттянуть столкновение?

— Нет, господин. Конечно нет.

— Мудрый ответ, — сказал ему Талос. — Сосредоточься на своих обязанностях, лейтенант Ролен. Пусть тебя не волнует то, что будет потом.

Септимус и Делтриан стояли в небольшом и тесном отсеке, который техножрец без тени гордости или стыда называл мостиком «Эпсилон К-41 Сигма Сигма А:2».

Делтриан также потребовал, чтобы Септимус покинул мостик, на что человек ответил нострамианской фразой, имевшей какое-то отношение к матери техножреца.

— Я пилот, — добавил он. — Я помогу пилотировать этот корабль.

— Твои аугметические протезы, хотя и весьма впечатляющие, слишком ограниченны, чтобы ты мог взаимодействовать с машинным духом моего судна.

В ответ смертный махнул рукой на

изображения астероидов, подрагивающие на нечеткой гололитической проекции.

— Ты доверишь сервиторам и машинному духу провести корабль сквозь это?

Делтриан издал сигнал подтверждения.

— Больше, чем любому человеку. Какой... какой странный вопрос.

Септимус уступил, но все равно остался на мостике рядом с троном пилота-сервитора. Раб и жрец, окруженные двумя дюжинами сервиторов и облаченных в мантии членов команды, смотрели на гололитическую проекцию, выполнявшую одновременно роль тактической карты и оккулюса. В отличие от гололита «Эха», эта проекция была бледной и регулярно мигала, отчего человеческий глаз Септимуса немилосердно слезился. Бионический глаз решил проблему, и помехи не мешали ему различить детали изображения. Только тогда оружейник понял, что проекция рассчитана на аугметическое зрение.

Сам корабль по форме напоминал

раздувшегося жука, ощетинившегося оборонительными турелями. Почти три четверти корпуса занимали двигатели и варп-генераторы. Это отсеки были отделены от жилой зоны герметическими люками. Септимус видел, как жрецы, заходившие на инженерные палубы, надевают респираторные маски.

Внутри было безумно тесно. Чтобы оставить место для бронированной обшивки, орудий и двигателей, все коридоры превратили в узкие лазы, а все отсеки — в квадратные коробки, куда помещались лишь самые необходимые системы и единственный оператор. Командная палуба являлась самым просторным помещением на корабле, но и здесь невозможно было пошевелиться, если в комнате находилось больше восьми человек.

Септимус глядел на идентификационную руну корабля, пульсирующую на экране рядом с большим астероидом, за которым они прятались от сканеров ксеносов. Далеко на другом конце поля потаргивала руна «Эха» — точка

среди ядовитого роя чужих сигналов.

— «Эхо» почти у цели, — сказал раб. — Они доберутся.

Услышав знакомый звук, Септимус оглянулся. В зал вошел Вариил. Сочленения его доспеха гудели при каждом шаге.

— Скажи мне, что происходит, — потребовал он с тем же ледяным спокойствием, что и всегда.

— Непохоже, чтобы они нас заметили, — ответил Септимус, вновь переводя взгляд на гололит.

— Скажи, что с «Эхом», смертный недоумок.

Септимус смутился, осознав свою ошибку. Ему хватило благоразумия изобразить улыбку.

— Они доберутся до цели, лорд Вариил.

Апотекарий, услышав почтительное обращение, не проявил никаких чувств — как, впрочем, и прежде не проявлял их независимо от того, как обращался к нему Септимус. Такие мелочи не имели для него значения.

— Я так понимаю, что скоро мы отправляемся?

Делтриан кивнул, повторив этот человеческий жест настолько, насколько позволяли жесткие сервосуставы шеи. В результате верх позвоночника перемкнуло, и ему пришлось потратить некоторое время, чтобы освободить сцепившиеся позвонки.

— Ответ утвердительный, — произнес он.

Вариил подошел к Септимусу и, в свою очередь, всмотрелся в гололитическую проекцию.

— Что это? — он указал на другую руну-идентификатор.

— Это... — Септимус нагнулся к консоли пилота-сервитора и, нажав на несколько клавиш, настроил экран, — это ударный крейсер ордена Генезиса, который мы уничтожили несколько месяцев назад.

Вариил не улыбнулся, что Септимуса нисколько не удивило. Бледно-голубые глаза моргнули один раз и вновь уставились на гололитическое изображение мертвого крейсера,

выпотрошенного и открытого пустоте космоса. Протянув руку, он увеличил разрешение. Корабль, изуродованный до неузнаваемости, покоился в самом сердце Талосианского Облака, посреди наиболее плотного скопления астероидов над поверхностью расколотой луны.

— Эта охота была особенно удачной, — заметил Повелитель Ночи.

— Да, господин.

Вариил устремил на него леденящий взгляд голубых глаз. После десяти лет на службе Восьмому легиону Септимус мог бы поклясться, что ничто не способно его смутить. Но глаза Вариила, похоже, были редким исключением.

— Что с тобой не так? — поинтересовался апотекарий. — У тебя учащенный пульс. И от тебя несет каким-то идиотским возбуждением.

Септимус кивнул на гололит.

— Трудно смотреть со стороны, как они сражаются. Большую часть своей взрослой жизни я прослужил легиону. Без этого... Я даже не знаю, кто я теперь.

— Да, да. Очень трогательно, —

сказал Вариил, оборачиваясь к Делтриану. — Техножрец, у меня к тебе вопрос. Он поможет тебе рассеять скуку. Я хочу послушать переговоры эльдаров. Ты можешь перехватить их сигнал?

— Разумеется.

Делтриан выдвинул две вспомогательные руки и, закинув их за плечи, начал работать на другой консоли.

— Но я не способен перевести лингвистические вокализации эльдаров.

Это пробудило интерес Вариила.

— В самом деле? Занятно. Я считал тебя более просвещенным.

— У жрецов Механикум есть более неотложные задачи, чем бормотание убогих представителей ксеносовской расы.

— Ни к чему сердиться, — по губам Вариила скользнула улыбка, столь же быстрая, сколь и фальшивая, — я говорю на нескольких диалектах эльдаров. Просто перехвати сигнал, если сможешь.

Делтриан заколебался, прежде чем потянуть за последний рычаг.

— Объясните, почему вы владеете наречием чужаков.

— Тут нечего объяснять, почтенный жрец. Я не люблю невежество. Когда появляется возможность чему-либо научиться, я пользуюсь этой возможностью.

Он оглянулся на закутанного в мантию адепта.

— Ты полагаешь, что Корсары сражались только с прогнившим Империумом? Нет, мы бесчисленное множество раз сталкивались с эльдарами. Случалось и захватывать пленных. Кто, по-твоему, пытал их, чтобы извлечь информацию?

— Я понял.

Делтриан снова попытался изобразить утвердительный кивок. Его позвоночник, сделанный из ценных металлов и укрепленный тонкими керамитовыми пластинами, зажужжал в ответ на движение. Когда техножрец опустил рычаг, мостик наполнил свистящий шепот ксеносов, искаженный помехами вокса.

Вариил поблагодарил жреца и вновь повернулся к гололиту. Септимус стоял

рядом, то и дело переводя взгляд с разворачивающейся битвы на бледное лицо Вариила.

— Прекрати пялиться на меня, — сказал апотекарий через минуту, — это начинает раздражать.

— О чем говорят эльдары? — спросил Септимус.

Вариил послушал еще с полминуты без особого интереса.

— Они говорят о маневрах в трех измерениях, сравнивая боевые суда с призраками и морскими зверями. Все это очень поэтично, в плоской, бессмысленной и чуждой нам манере. Пока никаких отчетов о потерях. Никаких криков эльдарских капитанов, чьи души вырваны из тел и брошены на потеху варпа.

Внезапно Септимус понял, что на самом деле хочет услышать Вариил. Первый Коготь был прав: Вариил действительно принадлежал Восьмому легиону, независимо от происхождения его геносемени.

— Я... — начал апотекарий и вдруг замолчал.

В наступившей тишине перешептывались эльдарские голоса.

Септимус набрал в грудь воздуха и спросил:

— Что они?..

Вариил заставил его замолчать яростным взглядом. Бледные глаза напряженно сощурились. Раб скрестил руки на груди, надеясь получить объяснение, но не теша себя особенными ожиданиями.

— Погоди, — наконец выдохнул Вариил, зажмурившись, чтобы лучше сосредоточиться на звуках чужого языка. — Что-то не так.

XXIII
ОБМАНУТЬ СУДЬБУ

Октавия делала то, на что уже очень давно не решалась. Она использовала свой дар для забавы, а не из необходимости или ради долга.

Море Душ вряд ли можно было назвать источником дешевых развлечений, и детство Октавии наполняли истории о навигаторах, которые слишком долго и слишком пристально вглядывались в течения варпа. После этого они видели мир совсем по-другому. Даже одного из потомков семьи Мерваллион — ее двоюродного брата Тралена Премара Мерваллиона — заперли в изоляционном резервуаре под их родовым шпилем, чтобы он больше не мог причинять себе вред. В последний раз, когда Октавия его видела, он покачивался на мутной воде амниотического бассейна, обмотанный смирительными ремнями, а вместо третьего глаза посреди лба у него красовалась дыра с рваными краями.

Девушка вздрогнула, когда в памяти всплыли пузыри, вырывавшиеся при смехе у него изо рта. Теперь он всегда смеялся. Она надеялась, что источник его безумного веселья служит хоть каким-то утешением, но не была настолько наивна, чтобы в это поверить.

Она не любила вспоминать о Тралене. Говорили, что навигаторы умирают, если лишаются варп-ока. Похоже, у этого прочного правила были редкие и не менее прочные исключения.

Пришлось потратить немало времени, чтобы успокоиться и решиться без всякой цели заглянуть за грань, но, когда она закрыла человеческие глаза и сняла бандану, остальное было проще простого. По правде, даже слишком просто — такое же ощущение испытываешь, срываясь с крутого склона, на который успел вскарабкаться до середины, — но она знала, что ей хватит силы вернуться.

Октавия, бывшая Эвридика из Дома Мерваллион, может, и не принадлежала к генетической линии, благословенной исключительным навигаторским даром,

однако опыт, полученный на борту норовистых и своевольных судов Восьмого легиона, отточил ее мастерство. Глядя в безбрежный черный океан, она невольно задумывалась о том, какие результаты показали бы сейчас тесты на профпригодность, проводившиеся на Священной Терре. Стала ли она сильнее или все дело в уверенности и опыте?

Ей не суждено было это узнать. Вероятность того, что она еще раз ступит на землю Тронного Мира, равнялась одному на миллион. Однако эта мысль уже не казалась такой горькой, как прежде. Октавия не могла сказать наверняка почему.

Но сейчас ею руководило любопытство. Менее эгоистичное и более извращенное любопытство, чем желание узнать собственную судьбу. Прозревать в Море Душ было просто — достаточно открыть ее третий глаз. Ей не требовалось находиться в варпе, в отличие от некоторых навигаторов. У каждого из них дар проявлялся по-разному. Ее отец, к примеру, мог прозревать в варп,

только когда открывал все три глаза. Октавия не знала, отчего это так, — у каждого из них были свои привычки.

Когда она видела, то просто вглядывалась с помощью тайного зрения в прилив и отлив сгустков темноты, бесплотных, но сходных с волнами моря, бесформенных, но переплетающихся, как змеи. Шаманы и ведьмы из первобытных эпох Старой Земли не смогли бы отличить это от ритуалов, позволявших им заглядывать в круги их мифической преисподней.

Но когда она искала, то каждый раз невольно задерживала дыхание до тех пор, пока истошно колотящееся сердце и боль в легких не заставляли ее вздохнуть снова. На каком-то логическом уровне она понимала, что проникает взглядом сквозь нечистые волны, а возможно, и оставляет в эфире части собственной личности — но эта метафизика ее мало интересовала. Важно было лишь то, что второе зрение помогало ей обнаружить.

В безумии эльдарской осады они снова и снова спасались бегством, двигаясь по

путям наименьшего сопротивления среди бурлящих потоков. Псайкерский вопль Талоса взбудоражил варп — эфирные вены воспалились и раздулись, а реки вышли из берегов. Она вела корабль, используя все свое мастерство и скорее доверяясь ветрам, чем проламываясь сквозь волны с угрозой разрушить судно. И все это время она то вглядывалась в кровоточащий варп, то прикладывала руку к растущему животу.

Теперь, когда на нее не давила необходимость управлять кораблем, Октавия могла всмотреться в имматериум. Она вглядывалась пристальнее, видела дальше, сквозь сотни оттенков черноты за пределами Астрономикона, разыскивая малейший проблеск света в бурлящих тучах.

В первый раз она хотела увидеть то, что сотворил Талос. Сталкивающиеся волны демонической материи, жестоко изрезанные, кровоточили у нее на глазах. Вещество истекало из ран и вливалось в другие эфирные громады. Они распадались и вновь сходились, рассыпались пеной и

разделялись на сгустки, порождали вопящие лица и поглощали их в тот же миг. Из кипящего прибоя протягивались руки, сгоравшие в пламени, не успев вцепиться в такие же шарящие конечности ближайших душ.

Октавия, внутренне собравшись, вгляделась глубже. Израненный варп — нет, поняла она, не израненный... возбужденный — тянулся все дальше и дальше, и кровоточащие потоки сливались, превращаясь в кровоточащий океан. Сколько миров тонуло в этом невидимом шторме? Сколько берегов затопил этот океан ужаса?

Она слышала в реве волн свое имя. Шепот, визг, утоляющий вопль...

Октавия отпрянула назад. Око варпа закрылось. Открылись человеческие глаза.

Октавия была так поражена тем, что Талос сотворил в десятках звездных систем, что на секунду отступил даже страх перед полетом сквозь эту бурю. Варп вечно находился в движении, и за часы, прошедшие с начала вопля, в нем закипела новая жизнь. Сейчас, однако,

навигатор была готова вести незнакомый корабль по гибельным морям.

Она надвинула на лоб бандану, собрала волосы в хвост и вытянулась в неудобном кресле, стараясь облегчить давление на позвоночник. Она лениво подумала о своих служителях, оставшихся за дверью и скучившихся в узком коридоре. Ей отчаянно не хватало Пса, и само осознание этого причиняло боль. И более того — и как же ненавистно было признаться в этом, даже себе самой, — она хотела, чтобы Септимус оказался здесь. Он всегда говорил невпопад, и все же... его застенчивая улыбка; тень насмешки в его глазах; то, как он свободно располагался на своем троне, независимо от степени угрозы...

Ну что за дурацкое место я выбрала, чтобы влюбиться, — подумала она. — Если это вообще любовь.

Октавия поерзала, усаживаясь поудобнее, и тут ее глаза расширились от внезапного шока. Словно боясь дотронуться до собственной плоти, она нерешительно опустила ладонь на живот, где впервые

шевельнулась новая жизнь.

Когда щиты пали, Талос на своем троне и не шелохнулся. Члены команды — по крайней мере те, что стояли, — полетели на пол, когда корабль пробрала свирепая дрожь. Двое безногих сервиторов выпали из своих рабочих ячеек. Беззвучно открывая и закрывая рты, они возили руками по полу, имитируя те движения, что выполняли на консолях.

— Щиты отключились, господин!.. — крикнул один из офицеров.

Да неужели? — ядовито подумал Талос.

— Понял, — выдавил он сквозь сжатые зубы.

— Какие будут приказы, сэр?

Пророк смотрел на серую планету до тех пор, пока ее угрюмое, испещренное оспинами лицо не заняло весь обзорный экран.

Близко. Уже так близко.

— Отчитайтесь о повреждениях, — приказал он.

Как будто судороги, сотрясавшие

«Эхо», сами по себе не были полным отчетом. Как будто ему требовалось дополнительное подтверждение того, что пульсарный огонь чужаков кромсал крейсер на куски с рекордной скоростью. Столько кораблей эльдаров, с такой огневой мощью... «Завету крови» за всю свою славную историю не приходилось терпеть такого урона. «Эхо проклятия» терпел его в первый и последний раз.

Взгляд широко распахнутых глаз офицера Ролена был прикован к экрану приборной панели.

— Господин... Господин, тут слишком много...

— Мы подошли достаточно близко, чтобы сбросить десантные капсулы?

— Я...

Талос перепрыгнул через ограждение и с грохотом приземлился рядом с офицером. Пророк сам уставился на экран, пытаясь извлечь подобие смысла из пробегающих рунических строк. С рыком он обернулся к женщине — оператору вокса.

— Начать высадку легиона! — прорычал он сквозь воцарившийся вокруг

них хаос.

Женщина, в униформе и с клеймом Красных Корсаров, поспешно застучала по клавишам на своей панели.

— Легион десантируется, лорд.

— Вокс-каналы, — потребовал он. — Сейчас же откройте вокс-каналы!

— Вокс, есть.

Трясущийся мостик заполнился хриплыми голосами братьев, почти терявшимися в грохоте обстрела.

— Говорит Талос. Всем силам легиона, — прокричал он, — рассчитаться! Подтвердить запуск.

Они отзывались — один за другим. Пророк слышал торжествующие вопли братьев, мешавшиеся с официальными отчетами: «Второй Коготь пошел», «Четвертый Коготь десантировался» и «Третий Коготь — запуск произведен». Оккулюс перенастроился и показал несколько «Громовых ястребов», в последний раз вырывающихся из ангара и несущихся к звездам, до предела разогнав двигатели.

Басовитое ворчание Малкариона

ознаменовало его отбытие:

— Встретимся на мертвой планете, Ловец Душ.

За этим последовали еще три подтверждения такими же рычащими механическими голосами. А затем оккулюс вспыхнул и на нем развернулась сцена, достойная преисподней из мифов: свирепые волны огня заливали обзорный экран, словно жидкое пламя.

— Мы в атмосфере! — завопил один из офицеров. — Ваши приказы?

— Какая разница? — заорал в ответ кто-то еще.

— Набирайте высоту! — крикнул товарищам один из штурманов.

Даже Талосу пришлось вцепиться в поручни, когда «Эхо», содрогнувшись до основания, вошел в неуправляемое пике. Пророк и не пытался представить, что осталось от корабля после того, как он столь жестоко прогнал его сквозь строй.

Западные двери мостика со скрежетом распахнулись, и на пороге возник силуэт Кириона, очерченный пламенем.

— Ты что, свихнулся? — передал он по воксу. — Живей гони его вверх.

Сейчас или никогда, — подумал Талос.

Он взбежал на тронное возвышение и схватился за подлокотник, чтобы удержаться на ногах при очередном рывке. Плавящийся оккулюс показывал то редкие тучи, то звезды, то землю — и снова по кругу.

Свободной рукой Талос схватил меч, прислоненный к трону, и вложил в ножны за спиной.

— Ты должен быть в десантной капсуле, — ответил он Кириону по воксу.

— Хотел бы я быть там, — отозвался брат. — Корма только что отвалилась.

— Ты шутишь!

— Никаких шуток и никаких двигателей. Мы в свободном падении.

Кирион вцепился в косяк двери, потому что его захлестнула волна бегущих с мостика людей.

— Идем же, — поторопил он.

Талос подбежал к нему, ухитряясь сохранять равновесие среди падающих под ноги смертных, на палубе, начисто

забывшей о законах физики.

Их мечи недолго держались в ножнах. Проталкиваясь сквозь коридоры, забитые плотной людской массой, они поднимали и опускали клинки, прорубаясь сквозь этот живой лес. Запах крови смешался с вонью пота и страха, ослепляя Талоса. Сквозь крики смутно пробивалась мысль, что он убивает членов собственной команды, но какое это имело значение? Все равно через несколько секунд они будут мертвы.

Кирион тяжело дышал, ломая спины и ноги смертных ударами ботинок с той же скоростью, с какой орудовал гладиусом.

— Мы умрем, — выдохнул он в вокс, — по твоей вине. Ты выжидал слишком долго.

Талос нанес очередной удар, разрубив человека от шеи и до пояса и переступив через падающие куски.

— Мог бы и не возвращаться, чтобы скулить тут передо мной.

— Мог бы и не возвращаться, — согласился Кирион, — но перед смертью каждому следует напомнить о его ошибках.

— Куда, во имя тысячи бездн, вы

подевались? — проорал по воксу Меркуций.

Талос выпотрошил еще одного бегущего члена команды, вогнав в него меч со спины и отшвырнув труп в сторону. Под доспехами с пророка градом тек пот — это уже сказывалось напряжение бесконечной рубки сквозь человеческие тела, запрудившие туннели. Целая орда смертных, сотни, грозившие превратиться в тысячи, прорывалась к спасательным капсулам. Однако дело было не в усталости: он мог кромсать их хоть весь день и всю ночь без перерыва. Дело было только во времени.

— Запускайте десантную капсулу, — передал Талос. — Меркуций, Узас, спускайтесь на Тсагуальсу.

— Ты рехнулся? — долетел напряженный ответ Меркуция.

— Мы сейчас ближе к спасательным капсулам командной палубы. Уходите.

Кирион выдернул гладиус из спины офицера в униформе. Дыхание второго легионера тоже стало прерывистым.

— Если, конечно, эти паразиты оставили нам хоть одну капсулу, —

пропыхтел он.

- - - Аве доминус нокс, Талос. Встретимся в катакомбах.

Талос услышал громкий скрежет открепляющихся когтей десантной капсулы и радостный вой Узаса. Спуск в атмосферу быстро вывел их из зоны действия вокса, оборвав в один миг и проклятия Меркуция, и хохот Узаса.

Талос и Кирион продолжали прорубаться вперед.

Шепот не смолкал. Тихие голоса переговаривались и пересмеивались, и каждый из них обволакивал, словно шелковый туман, невзирая даже на треск вокса.

Вариил слушал уже полчаса, и небрежный интерес, вскоре переросший в острое внимание, сейчас превращался в полную концентрацию. Септимус поглядывал на апотекария чаще, чем на гололит. Бесцветные губы Вариила непрерывно двигались, произнося чужие слова, которые тот мысленно переводил.

— В чем?.. — снова попытался

спросить Септимус, но поднятый кулак тут же заставил его замолчать.

Вариил ясно дал понять, что влепит рабу оплеуху, если он опять заговорит.

— Делтриан, — сказал апотекарий спустя несколько мгновений.

— Живодер? — откликнулся адепт.

— Правила игры изменились. Мне нужно попасть в предел слышимости вокса. Подведи нас к поверхности Тсагуальсы.

Глазные линзы Делтриана повернулись, меняя фокус.

— Я требую оснований для такого курса действий, полностью противоречащего нашим приказам и планам.

Внимание Вариила все еще было поглощено шипящей мелодией эльдарского языка. Септимус подумал, что это отчасти похоже на песню — песню, не предназначенную для чужих ушей, прекрасную, но леденящую кровь.

— Правила игры изменились, — повторил Вариил. — Как ты могли знать заранее? Не могли. Никогда бы не догадались, что все повернется так.

Он развернулся и обвел тесную командную палубу взглядом холодных голубых глаз, ни на чем не останавливающихся и ничего не выдающих.

Однако Делтриана не убедил далекий шепот, столь встревоживший Вариила.

— Я повторяю свой вопрос и переформулирую его так, чтобы это звучало как требование. Приведите мне адекватные причины или прекратите отдавать приказы, на которые у вас нет полномочий.

Взгляд Вариила наконец-то остановился на Делтриане, облаченном в красную орденскую мантию, с лицом-черепом, наполовину скрытым складками капюшона.

— Эльдары, — ответил Вариил. — Они шепчут о собственных пророчествах, о том, что в следующие десятилетия Восьмой легион будет истреблять их без жалости. Ты понимаешь? Они здесь не из-за псайкерского вопля Талоса. Они ни разу не упомянули о нем. Они говорят только о нашей глупости и о том, что надо

вырвать нити нежеланного будущего из тотка судьбы.

Делтриан издал сердитый треск кода ошибки, что заменяло ему презрительное фырканье.

— Довольно, — сказал он. — Колдовство чужаков не относится к делу. Суеверия ксеносов не относятся к делу. Имеют значение только наши приказы.

Взгляд Вариила вновь стал отстраненным. Апотекарий вслушивался в шипящие голоса чужаков, шепчущие свою странную песню.

— Нет, — моргнув, он снова уставился на жреца. — Ты не понимаешь. Они пытаются предотвратить какое-то будущее... то, что лишь должно свершиться. Будущее, в котором Талос поведет Восьмой легион в крестовый поход против их вымирающей расы. Они поют об этом, словно дети, возносящие молитвы богам в надежде, что те пожалеют их. Ты меня слышишь? Ты слышишь то, что я говорю?

Септимус попятился, когда Вариил шагнул вперед и навис над сидящим

жрецом. Никогда прежде он не видел Живодера таким возбужденным.

— Они сражаются за то, чтобы предотвратить пугающее их будущее, — процедил апотекарий сквозь зубы. — Предотвратить то, чего не могут допустить. Эти корабли... Для них это огромный риск. Колоссальная авантюра. Они загнали нас в угол с помощью кораблей, управляемых духами, чтобы сберечь свои драгоценные ксеносовские жизни для последнего удара. Вот как сильно они хотят смерти Талоса.

Делтриан повторил код отказа.

— Предположение, целиком основанное на перешептываниях ксеносов.

— А что, если они правы? Пророк Восьмого легиона восстанет в конце Темного Тысячелетия и нанесет эльдарам тира Ультве такой урон, которого их вырождающаяся раса не сможет выдержать. Неужели ты настолько слеп и глух ко всему, кроме своей работы, что не слышишь меня? Послушай меня, идолопоклонник: в том будущем, что они провидят, пророк поведет против них весь

легион. Эти ксеносовские псы уверены, что ему суждено объединить Восьмой легион.

Марлона, загрузчица боеприпасов примарис, уселась в противоперегрузочное кресло и трясущимися руками застегнула ремни. Щелк — клацнул первый замок. Щелк — клацнул второй. Сама того не осознавая, женщина бормотала и ругалась себе под нос.

Когда все покатилось под откос, благодаря слепой удаче Марлона оказалась на одной из верхних командных палуб, а не на своем рабочем посту. Загрузчица как раз направлялась к четвертой арсенальной палубе правого борта после того, как ее срочно выписали из апотекариона, — там она приводила в порядок аугментическую ногу, в которой опять что-то сломалось.

Нога по-прежнему не давала ей житья. Марлона сомневалась, что когда-нибудь сумеет привыкнуть к ней, несмотря на все уверения костоправов.

Сирены взвыли еще до того, как она сумела одолеть половину пути до своего рабочего места. Это была не быстрая

пульсация, означавшая призыв к боевым постам, и не долгие завывания, сигнализирующее о подготовке к варп-переходу. Этого сигнала Марлона никогда прежде не слышала, но поняла, что он означает, в первую же секунду.

Эвакуация.

Палубы захлестнула паника, члены команды как угорелые бросились во все стороны. Она была так близко к спасательным капсулам, что, даже хромая, ухитрялась оставаться впереди, — однако коридоры, ведущие к ангарам с капсулами, были забиты десятками еще более быстрых и удачливых беглецов.

Когда наконец-то подошла ее очередь, женщина, задыхаясь, дрожа и истекая потом, рухнула на последнее свободное сиденье в капсуле. За закрывающимся люком люди кричали и барабанили кулаками в стены. Кого-то затаптывали. Кто-то стрелял и орудовал ножом, пытаясь забраться в капсулу прежде, чем остов корабля проделает в серой поверхности планеты здоровенный кратер.

Даже сквозь волну облегчения,

пришедшую с последним щелчком, женщина невольно ощутила жалость к тем, кто все еще оставался в ловушке и боролся за место в шлюпке. Она не могла отвести взгляд от их лиц и кулаков, прижатых к армированному стеклу.

Пока она глядела на них, беззвучно шепча «простите» каждой паре отчаянных глаз, стену вопящих лиц разъел красно-синий ураган. По иллюминаторам размазалась кровь, а за этой пленкой плясали неясные тени.

— Какого!.. — выдохнул один из членов команды, сидевший в кресле напротив.

Дверь содрогнулась куда сильнее, чем от всех кулачных ударов и проклятий вместе взятых. Потом снова и еще сильней, вплоть до бронированного каркаса.

После третьего рывка она распахнулась, впустив внутрь обжигающе горячий воздух и открыв сидящим в шлюпке сцену, достойную скотобойни.

Двое их повелителей стояли снаружи по колено в трупах и с окровавленными мечами в руках. Один, пригнувшись, забрался в тесную капсулу. Все кресла

были заняты, и, даже будь они свободны, ни один легионер не сумел бы втиснуть свое гигантское, закованное в доспех тело в противоперегрузочное кресло, предназначенное для людей.

Без всяких разговоров и колебаний Повелитель Ночи вонзил золотой меч в грудь ближайшего человека и стащил бьющееся в конвульсиях тело с сиденья. Ремни лопнули, и легионер вышвырнул труп в коридор, к остальным убитым.

Вошел второй легионер. Сервосуставы его брони взревели, когда он последовал примеру брата. Второй смертный опозорил себя всхлипываниями и мольбами, прежде чем его разрубили на куски. Следом за ним в коридор полетели два сорванных с креплений противоперегрузочных кресла. Двое гигантов собирались очистить шлюпку, чтобы освободить место для себя.

Марлона изо всех сил задергала ремни. Тем временем погиб третий человек и его тело отправилось наружу.

— Я выйду! — закричала она. — Я выйду, выйду — клянусь, я уже выхожу!

На нее упала горбатая тень, заслонив и без того тусклый красный свет аварийных ламп. Женщина подняла голову...

— Я тебя знаю, — прорычал господин сквозь решетку вокса. — Септимус поругался с одним из смертных хирургов, чтобы ты получила эту ногу.

— Да... да...

Марлоне казалось, что она отвечает легионеру, хотя на самом деле женщина не была даже уверена в том, что говорит вслух.

Повелитель Ночи протянул руку и захлопнул армированную дверь, оставив кровавое месиво снаружи.

— Летим, — прорычал он брату.

Второй воин, вынужденный стоять в такой же сгорбленной позе, потянулся к центральной колоне и опустил спусковые рычаги: первый, второй и третий.

Капсула дернулась в ячейке, и рев двигателей превратился в заунывный вой.

Когда спасательная капсула отделилась от корабля, Марлона почувствовала, что пол уходит из-под ног,

а желудок в ту же секунду взмывает к горлу. Женщина не знала, кричала она или смеялась, пока капсула с грохотом уносила их к безопасности, — но, вообще-то, она кричала и смеялась одновременно.

Делтриану пришлось признать, что решение далось ему нелегко. Талос потребовал от него четких и логичных действий, но слова апотекария (несмотря на всю его неуместную эмоциональность) звучали крайне убедительно.

Однако в конечном счете все свелось к практической стороне вопроса и подсчету вероятностей. Делтриан разбирался в этом лучше любого другого.

— Расчет вероятности того, что это судно переживет прямое столкновение с вражеским флотом, потребует вычислений, недоступных биологическому мозгу. Достаточно будет сказать в более понятных для вас терминах, что шансы не в нашу пользу.

Будь он способен на искреннюю улыбку, а не на оскал, по сути представлявший побочный продукт его

лицевого строения, возможно, в этот момент Делтриан улыбнулся бы. Он был чрезвычайно горд тем, что сумел выразиться столь мягко.

Вариила, однако, это не впечатлило и не позабавило.

— Напряги те шестеренки, что вращаются в твоей черепной коробке, — сказал он. — Если эльдары так боятся исполнения пророчества, значит существует шанс, что Талос переживет наземное сражение. И этот шанс — мы. Судьба моего брата куда выше, чем жалкая смерть в пыли этого никчемного мирка, и я собираюсь дать ему шанс исполнить свое предназначение.

Бесстрастная маска Делтриана не изменила выражения.

— Имеют значение только последние приказы Талоса, — объявил он. — Мое судно сейчас представляет собой хранилище геносемени сотни с лишним павших легионеров Восьмого. Этот генетический материал обязан достичь Великого Ока. Я дал клятву Талосу. Я ему обещал.

Последние слова причинили ему

видимое неудобство.

— Тогда беги. А я остаюсь. — Вариил снова обернулся в Септимусу. — Ты. Седьмой.

— Господин?

— Подготовь свой катер. Ты доставишь меня на Тсагуальсу.

XXIV
КАТАКОМБЫ

Десять тысячелетий назад крепость дерзко вздымала к небу высокие шпили. Она была одним из последних оплотов в материальной вселенной, несущих миру весть о непобедимости Легионес Астартес. Приход Прародителей превратил это утверждение в ложь. Прошедшие с тех пор века были не добрее. Неровные, выщербленные остатки стен вздымались из безжизненной земли, перемолотые давними взрывами и зубами миллионов песчаных бурь.

От горделивых стен крепости осталось немногое, кроме холмов щебенки, наполовину похороненных в серой пыли. Там, где стены устояли, они лишились зубцов и обветшали. В них не сохранилось ни капли величия, и прошедшие века почти сровняли их с землей.

Талос стоял среди хмурых развалин, наблюдая за гибелью «Эха проклятия». Ветер стегал его доспех каменным

крошевом — воин находился на открытом месте, окруженный беззубыми, обвалившимися стенами. Крейсер-мучитель медленно рушился к горизонту, рассыпая по пути горящие обломки и волоча за собой густой дымный султан.

— Сколько человек оставалось на корабле? — спросил женский голос рядом с ним.

Талос и не взглянул вниз — он успел забыть, что Марлона все еще была здесь. Тот факт, что она вообще задавалась этим вопросом, нагляднее всего показывал огромную пропасть между ними.

— Не знаю, — ответил он.

Истина состояла в том, что ему было безразлично. Его создатели превратили его в оружие. Он не чувствовал вины за утраченную человечность, даже когда его заставали врасплох, как сейчас.

«Эхо проклятия» скрылся за горной цепью на юге. Талос увидел вспышку взорвавшегося реактора, осветившую небо на миг болезненно ярко, словно второй закат.

— Раз, — начал отсчитывать он. — Два. Три. Четыре. Пять.

Над ними прокатился громовой раскат. Он был слабее, чем рев настоящей бури, но оттого прозвучал еще более скорбно.

— Последний крик «Эха», — сказал за спиной Кирион.

Талос кивнул.

— Пошли. Эльдары скоро будут здесь.

Двое воинов обогнули спасательную капсулу и углубились в неровные, изъеденные эрозией развалины. Марлона изо всех сил старалась не отставать и не потерять из виду двух легионеров. Те крались по обрушившимся зданиям и остаткам стен, выискивая уцелевший туннель, который вывел бы их к катакомбам.

Спустя несколько минут они наткнулись на пустую десантную капсулу легиона. Вся краска на обшивке сгорела во время падения, а люк был распахнут настежь. Капсула пробила ветхую крышу некогда величественного зала с куполообразным потолком. Теперь здесь

стояли лишь две стены, поддерживающие часть свода и похожие на нечистые руины, откопанные ксеноархеологами на давно погибших мирах. От их некогда величественной твердыни остались лишь осколки — словно остатки мертвой цивилизации, извлеченные на свет через тысячу лет после ее исчезновения.

Марлона услышала щелчки: воины переговаривались по встроенным в шлемы воксам. Собравшись с духом, она спросила:

— Можно мне пойти с вами?

— Это неразумно, — сказал ей Кирион. — Если хочешь жить, лучше всего тебе отправиться на юг. Через три недели ты выйдешь к городу, который мы пощадили. Если Вопль был достаточно громким, однажды ночью явится Империум и спасет вас.

Марлона не понимала, что все это значит. Она твердо знала лишь одно — ей не пережить трехнедельного путешествия без воды и пищи, не говоря уже о песчаных бурях.

— Кай, — вмешался второй Повелитель Ночи, — какая разница, идет

она с нами или нет?

— Да пожалуйста.

— Если хочешь, можешь спуститься с нами в катакомбы, человек, — сказал Талос. — Только помни, что и нам самим осталось жить не больше нескольких часов. Смерть придет быстрее, чем в пустыне, и у нас нет времени возиться с тобой. Нам предстоит битва.

Марлона согнула и разогнула поврежденное колено. Боль пульсировала там, где протез соединялся с живой тканью.

— Я не могу оставаться наверху. Там найдется место, где спрятаться?

— Конечно, — ответил Талос. — Но ты будешь слепа. Там, куда ты идем, нет света.

Септимус прислушивался к вою пробудившихся двигателей. Именно здесь он чувствовал себя на месте — в пилотском кресле «Грозового ястреба» по имени «Опаленный».

Вариил сидел на троне второго пилота. Шлема он так и не надел и по-

прежнему пялился в никуда. Временами апотекарий задумчиво проводил большим пальцем по бледным губам.

— Септимус, — сказал он, когда двигатели ожили.

— Господин?

— Какова вероятность того, что мы незамеченными доберемся до Тсагуальсы?

Даже гадать было бесполезно, поэтому раб ответил:

— Я... ничего не знаю об эльдарах и об их технологиях обнаружения кораблей противника, господин.

Вариил все еще витал мыслями где-то вдали.

— «Опаленный» мал, а космос почти безграничен. Воспользуйся этими преимуществами. Держись ближе к астероидам.

Септимус взглянул на двери ангара. После того как сюда поместили катер и груду чего-то, что, по утверждению Делтриана, было «жизненно важным оборудованием», на единственной посадочной палубе «Эпсилон К-41 Сигма Сигма А:2» практически не осталось

места. Даже «Громовой ястреб» был настолько набит снаряжением и древней машинерией из Зала Воспоминаний, что впихнуть туда еще одного члена экипажа стало бы невозможно. Необходимость расстаться с катером отнюдь не привела Делтриана в восторг.

Поговорить с Октавией Септимус не успел. Все, что он смог себе позволить, — это короткое сообщение по воксу в ее каюту. В любом случае он слабо представлял, что тут можно сказать. Как объяснить, что, скорее всего, он все-таки погибнет на планете внизу? И как убедить ее, что Делтриан позаботится о ней после того, как они достигнут Великого Ока?

В результате Септимус что-то невнятно пробормотал на смеси нострамантского и готика, и получилось, как всегда, неловко. Он попытался сказать Октавии, что любит ее, но и тут его покинуло вдохновение. Вряд ли это можно было назвать красноречивым признанием.

Она не ответила. Септимус даже не знал, получила ли она сообщение. Если

нет, то, возможно, и к лучшему.

Пилот включил программу запуска и поднял передний трап. Люк под рубкой закрылся с механическим лязгом.

— Катер загерметизирован и готов к отлету, — отрапортовал он.

Вариил выслушал все так же рассеянно и кратко ответил:

— Стартуй.

Септимус взялся за рычаги управления. Двигатели заревели громче, почувствовав его руку, и по коже пробежали мурашки. Глубоко вздохнув, он вывел корабль из тесного ангара в открытый космос.

— А вы думали о том, что можете ошибаться? — спросил он Живодера. — Я имею в виду, насчет того, что Талос должен выжить.

Аптекарий кивнул:

— Это приходило мне в голову, раб. И этот вариант тоже кажется мне любопытным.

Минуты проходили в темноте, но не в тишине.

Талос оглядывал подземелье сквозь красную завесу. Линзы шлема без всяких усилий пронзали мрак подземного коридора. Краем глаза воин видел тактические данные — непрерывно прокатывающиеся по ретинальному дисплею столбцы крошечных белых рун. Пророк не обращал на них никакого внимания, за исключением жизненных показателей брата. Те были в пределах нормы.

Тсагуальса так и не стала им настоящим домом. Прогулка по ее заброшенным залам порождала что-то вроде тревожной меланхолии, но не ярость и не подлинную печаль.

Смертная рабыня пробыла с ними недолго. В первые же несколько минут они обогнали хромую и теперь бесшумно скользили по коридорам, пытаясь засечь вокс-передачи братьев. Какое-то время Талос слышал ее крики и плач во мраке далеко позади. Он заметил, как Кирион вздрогнул, — несомненно, это невольная физическая реакция на ее страх. Рот пророка заполнился кислой слюной.

Напоминание о затронувшей брата скверне — пусть безопасной и почти незаметной — было ему неприятно.

— Лучше бы она осталась на равнинах, — передал Кирион.

Талос промолчал. Он шагал впереди, выбирая дорогу в путанице туннелей и прислушиваясь к перекликающимся в вокс-сети голосам. Братья из других Когтей смеялись, готовились к сражению и клялись выпустить эльдарам кишки, прежде чем сами падут в бою.

Его губы за наличником шлема скривились в улыбке. Забавно было все это слышать. Остатки десятой и одиннадцатой рот стояли на краю смерти, были загнаны в угол, как крысы, и все же никогда их голоса не звучали столь оживленно.

Малкарион доложил, что он в одиночестве идет по самым близким к поверхности туннелям. Когда Когти запротестовали и возмущенно завопили, что он должен сразиться рядом с ними, военный теоретик обозвал их глупцами и отключил вокс-связь.

Они нашли Меркуция и Узаса меньше чем через час. Первый обнял Узаса и сжал его запястье в традиционном приветствии. Второй стоял молча, с отсутствующим видом и хрипло дышал в вокс. Все они слышали, как Узас облизывает зубы.

— Другие Когти готовятся держать оборону в таких же залах. — Меркуций указал на северный и южный дверные проемы, раскрытые настежь, потому что сами двери давно распались в прах и превратились в воспоминание.

Талос понял, что брат имеет в виду: два выхода делали оборону зала относительно легкой по сравнению с другими помещениями сходного размера, и в то же время оставляли им место для маневра. Меркуций снова поднял руку, и Талос, проследив за ним взглядом, увидел отверстие высоко в западной стене. Когда-то оно вело в лабиринт технических коммуникаций.

— При отступлении они хотят воспользоваться служебными туннелями.

— А ты туда влезешь? —

поинтересовался Кирион, тщательно проверяя болтер. — Они были построены для сервиторов. Когда мы бежали отсюда, половина ходов оказалась для нас слишком узкими.

— Я проверил ближайшие туннели, — ответил Меркуций. — Несколько заканчиваются тупиком, но всегда есть обходные пути. Кроме этого, я вижу только один вариант — прокапываться через сотни обрушившихся коридоров.

Талос оглядел комнату. Когда-то здесь помещался тренировочный зал другой роты, но от прежней обстановки ничего не осталось. Сквозь красный светофильтр линз видны были только голые каменные стены. Остальная часть катакомб выглядела точно так же. Весь лабиринт состоял из безжизненных и пустых развалин.

— Что с боеприпасами?

Меркуций снова кивнул:

— Уже сделано. Капсулы сервиторов приземлились неподалеку. Что касается катеров, то с ними не все так просто. Неизвестно, кто сумел совершить посадку.

Наши грузовые сервиторы здесь, внизу, в безопасности. Они в полукилометре к западу отсюда. Я тебя туда отведу. На пути слишком много обвалившихся туннелей, так что легче пройти служебными ходами.

— Значит, они все-таки проскользнули, — заметил Кирион. — Наконец-то нам повезло.

— Многим не удалось, — охладил его пыл Талос, — если судить по вокс-передачам. Но мы протащили сюда достаточно боеприпасов, чтобы эльдарам пришлось спеть тысячу новых погребальных песен.

— Наш основной груз цел? — спросил Кирион.

В кои-то веки отозвался Ужас:

— О да. С нетерпением жду этой части представления.

Когда Первый Коготь забрался в туннель и пополз по нему, лязгая и гремя доспехами, Талос получил по воксу первый отчет о начавшемся бое.

— Третий Коготь на связи. — В голосе брата все еще слышались отзвуки

стеха. — Братья, чужаки нас обнаружили.

Септимус искал правильный подход. Скорость была важна, но приходилось прижиматься к каждому астероиду и держаться в его тени как можно дольше, прежде чем нестись к следующему. И, как будто одного этого было мало, требовалось еще следить за тем, чтобы не перегревались двигатели — чтобы эльдары, сейчас расположившиеся на высокой орбите над крепостью, не могли вычислить их по термическому следу.

Их полет не продлился и десяти минут, когда Вариил, прикрыв глаза, изумленно покачал головой и негромко сказал в пространство:

— У нас на борту гости.

Шаги за спиной заставили Септимуса вывернуть шею и оглянуться через плечо. Катер тут же замедлил ход.

У двери, ведущей в тесную рубку, стояли три служителя Октавии. Он почти мгновенно узнал Вуларай. Двумя другими, по всей вероятности, были Хирак и Фолли, хотя под рваными плащами и

повязками на руках мог скрываться кто угодно.

Септимус вновь обернулся к лобовому стеклу кабины и заложил плавный вираж вокруг следующего небольшого астероида. Корпус непрерывно царапали мелкие пылевые частицы.

— Вы спрятались на борту до отлета? — спросил он.

— Да, — подтвердил один из мужчин.

— Это она вас послала? — продолжал расспросы Септимус.

— Мы повинуемся госпоже, — ответил тот, кто мог быть Хираком.

Если говорить откровенно, различить служителей и по голосу было невозможно, потому что их речь звучала совершенно одинаково.

Голубые глаза Вариила с нехорошим выражением уставились на Вуларай. Та была завернута в плотный плащ, однако, несмотря на закрывавшие лицо пилотские очки, из-под повязок просвечивала бледная кожа.

— Эта маскировка может обмануть Механикум, — произнес Вариил, — но

попытка провернуть то же самое со мной комична почти до боли.

Вуларай начала снимать повязки с рук. Септимус рискнул еще раз оглянуться через плечо.

— Лети. — Взгляд Живодера не сулил добра. — Сосредоточься на своих обязанностях.

Последние бинты наконец-то упали на палубу. Вуларай отшвырнула тяжелый плащ, затем сняла пилотские очки и проверила, на месте ли бандана.

— Ты не бросишь меня одну на этом ржавом корыте в компании механической нежити, — сказала Октавия. — Я лечу с тобой.

Делтриан шагал к каюте Октавии по бочкообразному брюху корабля. Техножрец пытался скрыть раздражение и не выдать его ни голосом, ни походкой.

Когда он отдал приказ пилоту-сервитору продвигаться сквозь астероидное поле, все шло как надо.

И когда он вычислил наилучшие координаты для входа в варп с

минимальным риском привлечь внимание эльдарских рейдеров или наткнуться на астероид, все опять шло как надо.

И когда он приказал готовить варп-двигатели к прорыву ткани реальности, все еще шло как надо.

Но когда он велел Октавии подготовиться к переходу и не получил ни ответа, ни подтверждения — в отлаженном процессе случился первый сбой.

Повторные попытки связаться с ней тоже ни к чему не привели.

Неприемлемо.

Совершенно, совершенно неприемлемо.

Он приказал вновь отвести судно в укрытие и сам направился к ее покоям.

Несколько ее служителей рассыпались в стороны, заметив поспешно приближавшегося техножреца. Одно это вызвало бы подозрения у тех, кто был близко знаком с навигатором, но Делтриан не принадлежал к их числу.

Тощие пальцы техножреца быстро справились с замком, и, войдя в тесную комнатушку, Делтриан остановился перед

опутанным кабелями троном.

— Ты, — начал он, готовясь произнести длинную и гневную тираду, центральными темами которой были долг и послушание, а также такие дополнительные аспекты, как самосохранение и животный страх перед смертью.

На троне Октавии, закинув ноги на подлокотник, восседала Вуларай. Без бинтов она выглядела неважно — сквозь бледную плоть просвечивали вены, черные и распухшие, паучьей сеткой сплетавшиеся под истончившейся кожей. Глаза ее были усталыми, наполовину затянутыми катарактой и с темными кругами.

Несколько секунд Делтриан каталогизировал список внешних мутаций, поразивших сидевшую перед ним женщину. По некоторым стандартам варп был к ней еще милосерден, однако общий эффект впечатлял: под тонкой пленкой плоти видны были очертания костей, вен, мышц и даже сердца, бьющегося вразнобой с судорожной работой отекших легких.

— Ты не Октавия, — вокализировал он.

Вуларай усмехнулась, обнажив изъязвленные десны, утыканные дешевыми железными зубами.

— И как же ты догадался?

Талос вошел в зал первым. Пророк осмотрел пустую комнату, и взгляд его задержался на единственных живых существах в ней, не считая его самого. Пятнадцать сервиторов стояли, отвесив челюсти, слишком безмозглые, чтобы их назвать терпеливыми. Почти у всех вместо рук были инструменты или грузовые манипуляторы.

Первый Коготь подошел к ящикам, которые доставили в глубины лабиринта лоботомированные рабы. Талос первым вытащил оружие. В его перчатках оказалась массивная пушка — длинное многоствольное орудие, редко использовавшееся в Восьмом легионе.

Кинув взгляд на ближайших сервиторов, он бросил пушку обратно в ящик. Орудие упало на керамитовый нагрудник с толстым слоем брони и гордым символом аквилы, разбитым

ударом ритуального молота.

— У нас мало времени, — сказал пророк. — Давайте начнем.

XXV
ТЕНИ

Чернее прятавших их теней, они крались по коридору. Зрение у него уже было не то, что прежде, — приходилось полагаться не только на очертания предметов, но и на движение, — но он видел, как враги приближаются. Их шаги были плавными, призрачно-легкими, удивительно согласованными и... единственное слово, пришедшее ему на ум, было «чужими». Чужие. Несмотря на точность определения, всматриваясь в приближающихся созданий, он чувствовал, что слово недостаточно поэтично.

Он мало знал об этой расе ксеносов. Безжалостный град снарядов его автопушки разрывал их плоть, как и человеческую. Это не удивляло, хотя и внушало уверенность. Глядя, как чужаки покрыты кусками мяса падают к его ногам, воин вряд ли бы пополнил запас сведений о них.

Если бы он мог, то склонился бы над

трупами, сорвал пробитые доспехи и узнал бы все необходимое, отведав их плоть. Как только вражеская кровь коснулась бы его губ, генетически измененный метаболизм снабдил бы его интуитивными знаниями о павшей добыче. В нынешнем существовании, до сих пор непонятном, это входило в число тех вещей, которых ему больше всего не хватало, — возможности распробовать отнятую жизнь на вкус.

Эльдары. Их выдержка и молчание восхищали его так же сильно, как отвращала скользящая грация движений. Один из них, беззащитный в своей хрупкой броне из перекрывающихся пластин, размазался по левой стене влажным кровавым пятном. Осколки его доспехов залязгали об пол.

Он не мог прикончить их всех с помощью медлительной пушки, заменявшей ему руку. Несколько чужаков, ловко петляя и уворачиваясь, вытащили цепные мечи. Клинки как будто возникли из воздуха в их руках.

Повелитель Ночи расхохотался. По

крайней мере, сделал такую попытку. Он давился трубками и проводами, имплантированными в глотку и горло, а на выходе получался скрежещущий звук смены передач.

Убежать от них он не мог, но все равно требовалось отступить и собраться. Ощущение цепных мечей, рубящих и кромсающих уязвимые сочленения доспеха, было странным — в отсутствие боли и кожи это превратилось в почти забавную чесотку. Теперь, когда они стояли почти вплотную, он не мог различить отдельных фигур, но клинки чужаков, вгрызшиеся в сервосуставы дредноута, освещали коридор снопами искр.

— С меня хватит! — прорычал он и обрушил вниз второй кулак.

Сервомоторы и мышечные волокна нового тела одарили воина силой и скоростью, далеко превосходящей его возможности при жизни. Кулак врезался в каменный пол. Коридор содрогнулся, с потолка посыпалась пыль. Злосчастный ксенос, угодивший под удар, кровавой кашей размазался по полу.

Малкарион развернулся вдоль поясной оси и снова размахнулся. Кулак продолжал дробить и крушить, а установленный на нем огнемет изрыгнул струю жидкого пламени. Чужаки отпрянули, но недостаточно быстро. Двое погибли под его кулаком, а один, взвыв, растворился в потоке едкого огня.

Дредноут глубоко вдохнул в себя запах вновь опустевшего коридора. Вместо ледяного воздуха, пахнущего убийством, его легкие наполнились обогащенной кислородом жидкостью, наполнявшей саркофаг. Единственным запахом была химическая вонь тепловатого содержимого его узилища.

Когда он вздрогнул, металлическое тело дернулось, с автоматическим щелчком перезарядив автопушку. Когда вздохнул, из саркофага вырвался лишь механический рык.

Он почти поддался искушению снова войти в вокс-сеть, но раболепное внимание тех, кем он когда-то командовал, было ему сейчас ни к чему. Вместо этого, он продолжил охоту в одиночестве, стараясь

выжать максимум удовольствия из своего нового тела.

Малкарион прошел мимо худосочных трупов убитых им чужаков. Коридор вздрагивал при каждом его грузном шаге. Без всякого шанса подкрасться незаметно он вынужден был играть в другую игру.

— Эльдары, — прорычал он, — я иду за вами!

Люкориф, скорчившись на стене с обрушившимися зубцами, следил за небом. Он слышал, как братья за спиной пожирали эльдаров, но сам не принял участия в их пиршестве. Прежде он пробовал плоть чужаков и желания повторить этот опыт не имел. Их кровь была жидкой и кислой, а кожа пресной, без того солоноватого, богатого вкуса, что ласкал язык с каждым глотком человеческого мяса.

Вождь Кровоточащих Глаз не мог определить, откуда появлялись эльдары. Несмотря на то что он упрямо наблюдал за небом и отказывался спускаться в катакомбы, никаких признаков вражеских кораблей он не замечал. И все же они

откуда-то возникали: все новые и новые чужаки выходили из-за обвалившихся стен или вырисовывались на верхушках рухнувших шпилей.

Руины крепости раскинулись на много километров во всех направлениях. Люкориф знал, что его рапторы не смогут оборонять весь этот периметр, хотя заставлял их выложиться по полной. Больше всего его удивляла численность отрядов противника, идущая вразрез со всеми ожиданиями. У них было достаточно кораблей на орбите, чтобы высадить целую армию. Вместо этого он видел, как в лабиринт спускаются небольшие группы стрелков и разведчиков, и расправлялся с теми немногими, что оставались на поверхности.

Словно подслушав мысли раптора, двигатели за его спиной сочувственно взвыли.

— Корабли-призраки, — произнес он.

Лишь один из Кровоточащих Глаз поднял голову от своей трапезы.

— Ты что-то сказал? — прошипел Вораша.

Люкориф ткнул в небо отключенными когтями-молниями.

— Корабли-призраки. Суда из кости и мертвые души, дрейфующие в пустоте. Вместо команды там призраки эльдаров.

— Ультве, — сказал Вораша, словно другого подтверждения и не требовалось.

— Безмолвные корабли, управляемые костями, с воспоминаниями вместо капитанов. Непобедимая армада в небесах, но на земле? — Голова Люкорифа дернулась от мышечной судороги. — Они не так уж сильны. Не так уж многочисленны. Теперь мы знаем, почему они чувствовали себя королями наверху, но опасались земли.

Раптор медленно перевел дыхание, втянув сквозь ротовую решетку нечистый воздух планеты. При каждом выдохе клубились облачка пара.

— Я что-то вижу, — сказал он.

— Еще эльдары? — просил один из стаи.

— Тень, прячущаяся в другой тени. Там. — Он указал на свесившийся козырек покосившегося каменного строения. — И там. И там. Похоже, их много.

Вызов на бой прозвучал на языке, которого Люкориф не понимал, и вырвался из горла, которое он страстно желал перерезать. Эльдарский воин стоял на коленях на стене в двух сотнях метрах от раптора. В руке чужак держал кривой клинок, а за спиной его раскинулись огромные орлиные крылья.

Как только крик прозвучал в стылом воздухе, на свет выступили еще четыре крылатые фигуры. Каждый из них скорчился на верхушке обвалившейся башни или стены.

— Кровоточащие Глаза, — прошипел Люкориф братьям, — наконец-то у нас появилась достойная добыча.

Узас и Меркуций были первыми. Без молитв и благословений Механикум подготовка заняла значительно меньше времени. Пока братья облачались, Талос и Кирион дежурили у входа в северный и южный туннели, прислушиваясь к шуму битвы в вокс-сети.

— Доспех активирован, — передал Меркуций Талосу. — Узас тоже готов.

— Это заняло почти полчаса, — заметил Кирион. — Все еще долгий процесс, даже без бредней служителей машинного культа.

— Достаточно быстро, — ответил Талос. — Меркуций, Узас, прикройте нас.

Талос ждал до тех пор, пока по коридору не прокатился низкий механический лязг. Каждый шаг звучал как громовой раскат.

— Твоя очередь, — проревел измененный воксом голос Узаса.

Новый шлем был удлиненным, с бивнями, рубиновыми глазными линзами и демоническим черепом, нарисованным на наличнике. Доспех издавал постоянный рокочущий шум и в ширину заполнял собой половину коридора.

— Как ощущения? — спросил брата Талос.

Узас выпрямился вопреки обычной сутулости, которую броня придавала осанке воина, и силовые генераторы загудели громче. В одной руке он держал тяжелый болтер новой модели. Изображения аквилы на оружии были

осквернены царапинами и частично оплавлены. Другую венчал силовой кулак. Массивные пальцы перчатки сжались, как закрывающийся венчик уродливого цветка.

На одном плече, под бронзовой эмблемой Восьмого легиона, прикрепленной к броне толстыми стальными заклепками, прятался разбитый символ ордена Саламандр — дракон.

— Я чувствую мощь, — сказал Узас. — А теперь поспеши. Я хочу начать охоту.

Они отвечали криком на крик и ударом на удар. Кровоточащие Глаза взвились в воздух на ревущих двигателях, наполнив небо клубами черного дыма в погоне за добычей. Эльдары, облаченные в изящную броню незапятнанно-голубого цвета, отвечали на яростные вопли рапторов собственным боевым кличем, пронзительным и настешливым.

Бой был грязным. Люкориф знал, как разыграется битва, с первой же секунды. Эльдары бежали, рапторы преследовали. Большинство ксеносовских небесных дев

было вооружено легкими лазерными винтовками, жалящими небо лучами ослепительной энергии. Им требовалось держаться на расстоянии, в то время как рапторы огласили округу пальбой болтеров, поражающих цель на близкой дистанции, и отчаянным воем оголодавших цепных клинков.

Первым из братьев пал Тзек. Люкориф услышал предсмертный хрип — сдавленное бульканье в разорванном горле и наполненных кровью легких, — а затем визг сбоящего двигателя. Раптор извернулся в воздухе, взмахами когтей удерживая собственную противницу на расстоянии. Он оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как тело Тзека обрушилось на бугристую землю.

Рот Люкорифа наполнился шипящей кислотой, язык защипало. Тзек был рядом с ним все эти долгие годы их общего нелинейного времени, с самой первой ночи Последней Осады. При виде того, как этот благородный дух повержен в прах ксеносовской мразью, раптор испытал такую ярость, что сплюнул.

Эльдарка откинулась назад. Ястребиные крылья вспороли воздух с мелодичным звоном, и она перевернулась в воздухе с не меньшим изяществом, чем хищная птица. Комок едкой слюны пролетел мимо.

Люкориф погнался за ней. Двигатели за его спиной ревели, изрыгая дым, в противоположность музыкальному скольжению эльдарки. Когти раптора вспарывали лишь воздух — ксеносовская сучка плясала, изгибаясь и подныривая под удары, словно парила на термальных потоках.

Раптор испустил вопль разочарования, не в силах больше сдерживаться. То ли крик отнес в сторону ветер, то ли покатый, гребнистый шлем эльдарки спас ее слуховые перепонки, но она как будто и не заметила.

Эльдарская дева взлетела выше, кружась в небе. За ее клинком стелилось электрическое пламя. Люкориф из Кровоточащих Глаз преследовал ее, и из его клыкастой пасти вырывался визг, способный соперничать с ревом

протестующих турбин.

Грация эльдарки могла помочь ей только в свободном полете, а в прямом и честном бою у нее не было шанса. Оба противника поняли это одновременно. Люкориф нагнал ее сзади и распорол крылья ударом когтей, на кончиках которых плясали молнии. Лезвия рассекли композитный материал, изготовленный чужаками, искалечив летунью.

Издав еще один боевой клич, она перевернулась в воздухе и взмахнула мечом, уже начав падать. Раптор парировал удар. Клинок эльдарки заскрежетал по его силовым когтям. Вцепившись свободной рукой ей в горло, Люкориф на краткий, но упоительный миг задержал ее падение.

— Сладких снов, крошка, — выдохнул он в наличник ее шлема и разжал пальцы.

Эльдарка полетела к земле, с точностью повторяя бесславное падение Тзека.

Смех замер у него на губах, не успев родиться: не прошло и трех секунд, как один из сородичей перехватил ее в воздухе

у самой земли и начал медленно опускаться.

— Я так не думаю, — прошипел раптор и, вытянувшись, сам понесся вниз.

Сквозь вой ветра Люкориф слышал голоса ксеносов, перекрикивающиеся на их щебечущем языке. Ему пришлось круто свернуть, избегая зубчатой молнии из пистолета, но у эльдара, несущего спасенную, не было шанса обогнать раптора. Люкориф упал на них сверху, как стрела, и, вонзив когти в грудь обоим противникам, принялся раздирать их на части.

Он закричал от усилия, и его торжествующий вопль эхом раскатился в небе. Девушка-эльдарка с оторванными крыльями упала в одну сторону и, перевернувшись в воздухе, разбилась о землю. Мужчина отлетел в другую. Кровь хлестала из пробоин в его нагруднике. Его крылья затрепетали, пытаясь удержать хозяина в воздухе, но окровавленные когти Люкорифа положили конец его полету. Раптор ухмыльнулся, когда эльдар, рухнув на землю, покатился по камням, теряя по

пути куски плоти.

Люкориф все еще улыбался, когда, обернувшись, он стал свидетелем смерти Бораши. Брат, разжав когти, выпустил противника и камнем понесся вниз, рассыпая клочья окровавленного мяса и осколки брони. Эльдар, в упор застреливший Борашу, перевернулся в воздухе и поднял винтовку, целясь в Люкорифа.

С покрытых рубцами губ вожака рапторов сорвался еще один вопль. Разогнавшись, он ринулся вниз.

Талос вел Первый Коготь по коридорам на совсем другую охоту. Без всякой необходимости соблюдать осторожность четверо терминаторов шли свободной шеренгой, держа на изготовку незнакомое оружие.

— К этому надо привыкнуть, — сказал по воксу Кирион.

Его все еще сбивал с толку символ аквилы на краю ретинального дисплея. Несмотря на то что Делтриан перепрограммировал и модифицировал

доспех, эту деталь ему убрать не удалось.

Талоса отвлекали голоса в вокс-сети: отчеты Второго и Третьего Когтя, вступивших в контакт с врагом на верхнем уровне катакомб, и яростные проклятия Кровоточащих Глаз, сражавшихся на поверхности. Пророк пытался не думать о том, как дела у Малкариона, — капитан решил встретить смерть в одиночестве, и в этом желании не было ничего странного. Первому Когтю тоже вскоре придется разделиться. При таком численном перевесе врага организованное сопротивление теряло смысл, и в конечном счете все сводилось к охоте во тьме, где каждый был сам за себя.

Прежде он никогда не носил тактического дредноутского доспеха, и ощущение оказалось необычным. Старая боевая броня была привычна ему, как собственная кожа. За долгие годы доспех и его владелец так притерлись друг к другу, что носить броню стало не тяжелее, чем обычную одежду. Терминаторский доспех — зверь совсем иной породы, от клыкастого

шлема и до утыканных шипами ботинок. Каждая мышца в теле Талоса ожила, наполняясь новой силой. Пророк ожидал, что станет медлительнее, однако диапазон движений и скорости мало отличался от того, что получалось на тренировках без брони. Единственное, что слегка напрягало, — это наклон вперед, при котором постоянно хотелось сорваться на бег.

Талос пробовал бежать. В результате движение стало более быстрым и энергичным, что-то вроде шаткого галопа. Компенсационные сервомоторы и стабилизаторы не давали ему споткнуться и упасть, но смещение центра тяжести все же было непривычным после стольких лет крестовых походов в модифицированной броне «Марк-V».

Одну руку Повелителя Ночи венчала бронированная перчатка размером с торс легионера — силовой кулак, потрескивающий от мощи окутывающего его энергетического поля. Во второй пророк сжимал тяжелую ротаторную

пушку. Палец замер на изогнутом спусковом крючке. Боеприпасов для штурмовой пушки было мало. Когда Первый Коготь отбил терминаторские доспехи у Саламандр, вскоре выяснилось, что имперцы использовали почти весь боезапас. Двуствольный болтер пророка был пристегнут к бедру, и Талос готовился выхватить его в ту же секунду, когда придется бросить разрядившуюся пушку.

Меркуций, подняв гигантский силовой кулак, постучал по резным бивням, которые Делтриан приделал к бычьей морде шлема.

— Я однажды видел, как Малек оглушил противника этими клыками, — сказал он. — Хотелось бы тоже попробовать.

Талос тоже поднял руку, делая знак соблюдать тишину — или, по крайней мере, двигаться настолько бесшумно, насколько позволяли им доспехи, рычавшие, как четыре танковых мотора на холостом ходу.

Из коридора впереди на них обрушился

град дисков с заточенными краями, а следом показались силуэты эльдарских воинов. Чужаки застыли на месте, увидев, что движется им навстречу. Несколько рассыпались в стороны, а другие организованно отступили, продолжая стрелять. Талос слышал, как сюрикены со звоном ударяются о его броню и затем с таким же звуком бьющегося стекла отскакивают на пол.

В ответ он нажал на спуск, наполнив туннель характерным ревом имперской штурмовой пушки. Суспензоры на локте, запястье и в рукояти оружия полностью компенсировали отдачу, позволяя беспрепятственно целиться и стрелять, но видеосистемам шлема пришлось приглушить свет от вспышки выстрела.

Десять секунд спустя Первый Коготь все еще стоял, словно не веря своим глазам. Талос повернул пушку, чтобы лучше рассмотреть ее дымящиеся, раскаленные докрасна стволы.

— Вот это я называю пушкой, — сказал Кирион, когда все четверо зашлепали по мешанине останков,

заляпавших коридор. — Можешь одолжить на время?

Марлона уже не понимала, что она слышит. Временами по каменным залам раскатывалось эхо дальней перестрелки, а временами ей казалось, что это просто вой ветра в темноте.

У нее был с собой ручной фонарь: ни один член команды на судах Восьмого легиона не отважился бы отправиться без него в путешествие по корабельным коридорам. И женщина знала, что батарейки хватит еще по крайней мере на несколько часов. Чего она не знала — так этого того, куда идти и что делать.

Какое это имеет значение? Какая разница, где умереть — здесь или на равнинах?

У нее по-прежнему оставался обрез, но толку с него было мало — примитивное пулевое оружие ни в какое сравнение не шло с болтерами Легионес Астартес. Обрез годился для того, чтобы выстрелить себе в голову и предупредить мучительную смерть от жажды, но в бою от него не

было бы никакой пользы. Рабам на борту «Эха проклятия» не разрешалось носить оружие, но нелегальная торговля, процветавшая во всех областях жизни, преуспела и здесь. В любом случае легион не следил за соблюдением этого закона, потому что бунта они не опасались. Марлона подозревала, что им нравилась легкая перчинка опасности, подстерегавшая их во время охоты за членами команды.

Женщина не знала наверняка, сколько времени провела в одиночестве, прежде чем услышала стук. Она шагала по пустынным катакомбам, освещая путь фонариком — настолько, насколько слабый луч мог рассеять вековой мрак. Она уже давно потеряла всякое чувство направления. Эхо странно искажало звук в подземелье, вплоть до того, что Марлона не была уверена — движется ли она к источнику шума или от него. Стук не усиливался, но и не слабел.

Она так и не узнала, кто выбил фонарик у нее из руки. Женщина почувствовала дуновение на затылке, а

затем грубый удар по запястью выбил фонарик, заставив его покатиться по камням. На долю секунды его бешено вращающийся луч выхватил из тьмы невозможные тени: тощие ведьминские силуэты в не по-человечески удлиненных шлемах.

Марлона потянулась к оружию прежде, чем фонарик остановился. Однако левой руке досталось так же, как и правой, — по ощущению, ее лягнули в запястье.

Во второй раз дуновение коснулось ее лица. Голос, раздавшийся из темноты, был неприятно мягок, словно повязка из бархата на кровоточащей коже:

— Где пророк Восьмого легиона?

Она ударила на голос, но кулак встретил лишь пустоту. Второй, третий и четвертый удары тоже прошли мимо цели. Женщина слышала дыхание уклонявшегося противника и чуть уловимый шум движения: негромкий скрип пластин брони, трущихся друг о друга с каждым пируэтом.

Рука, метнувшаяся из тьмы, сжала

ее горло тонкими пальцами, закованными в холодное железо. Марлона сумела ударить всего один раз по этой неподвижной руке, прежде чем ее впечатали спиной в стену. Ботинки заскребли по каменной кладке, не дотягиваясь до земли. Грубый аугметический протез зажужжал и защелкал, пытаясь нащупать пол.

— Где пророк Восьмого легиона?

— Я всю жизнь прожила в темноте, — ответила она невидимому противнику. — Думаешь, это способно меня напугать?

Железный ошейник сдавил горло так, что невозможно стало дышать. Она не понимала — то ли стук сделался громче, то ли это лихорадочно билось ее собственное сердце.

- - - Грязная, слепая, заразная, отравляющая все своим дыханием тон-ки. Где пророк Восьмого легиона? Пока он жив, опасность угрожает тысячам душ.

Марлона задергалась в сильной руке и затолотила кулаками по закованному в броню предплечью.

— Упрямое создание. Знай же, человек:

приближается безмолвная буря. Разведчик Пустоты грядет.

Хватка на горле разжалась с той же быстротой, что и возникла, и Марлона рухнула на землю. Первое, что она подумала, судорожно втягивая в легкие застоявшийся воздух, — что сердце ее не обмануло. Стук раздавался теперь повсюду вокруг — звук стали, крошащей камень. Он него дрожал пол коридора и стена у нее за спиной.

Марлона нащупала фонарик и провела его тонким лучом по залу. Камень, камень и камень... и что-то огромное, темное, уставившееся на нее сверху вниз под рев сервосуставов.

— Что ты тут делаешь?

Он зашел на посадку слишком резко и под неправильным углом, так что кувырком покатился по пыльной земле. Лишь через секунду удалось подняться на четвереньки, а встать прямо — лишь со второй попытки. Металлические когти на ногах распластались, удерживая хозяина в равновесии, и глубоко вонзились в мягкую

пыль.

Боль была... впечатляющей. С каждым вдохом во рту ощущался привкус крови, а мышцы болели так, что это напомнило ему, как лорд Джирувиус из легиона Детей Императора три ночи растягивал его на дыбе.

Это война была не из приятных. А проигрывать в ней оказалось и того хуже.

Люкориф приземлился недалеко от последней убитой эльдарки. Он направился к ее распростертому телу, попутно заметив, что из сочленений его доспеха сочится кровь. По доспехам раптора можно было прочесть всю карту битвы, состоящую из лазерных ожогов и дыр, пробитых короткими костяными кинжалами чужаков.

Раптор перевернул когтистой лапой труп небесной девы. Ее скошенные к вискам глаза, безжизненные, как сапфиры, и почти такие же голубые, уставились в серое небо. В нагрудник доспеха был вделан красный драгоценный камень, которые ее сородичи называли «камнем души». Люкориф вырвал его из брони и проглотил целиком. Он

наделся, что бессмертной душе эльдарке придется по вкусу вечность, проведенная у него в кишках.

Лишь после этого он включил вокс и проговорил:

— Ловец Душ.

Голос пророка был искажен помехами и звуками перестрелки.

— Слушаю тебя, Люкориф.

— Кровоточащие Глаза мертвы. Я остался последним.

Он услышал, как Талос хрипит от натуги.

— Это огорчает меня, брат. Ты присоединишься к нам здесь внизу?

Раптор оглянулся на развалины стен, остатки некогда великих бастионов. Над ними собирались штормовые тучи — необычное явление для мира, почти начисто лишенного погодных явлений.

— Пока нет. Что-то приближается. Будь осторожен, Талос.

XXVI
Буря

Дождь полил в тот же миг, когда ее подошвы коснулись земли Тсагуальсы.

Люкориф наблюдал за ней из своего ненадежного укрытия, скорчившись на длинном участке уцелевшей зубчатой стены. Его кишки холодили пять эльдарских «камней души». Он мог поклясться, что, когда закрывает глаза — даже чтобы моргнуть, — слышит пять голосов, слившихся в поминальном причитании.

«Как интересно», — подумал раптор при ее появлении. Она возникла в воздухе из дрожащей тепловой дымки и, пролетев дюжину футов и раскинув руки, приземлилась на носки. Ее доспех состоял из серебряных пластин, которым умелая рука придала форму мускулов, чуть выступающих над черным костюмом-перчаткой, облегавшим тело. Костюм поблескивал, словно рыбья чешуя. В одной ее руке был посох, на каждом конце

венчавшийся кривыми лезвиями и терцавший от перекатывавшихся по нему волн жидкой энергии. В другом кулаке она сжимала сюрикен диаметром с боевой щит с тремя кинжально острыми лучами-лезвиями. Пламя, плясавшее по ксеносовской стали, было черным — его зажгло колдовское мастерство, неизвестное и чуждое Люкорифу.

Ее лицо скрывала серебряная маска смерти — лик вопящей богини с холодными как лед глазами. Длинный и высокий гребень черных волос спадал по плечам и спине. Ветер, заставлявший плясать песчаные призраки между руин, как будто ее не касался.

Все в ней казалось неправильным, даже для столь запятнанного варпом существа, как Люкориф. Несколько секунд тепловая дымка все еще окутывала ее, как будто сама реальность не желала ее принимать.

«Это не эльдарская дева, — понял раптор. — Возможно, когда-то она была ею. Но теперь... теперь она нечто гораздо большее».

Когти Люкорифа крепче впились в камень, когда эльдарская богиня войны сорвалась с места и понеслась, едва касаясь ногами земли. Серебряное пятно мелькнуло среди развалин, а в следующую секунду она уже исчезла: растворилась в воздухе или спустилась под землю — наверняка Люкориф сказать не мог.

— Талос, — сказал он, активируя вокс-канал. — Я видел, что охотится на нас.

Второй Коготь пережил уже три часа, наполненных бегом и перестрелками. Воины отражали волну за волной ксеносовских захватчиков. Единственным источником света в туннелях и темных залах были вспышки оружейного огня или редкие столкновения энергетических полей, когда силовой меч встречался с собратом в руках противника.

Юрис охромел от раны на бедре. Он знал, что братья вскоре оставят его позади. Он отнюдь не пытался уговорить их бросить его, и о благородном самопожертвовании тоже речи не шло. Они наверняка оставят его, потому что он

двигался медленнее и терял силы. Его существование стало для них слабым звеном.

Повелитель Ночи прислонился к стене и перевел дыхание. На секунду он закрепил болтер на бедре и перезарядил его, с хрустом вогнав новую обойму, — все с помощью одной руки.

— У меня последняя, — передал он по воксу двум уцелевшим братьям. — Боеприпасы закончились.

— Мы отступим к резервным ящикам, — отозвался Фал Торм.

Истинное значение его слов было очевидным: они отступят к ящикам с боеприпасами, но почти наверняка бросят Юриса здесь. Если его смерть подарит им еще пару мгновений жизни, тем лучше.

— Ты ранен сильнее, чем хочешь признать, — сказал Ксан Карус.

Раскинутые крылья на его шлеме уже несколько часов назад отлетели от удара вражеского клинка.

— Я чую запах твоей крови и слышу напряженный ритм сердец.

Юрис никак не мог отдышаться.

Тяжело было втягивать воздух в сведенное судорогой горло.

Так вот каково это — умирать?

— Я все еще держусь на ногах, — ответил он. — Давайте, двигаемся.

Трое выживших бойцов Второго Когтя отступили в темноту, перейдя на тяжелый бег. Всего лишь несколько часов назад Юрис возглавлял отряд из девятерых легионеров. Теперь он был великим и могучим повелителем двоих воинов, причем оба готовились бросить его при первой же представившейся возможности.

Как и люди, не все эльдары одинаковы. Юрису это знание далось дорогой ценой. Те, что были вооружены слабыми огнестрельными винтовками и облачены в тонкий доспех из черных пластин и кольчуги, умирали как жалкие младенцы, и стреляли со всей меткостью уроженцев низших уровней улья. Но другие... Визжащие ведьмы и убийцы-мечники...

Шесть воинов погибли за три часа. Ксеносовские девы возникали из тьмы, уворачиваясь от выстрелов, и, скрестив

клинки с Повелителями Ночи, обрушивали на них град ударов. Их, похоже, не волновало, убили они кого-то или нет, — как только первый звон столкнувшихся клинков стихал, они отрывались от легионеров и снова скрывались в туннелях.

Завывания, сопровождавшие каждую атаку, были хуже всего. Ведьмы вопили заупокойными голосами так долго и пронзительно, что могли бы пробудить всех мертвецов на этой проклятой планете. При каждом вопле в затылок Юрису словно вгоняли осколок льда — что-то происходило с его мозгом, замедляя реакции, мешая парировать удары.

Но конечно, Второй Коготь не сдался без боя. В конечном счете все они были охотниками. Юрис собственноручно перерезал трем ведьмам бледные глотки — хватал эльдарок сзади и обрывал их жизнь быстрой и жесткой лаской своего гладиуса.

И так продолжалось по кругу, снова и снова: нападение, оборона, перерезанное горло, отступление...

Юрис споткнулся на бегу и, чтобы

сохранить равновесие, оперся рукой о стену. Сначала он бежал впереди братьев, но скоро уже хромал рядом с ними, а теперь едва волочил ноги позади.

— Пока, Юрис, — раздался в воксе голос умчавшегося вперед Ксана Каруса.

Фал Торт даже не остановился — он продолжал бежать уверенной, мерной рысцой.

— Постой! — прокричал Юрис Ксану Карусу. — Подожди, брат.

— Зачем? — Ксан Карус уже возобновил бег. — Умри с честью.

Юрис слушал, как шаги братьев затихают вдали. Со спотыкающегося бега он перешел на хромающий шаг, а затем, врезавшись в стену, упал на колени.

Я не хочу умереть на Тсагуальсе.

Непрошеная мысль пришла неизвестно откуда. Неужели Тсагуальса действительно была худшим местом для того, чтобы встретить смерть?

Да, — подумал он. — Мертвый мир проклят. Мы не должны были возвращаться сюда.

Древнее суеверие заставило его

скривить окровавленные губы в улыбке. Какая, в конце концов, разница? Он ведь служил? Служил верно и преданно много веков и прогибал Галактику в свое удовольствие, и та никогда не осмеливалась ему воспротивиться. До этой ночи...

Юрис снова попробовал улыбнуться, но из рассеченных губ черным потоком хлынула кровь.

Не важно. Не важно. Жить и чувствовать свою силу — это было хорошо.

Он уронил голову на грудь — эта самая сила покидала его, утекая вместе с кровью.

— Юрис, — протрещал вокс.

Убирайся, фал Торм. Беги, если хочешь. Дайте мне умереть в мире и одиночестве, ублюдки.

— Юрис, — повторил голос.

Он открыл глаза, так и не осознав, что закрывал их. Подернутое красным зрение вернулось, и показался треснувший нагрудник и обрубок там, где меньше часа назад была его правая рука.

Что? — спросил он, но лишь со второй

попытки вопрос удалось произнести вслух.

— Что? — проговорил он в вокс.

Данные, бегущие по ретинальному дисплею, превратились в неразборчивые пятна. Пришлось дважды моргнуть, чтобы вернуть их в фокус.

Жизненные показатели Ксан Каруса были на нуле. Так же, как и фал Торма.

Быть этого не может.

Юрис заставил себя встать на ноги, закусив губу, чтобы не застонать от простреливщей раздробленное колено и обрубок руки боли. Из-за полученных повреждений доспех не мог накачать его кровь обезболивающими и только усиливал пытку.

Он обнаружил двух последних своих братьев дальше по коридору и затрясся от сдерживаемого смеха. Оба тела распростерлись на полу. Учиненная над ними расправа была хирургически точной и полной. И Ксан Карус, и фал Торм оказались разрублены по линии пояса, и их ноги отделены от торса. Кровь пятнала пол бессмысленным рисунком.

Ни у того ни у другого не было головы.

Пустые шлемы, свалившиеся с разрубленных шей, откатились к стене.

Юрис не смог удержаться от смеха. Несмотря на то что эти двое бросили его, они все равно погибли раньше. Даже сквозь боль эта мысль импонировала его чувству высшей поэтической справедливости.

Клинок, убивший Юриса, сначала ударил его в спину, пробил поясницу и рассек многослойный доспех, высунувшись из живота. Мерзко поблескивающие веревки кишок последовали за ним, когда внутренности легионера тошнотворной кучей плюхнулись на его ботинки.

Юрис как-то сумел удержаться на ногах еще пару секунд, до того, как клинок ударил снова. На сей раз воин увидел его — размытое черно-серебряное пятно, в мгновение ока прорезавшее воздух. Лезвие вонзилось в его разрубленный живот и вышло со спины. На сей раз Юрис, вскрикнув, с грохотом рухнул на землю.

В какой-то абсурдный миг Юрис осознал, что лежит на спине и тянется уцелевшей рукой к своим отрубленным ногам.

А в следующий миг над умирающим легионером уже стояла она. То существо, о котором предупреждал Люкориф. Отчаянно мечущееся сознание кричало, что он должен действовать. Должен связаться с остальными. Должен предупредить их, что она уже здесь, в катакомбах.

Но этого не произошло. Он ничего не сказал и никого не предупредил. Юрис открыл рот, но оттуда хлынул лишь поток горячей крови и желчи, заляпавший шею.

Молчаливая царица ведьм подняла копье, сжатое во второй руке, и высоко его занесла. Она проговорила единственное слово на грубом готике, почти до неузнаваемости искаженное ее акцентом:

— Спи.

И с падением ксеносовского клинка Юриса наконец-то поглотила блаженная тьма.

Первые вопли застали его врасплох. Он не собирался повторять эту ошибку.

Когда Первый Коготь соединился с

Третьим Когтем Фаровена, оба подразделения приготовились как можно дольше защищать обширную сеть залов, подсобных помещений, туннелей для отступления и перекрестков.

— Вы видели Малкариона? — первым делом спросил Фаровен.

— Он все еще охотится в одиночестве, — ответил Талос.

Сразу же вслед за этим появились вопящие ведьмы. Последние несколько часов легионеры сражались со слабыми противниками, так что эта громозвучная атака оказалась неприятным сюрпризом, — пришлось менять и скорость, и тактику боя. Но, по крайней мере, Кирион прекратил выклянчивать штурмовую пушку.

Они оказались не подготовленными к первым крикам. Перед тем как атаковать, ведьмы с мечами заводили свой похоронный хорал, используя песню как оружие. Устойчивость к страху ничуть не помогла воинам, когда на них пала тень этой песни. Талос ощутил, как заледенела кровь, мышцы налились тяжестью, на

висках выступил пот — его тело среагировало так же, как тела смертных реагируют при сильном испуге.

Ощущение было... невероятным, настолько сильным, что почти опьяняло. Ничего подобного он не чувствовал в течение последних десятилетий. Ни одна душа после имплантации геносемени не способна была испытывать страх, но, хотя его холодные пальцы и не коснулись разума пророка, физическое ощущение ужаса все же заставило его расхохотаться. Разве не забавно было осознавать, что это — бледное подобие того страха, что он наводил на своих жертв? Чувствовать это на своей шкуре?

Как познавательно, — подумал он, улыбнувшись своей кривой улыбкой.

Следует признать, что веселью несколько мешало оцепенение, сковавшее его руки и ноги и оно было настолько кратковременным, что почти мгновенно сгорело во вспышке ярости.

Но к тому времени ксеносы уже оказались среди них. Их зеркальные клинки резали, рубили и потрошили, прореживая

ряды двух последних отделений Повелителей Ночи. Убивая, эльдары плясали, словно исполняли какой-то нечеловеческий танец под слышную им одним музыку. Их шлемы были отлиты в форме кричащих масок смерти, и из распахнутых ртов вырывались усиленные такой конфигурацией вопли.

Неплохой трюк, — подумал Талос, ненавидя себя за то, что восхищается изобретением ксеносовской расы.

Когда пророк отразил удар клинка тыльной частью бронированной перчатки, ему на мгновение — в охватившей его лихорадке — представилось, что он чувствует очертания песни. Звон мечей по керамиту был быстрой барабанной дробью; стоны и крики его умирающих братьев задавали ритм.

— Заткнитесь! — рявкнул он, отшвырнув ксеносовскую ведьму взмахом силового кулака.

Ее крик оборвался заодно с ее жизнью, завершившись влажным хрустом ударившегося о стену тела.

Эльдары исчезли так же быстро, как

и появились, вновь растворившись в туннелях.

— Теперь они что-то не воют, — рассмеялся Кирион.

Талос не присоединился к его смеху. Трое из Третьего Когтя были мертвы — клинки баньши изрубили их на куски. А из эльдарок пала только одна, та, которую он пришиб кулаком.

Талос осторожно пересек комнату. Подойдя ближе, он заметил, что пальцы ведьмы конвульсивно сжимаются.

— Она все еще жива, — предостерег фаровен.

— Я и сам вижу.

Талос наступил ботинком на ее руку. Коленные сервомоторы взревели. Без малейшего усилия — в терминаторской броне это было не сложнее, чем сделать вдох, — пророк раздавил руку эльдарки, превратив плоть и кость в кровавое месиво.

Это привело ее в чувство. Завопив, она очнулась. Талос стащил шлем с ее головы, и псайкерский вопль затих, сменившись почти человеческим стоном.

Талос прижал к груди эльдарки дула штурмовой пушки.

— Я тебя знаю, — сказала ксеносовская дева на ломаном готике.

Казалось, слова оставляют на ее губах терзкий привкус. Ее скошенные к вискам глаза сузились и сверкнули сочной зеленью давно исчезнувших лесов.

— Я Таиша, дочь Морай-Хег, и я знаю тебя, Ловец Душ.

— Что бы ни открыло тебе твое ксеносовское колдовство, — прорычал он голосом, превращенным воксом в металлический рев, — это лишено смысла. Потому что ты лежишь на самом краю смерти, и я тот, кто столкнет тебя за край.

Несмотря на то что ботинок Повелителя Ночи прижимал ее руку к полу и боль сделала дыхание коротким и рваным, эльдарка все же сумела выдавить улыбку.

— Ты скрестишь клинки с Разведчиком Пустоты, — ухмыльнулась она окровавленными губами. — И ты погибнешь на этой планете.

— Кто такой Разведчик Пустоты?

Вместо ответа она попыталась пнуть легионера. Пророк много раз пытал эльдарских воинов, но они никогда не ломались под пытками и никогда не произносили ни единого слова, если не желали говорить.

Талос убрал ботинок и пошел прочь.

— Прикончите ее, — передал он по воксу, не заботясь, кто исполнит его приказ.

Люкориф не стыдился своего пиршества. Восьмой легион обдирал с трупов доспехи и оружие, а Кровоточащие Глаза — плоть.

Раптор знал, что если бы Талосу или еще кому-то из Повелителей Ночи довелось увидеть, как он раздирает тела братьев и пожирает их мясо, вряд ли его поступок заслужил бы одобрение, но, учитывая, как развивались события, это вряд ли имело значение.

К тому же вряд ли Вораше и другим в дальнейшем понадобилась бы их плоть. Люкориф выедал мясо аккуратно, чтобы

сохранить геносемя. Церемония извлечения прогеноидов была не для павших рапторов, и братья, скорбя, не расчленяли их тела согласно традиционному ритуалу. Люкориф вытащил железы вместе с клочьями мяса вокруг них и поместил в криоконтейнер на бедре.

А затем вернулся к своему пиршеству в потоках дождя.

Время от времени он поднимал голову и, морщась от непривычного прикосновения ветра к неприкрытой шлемом коже лица, выглядывал признаки приближения эльдаров. Судя по обрывкам вокс-переговоров, которые долетали до него, подземная охота подошла к концу. Все они были уже, считай, покойниками.

Он даже не понимал толком, зачем собрал геносемя Кровоточащих Глаз. От некоторых традиций трудно отказаться даже перед лицом смерти.

Когда Люкориф услышал шум двигателей катера, он инстинктивно напрягся и активировал когти, оборачиваясь к источнику звука. Без видеосистемы шлема он плохо различал

предметы вдали. Чтобы отследить объект, ему нужно было движение, иначе на расстоянии в сто шагов он становился практически слеп.

Люкориф потянулся за шлемом, когда катер навис над ним, выдыхая выхлопы двигателей и поднимая пыль над развалинами. Раптор бесстрастно смотрел на то, как открывается люк, и ничуть не удивился при виде упавшей с неба фигуры.

Повелитель Ночи приземлился с тягким стуком и передал по воксу на катер:

— Я внизу. Садитесь там, на крепостной стене. Держитесь подальше от любых наземных соединений эльдаров. Если вас атакуют с воздуха, бегите. Это все, что мне от вас надо. Надеюсь, вы поняли.

Пилот, не отвечая, развернул катер. Из дюз вырывалось пламя.

— Люкориф из Кровоточащих Глаз, — произнес Вариил.

— Вариил Живодер.

— Я никогда не видел тебя без шлема.

Люкориф надел шлем, скрыв лицо под демонической маской.

— Ты выглядишь как труп утопленника, — заметил Вариил.

— Я в курсе, как я выгляжу. Зачем ты здесь?

Вариил скользнул взглядом по руинам.

— Из-за дурацкой надежды. Где Талос?

Люкориф махнул когтистой перчаткой, опустив лезвия вниз.

— Под землей.

— Я не могу связаться с ним по воксу.

— Связь оборвалась. Они сражаются глубоко внизу.

— Где ближайший вход в катакомбы?

Люкориф снова махнул клешней. Апотекарий зашагал в указанном направлении. Его тугой бионический протез с глухим стуком ударял в пыль. В аугметическом колене посвистывали поршни.

Люкориф двинулся следом. Опустившись на четвереньки, он крался вперед со звериной грацией, которая всегда впечатляла Вариила своим неожиданным

изяществом.

— Как ты пробрался сквозь блокаду? — спросил раптор.

— Блокады нет. На орбите ждут две дюжины кораблей и почти нет признаков посадочных судов. Нас даже не просканировали. Пришлось потратить несколько часов, но двадцать кораблей не могут следить за всей планетой. С тем же успехом можно попросить слепца сосчитать все камни, из которых сложена гора.

Когда они прошли мимо полуобглоданного трупа Вораши, Люкориф ничего не сказал. Вариил был менее молчалив.

— В мифические времена каннибализм считался полезным для души и тела. — Он на секунду оглянулся на раптора. — Если мы это переживем, мне хотелось бы взять пробу твоей крови.

— И не надейся.

Вариил, ожидавший такого ответа, кивнул.

— А знаешь ли ты, Люкориф, что такое количество трупных пятен и

признаков бактериального распада, как у тебя на лице и горле, не появляется на живых существах? Твой организм саморазрушается. Твои клетки пожирают сами себя. Полагаю, поедание плоти братьев обращает этот процесс вспять?

Люкориф промолчал. Вариил, невзирая на это, продолжил:

— Как же ты существуешь? Ты мертв, но в то же время жив? Или варп сыграл с тобой более занимательную шутку?

— Я уже не знаю, кто я и что я. Не знаю долгие века. А теперь ответить мне — зачем ты здесь?

Над заброшенной крепостью буря наконец-то разыгралась в полную силу. Серое небо прочертили зигзаги молний, а по доспехам застучал проливной дождь. Казалось, что кожаный лоскут на наплечнике Вариила — лицо давным-давно убитого им и ободранного брата — истекал слезами.

— Талос.

Он не ответил. Сжав зубы, он

продолжал давить на спуск штурмовой пушки, освещая темный туннель впереди вспышками трассирующих снарядов. Руинические показатели счетчика боеприпасов на его ретинальном дисплее неуклонно падали с каждой секундой. Вращающиеся дула автопушки раскалились докрасна.

— Талос, — снова протрещало в воксе, — не уходи слишком далеко.

Пушка замедлилась, вой ее зазвучал тише. Талос сдержал резкий ответ — все равно бы это ничего не изменило. Кирион был прав, но разочарование от этого никуда не делось. Правила охоты вновь изменились. Когда эльдары перестали нападать на них, они отправились за эльдарами.

Талос, пробежав еще несколько шагов, остановился, давая передышку стабилизаторам и сервоприводам ножного доспеха. Пушка шипела на ледяном воздухе. У ног Повелителя Ночи лежали мертвые чужаки.

Кирион и Меркуций догнали брата, огласив коридор гудением сервомоторов и

грохотом шагов. Осквернённые имперские орлы виднелись на стволах их тяжелых болтеров. Оружие и того и другого дымилось.

— У меня почти кончились боеприпасы, — передал Меркуций. — Пришло время вновь облачиться в наши доспехи и разделиться. Эта резня была хороша, но они избегают нас, когда мы вместе.

Талос кивнул.

— Этого снаряжения мне будет не хватать.

— Мне тоже, — ответил Меркуций. — И я потерял счет трупам ублюдков. Я сбился на семидесяти, на последнем перекрестке. А вместе с этими...

Меркуций провел стволом болтера от одного изуродованного окровавленного тела к другому.

— ...девяносто четыре.

— Это просто отбросы, — сказал Кирион, повернув клыкастый шлем к Меркуцию. — Но вопящие девы? Я пока что не убил ни одной.

— Я тоже, — сказал Талос. — Не

считая первой. Те, что послабее, дохнут как мухи. Но баньши совсем из другой породы.

Узас подошел последним. Его броня с ног до головы была залита кровью, а вместо клыков из переносицы шлема торчал толстый изогнутый рог.

— Они — жрицы-воительницы, дочери их богини войны.

Первый Коготь, на мгновение онемев, уставился на него.

— Что? — проворчал Узас. — В прошлом я пытал эльдарских пленников, как и все вы.

— Кем бы они ни были, мы должны вернуться к Третьему Когтю.

— Талос.

Пророк замер в неуверенности. На ретинальном дисплее не появилось никаких рун.

— Вариил?

— Брат, я в развалинах наверху с Люкорифом. Нам надо поговорить.

— Нет. Пожалуйста, пусть это окажется дурной шуткой. Я приказал тебе убираться, глупец, и на то были все

основания.

Талос выслушал быстрое и сбивчивое объяснение брата. Прежде чем ответить, он молчал несколько долгих секунд.

— Возвращаемся к Третьему Когтю, — приказал он остальным. — Вариил, не спускайся в катакомбы. Туннели кишат эльдарами.

— Ты поднимешься на поверхность?

Талос и сам не знал ответа.

— Просто оставайся в укрытии.

Завывающие воительницы вернулись, как только Первый Коготь соединился с Третьим и Фаровеном. У того осталось четверо бойцов. Трупы погибших братьев они бросили в коридорах позади. Выжившие двигались тесной группой.

На этот раз Повелители Ночи были наготове. Преследование добычи в темных коридорах в течение последних нескольких часов утолило их сердца куда больше, чем любая организованная оборона.

Чужаки врезались в ряды Восьмого легиона. В их руках плясали мечи, на шлемах развевались высокие гребни. Талос

услышал, как один из братьев выдохнул: «У них численное преимущество», но в мешанине тел и клинков деталей было не разобрать.

Две воинственные девы перед ним завопили одновременно, поднимая мечи. Талос ощутил, как по мышцам расползается все тот же холод, сковывающий и замедляющий движения.

В эту игру... можно играть... вдвоем...

Повелитель Ночи издал ответный вопль — рев, вырывающийся из трех легких и усиленной дыхательной системы, десятикратно умноженный динамиками шлема. Выжившие Повелители Ночи услышали крик и через мгновение подхватили его.

Прежде Талос использовал этот крик для того, чтобы разбивать стекла и оглушать толпы людей, лишая их воли к сопротивлению; теперь пророк обратил мощь своего голоса против тех, кто стремился его поразить его же собственным оружием.

Мечи трех дев мгновенно разлетелись на осколки. Несколько глазных

линз в шлемах чужаков треснули, когда дикий и по-своему мелодичный вопль достиг пика. В ту секунду, когда крики Повелителей Ночи набрали полную силу, вой эльдаров внезапно оборвался.

Талос убил первую из воительниц, обхватив пальцами ее голову и раздавив череп и кости плечевого пояса. Труп он отшвырнул в сторону. Вторая, еще не пришедшая в себя после вопля, спотыкающейся походкой отступала вглубь коридора. Ее разнес на куски финальный выстрел штурмовой пушки. Пророк отбросил бесполезное оружие и потянулся к древнему болтеру на бедре, набирая в легкие воздух для нового крика.

Чаша весов склонилась в их сторону. Эльдарки, пошатываясь, кинулись бежать, но одна за другой погибали от той самой напасти, которую обрушили на легионеров. И тут слуха воинов коснулся новый звук.

Ужас вогнал кулак в живот одной из эльдарок, одним ударом проломив ей грудину и позвоночник. Когда ноги воительницы подкосились и она навалилась на своего убийцу, Ужас опустил

голову и пропорол противницу ударом нашлемного рога.

— Вы это слышали? — переговаривались другие в воксе.

— Шаги.

— Это не шаги. Слишком быстрые.

Он не слышал ничего, кроме биения собственных сердец и шелеста крови, дождем стекавшей по его шлему и плечам. Пришлось дважды мотнуть головой, чтобы сбросить с рога бьющееся в судорогах тело. Когда он выпрямился, шейные позвонки сухо треснули.

А затем он услышал это. И Талос оказался прав. Это были шаги.

— Я знаю, что это, — сказал Ужас.

Шаги звучали в ритме быстрого пульса. Они мягко отдавались от камней, и все же по коридорам носилось их эхо, громкое, как ветра варпа.

Талос стоял над двумя убитыми воительницами. С его скрюченных пальцев капала кровь. Теперь, когда все вопли затихли, единственными звуками были шаги.

— Что это? — спросил пророк.

— Буря, воплощенная в плоти, и дождь из клинков. Та, Что рыщет в Пустоте.

Ужас провел языком по зубам, ощущая появившийся во рту кислый привкус.

— Буря Безмолвия.

XXVII
РАЗВЕДЧИК ПУСТОТЫ

Она возникла из мрака, так же как раньше ее сестры. Вартон увидел ее первым и криком предупредил остальных. Крик умер в его горле, почти не начавшись, когда острие копья одним ударом пробило его нагрудник и оба сердца. На какой-то миг черное древко на метр высунулось у него из спины, а затем со зловещим спокойствием выскользнуло обратно.

Не обращая внимания на падающее тело, она смотрела прямо на Повелителей Ночи, пока в каждом шлеме не раздалось монотонное гудение — сигнал отсутствия признаков жизни.

Все легионеры одновременно пришли в движение. Воины вскинули болтеры и открыли огонь, обрушив на нее ураган взрывчатых снарядов — но ни один так и не достиг цели.

В ушах Талоса звенели сигналы, извещающие о гибели товарищей. Он

палил по мерцающей, пляшущей фигуре. Его рукой двигали в равной мере инстинкт и века тренировок и боев, совмещенные с программами целенаведения его терминаторской брони и ретинального дисплея. Тяжелый болтер ревел и дергался от отдачи, изрыгая снаряды сплошным потоком, прерывавшимся лишь на время перезарядки.

Вогнав на место очередную обойму, Талос попятился. Все они перезаряжали оружие без всякой очередности, мгновенно утратив единство и забыв о том, что надо прикрывать огнем братьев. Окинув комнату быстрым взглядом, Талос увидел, как их снаряды изуродовали каждый сантиметр стен — однако добыча оставалась невредимой.

Белоглазый Джекриш погиб следующим — его голову начисто снесли с плеч. Тело начало валиться на пол, а Талосу пришлось вскинуть руку, чтобы отбить летящий в него шлем. Шлем, звякнув, отскочил и упал на пол. Повелитель Ночи уже стрелял по размытому черному пятну, целясь туда,

куда направлял его инстинкт и сетка целеуказателя. Каменная кладка покрылась новыми выбоинами, осколки брызнули во все стороны.

Убивая, она даже не замедляла движения. Копье рассекло Гол Тафа по линии пояса, лишив его ног. В ту же секунду на другом конце зала погиб фаровен — трехлучевая метательная звезда, выплавленная из ксеносовского металла и черного огня, расколола его голову пополам. Оба тела упали. По залу прокатился двойной удар керамита о камень.

Меркуций закричал, согнувшись в своем громоздком доспехе. Краем глаза Талос уловил движение на дисплее визора — наконечник копья, вырванный из спины брата. Меркуций, шатаясь, подался вперед. От падения воина спасла только искусственная мускулатура доспеха. Его тяжелый болтер рявкнул еще один раз и вывалился из разжавшихся пальцев.

Затем метательная звезда настигла Узаса, врезавшись в его рогатый шлем и стегнув стены ливнем керамитовых

осколков. В отличие от Меркуция, он не спотыкался, а, пройдя один шаг, сразу рухнул на четвереньки. Под его весом содрогнулся пол. Талос увидел кровь, капающую на темный камень и собирающуюся в лужу между трясущимися руками Узаса.

— Талос, — протрещал вокс.

— Не сейчас.

— Брат, — окликнул Вариил, — когда ты вернешься на пове...

— Не сейчас!

Ствол его штурмового болтера следовал за размытым пятном, которое как раз скользнуло за спину Корозы, последнего из бойцов Третьего Когтя, оставшегося на ногах. Короза развернулся настолько быстро, насколько способно было его генетически усиленное тело, и сделал выпад ревущим цепным мечом. За ту долю мгновения, что потребовалась Талосу, чтобы прицелиться, Короза уже успел отпрыгнуть назад. Кровь хлестала из его рассеченного предплечья. Повелитель Ночи сделал два шага, прежде чем возвратный удар копья распорол ему брюхо. На

фронтальную часть брони вывалились мокрые петли кишок.

Талос выстрелил поверх плеча Корозы. Раздавшийся хруст и низкий гул разрыва были слаще всего, что он слышал в жизни. Пятно превратилось в женскую фигуру, ростом не меньше легионеров в терминаторской броне. Женщина повалилась на спину, свесив голову набок.

Меркуций тянулся к выпавшему из руки болтеру, а Узас все еще стоял на четвереньках, но Кирион засек цель одновременно со вторым выстрелом Талоса. Перед женщиной вырос серебряный полумесяц, отражавший снаряд за снарядом. У пророка ушло несколько драгоценных секунд на то, чтобы глаза смогли приспособиться к такой невероятной скорости, — а затем он понял, что воительница блокирует снаряды клинком своей алебарды.

Однако отразить их все ей не удалось. В черный костяной доспех ударил сокрушительный град, снова отшвырнувший ее назад.

Талос остановился, чтобы

перезарядить болтер. Мгновением позже к нему присоединился Кирион. Сжимая разряженные болтеры, оба затерли и уставились на искореженную стену там, где секундой раньше стояла воительница.

Короза грохнулся на пол, нарушив внезапно воцарившуюся тишину.

Кирион медленно повернулся, не веря, что их противнице удалось сбежать. Другие, менее громкие звуки просочились сквозь завесу молчания: натужный хрип Меркуция, мучительные стоны Узаса и шипение остывающих болтерных стволов.

— Я не вижу ее, — передал Кирион по закрытому каналу их Когтя. — И у меня закончились снаряды.

— Как и у меня.

Талос подавил желание проверить, как там Узас и Меркуций. Стоя спина к спине с Кирионом, он тоже медленно поворачивался, не отрывая взгляда от стен.

— Она все еще здесь, — сказал Кирион. — Должна быть здесь.

— Нет.

Талос поднял силовой кулак, указывая

на цепочку кровавых пятен. Та вела из зала обратно в туннели.

— Она убегает.

Кирион отшвырнул в сторону свой разряженный штурмовой болтер, не заботясь о его сохранности.

— Нам стоит последовать ее примеру.

Сервиторы ожидали их, по-прежнему храня мертвенное молчание. Талос первым ввалился в комнату и махнул аугметическим рабам, делая знак поспешить на помощь.

— Снимите с меня этот доспех.

— Будет исполнено, — хором пробормотали двенадцать голосов.

— И с меня, — сказал Меркуций.

Избавившись от шлема, воин сплюнул на пол кровь. Она немедленно начала разъедать камень.

— Будет исполнено, — откликнулись остальные сервиторы.

— Поспешите, — передал по воксу Кирион, занявший с Узасом оборонительную позицию у входной арки.

Меркуций, окруженный сервиторами, швырнул ему свой тяжелый болтер. Кирион проверил данные со счетчика боеприпасов на ретинальном дисплее и взял оружие на изготовку. Несмотря на ранение, Узас стоял безмолвно и прямо. Единственным звуком, доносившимся с его стороны, был мерный шум глубокого дыхания. Шлем его практически раскололся, обнажая окровавленное лицо. Расплывчатым взглядом воин пялился в туннель. Туда же смотрели сдвоенные стволы его тяжелого болтера.

— Мне будет не хватать этого доспеха, — сказал Кирион. — Узас и Меркуций живы только благодаря терминаторской броне. Ее копье пронзало обычный доспех так же легко, как нож пронзает плоть.

Меркуций неохотно согласился. Ему с трудом удавалось удерживаться на ногах, и каждое движение вызывало мышечные спазмы, отдающиеся болью в позвоночнике.

— Долго я не протяну, — буркнул он, снова сплевывая скопившуюся во рту кровь.

Механоконечности сервиторов

принялись за работу: они сверлили, отвинчивали и отдирали пластины брони. По мере того как с него снимали слой за слоем, Талосу становилось все легче дышать.

— Как и все мы, — ответил он. — Мы спустились сюда не за победой.

Узас при этом хмыкнул, но ничего не сказал.

— Брат? — позвал его Талос по воксу. — Узас?

Второй Повелитель Ночи обернулся. Из-под разбитого шлема на Талоса уставилось окровавленное лицо.

— В чем дело?

Терминаторские наплечники отделились от плеч Талоса с лязгом и хрустом, и их унесли в сторону сервиторы. Пророк встретился взглядом с Узасом — черные глаза с черными. В лице брата что-то изменилось, но Талос не мог понять что.

— С тобой все в порядке?

— Да, брат, — сказал Узас, возвращаясь к обязанностям часового. — Лучше не бывало.

— Судя по голосу, ты в порядке. Он звучит очень... чисто.

— Думаю, так и есть.

Сервоприводы в доспехе Узаса зарычали, когда воин обернулся к Киріону.

— Я чувствую, что мозги прочистились.

Когда сервиторы демонтировали силовой кулак Меркуция, у того подкосились ноги. Он вынужден был привалиться к стене, чтобы не упасть. Из угла его рта текла кровь.

— Оставьте меня здесь, — сказал он. — У меня хребет как в огне, и это уже перекинулось на ноги. Я не смогу бежать.

Ответил ему Кирион:

— Он прав, Талос. В любом случае, пришло время разделиться. Она скосит нас, как ураган, если мы продолжим охотиться стаей.

Узас снова утробно хмыкнул:

— Ты просто хочешь спрятаться.

— Хватит с меня твоих глубоких прозрений, слюнявый болван.

Меркуций прикусил губу, чтобы не зарычать.

— Довольно этих разговоров о том, что мы должны разделиться. Бросьте меня и доставьте пророка на поверхность. Вариил явился сюда не просто так, глупцы. Талос не должен умереть здесь.

— Заткнитесь, все вы.

Избавившись от шлема, Талос глубоко вздохнул и добавил:

— Узас, Кирион, молчите и следите за туннелями.

Охота Малкариона была более неспешной, но не менее упорной. Он пробирался по туннелям, возвращаясь по собственным следам в тех местах, где обвалившийся потолок или слишком узкий проход мешали ему двигаться дальше.

— Когда-то здесь был лабориум. Здесь трудились технодесантники легиона. Конечно, не все, но многие из них.

Марлона плелась рядом с огромной боевой машиной. Ее фонарик в очередной раз мигнул и погас. Женщина стукнула им о бедро, как и раньше, но сейчас это делу не помогло. На несколько секунд она замерла в темноте, прислушиваясь к шепоту

пыльных призраков заброшенной крепости.

— Наши технодесантники и обученные рабы сплошным потоком выпускали отсюда сервиторов. Их делали из пленников. Из тех, кто не прошел испытания. Из смертных, согнанных с сотен миров и привезенных сюда, чтобы служить нам. Ты способна это представить? Можешь вообразить ленты конвейеров, тянувшиеся через этот пустой зал?

— Я... я ничего не вижу, господин.

— Ох.

Со щелчком включился свет. Острый луч, вырвавшийся из плеча дредноута, рассек мрак.

— Так лучше?

— Да, господин.

— Прекрати повторять это слово. Никому я не господин.

Марлона, сглотнув, поглядела туда, куда был направлен луч света.

— Как прикажете, господин.

Малкарион со скрежетом шагал через просторный зал.

— Сейчас все иначе. Это уже не мой

дом и не моя война. Но осталась одна последняя охота. Стоит терпеть всю эту боль, чтобы поохотиться в последний раз.

— Да, господин. Как скажете, господин.

Дредноут развернулся по поясной оси и, справившись с ногами, двинулся в другом направлении. Искры на краткий миг выхватили из мрака потрепанные пластины брони. Несколько последних стычек с чужаками в масках оставили свой след на железном теле боевой машины. И все же он прикончил всех противников, прежде чем те добрались до смертной.

— Господин, вы живой? Я имею в виду... Вы говорите о смерти и воскрешении. Что вы такое?

Из динамиков дредноута вырвался скрежет переключающихся передач — но в нем слышалась неловкость.

— Я был капитаном Малкарионом из десятой роты. Примарх называл меня военным теоретиком. Он считал мои длинные трактаты, посвященные военному делу, бесполезными, однако забавными. Он

не раз читал мне нотации. Говорил, что я должен служить в Тринадцатом, где мои познания более уместны.

Женщина медленно кивнула, глядя, как ее дыхание растекается в воздухе облаком пара.

— Что такое примарх?

Малкарион издал тот же скрежет.

— Просто легенда, — проревели динамики вокса. — Забудь о том, что я сказал.

Какое-то время они стояли молча. Малкарион вновь сосредоточился на вокс-передачах и в безмолвной задумчивости прислушивался к голосам Вариила, Талоса, Люкорифа и последних оставшихся воинов своей роты. Прибытие Живодера оказалось сюрпризом, как и появление доставившего его катера. Если не считать этого, они умирали той смертью, которую избрали: погибали лишь после того, как отнимали бесчисленное множество вражеских жизней и в последний раз орошали камни своей древней крепости кровью неприятелей.

Возможно, гибель их не была славной,

но зато была правильной. Они — не Имперские Кулаки. Им ни к чему стоять в золотых доспехах под палящим солнцем, выкрикивая имена своих героев в безразличные небеса. Нет, именно так сражался Восьмой легион, и именно так должны были умереть все сыны мира без солнца — крича от гнева, в одиночестве и темноте.

На секунду он задумался о той лжи, что поведал хромающей рядом с ним смертной, — о своем наслаждении последней охотой. Он испытывал извращенную благодарность за то, что ему выпал шанс увидеть, как его бывшие братья принимают смерть в духе истинных сынов Восьмого легиона, — однако пролитая им кровь нечестивых ксеносов не приносила ему никакой радости. Разве он держал против них зло? Нет. Совершенно нет. Убивать их стоило лишь ради того, чтобы показать им путь Восьмого легиона и покарать за нечеловеческую гордыню.

Он полагал, что рассеянные, жалкие отряды чужаков вряд ли сумеют убить

его. Быть может, если их наберется двадцать или тридцать и мечи будут получше, им удастся одолеть его, но даже в этом случае...

Нет.

Он встретит смерть здесь, в этом холодном саркофаге, уже давно поглотившем его останки. Он наконец-то погрузится в тишину, когда в оболочке дредноута закончится энергия. Это может произойти через десять лет. Или десять тысяч. Наверняка не узнать.

Малкарион отключил вокс и снова оглядел стоявшую рядом смертную. Как же ее звали? И спрашивал ли он вообще об этом? И имеет ли это значение?

— Ты хочешь умереть здесь, внизу, человек?

Она обхватила себя руками, стараясь согреться.

— Я вообще не хочу умирать.

— Я не бог, чтобы из ничего творить чудеса. Все умирает.

— Да, господин.

И вновь тишина.

— Я слышу, как они шепчут, —

сознялась женщина. — Чужаки опять приближаются.

Огромная пушка на правой руке дредноута задрала ствол и лязгнула, перезаряжаясь. Для смертной этот звук стал уже привычным. Перешептывание усилилось. Она почти чувствовала, как затылка касается теплое дыхание.

— У моей истории уже есть славный конец. Капитан Малкарион, возродившийся в несокрушимом железе и во второй раз сразивший Рагуэля Мученика из Девятого легиона, прежде чем наконец-то погрузиться в вечный сон. Разве это не прекрасная легенда?

Даже не понимая его слов, женщина ощутила их значение.

— Да, господин.

— Кто способен разрушить собственную легенду одним последним безвестным рассказом? Кто променяет убийство героя Империума на спасение единственной человеческой души от смерти в бесконечном мраке?

Малкарион не дал ей времени на ответ. Уже разворачиваясь, он поднял

орудия и наполнил зал оглушительным грохотом выстрелов.

Первый Коготь стоял наготове, окруженный отключенными сервиторами и бесценными комплектами терминаторской брони, которой не суждено было больше увидеть солнце.

Талос вложил гладиус в наголенные ножны, прикрепил разряженный болтер к бедру и обнажил Клинок Ангелов. Его наличник с изображением черепа — и с руной на лбу, обозначавшей тот самый титул, который был ему так ненавистен, — по очереди оглядел братьев.

Дыхание Меркуция вырывалось из вокс-решетки влажными всхлипами, он стоял достаточно прямо, чтобы удерживать штурмовой болтер. Его шлем, увенчанный двумя изогнутыми рогами, безмолвно смотрел на остальных.

Узас был в своем древнем шлеме с отпечатком пятерни. В одной руке он держал цепной топор, в другой гладиус. Его плащ из человеческой кожи, царственно наброшенный на одно плечо,

контрастировал со свисавшими с доспеха черепами.

Кирион подготовил к бою цепной меч и болтер. Зигзаги молний на его наличнике казались рваными следами слез.

— Давайте покончим с этим, — произнес он. — Все равно жить мне уже надоело.

Талос улыбнулся, хотя так невесело ему еще ни разу не было. Узас ничего не сказал. Меркуций кивнул и заговорил, подавив стон:

— Мы доставим тебя на поверхность, брат. А когда Вариил выскажет все, что хотел, спустится сюда и сдерет кожу с этой ксеносовской гарпии.

— Часто чем проще план, тем лучше, — заметил Кирион.

Талос вывел свой отряд в коридор, оставив заброшенные реликвии и безмозглых рабов медленно угасать во тьме.

XXVIII
ТАЙНАЯ ИСТИНА

Через час это стало помехой. Через два — проблемой.

К третьему часу они едва двигались.

— Просто бросьте меня, — сказал Меркуций, навалившийся на плечо Талоса.

Он задерживал их, замедлял их шаг. Талос знал это. Знали Кирион и Узас, а Меркуций знал лучше всех их, вместе взятых.

— Оставьте меня, — то и дело повторял он.

— Брось пушку, — отвечал Талос. — Она только мешает.

Меркуций сильнее прижал к себе штурмовой болтер.

— Просто оставьте меня. Я прикончу всех ксеносовских ублюдков, которые явятся сюда по мою душу. Если они идут за нами, я выиграю для вас немного времени.

Кирион шагал рядом с Талосом и хромающим воином. Он активировал закрытый канал, перевел дыхание и

заговорил:

— Мы должны оставить его, брат.

Талос даже не взглянул в его сторону.

— Мы должны помалкивать.

— Мы должны умереть, Талос. Мы пришли сюда за этим. Меркуций уже умирает, а та рана на голове, что получил Узас, тоже выглядит паршиво. Череп у него рассечен до кости, а один глаз остался в том зале, где погиб Третий Коготь.

Талос не стал спорить.

— Узас беспокоит меня не меньше, чем Меркуций. Он кажется... холодным, отстраненным.

— Чтобы не сказать больше. Послушай, даже если Вариил подслушал шепот ксеносовских колдунов — что это изменит? Мы уже мертвы. Если мы не погибнем здесь, то умрем на орбите.

Талос ответил не сразу:

— Катер проскользнул внутрь осадного кольца. Он может проскочить и обратно. Ты слышал, что Вариил говорил насчет кораблей-призраков. Правила игры изменились.

— И ты ему веришь? Считаешь, что тебе суждено выжить и объединить легион?

— Я не знаю, во что верить.

— Отлично. Если ты не обречен умереть здесь, то скажи — являлось ли тебе в видениях то, что случится после этой ночи?

— Нет.

— Вот и ответ. Ты умрешь здесь. Все мы умрем здесь. Так не будем же портить последнюю охоту, хромая и убегая, как раненые псы. Мы должны найти ее, пока она ослабела от раны, и не позволить снова застать нас врасплох. Это не наш путь.

Талос покачал головой и двинул плечом, перераспределяя вес Меркуция.

— Хватит, Кай. Я его не оставлю. И мне надо добраться до Вариила.

— Если ты веришь Вариилу, это твоя проблема. Не втягивай нас в это. И если ты действительно решил отказаться от нашей последней охоты, Меркуций все равно прав. Ты хочешь подняться на поверхность, а он нас задерживает.

Талос, не замедляя шага, гневно прищурился.

— Иногда, Кай, легко понять, почему Ксарл ненавидел тебя.

— В самом деле? — фыркнул Кирион. — Не прячься за его тенью, словно он бы растрогался при виде твоих чувств, похвалил тебя и похлопал по плечу. Ксарл бросил бы его первым. Ты знаешь это не хуже, чем я. Один из немногих пунктов, по которому у нас не возникло бы разногласий.

На это Талосу нечего было ответить.

— Братья, — произнес Узас с ледяным спокойствием. — Я слышу ее. Она несется к нам сквозь тьму.

Первый Коготь удвоил усилия. Кирион подпер Меркуция с другой стороны, помогая раненому хромать быстрее.

— Талос, — прокряхтел Меркуций.

— Заткнись. Просто шевели ногами.

— Талос! — рявкнул в ответ брат. — Время пришло. Трон в огне, Ловец Душ! Время пришло. Оставь меня. Беги!

Она снова возникла из тьмы, сжимая

колдовские клинки в кулаках, закованных в костяной доспех. Метательная звезда, закаленная пламенем варпа, горела черным огнем. Копье шипело, словно раскаленный металл, только что вынутый из горна и брошенный в воду.

Коридор перед ней загородила одна-единственная фигура. Воительница почуяла химическую вонь оружейных масел и зараженной крови, текущей из ран. Этого она пометила. Она помнила запах его жизни.

Одинокий мон-ки из их нечистой воинской касты, брошенный своими братьями истекать кровью во тьме. Как же мало эти создания понимали в верности и чести.

Приблизившись, она увидела, как воин с усилием поднимает оружие, и услышала единственное слово на одном из грязных языков людской расы:

— Джутай-ла, — сказало умирающее существо из касты воинов.

Меркуций втянул ледяной воздух сквозь ротовую решетку шлема.

Целеуказатель ретинального дисплея никак не мог захватить приближающуюся царицу ведьм, словно сама реальность отрицала ее присутствие.

Моргнув, чтобы прояснить зрение, он выпрямился под весом болтерной пушки и поднял ствол, целясь вглубь коридора.

Она подошла ближе, а Меркуций все еще не мог прицелиться. Что ж, тогда в бездну аугметический целеуказатель! Вернемся к первозданной чистоте.

Меркуций выдохнул это слово вслух, не заботясь о том, известно противнице или нет его значение:

— Охотничье зрение.

Секундой позже болтер дернулся в его руках, дрожа от ярости и поливая тесный туннель градом взрывчатых снарядов.

Оставшиеся в живых бежали.

Они бежали, не оглядываясь назад. Подошвы стучали по камню. Генетически усиленные мышцы вздувались и сокращались в оболочке из аугметических волоконных кабелей, а три легких и два сердца работали в полную мощь во

вздымавшихся и опадавших клетках из ребер.

Талос перемахнул через кучу камней. Его ботинки грохнули о пол с другой стороны, ни разу не сбившись с шага. На глазных линзах мелькали рунические цифры, принимавшие значения от восьмидесяти четырех до восьмидесяти семи километров в час. Эти значения падали, когда ему приходилось притормаживать, огибая углы, или отскакивать от стен на перекрестках в попытке сохранить скорость.

Они бежали целых семь минут, прежде чем Талос вполголоса выругался. Число идентификационных рун на краю ретинального дисплея уменьшилось с трех до двух, и по воксу разнесся сигнал остановки жизненных функций.

Меркуция, умиравшего у нее в руках, била дрожь. Даже слабеющими глазами он видел, что ее шлем и доспех повреждены, броня потрескалась и сквозь трещины сочилась остро пахнущая кровь чужачки. Выпустив сорок снарядов из тяжелого

болтера, воин лишь слегка задел ее. Взрывы искорежили и опалили доспех, хоть и не причинили его владелице существенного вреда, как надеялся Меркуций.

— Спи, — ласково произнесла она, но, несмотря на всю нежность, в голосе прозвучала насмешка.

Меркуций сжал копье, пронзившее его грудь, и потянул. Он продвинулся на полметра ближе к ней, слыша ужасный скрип металлического шеста, скребущего о сломанные ребра и опаленную плоть.

— Спи, — со смехом повторила она.

Этот громкий и мелодичный смех заставил Меркуция лишь сильнее стиснуть зубы. Он снова сжал и потянул копье. На сей раз воин едва двинулся — сила покидала его вместе с кровью.

Она выдернула копье, и эта боль оказалась куда сильнее той, что вспыхнула, когда копье с хрустом вошло в грудь. Теперь, с утратой опоры, онемевшие ноги Повелителя Ночи подломились, и он рухнул на землю. Лязг доспеха огласил коридор и рассыпался эхом.

На какую-то секунду воин застыл в позе эмбриона, стараясь вдохнуть, — но воздух не желал наполнять легкие. Меркуций тонул на суше. Зрение уже подернулось по краям серой пеленой.

Она прошла мимо. Вид ее ботинок у самого лица подействовал как катализатор, вернувший его в чувство. В режиме «охотничьего зрения» она казалась лишь размытым тепловым пятном, но опыт позволил ему вычленить нужные детали.

С криком, в котором боль и усилие смешались в одну громовую песню, Меркуций сделал движение — быстрее, чем когда-либо прежде, и уж точно быстрее, чем в оставшиеся ему мгновения. Сжатый в его руке гладиус вонзился сзади в ногу эльдарской девы и, выйдя из передней части голени, прочно завяз в плоти и кости. Воительница закричала так же, как он секундой раньше, и, развернувшись на месте, во второй раз вогнала ему в грудь копье.

Меркуций ухмыльнулся ей в лицо и потратил последнее свое дыхание на то,

чтобы сказать, глядя прямо в глаза царице ведьм:

— Попробуй бежать теперь...

Люкориф приземлился в облаке пыли. Вариил, стоявший в струях дождя и дышавший рециркулированным воздухом доспеха, не обратил на это внимания.

— Я видел их, — сказал раптор. — Они поднялись на поверхность дальше к западу, у крепостной стены.

Вариил тут же сорвался с места. За спиной взвыли турбины Люкорифа и раздался его смех. Апотекарий бежал несколько секунд, пока раптор не налетел на него сзади, вцепился в наплечники и поднял в воздух.

Вариил, не любивший летать и питавший еще менее теплые чувства к Кровоточащим Глазам, молча проглотил унижение и сжал когти раптора. Внизу проносились руины.

Он заметил апотекария не в тот миг, когда Вариил тяжело обрушился на крепостные зубцы. Нет, раньше, когда

дисплеи глазных линз зарегистрировали приближение брата с Бадаба и присоединили третью идентификационную руну с жизненными показателями к рунам Узаса и Кириона. Руны Ксарла и Меркуция рядом с ними были тусклыми и застывшими.

Люкориф приземлился с куда большим изяществом, впившись когтями в парапет накренившейся стены.

Талос подошел к поднимавшемуся апотекарию.

— Я хочу получить ответы, Вариил, и немедленно.

— Объяснение может занять какое-то время. Я бы позвал катер.

— Септимус и Октавия действительно здесь? На этой планете?

— Чтобы объяснить это, тоже потребуется время.

— У нас много чего недостает, брат: боеприпасов, надежды, бойцов. Можешь добавить время к этому списку. Где «Опаленный»?

— На крепостной стене к северу. Где-то в четырех минутах полета.

Талос настроил вокс на знакомый канал, который больше никогда не рассчитывал использовать.

— Септимус.

— Господин? Рад слышать ваш го...

— Подними катер в воздух и лети к центру развалин. Мы сейчас направляемся туда. Не совершай посадку, пока мы тебя не позовем, — находиться на земле дольше, чем это необходимо, слишком для тебя опасно. Ты меня понял?

— Так точно, господин.

— И если вдруг эльдарская дева в костяных доспехах окажется у тебя в зоне поражения, ты крайне обяжешь нас, если превратишь ее в кровавые брызги.

— Э... как скажете, господин.

Талос оборвал связь и оглянулся на остальных.

— Рассредоточьтесь в развалинах, пока не покажется катер. Не позволяйте ей обнаружить вас. А теперь вперед. Вариил, ты со мной. Можешь приступать к объяснениям.

Кирион несся сквозь дождь. Эрозия

сточила крепостные стены на этом участке до семиметровой высоты, с которой Кирион спрыгнул на бегу. Ботинки хрустнули, вдавившись в каменистую почву, и воин снова помчался вперед.

Спрятаться в руинах гигантской крепости было несложно: даже на поверхности ветер и дождь превратили цитадель в запутанный лабиринт из накренившихся стен и груд щебенки, раскинувшийся на серой равнине. Он бежал несколько минут, пока не достиг каменистого, усыпанного щебенкой склона. Когда-то здесь была стена барака, стоявшего вплотную к крепостной стене.

Повелитель Ночи начал карабкаться вверх, пробивая и процарапывая латными рукавицами углубления для рук там, где развалины стали слишком скользкими от воды.

— Кирион, — окликнул его чей-то голос.

Не по воксу — голос слышался сквозь плеск дождевых струй. Значит, говоривший был близко.

Кирион поднял голову. Узас, скорчившись, сидел на широкой стене и смотрел вниз на него. Отпечаток руки на древнем наличнике не поддавался холодной ласке дождя.

— Брат, — ответил Кирион.

Между ними повисло напряженное молчание. Кирион, преодолев последний участок подъема, взобрался на стену. Узас вскочил и попятился. В руках он по-прежнему сжимал гладиус и цепной топор.

— Давай поговорим, — сказал Узас.

Буря загремела яростнее. Молния распорола небо у них над головой.

— Талос велел нам разделиться.

Узас не отводил от него взгляда алых глазных линз.

— Талос. Да, давай поговорим о Талосе.

Его голос еще никогда не звучал так ясно — по крайней мере, со времен Великой Ереси. Кирион невольно задумался о том, что же с ним сделала эта рана в голову.

— А что Талос? — спросил он.

Узас на секунду активировал свой цепной топор. С визжащих зубьев

посыпались капли дождя.

— Я не раз испытывал его терпение за те десятилетия, что прошли с нашего бегства с Тсагуальсы. Но он всегда относился ко мне справедливо. Всегда защищал меня. Всегда помнил, что я брат ему, а он — мне.

Кирион опустил ладонь на рукоять вложенного в ножны цепного меча.

— Да. Так и есть.

Узас склонил голову набок.

— Но ты — нет.

Кирион выдавил из себя смешок, прозвучавший откровенно фальшиво.

— Кирион, Кирион, Кирион. Вот я гляжу на свои красные руки и думаю: мне приходится нести это наказание за множество припадков ярости, когда я истреблял смертных членов команды «Завета». А последним из них был отец Рожденной-в-Пустоте, так? Тот глупый трусливый старик, который покрывался потом, всхлипывал и пресмыкался перед нами всякий раз, когда мы проходили мимо.

Узас подошел к Кириону на шаг.

— Каков был на вкус его страх, Кирион? Какова на вкус была его смерть? Скажи, этот вкус все еще щекотал твой язык, когда ты остался в стороне, позволив братьям свалить вину на меня?

Когда Узас сделал еще шаг, Кирион обнажил оба клинка.

— Значит, Люкориф тебе рассказал.

— Люкориф ничего мне не рассказывал. Эти несколько часов я проигрывал в мозгу все, что произошло, и к такому выводу прийти было несложно. Никому другому старый дурень не показался бы соблазнительной добычей. Никто из них не способен ощутить его страх на вкус так, как ты. И любой другой просто признался бы Талосу в содеянном. Но не ты, о нет. Только не совершенный Кирион.

Кирион оглянулся. Он вплотную приблизился к краю стены и долгому падению на кучу щебенки, которое ожидало его за краем.

— Узас...

— Я был до смешного слеп, правда? Ответь мне, Кирион. Сколько раз ты

убивал членов команды, чтобы насытиться вкусом их страха, и оставался в стороне, когда обвиняли меня? Пробираясь сквозь обрывки воспоминаний, я могу восстановить те случаи, когда действительно охотился на смертных. Я терял контроль слишком часто, но куда реже, чем вменяется мне в вину.

— Не пытайся обвинить меня в...

— Ответь мне!

Узас стащил с головы шлем, отбросил его в сторону и предстал перед Кирионом с обнаженной головой. Его лицо, покрытое шрамами, стежками, с изуродованными чертами, сохранявшими толику ангельского величия, было искажено яростью. Половину лица все еще пятнала засохшая кровь, а одна глазница опустела и слепо таращилась, не до конца прикрытая струпом.

— Сколько твоих грехов приписали мне?

Увидев, как брат теряет контроль, Кирион улыбнулся.

— За последние века? Десятки. Сотни. Выбирай на свой вкус, психопат.

Разве еще несколько душ имеют значение по сравнению с той жатвой, что собрал ты сам?

— Имеют, потому что я наказан за твои грехи! — С губ кричащего Узаса полетели брызги слюны. — Остальные презирали меня! Сколько из этих преступлений можно записать на твой счет?

— Остальные мертвы, Узас, — холодно и спокойно ответил Кирион. — И уже не важно, во что они верили. Ты сам подписал себе приговор в их глазах, выкрикивая имя своего Кровавого Бога всякий раз, когда обнажал меч для боя.

— Я. Никогда. Никому. Не. Поклонялся. — Цепной топор Узаса теперь был направлен в голову брата. — Ты никогда этого не понимал. Легион поднимает хоругви Губительных Сил лишь тогда, когда это ему удобно. Войны должны быть выиграны любой ценой. И я точно такой же. Точно такой же!

— Как скажешь, Узас.

— Ты хотя бы представляешь, сколько раз мои мысли прояснялись, и лишь для

того, чтобы братья в очередной раз обвинили меня в убийстве какого-то важного члена команды?

Ужас сплюнул за край стены. Сейчас, когда дождь смыл кровь, его лицо стало еще ужаснее. Слева, там, где с головы была содрана кожа, проступал череп.

— Я убил десятки, но несу ответственность за сотни! — Он поднял кулаки со сжатым в них оружием, демонстрируя красные перчатки грешника. — Это метки твоего позора, Кирион. Я ношу их, потому что ты слишком слаб, чтобы нести их сам.

Его ярость рассеялась так же внезапно, как и возникла.

— Я... я расскажу Талосу. И ты признаешься в том, что сделал. Он должен узнать о размерах твоего... аппетита. И о том, что голод заставил тебя совершить.

— Как скажешь, брат, — повторил Кирион.

— Прости, что я рассердился. Иными ночами трудно обуздать гнев. Мне знакома ласка варпа, как и тебе. Я сочувствую тебе, брат. По-настоящему

сочувствую. Мы похожи больше, чем готовы признать.

Узас вздохнул и прикрыл глаза. Улыбка — первая искренняя улыбка за долгие века — осветила его изуродованное лицо.

Кирион атаковал в тот же миг, когда глаза Узаса закрылись. Он замахнулся сразу двумя клинками, целя в бледное горло Узаса. Второй Повелитель Ночи отшатнулся, едва успев блокировать выпад, и ответил ударом ноги по нагруднику брата. Над развалинами прокатился звон, похожий на гул набата. Кирион пошатнулся. Подошвы его скользнули по каменной кромке, и он беззвучно исчез из виду.

Узас взвыл, обратив яростный крик к бурлящим небесам. Его рассудок вновь помутился, а зрение подернулось красной пеленой. Небесный гром слился с лихорадочным стуком его собственного сердца, а дождь жалил глаза, словно капли кислотной слюны. Высоко занеся ревущий цепной топор, он разбежался и бросился вниз вслед за братом-предателем.

Он услышал вой, но не понял, откуда тот доносился.

Небо опять распорола ветвистая молния, на мгновение осветив руины, как днем. В этом свете обрушившиеся стены и шпили казались мертвым городом и ногами титана.

Талос замедлил бег. Затем остановился и оглянулся, прищурив глаза и не обращая внимания на поток бесполезных данных, проматывавшихся по глазным линзам.

— Нет, — сказал он сам себе, — я видел это раньше.

Молния вспыхнула снова, залив руины короткоживущим сиянием. И снова из обрывков мозаики сложилась картина: титаны на месте кренящихся стен и танки, превратившиеся обратно в груды безжизненного камня с угасанием молнии.

Он прислоняется к...

Вспышка!

...корпусу «Лендрейдера»...

...каменной стене обвалившегося здания, и оглядывается в поисках братьев.

Он видит Кириона, наполовину погребенного под горой щебня и почти в километре отсюда, если верить тактическим данным на ретинальном дисплее.

У него на глазах другой силуэт выдвигается из развалин, и целеуказатель визора наводится на Ужаса, приближающегося к распростертому Киириону со спины.

И наконец-то он понимает, где это видел.

Это произошло не на Крите. Я неправильно истолковал свое видение... Он убьет его здесь. Он убьет Кириона здесь.

Талос сорвался с места, и золотой клинок в его руках охватило живое пламя.

Кирион передернулся от боли в бедре. Он был почти уверен, что, падая с двадцатиметровой высоты, сломал ногу. Дисплей шлема подернулся сеткой помех, не давая возможности проверить биометрические данные, но Кирион уже потерял руку в бою — и, сравнивая ощущения, практически не сомневался в

своей догадке.

Он попытался разгрести щебень руками. Ему надо было убраться подальше от...

— Кирио-о-о-о-он! — прорычали сзади.

Последний слог был затянут и захлебнулся в хлюпанье слюны. Воин услышал, как Узас скребется в обломках у него за спиной, и задергался в каменных тисках, наполовину выбравшись из ловушки. Еще он услышал шаги, тяжелые и быстрые, но не смог изогнуться, чтобы заглянуть за плечо.

На камни упала тень — это Узас занес топор. Кирион все еще тянулся к своему оброненному мечу, когда клинок упал.

Узас застыл. Цепной топор вывалился из разжавшихся пальцев, звякнув о щебенку. Он посмотрел вниз, уже не видя пойманного в ловушку Кириона у своих ног. Его взгляд был прикован к золотому мечу, высовывающемуся у него из груди.

Мне знаком этот меч, — подумал он и попробовал рассмеяться.

Но сложно смеяться, когда в легких нет воздуха, и с его окровавленных губ сорвалось лишь сипение. Золотой клинок уже очистился от его крови, омытый дождем. И все же холодные капли скапливались в мерцающем силовом поле, окутывая сталь гудящим, пронизанным искрами ореолом.

Когда меч выскользнул из его груди, он вздохнул почти с облегчением. Удивительно, но не чувствовал никакой боли, хотя давление в его груди было таким сильным, что сердца, казалось, вот-вот разорвутся.

Он обернулся к своему убийце. Талос стоял под дождем, сверля его безжалостным взглядом красных глазных линз.

Талос, — хотел сказать он. — Брат мой.

— Ты, — пророк снова поднял меч, сжав рукоять двумя руками. — Я доверял тебе. Я снова, и снова, и снова спорил, отстаивая твою жизнь. Я клялся остальным, что ты все еще где-то там, внутри. Что где-то в тебе прячется осколок благородства,

жаждущий возрождения. Осколок чести, заслуживающий право на надежду.

Талос, — снова попытался сказать он, — благодарю тебя.

— Но ты самое низкое, мерзкое и подлое создание, когда-либо носившее крылатый череп Нострамо. Рувен по сравнению с тобой просто принц. По крайней мере, он способен был себя контролировать.

Талос...

Зрение Узаса помутилось. Он моргнул, а открыв глаза, обнаружил, что смотрит на брата снизу вверх. Он упал на колени?

Я... я...

— Постой... — сумел выговорить Узас.

Собственный голос, превратившийся в слабый шепот, в равной мере огорчил его и позабавил.

— Талос...

Пророк пнул его в грудь, опрокинув на спину. Затылок хрустнул, ударившись об острые обломки, но он снова не почувствовал боли — только давление холодного камня.

Слова не выговаривались. С каждым выдохом по подбородку текла черная, восхитительно теплая кровь.

Он увидел, как Талос встает над ним. С золотого клинка в потоках ливня сыпались искры.

— Я должен был прикончить тебя много лет назад.

Узас ухмыльнулся, так же как ухмыльнулся Меркуций в момент смерти.

Возможно, ты должен был, брат.

Он видел, как Талос разворачивается и уходит, исчезая из виду. Его место занял Вариил. Ледяные глаза апотекария стерили его равнодушно-вежливым взглядом. Из перчатки-нартециума выдвинулись сверла и пилы.

— Его геносемя? — спросил Вариил.

Поблизости раздался голос Талоса:

— Если ты извлечешь из него геноземя, тебя я тоже прикончу.

Вариил встал и, в последний раз окинув брата бесстрастным взглядом, тоже отошел. Последними словами, которые услышал Узас, были слова Кириона. Тот закряхтел, когда его

вытаскивали из-под завала, и заявил:

— Он набросился на меня сзади, вопя про свою бесконечную преданность Кровавому Богу. Благодарю, Талос.

XXIX
ФИНАЛ

Катер, завывая двигателями, завис низко над крепостной стеной. Воздух под турбинами стал мутным, как вода. Пар поднимался от их брони — это испарялись последние капли дождевой воды.

Кирион хромал, однако был способен держаться на ногах без посторонней помощи. Вариил и Люкориф остались нетронутыми, но Талос не произнес ни слова с тех пор, как убил брата. Он молчал, держась в центре небольшой группы, и избегал чужих взглядов — и во время подъема по зубцам стены, и позже.

Кирион, откинувшись, взглянул на небо между перекрещивающимися лучами прожекторов катера. Дождь катился по его расписанному наличнику.

— Вы заметили, что, когда мы проигрываем войну, всегда льет дождь? У богов забавное чувство юмора.

Ему никто не ответил. Талос заговорил, но обращался он только к

Септимусу:

— Сажай катер. И приготовься немедленно стартовать.

— Да, господин.

«Опаленный» нежно коснулся безжизненной земли Тсагуальсы. Медленно — слишком медленно — начал спускаться трап.

— Этот мир — склеп, — тихо сказал Талос. — Для легиона, и для сотен эльдаров, погибших в катакомбах этой ночью.

— Тогда давай уберемся отсюда, — предложил Кирион, которого слова пророка явно не впечатлили, — и умрем на орбите, наплевав на дурацкие суеверия Живодера.

— Всем когтям, все бойцам Восьмого легиона. Это Талос. Ответьте мне, если еще дышите.

Ответом ему была тишина, холодная и тяжелая. Как он и говорил только что — пророк почувствовал себя так, словно кричит на кладбище.

Даже Малкарион мертв. Эта мысль заставила его вздрогнуть.

— Вариил, — сказал он, когда трап

выдвинулся полностью. — Это не я.

Апотекарий заколебался.

— Я не понимаю.

На миг Талос просто замер, вглядываясь в свой ретинальный дисплей. Ксарл. Меркуций. Узас. Все поблекли. Все немы. Все мертвы.

— Это не я. Сомневаюсь, что какой-то пророк объединит Восьмой легион, но, даже если и так, речь шла не обо мне. Я не смог объединить даже один Коготь.

— Ну, — вмешался Кирион, — с нами было непросто даже в лучшие времена.

— Я говорю серьезно, Вариил. Это не я. Я никогда им не был. Посмотри на меня, брат. И скажи — ты действительно веришь, что я способен объединить десятки тысяч разбойников, насильников, предателей, воров и убийц? Я думаю не так, как они. Я даже не хочу больше быть одним из них. Они сами себя прокляли. Это всегда являлось слабостью легиона. Мы сами обрекли себя на проклятие.

— Твоя верность братьям делает тебе честь, но сейчас ты говоришь так от горя.

— Нет. — Талос покачал головой и шагнул назад. — Я говорю правду. Одно из многих, многих письменных свидетельств, дошедших до нас со времен Ереси, рассказывает об этом «пророке». Мы называем это «Пророчеством об Испытании», хотя знают о нем всего несколько капитанов. И предопределено это судьбой или нет, но тот пророк — не я.

Вариил кивнул. Талос, заглянув в бледные глаза брата, улыбнулся.

— Ты думал о такой возможности, — сказал он без вопросительной интонации, — я вижу. Я размышлял над этой идеей с тех пор, как провел над тобой физиологические тесты. — Вариил повел головой в сторону катера. — Ребенок, в чье тело имплантируют твое геноседя, будет обладать всеми признаками могущественного пророка.

— Ты лишь строишь догадки.

— Да. Но это хорошая догадка.

Кирион, обернувшись к ним с трапа, выругался:

— Может мы наконец улететь отсюда, если вообще намерены это

сделать?

Люкориф взобрался по трапу, но Талос и Вариил остались на месте.

— В последние часы перед смертью отец мне кое-что сказал. Эти слова были предназначены лишь для моих ушей, и я никогда ни с кем ими не делился. Он сказал: «Многие станут утверждать, что достойны возглавить легион после моего ухода. Многие станут утверждать, что они — и только они — являются моими наследниками по праву. Я ненавижу этот легион, Талос. Я уничтожил его родной мир, чтобы остановить приток яда. Скоро я предстану перед последним судом и преподам Повелителям Ночи самый важный урок. Неужели ты и вправду считаешь, что меня заботит то, что случится с вами после моей смерти?»

Пока Талос переводил дыхание, апотекарий не шелохнулся.

— Иногда я почти понимаю, что он чувствовал, Вариил. Эта война тянется уже вечность, и победа приближается мучительно медленно. А мы тем временем предаем, прячемся, отступаем и

убегаем, мы разбойничаем, нападаем из засады, сдираем кожу и вырезаем людей тысячами, мы грабим наших собственных мертвецов, пьем кровь наших врагов и без конца убиваем братьев. Я убил собственную мать, не узнав ее. Только за последнее столетие я прикончил девятнадцать братьев, и почти всегда в идиотских стычках за какой-нибудь меч или из-за уязвленной гордости. У меня нет желания объединять легион. Я ненавижу легион. Не за то, чем стал он, а за то, во что он превратил меня.

Вариил по-прежнему молчал. Не то чтобы он не находил слов, — скорее, у него начисто пропало желание говорить.

— Есть лишь одно, чего я хочу, — продолжил Талос. — Я хочу заполучить голову этой ксеносовской ведьмы. Хочу водрузить ее на копье в центре этих развалин.

Талос отвернулся от катера и зашагал прочь.

— И я намерен это сделать. Оставайся в воздухе, Вариил. Сажай катер, когда все закончится. Не важно,

погибну я этой ночью или нет, на рассвете ты можешь извлечь мое геносемя.

Кирион соскочил с трапа и пошел следом за Талосом.

— Я с тобой.

Голова Люкорифа дернулась от мышечного спазма в шее. На короткое время выпрямившись во весь рост, он последовал за братьями.

— Я к вам присоединюсь. Еще одна мертвая эльдарка увеличит счет Кровоточащих Глаз до двух. Мне нравится эта цифра.

Вариил, оставшийся у катера, боролся с желанием пойти за остальными.

— Талос, — позвал он.

Пророк оглянулся через плечо как раз вовремя, чтобы увидеть, как из тела апотекария хлынула кровь. Вариил вскрикнул — Талос никогда не слышал от него таких громких звуков — и зажал окровавленный рот рукой, словно мог остановить поток утекающей жизни.

Черное копье выскользнуло у апотекария из спины, заставив его пошатнуться, и возвратным ударом

отсекло обе ноги. Из бионической конечности, пытавшейся восстановить равновесие, с сердитым треском посыпались искры. Из живой ноги хлынула кровь — очень много крови.

Три Повелителя Ночи уже бежали. Оружие в их руках ревело и гудело.

— Поднимайся в воздух, — проревел Талос в вокс. — Считай это последним приказом.

Катер немедленно взмыл вверх, неуверенно покачиваясь на истошно визжащих двигателях.

— Вы отпустили меня со службы еще на борту «Эха», Талос. Я не обязан исполнять ваши приказы, так ведь? Летим с нами.

— Ты не должен умирать с нами, Септимус. Беги. Беги куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Талос добрался до эльдарки первым, как раз когда она провизжала первые ноты парализующего крика. Он взмахнул мечом, всем своим видом показывая, что намерен нанести удар. В последнюю секунду, когда черное копье развернулось для безупречного

блока, он подпрыгнул и что было силы пнул противницу в наличник. Шлем треснул. Голова эльдарки откинулась, и вопль оборвался. Она сделала грациозное сальто, избегая падения.

Талос тяжело рухнул на землю и тут же вскочил на ноги, снова занося золотой меч. Увидев, что смертная маска девы раскололась пополам, он ухмыльнулся.

— Понятия не имел, что это доставляет такое удовольствие, — сказал он эльдарке.

— Ты, — произнесла она на готике.

Голосовая решетка шлема была повреждена, еще больше искажая ее речь.

— Душелов.

Он встретил ее удар, клинок к клинку. Их силовое оружие отталкивалось, как два схлестнувшихся магнитных поля.

— Я так устал от этого имени, — выдохнул Талос.

Он опять ударил ее головой, во второй раз пробив маску. Сквозь трещину он увидел глаз воительницы — чужой, раскосый и уродливый.

Кирион и Люкориф набросились на нее

с двух сторон. Выпад первого парировала трехлучевая метательная звезда, которую воительница сжимала во второй руке, а когти-молнии второго бесполезно разрезали воздух — эльдарка увернулась и, танцуя, выпрыгнула из треугольника воинов.

Приземлившись, она споткнулась, в первый раз утратив грацию движений, и зашипела от боли. Левая нога эльдарки вниз от лодыжки окрасилась кровью. Кто бы ни ранил ее, он проделал отменную работу — теперь, охромев, она была лишь чуть быстрее Повелителей Ночи.

Люкориф не являлся бойцом Первого Когтя, и ему не хватало того единства, что отчетливо виделось в действиях двух других братьев. Обогнав их, он прыгнул вперед с рыком, сделавшим бы честь нострамanскому льву. Когтистые пальцы скрючились, готовые вырвать ее сердце.

Копье встретило его на середине прыжка, вдребезги разбив нагрудник и швырнув Люкорифа на землю. Уже вгоняя копье в живот упавшего раптора, второй рукой воительница метнула звезду.

Нечеловеческая реакция Кириона была отточена столетиями боев и, еще раньше, годами тренировок. Ему случалось отражать пули наручами доспеха и уворачиваться от лучей лазера, даже не почувствовав их жара. Его рефлексы, как и у всех воинов Легионес Астартес, настолько превосходили человеческие, что граничили со сверхъестественными. Он начал уклоняться еще до того, как звезда сорвалась с ее пальцев.

Этого оказалось недостаточно. Даже близко нет. Вращающиеся клинки ударили его в грудь и вонзились глубоко, а доспех окутало черное пламя.

Царица ведьм вытянула руку, призывая обратно свою метательную звезду. Когда та мелькнула в воздухе, Талос расколол ее пополам ударом силового меча. Воительница попыталась вырвать копье из живота Люкорифа, но раптор вцепился в древко железными когтями, удерживая его в своем теле и в каменных зубцах под ним.

Мгновением позже пророк уже атаковал. Эльдарка увернулась от первого

удара, и от второго, и от третьего — она отпрыгивала назад и уклонялась при каждом взмахе меча. Хотя Талос двигался настолько быстро, что человеческий глаз не в силах был за ним уследить, его выпады не достигали цели.

При очередном прыжке раненая нога вновь подвела эльдарку. Когда воительница пошатнулась, Талос выбил из-под нее опору, и Аурум поразил цель. Золотой меч рассек ее правое предплечье, отрубив руку почти по локоть.

Она закричала — резонирующий крик боли и разочарования, звучавший почти по-человечески. Грязная ксеносовская кровь затрещала и зашипела, сгорая на клинке.

В ответ эльдарка ткнула пальцами в мягкий доспех у него на горле, смяв кабели и ударив в глотку так сильно, что смертный погиб бы на месте. Талос отшатнулся назад, пытаясь восстановить дыхание и подняв меч для защиты.

Он ощутил, как голова дергается вправо от удара, которого он не успел заметить, и на краткий миг увидел Люкорифа — тот лежал на спине, словно

перевернутая черепаха в железном панцире.

Меч выпал у Талоса из пальцев, выбитый пинком окровавленного ботинка. Второй пинок пришелся по разбитой аквиле у него на нагруднике и заставил воина пошатнуться. Талос едва не упал. Боевые наркотики не помогали: он не мог ни заблокировать ее удары, ни уклониться от них. Он вообще едва ее видел.

— Охот...

Его собственный меч, обрушившийся на шлем, оборвал приказ на полуслове. В голове раскаленным углем вспыхнула боль, распространяющаяся от виска. В ту же секунду его поле зрения сократилось вдвое. Прежде чем он успел понять, что ослеп на один глаз, клинок упал снова. Аурум скользнул ему в грудь — медленно, с ласковой неторопливостью, похищая дыхание, силы и мысли. Все, кроме одной истины.

Она убила меня моим собственным мечом.

Он беззвучно расхохотался, забрызгав внутренность шлема кровью. Когда

воительница вытащила меч, пророк в первую секунду подумал, что она просто отшвырнет клинок. Вместо этого эльдарка переломила его о колено.

Боль, вгрызавшаяся в грудь, наконец-то добралась до позвоночника и яростно сомкнула зубы. Тогда он упал — но только на колени. Почему-то это было еще хуже.

— Так пал Душелов, — сказала царица ведьм и, сняв шлем, уставилась на него сверху вниз раскосыми, мутными серыми глазами.

Не будь она столь отвратительно чужой и чуждой, ее можно было бы назвать красивой. Одно ухо воительницы дернулось под дождем, словно уловив звук, слышимый только ей.

Он сумел вновь подняться на ноги. Сняв шлем, пророк воззрился на еще одно видение, ставшее явью.

Детали совпадали. Не совсем, но все же достаточно близко. Охваченный лихорадкой разум раскрасил эти места флером давних воспоминаний: казалось, что крепость все еще высится в своей горделивой славе, а не лежит, как ныне, в

руинах.

Но остальное было настолько похоже, что заставило пророка улыбнуться. Талос шагнул к воительнице и, несмотря на мучительную боль в груди, наклонился, поднимая меч.

— В моих снах, — выдохнул он, — на тебе все еще был шлем.

Она кивнула, медленно и серьезно.

— Провидцы Ультве видели то же самое. Но судьба изменчива, Душелов. Есть варианты грядущего, которые надо предотвратить. Пророка Восьмого легиона не будет. Не будет Ночи Крови, когда твои обуреваемые жаждой братья изопьют Слезы Иши. Ты умрешь здесь. Все к лучшему.

Он прижал руку к рассеченной груди, чувствуя напряженное биение по меньшей мере одного сердца. Дышать было трудно, но дополнительные органы заработали, позволяя ему пережить то, что не пережил бы ни один смертный.

Дева-воительница отошла, чтобы вытащить копье из живота Люкорифа. Раптор не шевельнулся.

Когда эльдарка вновь обернулась к Талосу, держа черное копье в уцелевшей руке, сон и реальность слились, наконец-то став одним целым.

XXX
УРОКИ

Пророк и убийца стояли на стене мертвой цитадели, сжимая оружие в руках. Дождь хлестал сплошным потоком, затрудняя видимость и водопадом рушась с зазубренных стен. Единственными звуками, доносящимися сквозь шум дождя, были голоса этих двоих: человека в разбитом, потрескивающем от статики доспехе и ксеносовской девы в изящной и древней боевой броне, покрывшейся за тысячелетия бессчетными шрамами.

— Здесь погиб твой легион, так ведь? Мы зовем этот мир Шихр Вейрух. Как это будет на вашем змеином языке? Тсагуальса, да? Скажи мне вот что, пророк. Зачем ты вернулся сюда?

Талос не ответил. Сплюнув едкую кровь на темные камни, он снова с хрипом втянул воздух. Меч в его руке был бесполезным обломком — вражеский удар отсек половину клинка. Вдобавок воин понятия не имел, где сейчас его болтер. Он

ощутил невольный укол вины, и по разбитым губам скользнула ухмылка.

Малкарион вряд ли гордился бы мной, — подумал он.

— Талос.

Эльдарка улыбнулась. Удивительно, но в веселье ксеносовской девы не было и тени злобы или насмешки.

— Тебе нечего стыдиться, человек. Все умирают.

Стоять он уже не мог. Даже гордость способна заставить тело повиноваться лишь до определенной черты. Пророк упал на одно колено. Из трещин его доспеха сочилась кровь, а вместо слов изо рта вырвался болезненный стон. Единственное, что он ощущал сейчас, — это железистую вонь собственных ран. Боевые стимуляторы переполнили его кровь.

Женщина приблизилась. Ее дерзость дошла до того, что она положила серповидный наконечник своего копья на наплечник раненого воина.

— Я говорю только правду, пророк. Тебе незачем стыдиться этой секунды. Ты можешь гордиться уже тем, что

продвинулся так далеко.

Талос снова сплюнул кровь и прошипел два слова:

— Валас Моровай.

Убийца склонила голову, глядя на него сверху вниз. Ее длинные, багряно-красные волосы вымокли под дождем, и пряди прилипли к бледному лицу. Казалось, что она тонет, но при этом сохраняет ангельское спокойствие.

— То, что вы бормочете в свой смертный час, порой остается мне непонятным, — произнесла она. — Ты сказал... «Первый Коготь», да?

Слова прозвучали невнятно из-за ее чужеродного акцента.

— Они были твоими братьями? Ты взываешь к мертвым в надежде, что они все еще могут спасти тебя?

Отяжелевший клинок выпал из его пальцев. Пророк смотрел на меч, лежавший на черном камне и омываемый потоками дождя: золотой и серебряный, сияющий так же ярко, как в тот день, когда достался ему.

Талос медленно поднял голову и

взглянул в лицо своему палачу. Дождь стывал кровь с его лица. На губах остался привкус соли, и в глазах защипало. Ему не надо было гадать, продолжает ли она улыбаться. Талос видел улыбку эльдарки, искреннюю и добрую, и его терзала горькая ненависть. Это сочувствие? Неужели?

Стоя на коленях на верхушке стены заброшенной крепости своего легиона, Повелитель Ночи расхохотался.

Но ни его смех, ни грохот бури не смогли заглушить низкий рев двигателей. Катер — черно-синий и зловещий — с воем вырвался из-за стены. Дождь серебряными струями лился с его корпуса, очертаниями напоминавшего хищную птицу. Боевая машина поднялась над зубцами. Турели штурмовых болтеров повернулись и навелись на цель с механическим лязгом — сладчайшей музыкой, когда-либо ласкавшей слух пророка. Талос все еще смеялся, когда «Громовой ястреб» завис над стеной на собственном тепловом выхлопе. Тусклый свет из рубки очертил две фигуры внутри.

— Я видел это, — сказал он воительнице. — А ты?

Эльдарка уже двигалась. Она превратилась в черное пятно, зигзагами несущееся сквозь потоки дождя. Под ногами ее расцвели венчики разрывов. Ураган снарядов обрушился на каменную кладку. Осколки посыпались градом.

Только что убийца мчалась по парапету, а уже в следующую секунду она просто-напросто исчезла, растворившись в тенях.

Талос не стал подниматься на ноги. Пророк даже не был уверен, удастся ли ему это. Он закрыл единственный уцелевший глаз. Второй превратился в слепой и кровоточащий комок боли, и с каждым биением двух сердец от него вглубь черепа шла глухая пульсация. Бионическая рука, дрожащая от повреждений суставов и нервных соединений, активировала вокс на вороте доспеха.

— В следующий раз я послушаюсь тебя.

Сквозь оглушительный рев двигателей вертикального взлета прорвался голос, доносящийся из внешних динамиков катера. Помехи лишили слова

всякого выражения.

— Если ты не выйдет из боя сейчас, следующего раза не будет.

— Я велел тебе уходить. Я отдал приказ.

— Господин, — затрещали динамики в ответ, — я...

— Убирайся, будь ты проклят!

Когда Талос взглянул на корабль в следующий раз, две фигуры стали видны более четко. Они сидели рука об руку в пилотских креслах.

— Я официально извещаю, что ты больше не состоишь у меня на службе, — скороговоркой передал он по воксу и снова расхохотался. — Уже во второй раз.

Но катер остался на месте. Двигатели натужно ревели, омывая бастионы волнами раскаленного воздуха.

На сей раз сквозь хрип вокса прорезался женский голос:

— Талос.

— Бегите. Бегите как можно дальше отсюда и от этого мира, несущего одну смерть. Бегите в последний город и садитесь на первое же судно, покидающее

планету. Империум приближается. Они станут залогом вашего спасения. Но помните о том, что я сказал. Все мы — невольники судьбы. Если Вариилу удастся вырваться живым из этого безумия, однажды он придет за ребенком. Неважно, как далеко вы убежите.

— Возможно, он никогда нас не найдет.

Смех Талоса наконец-то утих, хотя пророк продолжал улыбаться.

— Молитесь о том, чтобы не нашел.

Вдох ножом вошел в его разорванные легкие. Он привалился спиной к зубцам стены, закряхтев от боли в переломанных ребрах. Серая тень медленно затягивала тир вокруг. Пальцы потеряли чувствительность. Пророк положил одну руку на потрескавшийся нагрудник с ритуальным изображением осквернённой аквилы, дочиста отполированным дождем. Вторая легла на болтер — оружие Малкариона, которое Талос выронил раньше, во время боя. Окостеневшими пальцами пророк закрепил двуствольный болтер на бедре и снова медленно втянул

ледяной воздух в легкие, не желавшие больше дышать. Кровоточащие десны окрасили зубы в розоватый цвет.

— Я иду за ней.

— Не будь идиотом.

Талос поднял голову, позволяя струям дождя смочить раны. Странно, что мимолетное милосердие заставило их поверить, будто они могут говорить с ним в таком тоне. Он заставил себя подняться на ноги и зашагал по обвалившимся, выщербленным бастионам, сжимая в руке сломанный клинок.

— Она убила моих братьев, — сказал пророк. — И я иду за ней.

Сначала он направился туда, где лежал Кирион. Метательная звезда почти ничего не оставила от его груди: черный огонь пожрал плоть и кость грудной клетки и лежавших под ней органов. Он снял шлем Кириона, прикасаясь к нему осторожно — отчасти чтобы не потревожить собственные раны, отчасти из уважения к умершему.

Когда Кирион вцепился в его запястье,

Талос изумленно моргнул. Черные глаза брата завращались в глазницах, ничего не видя и оставляя след из дождевых капель, схожий со слезами-молниями на его наличнике.

— Узас, — просипел Кирион.

В открытой воронке его грудины трепетало одно легкое. Одно сердце все еще слабо сокращалось.

— Это Талос. Узас мертв.

— Узас, — повторил Кирион. — Я ненавижу тебя. Всегда ненавидел. Но мне жаль.

— Брат.

Талос повел рукой перед глазами Кириона. Реакции не последовало. Тот был совершенно слеп.

— Талос?

Он взял Кириона за руку, сжав запястье в братском приветствии.

— Я здесь, Кай.

— Хорошо. Хорошо. Не хотел умирать в одиночестве.

Расслабившись, он снова осел на камни.

— Не забирай мое геноскетя, — подняв

руку, Кирион прикоснулся к глазам. — Я... Кажется, я ослеп. Это неправильная темнота.

Воин стер стекающую с губ слюну.

— Ты не возьмешь мое геносемя, так?

— Нет.

— И не разрешай Вариилу извлечь его. Не позволяй ему прикасаться ко мне.

— Не позволю.

— Хорошо. Те слова, что ты сказал. О войне. Они мне понравились. Не передавай мое геносемя. Я... покончил с этой войной... навсегда.

— Я понял.

Кириону пришлось три раза сглотнуть, прежде чем он смог заговорить снова:

— Я как будто утопаю в слюне.

Но это была кровь. Талос ничего ему не сказал.

— Септимус и Октавия ушли.

— Это хорошо. Хорошо.

Из перекошенного в слабой улыбке рта Кириона потекла смешанная со слюной кровь. Его тело задергалось в предсмертных конвульсиях.

Талос держал его в руках, не говоря ни слова. Паузу, как обычно, заполнил Кирион.

— Я умираю, — сказал он. — Все остальные мертвы. Рабы спаслись... А... — медленно выдохнул он, — а как ты?

Талос подождал, пока последнее дыхание сорвется с губ брата, после чего бережно закрыл его глаза.

Он забрал у мертвого три вещи — не больше и не меньше.

Люкориф лежал неподвижно. Талос обошел его труп по широкой дуге и направился к Вариилу.

Апотекарию до смерти было еще далеко. Пророк нагнал его, когда тот, выдохшийся, с отрубленными ногами, полз по камням. Потеря ног ниже колена отнюдь не смягчила нрав Живодера.

— Не трогай меня, — сказал он Талосу, который пропустил это мимо ушей.

Пророк оттащил его к зубцам крепостной стены, где было немного суше.

Несколько отделений своего нартециума апотекарий открыл, а их содержимое переместилось по большей

части в его кровеносную систему.

— Я не умру, — сказал он Талосу. — Я остановил кровотечение, предотвратил риск сепсиса и прочих инфекций, применил пластырь из искусственной кожи и герметизатор для брони, а также...

— Заткнись, Вариил.

— Извини. Кажется, я переусердствовал со стимуляторами, но надо было учесть экстренность ситуации. Я не привык...

— Заткнись, Вариил, — сказал Талос, сжимая руку брата, запястье к запястью. — Я иду за ней.

— Пожалуйста, не рискуй своим геносеменем.

— По правде, тебе очень повезет, если оно уцелеет.

— Это огорчает меня.

— И если ты сумеешь убраться с этой проклятой планеты, не трогай геносемя Кириона. Пусть он покоится с миром.

Вариил склонил к плечу голову, мокрую от дождя.

— Как пожелаешь. Где катер? Он вернется?

— Прощай, Вариил. Восьмой легион еще будет гордиться тобой. Мне не нужно быть пророком, чтобы это предсказать. — Он указал на пояс Вариила со всеми карманами, патронташем и запасными обоймами. — Я возьму это, если ты не возражаешь.

Вариил возражать не стал.

— Как я выберусь с Тсагуальсы, если катер не вернет меня на корабль Делтриана?

— У меня есть предчувствие, что воины легиона придут сюда однажды ночью, они пожелают своими глазами увидеть, что тут произошло.

— Догадка? — поинтересовался Вариил, нажимая клавиши на нартециуме.

— Хорошая догадка, — ответил Талос. — Прощай, брат.

— Умри с честью, Талос. Благодарю тебя за Фригию.

Пророк кивнул и оставил последнего выжившего брата в струях дождя.

Она пошла за ним, когда вой

железного воздушного охотника стих и расстояние поглотило рев его турбин. Тогда она выступила из теней и помчалась вниз по крепостной стене, легко балансируя копьем в уцелевшей руке.

Шелковая грива струилась вслед за танцовщицей-мечницей, не забиваясь в глаза. Храм баньши мира Ультве нуждался в ней, и в храм баньши она пришла. Раскол между провидцами мира-корабля не добавил удачи, как и разделение сил, последовавшее за ним.

Немногие из других храмов Пути решились последовать за ней, несмотря на то уважение, что заслуживали ее доспехи и оружие. Они не решались оставить Ультве без защиты, поэтому армада была столь малочисленна и призрачна — корабли, населенные духами, и горстка настоящих воинов, осмелившихся ступить на землю этого нечистого мира.

И все же потери, понесенные этой ночью, были прискорбны. Ультве не мог позволить себе потерять столько бойцов, павших под клинками еретиков, — однако Душелову суждено погибнуть, прежде чем

он сможет стать Бичом Иши на рассвете Рхана Дандра.

Так было предначертано. И так будет.

За все годы, прошедшие с ее последнего Воплощения, ни разу предзнаменования и знаки судьбы не совпадали так ясно, как этой ночью. Сама правота и важность ее миссии придавали силу и скорость уставшему телу.

Теперь воин, охромевший и едва волочащий ноги, охотился на нее. Клинок в его руках отзывался древним гулом. Те грубые металлы, из которых был откован этот меч, восходили к эре Человеческой Спеси, когда их гордыня распахнула Врата Ша'йела, как огромное око в небесах. Она не боялась его клинка. Она ничего не боялась. Даже ее поврежденный доспех вновь станет целым по велению рока.

Она побежала быстрее. Дождь холодил ее кожу, а рука твердо держала копье.

Талос не сопротивлялся.

Черное копье пронзило пророка,

довершая то, что начал его собственный меч в ее руках. Легионер не стал улыбаться, проклинать или шептать последние слова. Насадив на копье, воительница удерживала его на расстоянии вытянутой руки.

Когда меч выпал у него из пальцев, Талос разжал второй кулак. Граната сдетонировала, как только его пальцы соскользнули с активационной пластины. Она взорвалась, спровоцировав взрыв еще трех гранат, которые пророк снял с Кириона, и еще двух, взятых у Вариила, и силового генератора у него за спиной.

Не считая пламени, спалившего половину физической оболочки бессмертной ксеносовской воительницы, Талос Валкоран с Нострамо умер почти так же, как появился на свет: глядя на мир широко распахнутыми черными глазами и не говоря ни слова.

Марлона, хромая, вышла под дождь. Она закрыла глаза, позволяя холодной воде смыть с тела пот, накопившийся за долгие часы. Ей хотелось плакать. Ощущение

мокрых волос под пальцами доставило ей удовольствие, невыразимое словами.

Дредноут шагал впереди. Боевая машина подволакивала одну ногу. Из камней сыпались искры, и следом тянулась глубокая уродливая борозда. Пластины брони местами почернели и оплавились, вновь застыв нелепыми пятнами, и из некоторых торчали серебряные диски сюрикенов, словно осыпающаяся рыбья чешуя. Сервосуставы уже не гудели ровно и уверенно — нет, они лязгали, скрежетали и искрили, и погнутые зубья передач лишь через раз сцеплялись друг с другом.

Это искореженное сооружение продолжало шагать к крепостным руинам. Обе опущенные руки свободно болтались. Десятки кабелей, связывающие саркофаг с бронированной оболочкой, были перерублены. Из одних вовалил пар, из других лилась жидкость, а некоторые совершенно пересохли.

Женщина не знала, сколько противников прикончил Малкарион во время путешествия по катакомбам и подъема. Они набрасывались на него с

цепными мечами, ножами, пистолетами, винтовками, лазерным оружием и гранатометами, силовыми когтями и копьями и даже с булыжниками и проклятиями. Все эти столкновения ясно читались по вмятинам на его адамантиновом корпусе.

— Я слышал катер... — прорычал дредноут. — Я... я свяжусь с ним. Смертные рабы Талоса. Они вернутся за тобой. А потом... Потом я усну.

Впереди, на крепостной стене, женщина увидела привалившееся к камням, изуродованное тело легионера. Его доспехи выгорели дочерна, а все суставы расплавились и подернулись окалиной. От трупа поднимался дым, мешавшийся со струями ливня.

Ближе к ним по камням со стоном ползла одна из ксеносовских дев. У нее осталась всего одна рука и обрубок ноги выше колена. На месте второй руки виднелись свирепые ожоги, второй ноги не было видно. Волосы воительницы сгорели, как и большая часть плоти. Она стонала и истекала кровью, извиваясь в судорогах под

дождем.

— — — Джайн зар, — наполовину прошептала, наполовину прокаркала она, едва ворочая обожженным языком. — Джайн зар.

Невероятно, но нетронутым остался лишь ее левый глаз, уставившийся на Марлону с горькой и осознанной ненавистью.

— — — Джайн зар, — вновь просипела умирающая чужачка.

Малкарион наступил на эту полуживую дохлятину бронированной ногой, размазав ее по камням. С усилием подняв заскрипевшую руку, он указал на труп легионера:

— Я... я должен закончить все... за этого мальчика.

Эпилог I
ИМЕНА

Рабы прижимались друг к другу во тьме. Мужчина обнимал женщину. Осталось недолго. Стены их убежища содрогнулись — это стартовал челнок, вновь пробивая путь в атмосферу.

Эвакуация началась пять дней назад, когда совершил посадку первый корабль имперского флота. Еще сотня беженцев скучилась в почти абсолютной темноте. Кто-то тихо переговаривался, некоторые плакали от облегчения, другие — от ужаса. Жители Даркхарны никогда не покидали свой мир. Даже те, кто с детства лелеял образ далекого Империума, сейчас, наконец-то ощутив его отнюдь не материнскую заботу, испытывали страх.

Рабы провели в Последнем Городе два долгих месяца. Два месяца им приходилось лгать, чтобы смешаться с другими беженцами; два месяца им приходилось прятать ее третий глаз; два месяца им

оставалось лишь надеяться, что Вариил не возникнет на пороге их убогой хижины. Ей часто снилась эта встреча — красные глазные линзы, рев сервосуставов. Она всегда просыпалась в тот миг, когда его руки в холодных керамитовых перчатках проводили по ее животу.

Но он так и не пришел.

В спокойные минуты она все еще вспоминала последние слова Талоса: «Если Вариилу удастся вырваться живым из этого безумия, однажды он придет за ребенком. Неважно, как далеко вы убежите».

Но где же он был? Скрылся с Тсагуальсы вместе с Делтрианом? Она не осмеливалась верить, что ножи Вариила больше им не грозят, но уже начинала надеяться.

Октавия опустила руки на живот. Ребенок должен был появиться скоро — через месяц, самое большее, через два. Она задавалась вопросом, суждено ли ему родиться в космосе, как той несчастной девочке на борту «Завета», или ей все же удастся сначала вдохнуть воздух их нового

дома... разумеется, после того как они сумеют обвести вокруг пальца имперских чиновников.

Септимус согласился сыграть роль чернорабочего из небольшого городка на юге. Она же собиралась объявить, что происходит от первых навигаторов планеты из флота колонистов, приземлившихся здесь четыреста лет назад. В тихие минуты Октавию все еще забавляло, что, благодаря навигаторской физиологии, ее история звучит более правдоподобно. Она сильно сомневалась, что мелкие чиновники, которым поручат разбираться с беженцами с Даркхарны, станут чинить ей препятствия. Навигатора, представлявшего большую ценность, должны были отправить в одну из крепостей Навис Нобилите в ближайшем секторе, однако пилигримы и беженцы — лишь капля в море имперских жизней. Затеряться среди этих миллиардов нетрудно.

Она знала, что с ними все будет в порядке, если не вмешается Инквизиция.

Октавия кивнула Марлоне,

устроившейся у противоположной стены трюма. Женщина кивнула в ответ и чуть напряженно улыбнулась. Хорошо, что она была с ними в эти последние месяцы. Кроме того, Марлону, как и Октавию, забавляло, что они трое все еще живы лишь потому, что легион — так или иначе — спас их. Довольно странный поступок для заклятых убийц. Даже после года с лишним, проведенного рядом с ними, Октавия их не понимала.

Ну, может, не считая Талоса.

Впервые за долгое-долгое время она позволила себе задуматься о будущем.

— Я тут подумала, — странным голосам сказала она.

Септимус поцеловал ее потный лоб.

— О чем?

— Как тебя зовут?

— О чем ты? — переспросил он.

— Ты знаешь, о чем я. О твоем настоящем имени. Как тебя звали до того, как ты стал седьмым?

— О...

Септимус улыбнулся, и, хотя темнота скрыла улыбку, Октавия

услышала смех в его голосе.

— Корет. Меня зовут Корет.

Эвридика — бывшая Октавия — покатала слово на языке, пробуя на вкус, а затем потянулась, чтобы ощутить вкус его губ.

— Корет, — сказала она, почти прикасаясь губами к его губам. — Приятно познакомиться.

Эпилог II
Месяцы безумия

[НАЧАЛО ФРАГМЕНТА]

...от вольного торговца «Тишина», что эльдары Сегментума Обскура называют этот день «Ночью Священной Печали», но не существует записей...

[КОНЕЦ ФРАГМЕНТА]

[НАЧАЛО ФРАГМЕНТА]

...лично докладывает о потере связи с представителями гильдии на тридцати семи планетах субсектора, девять из которых молчат до сих пор. Мы ожидаем отчетов от разведчиков и сил Имперского Космофлота на этом участке, но...

[КОНЕЦ ФРАГМЕНТА]

[НАЧАЛО ФРАГМЕНТА]

...больше не ведем торговлю в той зоне. Ходят слухи о штормах в варпе и буйных течениях. Ремонт судов не окупается. Навигатор «Ягo» ослеп...

[КОНЕЦ ФРАГМЕНТА]

[НАЧАЛО ФРАГМЕНТА]

...не получив подтверждений об этом «значительном скоплении сил Извечного Врага» на восточной границе, только глупцы способны ратовать за этот Крестовый...

[КОНЕЦ ФРАГМЕНТА]

[НАЧАЛО ФРАГМЕНТА]

...Голар, вторая планета одноименной системы, просто не пригодна более для обитания. Согласно последней официальной переписи, население столицы составляло четыре миллиона. Сильная тектоническая активность превратила город в...

[КОНЕЦ ФРАГМЕНТА]

[НАЧАЛО ФРАГМЕНТА]

...вот почему, если вы приглядитесь к архивным данным, то обнаружите флуктуации качества астропатической связи, вместе с серьезными...

[КОНЕЦ ФРАГМЕНТА]

[НАЧАЛО ФРАГМЕНТА]

...это бессмысленно. Скажите Механикус, что мы дважды просканировали этот регион, выбросив на ветер столько топлива и человеческих

жизней, что я затрудняюсь провести подсчеты с помощью когитатора...

[КОНЕЦ ФРАГМЕНТА]

[НАЧАЛО ФРАГМЕНТА]

...в районе одной из мертвых планет, но ни на одном из известных наречий Империума...

[КОНЕЦ ФРАГМЕНТА]

[НАЧАЛО ФРАГМЕНТА]

...Вирис колрата дат сетикара тех дасовалллиан. Солрутис ве за джасс...

[КОНЕЦ ФРАГМЕНТА]

Эпилог III
Пророк восьмого легиона

Когда люк со скрипом открылся, пророк поднял голову. Увидев стоявшего на пороге, он не удивился.

— Апотекарий, — сказал пророк без улыбки. — Приветствую.

Апотекарий отвел взгляд.

— Время пришло, — отозвался он.

Пророк встал, с удовольствием прислушавшись к гуду исправного доспеха.

— Полагаю, остальные уже ждут?

Апотекарий кивнул.

— Они присоединятся к нам по пути. Ты готов?

— Конечно.

— Тогда пойдем. Совет уже начался.

Пока они шагали по извилистым коридорам «Бича Солнца», с нижних палуб доносились стоны и крики. Пророк провел закованной в перчатку рукой по узорчатой стальной стене.

— Однажды ночью я заполучу такой же корабль, — сказал он.

— Ты сейчас предрекаешь, — спросил

апотекарий, — или просто надеешься?

— Надеюсь, — признался порок. — Но если нынешней ночью все пойдет хорошо, эта надежда, скорее всего, сбудется.

Они продолжали шагать под мерный грохот ботинок по палубе. Вскоре к ним присоединился третий. На нем были доспехи из такого же полуночно-синего керамита, но лицо его скрывал шлем в форме удлиненной рычащей демонической маски. Из глазниц стекали две дорожки слез, нарисованные красной и серебряной краской. Воин двигался на четвереньках, сгорбившись и следуя за ними, как верный пес.

— Вариил, — проговорил их новый спутник сквозь треск вокса, — я приветствую тебя, пророк.

Вариил не ответил, но пророк приветственно склонил голову.

— Люкориф, — сказал он, — ты встречался с остальными Кровоточащими Глазами?

— Да. Больше трехсот членов секты пришли на собрание. Я говорил с несколькими вожаками Кровоточащих

Глаз из других банд. Также присутствовали члены из дюжины других сект. Все хорошо. Думаю, эта сходка имела необычайно важное значение.

— Действительно.

Они шли дальше, направляясь вглубь корабля. Вариил время от времени проверял показания нартециума и подстраивал шкалы, исходя из известных лишь ему параметров. Пророк не пытался узнать, что у апотекария на уме. Вариил всегда держал свои мысли при себе — он был не из тех, кто нуждался в постороннем совете.

Вскоре к этим троим присоединились еще двое. Оба были облачены в громоздкую терминаторскую броню, однако их шлемы, украшенные рогами и бивнями, склонились в почтительном приветствии. На их витых наплечниках гордо красовался крылатый череп легиона.

— Малек, — произнес пророк, — Гарадон. Рад снова вас видеть.

— Не стоит благодарности, — ответил Гарадон.

На его плече лежал громадный боевой молот.

— Мы не могли не прийти, — добавил Малек.

Серповидные когти на его массивных латных рукавицах были втянуты в бронированные пазы.

— Не встречались с другими атраментарами? — поинтересовался раптор, теперь ползущий по потолку над ними.

— Возможно, после этого они присоединятся к нам, — отозвался Малек. — В нынешние времена выжившие бойцы первой роты мало что могут сказать друг другу. Наши встречи всегда заканчиваются поединками, в которых мы отстаиваем силу своих новых вождей.

— С культами творится точно то же. Как и с самими легионами. — Кажется, Люкорифа позабавила эта мысль. — Десятилетия в Мальстриме прошли для вас впустую, если вы действительно верили, что что-то изменится.

— Мальстрим, — хмыкнул Гарадон. — Любопытное предположение. Как же мало

ты знаешь, визгун.

Малек просто фыркнул, не желая спорить.

Малек и Гарадон пошли рядом с пророком, справа и слева от него. Эта троица толча маршировала по лабиринту коридоров. Вариил намеренно отстал. Пророк должен был войти в зал в сопровождении двух самых уважаемых атраментаров легиона. Аптекарий не собирался возражать.

Наконец они подошли к залу совета, расположенному в самом сердце корабля. Даже сквозь запечатанный люк были слышны крики и ругань.

— Они там орут или смеются? — прохрипел Люкориф.

— И то и другое, — ответил Малек, с силой распахивая дверь.

Небольшой отряд вошел в зал, присоединившись к одному из самых больших собраний командиров Восьмого легиона за десять тысячелетий.

Почти три часа пророк молча слушал. Он вглядывался то в одного, то в другого воина у центрального стола, внимательно изучая детали их брони, метки былых побед, боевую раскраску и истории, начертанные на керамите ожогами, вмятинами и царапинами.

Собравшиеся вожди и маги легиона были разобщены, как всегда. Многие из них призывали присоединиться, хотя бы временно, к набирающему силу крестовому походу Абаддона. Этот поход был тринадцатым по счету, и впервые Разоритель ставил перед собой действительно важную цель: нанести смертельную рану имперскому миру-крепости Кадия.

Другие требовали терпения и осторожности. Пусть Черный легион примет первый удар на себя, в то время как Повелители Ночи будут мародерствовать вдали от передовой.

Еще больше вообще не желало ничего

слышать об этом. Они отказывались присоединиться к Черному крестовому походу, невзирая на возможную добычу или на угрозу возмездия. Они давно оставили Долгую Войну и жили лишь ради той славы, что могли вырвать у Вселенной в грабительских вылазках.

Пророк не осуждал никого из них, невзирая на сделанный или выбор: храбрые или трусливые, мудрые или опрометчивые, все они были его братьями, к добру или к худу.

Обсуждение переключилось на планы отдельных атак. На то, какие флоты и где нанесут удары. На те обрывки тактических данных, которыми Разоритель счел нужным поделиться. И на то, как лучше использовать их для борьбы с Империумом или для того, чтобы предать Черный легион и поживиться за счет мнимых союзников.

Когда пророк наконец-то заговорил, он сказал всего одно слово:

— Нет.

Повелители Ночи замолчали не сразу. Несколько перепалок были слишком яростными и громкими, чтобы немедленно затихнуть. Но те, кто стоял ближе к пророку, с опаской взглянули на него. Вожди и их гвардия почета — у некоторых воины, у других терминаторы или рапторы — уставились с внезапным и холодным интересом на незнакомого им командира, который наконец-то заговорил. Пока что он даже не назвал себя, хотя многие из присутствующих узнали пришедших с ним воинов.

— Что ты сказал? — спросил ближайший из главарей, чью тираду оборвал пророк.

Пророк шагнул вперед, заняв место среди стоявших у стола.

— Я сказал «нет». Ты заявил, что одержишь триумфальную победу в грядущей битве у рубежа Алсира. Но этого не будет. Ты утрешь на борту своего флагмана, изувеченный и вопящий от

ярости. Твоей последней мыслью будет «Куда подевались мои ноги и правая рука?»

Вождь прошипел что-то гневное и оскорбительное сквозь вокалайзер шлема.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет, Зар Тавик. Я не угрожаю. Но я видел твою смерть. У меня нет причины лгать.

Названный командир натужно расхохотался:

— Нет причины? Возможно, ты надеешься удержать меня вдали от боя и сам завоевать победу.

Пророк кивнул, как будто соглашаясь:

— Я не желаю спорить. Для меня не имеет никакого значения, где ты умрешь.

Теперь над столом нависла тишина, всепроникающая, как дурной запах. Еще один из командиров, раптор в посеребренной броне, повернул к пророку демоническую маску наличника.

— И как же умру я, предсказатель?

Пророк даже не оглянулся на раптора.

— Ты умрешь здесь, капитан Калекс. Этой же ночью. Неверие станет последней твоей мыслью.

После секундного колебания когти Калекса сомкнулись на рукоятках его цепных мечей, вложенных в ножны.

— И откуда же ты зна...

Раптор грохнулся на спину, забрызгав кровью ближайших к нему воинов. Атраментар Малек опустил двуствольный болтер. У парных бронзовых пастей вился дымок.

— Как я и говорил, — улыбнулся пророк.

Те вожди, что стояли рядом с ним, теперь потихоньку пятились — одни из предосторожности, другие — чтобы вовремя вытащить оружие. Калекс был одним из немногих, пришедших на собрание без почетного эскорта. Никто не схватился за меч, чтобы отомстить за него. Вместо этого комнату затопило напряженное молчание, расходившиеся, как круги по воде, от пророка и его братьев.

— Многие из нас падут в грядущем крестовом походе, независимо от того, принесем ли мы клятву верности или останемся в стороне, — продолжил он.

— Лови момент... — прозвучал у него в

ухе голос Люкорифа.

Пророк указал на вождей, одного за другим.

— Дарджир, тебя предадут Несущие Слово на Высоте Корша, оставив в одиночку сражаться против имперских осадных войск. Йем Керил, ты найдешь смерть во время последнего приступа во время прорыва при Гризоне от рук Покорителей. После тебя командование примет твой лейтенант, Скаллика, который падет через три дня. Его «Лендрейдер» перевернет титан и уничтожат батальоны имперской гвардии. Ториэль Белорукий, легион будет считать тебя без вести пропавшим в варпе после того, как ты уйдешь отсюда, поклявшись никогда не носить «рабского клейма» Абаддона. Это недалеко от истины: при входе в варп на тебя нападет один из командиров Когтей, ты потеряешь управление и Море Душ захлестнет корабль.

Пророк называл все новые и новые имена, пока в списке не оказалась треть собравшихся воинов. Все они были обречены

погибнуть в будущем Черном крестовом походе или в попытке уклониться от него.

— Эта война дорого нам обойдется. Мы будем платить кровью и жизнями, ночь за ночью. Но наградой станет победа. Оборона Империума падет, и нам больше никогда не понадобится украдкой выскальзывать из Великого Ока или пробивать дорогу силой. Горло Империи будет навеки открыто для наших клинков. Вот что предлагает нам Абаддон.

— Он уже предлагал это прежде, — выкрикнул один из вождей.

— Нет, — прошипел Люкориф, — не предлагал. Остальные крестовые походы были просто походами. Разоритель покидал Око, чтобы нести безумие и ужас, как принято в Черном легионе. Но этот поход другой. Будет война. Мы сокрушим Кадию и после этого сможет свободно грабить Империум, когда и как нам заблагорассудится.

Пророк кивнул:

— Некоторые из нас на протяжении веков оставались братьями легиона. Другие остались Повелителями Ночи

лишь по имени, а третьи вообще отбросили цвета легиона. Я вижу, что некоторые вожди теперь носят собственные цвета и знаки различия. Они оказались достаточно сильны, чтобы оставить наши ряды и ступить на выбранный ими путь. Но всех нас объединяет то, что этот крестовый поход, Тринадцатое восстание, станет той войной, которой мы дожидались. Чем больше крови мы прольем в этих штормах, тем грандиозней будет наш триумф.

— Но столько смертей... — один из вождей почти выплюнул эти слова. — Цена высока, даже если ты говоришь правду.

— Я вижу все эти смерти в тяжелых и зловещих снах, стоит мне закрыть глаза, — сказал пророк. — Другие сны мне не снятся. Я вижу смерть каждого воина, в чьих жилах течет кровь Восьмого легиона. Так же как наш примарх знал, что обречен умереть, — и как наших магов мучат видения собственной гибели и гибели близких. Но моя душа прозревает... дальше. Планеты, на которых вы родились,

не имеют значения. Если нас связывает общее геносемя, тогда я видел ваш последний вдох. Если в ваших жилах течет кровь Восьмого легиона, я был свидетелем вашей смерти. По большей части это неясные, смутные видения, и любой поворот судьбы может их изменить. Лишь некоторые неизменны и повторяются в сотне снов — а значит, вам остается лишь подороже продать свою жизнь. И все же большинству это не грозит. Судьба не высечена на камне, братья.

Теперь в зале воцарилась тишина, настолько всепоглощающая и грозная, что ее можно было назвать величественной. Вариил и Люкориф подошли ближе, встав рядом с Малеком и Гарадоном. Пророк набрал в грудь воздуха и снова заговорил:

— Знаете ли вы, что представляет наибольшую угрозу в Последней войне Абаддона? Из-за чего мы можем проиграть? — спросил он собравшихся вождей.

— Мы сами, — одновременно пошутили несколько воинов.

Пророк подождал, пока смех утихнет.

— Как ни странно, на этот раз нет. Империум призовет могущественного союзника, тех, кого мы не сможем оставить за спиной. Вспомните, какая древняя свалка мусора угодила в вечную хватку Великого Ока? Какое прибежище ксеносовской мрази все еще держит оборону против Прозревших легионов?

— Ультве, — произнес один из вождей.

— Черные эльдары, — выкрикнул другой.

По залу прокатился возмущенный ропот, как и предвидел пророк. За многие тысячелетия Восьмой легион — как и все силы, базирующиеся в Оке, — потерял немало воинов и боевых судов из-за вмешательства проклятых эльдаров Ультве.

Пророк снова кивнул.

— Мир-корабль Ультве. Однажды, десятилетия назад, они пустились по следу десятой роты. Они охотились на десятую между звезд, одержимые желанием оборвать единственную жизнь, прежде чем сбудется пророчество. Но своей

цели они не достигли, хоть и никогда не узнали об этом. Их ведьмы и колдуны предвидели то, чего никак нельзя было допустить: будущее, в котором Пророк Восьмого легиона объединит своих братьев, чтобы обрушить на их драгоценный мир-корабль безжалостный шторм из пламени и ужаса. Эти создания, стоящие почти на грани вымирания, больше всего боятся злого рока. Вот где Восьмой легион нанесет свой первый удар. Вот кого мы атакуем первыми. Мы утопим умирающий мир эльдаров в крови и слезах его погибших сынов.

— А зачем нам это? — крикнул лорд Хемек из Ночного Крыла. — Почему мы должны проливать кровь эльдаров, когда орды имперских гвардейцев легко могут утолить нашу жажду?

— Месть, — возразил другой командир. — Ради отмщения.

— Мне не за что мстить эльдарам, — парировал Хемек.

На голове у него был великолепный шлем с символом легиона — крыльями из кобальта с черными прожилками.

— Все мы тешим старые обиды, но мои не имеют никакого отношения к Ультве.

Спор бушевал уже несколько минут. Пророк не вмешивался.

— Это выходит из-под контроля, — передал Вариил по закрытому вокс-каналу.

— Позволь мне самому разобраться, — ответил пророк.

Он поднял руку, призывая к тишине. Тишина наступила не сразу, но через некоторое время все замолчали.

— Я видел, как все вы умираете, — сказал он, — все вы. И все ваши воины. Этот жребий, возможно, предопределен судьбой, но и с судьбой всегда можно поспорить. Нельзя позволить эльдарам вступить в эту войну нетронутыми. Никто из вас не представляет, сколько из нас тогда погибнет. Восьмой легион избежит этих потерь, если прислушается к моим словам.

— Мои колдуны говорили о тех же дурных предзнаменованиях, — заявил один из вождей. — Их варп-зрение не столь надежно, какими когда-то были

пророчества Талоса, но в прошлом они неплохо мне послужили.

Ему в поддержку прозвучало несколько голосов. Очевидно, что на военных советах банд это обсуждалось не раз.

— И твое имя?.. — учтиво поинтересовался пророк.

— Кар Зорүл, из бывшей сороковой роты. По совету своих колдунов я уже планировал атаковать эльдар, как и несколько моих братьев из других боевых отделений.

Хемек не был убежден.

— Так ты пришел, чтобы предупредить нас об эльдарской угрозе?

Все или ничего, — подумал пророк.

— Эльдары — это угроза, нависшая над нами сейчас, — произнес он вслух, — но пришел я сюда не из-за них. Важно то, что будет потом. Некоторые из вас уже встречались с Абаддоном, а другие встретятся в ближайшие месяцы, когда крестовый поход наберет силу. Чтобы выжить, чтобы переломить хребет Империуму и дождаться последней ночи Императора, мы должны вступить в эту

войну, несмотря на свои опасения. В грядущем нас ждут великие дела, братья мои. Последняя Эпоха Императора близится к завершению, и с ней кончается Темное Тысячелетие. Время пришло, господа. Теперь, когда легионам и их войскам больше не надо будет искать укрытия в Великом Оке, мы ступили на порог окончательной победы.

Молчание длилось еще несколько секунд. Пророк улыбнулся под маской наличника — его речь заставила их задуматься. Он не ждал, что выиграет эту войну за одну ночь. Постепенно, медленно он перетянет их на свою сторону, предлагая совет и помогая избежать горькой участи.

— Говорили, — негромко сказал Ториэль Белорукий, — что Талос выжил на мертвой планете. Говорили, что Малек и Гарадон вернулись, чтобы встать рядом с ним, и вот мы видим этих заслуженных атраментаров среди нас. Сколько правды в этих рассказах, Вариил?

Вместо ответа апотекарий обернулся к пророку.

— Какая разница? — фыркнул лорд Дарджир. — С какой стати нам верить этому жидкокровому проходимцу? Я чую происходящие с тобой изменения, юнец. В тебе древнее геносемя, но созревало оно не в твоем теле. Ты лишь младенец, стоящий в тени богов.

— Вам не обязательно верить в то, что я сказал, — снова улыбнулся пророк. — Для меня и для моих братьев это не имеет значения.

— Так ты не Талос? Это не какая-то уловка?

— Нет, — ответил пророк. — Я не Талос, и это не уловка.

— Назови нам свое имя, — потребовал один из тех, кто не был перечислен среди обреченных на смерть в ближайшие месяцы.

Пророк облокотился о центральный стол, обведя всех собравшихся взглядом красных глазных линз. Его доспех состоял из мешанины деталей от разных комплектов и типов брони. На каждой пластине были выгравированы нестраманские руны. На нагруднике

виднелся символ аквилы, чьи распростертые крылья разбивал ритуальный удар молота. Через одно плечо был переброшен плащ из пожелтевшей от времени человеческой кожи, сшитой грубыми черными стежками. С пояса и наплечников болтались на бронзовых цепях черепа и шлемы имперских космодесантников, а на бедрах висело оружие: двуствольный болтер, исчерченный древними письменами, с выгравированным именем «Малкарион», и священный меч, похищенный у ордена Кровавых Ангелов неведомо сколько столетий назад. Его некогда золотой клинок выцвел до серебра — меч недавно перековали.

На наличнике его грубого, покрытого заклепками шлема был изображен череп, а выше вздымался элегантный гребень — церемониальные крылья легиона. Черные слезы зигзагами молний тянулись от глазниц, как будто потрескалась сама кость. Посреди лба цвета побелевшей от времени кости черным пятном горела одна-единственная нострамианская руна.

Пророк медленно, не делая резких движений, снял шлем, и собравшиеся увидели его юное, не отмеченное шрамами лицо. Темные глаза блеснули в тусклом свете зала совета. Их взгляд скользил от одного воина к другому.

— Меня зовут Децимус, — ответил Повелитель Ночи. — Пророк Восьмого легиона.

Благодарности

Как всегда, хочу поблагодарить моего редактора Ника Кайта за проявленное терпение — на сей раз в куда большей степени, чем требуют служебные обязанности. Также благодарю Лори Голдинг, Рэйчел Догерти и Никки Лофтус за острый взгляд и мудрые советы.

Часть дохода с продаж этой книги поступит в фонд Cancer Research UK и благотворительное общество SOS Children's Villages для сирот из Бангладеш.

Об авторе

Аарон Дембски-Боуден — британский писатель, начавший карьеру в игровой индустрии и настольных ролевых играх. Он написал несколько романов для Black Library, включая серию «Повелители Ночи», «Хельсрич» для цикла «Битвы Космического Десанта» и бестселлер газеты «Нью-Йорк Таймс» «Первый еретик» в серии «Ересь Хоруса». Он живет и работает в Северной Ирландии, прячась там от всего мира со своей супругой Кэти. В качестве хобби читает все, что шуршит, и помогает людям в произношении своей фамилии.